

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

X X I В Е К

Журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным в Москве в 1802 году
Возобновлен в С.-Петербурге М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году.
Возобновлен в 2001 году
Е.Т. Гайдаром, Е.Ю. Гениевой, В.А. Ярошенко

УЧРЕДИТЕЛИ

Виктор Ярошенко, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев, Владимир Мау,
Андрей Нечаев, Михаил Пиотровский, Лорд Джордж Робертсон,
Сергей Синельников-Мурылев, Михаил Федотов, Евгений Ясин

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Ярошенко

РЕДАКЦИЯ

Татьяна Щербина (заместитель главного редактора),
Григорий Ярошенко (фотография и специальные проекты),
Людмила Захарова (главный бухгалтер),
Александр Сергиевский (редактор, переводчик)

КОНСУЛЬТАНТЫ ЖУРНАЛА

Владимир Зелинский, Андрей Медушевский, Владимир Кантор,
Сергей Приходько, Мариэтта Чудакова, Яков Уринсон

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк),
Ольга Старовойтова (С.-Петербург), Наталия Исаева (Париж),
Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим),
Димитрис Триантафилидис (Афины)

ПАРТНЕРЫ

Журнал издается при финансовой поддержке и в сотрудничестве
с Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика»». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 05.06.2003 г. (Продлено до 02.07.2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер серия ПИ № ФС77-76068 от 19.07.2019 г.

Адрес редакции: 125993 Москва, Газетный пер. д.3-5. E-mail: info@vestnik-evropy.ru
Интернет-версия журнала: www.vestnik-evropy.ru В «ЖЗ» <http://magazines.gorky.media>

© «Вестник Европы XXI век»

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика».

Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора. Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Том LVI год 2021

РОССИЯ vs ЕВРОПА?

1 От редакции

Нам двадцать лет.
Из первого тома 2001 г.

- 2 **Е. Гайдар, Е. Гениева, В. Ярошенко** — из программы журнала с комментариями
3 **Отто Лацис.** Почему Россия не Китай. ВЕ №2, 2001 г.

РОССИЯ И ЕВРОПА

- 4 **Ольга Буторина.** Россия и Европа как взаимная мечта
5 **Константин Эггерт.** Европейская мечта, которой не было
6 **Денис Драгунский.** «Россия и Европа» как ложная проблема
7 **Андрей Колесников.** Немыслимый альянс. Опыт сотрудничества СССР с западными державами во Второй мировой войне: уроки для сегодняшнего дня
8 **Иван Курилла.** 75 лет Холодной войны
9 **Василий Гатов.** Об истории слов в Холодной войне

- 10 **Сергей Дубинин.** Россия как часть новой нормальности и европейского единства
11 **Марек Радзивон.** Польша: ценность компромисса
12 **Михаил Маяцкий.** Первый европеец и последний азиат

ЛИТЕРАТУРА

- 13 **Владимир Салимон.** Стихи
14 **Ольга Медведкова.** Пошли. Рассказ
15 **Антонио Табукки.** Мертвые за столом. Фестиваль. Два генерала. Рассказы, перевод с итальянского В. Николаева
16 **Кирилл Куталов.** Паразиты. Зачистка. Жертва. Рассказы
17 **Евгений Солонович.** Моя Италия. Переводы и стихи
18 **Артур Гранд.** Фэймоус энд рич. Рассказ
19 **Марианна Грубер** (Австрия). Стихи. Перевод с немецкого В. Колязина
20 **Александр Иличевский.** Эльмау. Рассказ
21 **Клаус Мерц** (Швейцария). Стихи и эссе. Перевод с немецкого В. Колязина

1600 лет Венеции

- 22 **Евгений Рашковский.** Serenissima
23 **Лев Лосев.** Где воздух «розоват от черепицы»...
24 **Говард Баркер.** «Сцены с места казни» или «Казнить нельзя... помиловать». Пьеса. Перевод с английского Александра Сергиевского.

ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА.

к столетию со дня рождения академика А.Д. Сахарова:

- 25 **Борис Альтшулер.** Гений: бомба, Вселенная, человеческое общество.
26 **Юрий Крохин.** Непротивление совести
27 **Алексей Конаков.** «Застой» и счастье. Эссе
28 **Александр Смолянский.** Реквием по мечте

КУЛЬТУРА

- 29 **Глеб Смирнов.** Священная война.

- 30 **Андрей Плахов.** В сторону и вглубь реальности.
31 **Дмитрий Макаров.** Современные композиторы — кто они?
32 **Нуне Барсемян.** Берлин, «примеры альтернативной русской культуры»: Вадим Захаров и Мария Порудоминская, Светлана Мюллер, Илья Гордон, Борис Филановский, Наталья Пшеничникова, Сергей Невский, Александра Филоненко, Ольга Романова, Сергей Воронцов, Александр Дельфинов.

хроника

- 33 Хроника

artes

- 34 **Фотопроект: Григорий Ярошенко** «ПРОЕКТ ЖД»

От редакции

Этот номер, по стечению обстоятельств — многоюбилейный и немного тревожный.

20 лет «Вестнику Европы» — в связи с чем републикуются манифест журнала из первого номера, написанный в 2001 Е.Гайдаром, Е.Гениевой и В.Ярошенко (неизменным главным редактором «ВЕ») и статья Отто Лациса, не утратившая своей актуальности.

75 лет старту Холодной войны — статьи двух специалистов: проф.Ивана Куриллы (СПб) и медиаэксперта Василия Гатова (Бостон) и три рассказа итальянского писателя Антонио Табуки, действие которых происходит в Берлине, Будапеште и Варшаве в те самые годы.

100 лет академику А.Д.Сахарову — и статья его биографа Б.Альтшуллера.

1600 лет Венеции — и два стихотворения о ней, Льва Лосева и Евгения Рашковского. В Венеции происходит и действие пьесы знаменитого британского драматурга Говарда Баркера, почти не известного в России, «Сцены с места казни».

Тревожность заключается в том, что Россия, как и наш журнал, 20 лет считавшая себя частью Европы, стала позиционировать себя как отплывающий от нее остров, и в этом году даже возникал вопрос о разрыве с Европой, несколько европейских стран были провозглашены «нежелательными», потому основная тема номера — «Россия vs Европа?».

Здесь статьи и эссе члена-корреспондента РАН, зам. директора Института Европы Ольги Буториной, политолога Константина Эггерта, писателя Дениса Драгунского, доктора философии Михаила Маяцкого (Лозанна), исследователя позднесоветской культуры и литературы Алексея Конакова, доктора экономических наук (и бывшего зампреда Центробанка) Сергея Дубинина, доцента Варшавского Университета (и бывшего директора Польского Культурного центра в Москве) Марка Радзивона, а также исследование Андрея Колесникова об истории «странного союза» Англии США и СССР.

Европе посвящены и многие другие тексты — венецианца, автора «новой религии» — артодоксии (от слова «арт») — Глеба Смирнова, кинокритика Андрея Плахова, о своей жизни в Берлине в интервью Нуне Барсегиан рассказывают переехавшие туда художники, писатели, композиторы, а о «новой волне», целой плеяде российских, хоть и живущих по всему свету, композиторов можно узнать из обзора Дмитрия Макарова.

Вспомнили мы и о наследии диктатур — советской (воспоминания Юрия Крохина о Вадиме Делоне) и германской — режиссер-документалист и переводчик Александр Смолянский раскопал потрясающую историю об одном нацистском сооружении.

В этом номере — большой раздел литературы. Помимо уже названных — рассказ парижанки Ольги Медведковой (в прошлом году вышел ее первый роман, написанный по-русски, «Три персонажа в поисках любви и бессмертия», публикуемый рассказ, надеемся, поразит читателя не меньше), рассказы лауреата «Большой книги» Александра Иличевского и журналиста Артура Гранда о европейских городах, три рассказа молодого писателя Кирилла Куталова на печально-актуальную тему (упомянутая вначале тревожность тут звучит крещендо) и стихи: Владимир Салимон, Клаус Мерц (Швейцария), Марианна Грубер (Австрия), переводы с итальянского и стихи об Италии Евгения Солоновича.

Фотопроект номера — Григорий Ярошенко.

Из Программы “ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ” XXI ВЕКА

Опубликовано в журнале
“Вестник Европы” № 1, 2001

Наш журнал выходит в свет в самом начале третьего тысячелетия христианской эры, в переломное, драматическое время — когда России, после целого века метаний и революций, придется наконец подтвердить свой цивилизационный выбор, сделанный еще Петром I. Решать историческую судьбу огромной страны выпадет новому поколению, родившему уже в эпоху перемен, которое строит (и имеет уже) свою шкалу ценностей.

Мы видим третий “Вестник Европы” как журнал цивилизационного выбора, мощного интеллектуального интеграционного порыва, диалога культур и поколений. Мы попытаемся создать европейский журнал, публикуя русские и иноязычные произведения в едином контексте. Нас будет интересовать развитие России как европейская проблема и развитие Европы и всего мира как проблема российская.

...Не без волнения предлагаем мы публике пробный номер нового журнала. Учредители “Вестника Европы” XXI века, конечно, понимают уровень заявленной претензии... Мы принимаем название “Вестник Европы”, как новому кораблю дают старое славное имя...

А цель с петровских времен исторически одна, но сегодня она выглядит уже

не как умозрительная философия, а как самый практический, политический (и остро актуальный) вопрос — как удержаться России в числе цивилизованных и развитых стран, совершить подвиг становления современной европейской страны. (Может быть, тогда, и только тогда, суждено нашей стране стать наконец самодовлеющей Россией.)

...Новый “Вестник Европы”, через двести лет после Карамзина, Пушкина и Чаадаева, — это уже, конечно, не тот, давний, миссионерский журнал европейской цивилизации в варварской и рабской России... Карамзин в 1802г. начинал с европейского дайджеста. В 1866 году петербургский профессор истории Михаил Матвеевич Стасюлевич начал издавать новый журнал “историко-политических наук” под забытым названием карамзинского журнала.

* * *

Мы думаем, что в современной России, все еще во многом варварской (а кое в чем даже и рабской), все-таки уже сформировались вполне серьезные общественные и культурные силы, дающие надежду на позитивную эволюцию общества и его победу над государственным

Левиафаном. Может быть, сюжет российской истории и состоит в вечной борьбе со Змием. Может, оттого так чтут у нас Победоносца.

Двадцатый век, казалось, навсегда разделил Европу в мировых войнах и последующем жесточайшем противостоянии. Но век закончился гибелью коммунистической системы, мощнейшим порывом народов к свободе и европейскому единению. Эти исторические тенденции пока что развиваются без достойного участия России.

Больше того, нашему обществу внушают, что российский порыв в Европу, характерный для начала 90-х годов, был ошибкой и ложным искушением, а достигнутые тогда эпохальные соглашения Россия–ЕС (Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, “Основополагающий акт Россия–НАТО”), в сущности, совершенно бессодержательны, что Россию в Европе никто не ждет, а если и ждут, то чтобы очередной раз унижить и обмануть.

В мелкой и ничтожной суматохе запоздалых имперских рецидивов пытаются противопоставить великому европейскому движению к объединению шаткие союзы с преступными и отверженными режимами.

Но, мы убеждены, движение России к европейскому единству неостановимо, имеет тысячелетнюю директорию и огромный запас хода.

...Мы убеждены в чрезвычайной важности и актуальности нашего проекта. Он не мог бы реализоваться в коммунистической России — а если мог, то только под поздне-брежневским лицемерным “Европа — наш общий дом”.

Европа не могла быть » общим домом «для свободных людей и империи рабов. Европа только и могла быть линией фронта между непримиримыми мирами. Общим домом она могла оказаться только после Освобождения России от коммунизма. В первые революционные годы ельцинской эпохи было много красивых, но так и увядших по разным причинам проектов.

И скоро выяснилось, что Россия совсем не в одно мгновение и не вдруг станет свобод-

ной и достойной страной. Что пройдут годы и годы, что потребуются труднейшая работа и долгая внутренняя борьба, чтобы идеи свободы, достоинства и закона наконец победили в России, как они (мы смеем думать) победили в Западной и Центральной Европе.

Поняв это, многие на Западе не смогли скрыть своего очередного разочарования Россией: она опять была виновата в том, что не оправдала чьих-то, пусть даже собственных, ожиданий.

“Вестник Европы”, нам думается, как идея стал актуален в начале после-ельцинской эпохи, в пору начавшейся ревизии результатов последнего десятилетия и уже проявившегося стремления многих демонтировать построенное при Ельцине несовершенное, несоразмерное и уж никак не классическое здание российской демократии. А заодно — тихо отобрать свободы (благо, многие ими и не дорожат), надежно и по возможности необратимо оторвать Россию от Европы, противопоставить ее миру, потому что только такой, отдельной и изолированной, как подводная лодка, страной можно править как вздумается.

Мы начинаем “Вестник Европы” именно теперь, когда внутри страны консолидируется, похоже, новая контрреформация и столь многие торопят приход нового периода патриотического изоляционизма.

Поэтому мы убеждены — пришло время нового “Вестника Европы” со всем магическим весом старого названия.

<...> Мы будем помещать российские и западные произведения в единый культурный и политический контекст. Мы надеемся, что эти тексты, а значит, и авторы, и мысли, и идеи, и стили, образные ряды, ментальности, будут взаимодействовать, резонировать, вступать в сложный и продуктивный диалог.

...Мы не хотим, чтобы Россия провалилась в трясины изоляционистской лжи, с ее картонными декорациями псевдовеличия. Мы должны выбраться из нашего изолята на широкий единый простор христианской цивилизации.

Мы хотим взаимодействовать с миром, мы хотим жить в нем.

<...> Но пришли иные времена: от одних иллюзий избавились мы, от других избавили нас. Мы поняли, что либерализм еще не завтра станет комплексом ценностей, которые объединяют российское общество. Мы не отказываемся ни от этих ценностей, ни от своих культуртрегерских претензий. Но время изменилось. Быстро уходит в прошлое эпоха Ельцина, зашаталась и ельцинская конституция, основа режима последнего десятилетия. Пришло время не новой политики — скорее, промежуточное время, между революцией и реальным строительством России.

<...> В России по-прежнему с повторяемостью сна прокручивается все тот же сюжет — поиск места в мире, места среди других стран и народов, проблема национальной самоидентичности и национальной задачи, иначе говоря — трансцендентная задача смысла России. Тема эта главная в том комплексе идей, которые обсуждаются русской мыслью последних двух сотен лет. Сегодня она стала актуальной политической темой предстоящих лет уже хотя бы потому, что изменилась диспозиция. Нехотя, медленно, но меняется в своем недовыборе Россия. Еще быстрее меняется мир, и особенно стремительно и тревожно от нас уходит — меняется Европа, становящаяся единым экономическим, политическим, правовым, ценностным, психологическим пространством, пространством ответственности и закона высокоорганизованного демократического общества. "Вестник Европы" в сегодняшней ситуации будет журналом напряженного культурного диалога, цивилизационного выбора — и уже только поэтому будет журналом политическим.

Новый "Вестник Европы" мы бы хотели видеть журналом свободного размышления. Российский журнал европейских ценностей не может не быть оппозиционным (не столько властям, сколько укоренившимся среди властвующих тенденциям, умонастроениям, мировоззрениям и идеологиям).

Мы видим "Вестник Европы" очень широким журналом — без наперед заявленного эстетического направления, философского дискурса или даже политического пристрастия. Наше пристрастие выражено в названии, много работавшем в России. Сейчас, по нашему убеждению, европейский интеграл может объединить очень многих людей, которые необъединимы ни по какому иному основанию.

Для нас Европа не райский сад, а вполне реальное пространство реальных людей, реальных проблем и живой культуры.

<...>

* * *

России нужна Европа — мы имеем в виду политическое целеполагание к всемерной интеграции и ...непременно связанные с этим растущая, здоровая экономика, высокий уровень производства, конкурентоспособная в условиях открытого европейского рынка экономика и высокий уровень социальной защищенности, образования, медицины, экологических и правовых стандартов, прав человека и этнических групп, гарантированных демократических процедур. Россия нужна Европе для строительства, в первую очередь, системы глобальной безопасности, стабилизации глобальных этнических и политических, религиозных процессов. Россия нужна Европе как недостающее — и ключевое — звено в цепи европейской демократической цивилизации. Россия не может быть оставлена "диким полем" по определению. Россия нужна Европе для осознания своей глобальной роли и глобальной ответственности, для перераспределения мировых центров силы и мировой политической и военной ответственности. С этими задачами мы начинаем наш журнал.

*Учредители журнала
"Вестник Европы" XXI века:
Егор Гайдар, Екатерина Генеева,
Виктор Ярошенко*

Февраль 2001 г.

© Архив "Вестника Европы", 2001 г.

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ КИТАЙ

Опубликовано в журнале
"Вестник Европы" № 2, 2001

Отто ЛАЦИС

Очень легко в наше время прослыть специалистом в экономике. Знания, аргументы, анализ — ничего этого не требуется, надо только заявить о неожиданном открытии, отменяющем все наскучившие заботы. К примеру, книга Андрея Паршева "Почему Россия не Америка" мгновенно стала бестселлером, хотя трудно представить себе более концентрированное собрание нелепостей. Автор провозглашает главным фактором, от которого зависит экономическое развитие, природные условия, а среди природных условий — теплый либо холодный климат. И выходит у него, что у России никаких шансов на успешное экономическое развитие нет, потому что климат слишком холодный, а значит, и хлопоты наших реформаторов оказываются совершенно лишними.

Даже самый неосведомленный читатель сообразит, что в таком случае Греция должна быть богаче Швеции, а Уганда богаче Канады — однако в жизни наблюдается обратное. Известно также, что, к примеру, затраты на охлаждение воздуха при жаре выше затрат на отопление при морозе — почему же именно холода должны сковывать рост экономики? Не только климат — вообще природный фактор никогда не был и не может быть главным для экономики в це-

лом. Конечно, его следует учитывать в конкретных решениях — не разводить ананасы в тундре либо северных оленей в тропиках, но в целом не природа все решает, а человек. Советский Союз, к примеру, имел более половины мировых площадей лучших в природе почв — черноземов, однако в последние свои годы стал крупнейшим импортером хлеба. Среди самих советских республик худшие почвенно-климатические условия имела Эстония — она же собирала и самые высокие в Союзе урожаи зерновых.

Подобным примерам несть числа. Российская природа заставляет при строительстве зданий нести дополнительные затраты на теплоизоляцию, зато японская природа требует затрат на повышенную сейсмостойкость, что явно дороже, а кроме того — и на отопление зимой, и на охлаждение летом. Это не помешало японцам стремительно обойти нас в экономическом развитии. Излишне добавлять, что Россия даже в нынешних, урезанных по сравнению с СССР границах остается страной, самой богатой в мире по запасам полезных ископаемых. И если это стало общепризнанной причиной нашей бедности, а не богатства, то виной тому не климатические причины, а социально-политические.

СЫТОСТЬ КРЕПОСТНЫХ

Почему же автор настаивает — и весьма агрессивно — на откровенно нелепых утверждениях? Потому что у него есть политическая цель, по отношению к которой все разговоры о климатических бедствиях России — не более чем маскировка. Он не любит рыночные реформы, призывает отказаться от рыночных ориентиров и вообще вернуться к политике самоизоляции, словно забыв о том, что именно она и привела Россию к нынешнему кризису. Утробная реакционность его экономических воззрений особенно ясно проступает, когда он начинает восхвалять хозяйственную систему сталинских времен, — и уж тут его фантазия не знает удержу. Чего стоит хотя бы утверждение, будто "И.В.Сталин был рыночником, грамотным и последовательным".

Впрочем, тут скорее не фантазия, а позиция. Паршев рассуждает о снижении цен в послевоенные годы, утверждая, что "благодаря высочайшей квалификации сталинских экономистов удавалось рассчитывать цены таким образом, чтобы и товарного дефицита не было, и не оставалось непроданного товара", и при этом "удалось рыночные цены сбить — не указами, а выпуском продукции на государственных предприятиях". Было бы даже странно, если бы такое обширное собрание мифов не включало одной из главных сказок — о товарном изобилии при сталинских снижениях цен. Посему стоит вспомнить некоторые подробности, относящиеся к тому времени.

Разговоры об отсутствии дефицита в те годы — не вранье, а наглое вранье. В достатке было в государственной торговле только продовольствие и только в Москве, Ленинграде, Киеве и закрытых городах. В прочих было то, что прекрасно описано у Валентина Распутина в "Уроках французского" — художественном произведении, представляющем собой одновременно точнейший социологи-

ческий очерк. Даже в Риге — не привилегированном, но полупривилегированном городе — я помню бесконечные очереди за маслом и сахаром. Однако и в Москве люди годами стояли в очереди за швейной машинкой, телевизором, автомобилем — все это, разумеется, в отечественном исполнении, об импорте и не слыхивали. Целые категории известных в мире товаров — к примеру, холодильников — в СССР сталинского времени вообще не появлялись, многолетние очереди за ними выстроились только в хрущевское время. Нечего и говорить о главном дефиците — дефиците жилья. Даже в Москве комната в коммуналке в доме с удобствами была пределом мечтаний — большинство жили в бараках, в домах без удобств. Тем не менее, повторю, еды в московских магазинах тех лет, когда шли снижения цен, — с 1948-го по 1954-й — хватало. Как это достигалось?

За счет феодальной — если не сказать рабовладельческой — эксплуатации крестьян. Прежде всего, у колхозов отбирали за символическую цену практически всю продукцию общественного хозяйства, в котором крестьяне работали "за палочки". Затем отбирали и значительную часть продукции личного подсобного хозяйства, владелец которого обязан был заплатить денежный налог, натуральные налоги (молоко, яйца, мясо, масло, кожа — телячью шкуру в год со двора отдай, даже если нет коровы), обязан был подписаться на заем. Денег на заем и налоги взять было неоткуда, поскольку денежную зарплату в колхозах ввели только при Брежневле. Значит, надо было, не думая о голодных детях, свезти еще часть продукции личного подворья на рынок. Благодаря этому в районных центрах и малых городах на колхозных рынках товара было много, он был дешевым, а государственная торговля могла снять с себя заботу об этих городах. Ну а для того, чтобы крестьяне не бежали от такой жизни, их лишили паспортов. Эти документы, без которых в нашей стране шагу не ступить, колхозникам выдали только при Хрущеве.

Три четверти населения — крестьяне и жители непривилегированных городов — жили впроголодь, несколько миллионов узников ГУЛАГа и о такой жизни только мечтали, но в избранных центрах еда по низким ценам в магазинах присутствовала. И с учетом последнего факта следует признать, что экономисты, выстроившие такую систему, понимали законы рынка, в отличие от более поздних советских правителей. Но их экономическая грамотность была сродни специфической грамотности грабителя, который знает, как правильно вспарывать чужие кошельки.

Сталинское злодейство неповторимо, несмотря на то, что Паршев называет его "системой, которая работала". В наши дни такую систему не выстроить. А потому идеи Паршева, за которыми, как их ни приукрашивай, стоит именно такая система, являются не более чем реакционной утопией. Однако популярность крикливой книжки показывает, что тяга к экономической мифологии далеко не изжита. Поэтому заблуждения менее очевидные могут укорениться в общественном сознании всерьез и надолго, могут даже становиться основой государственной политики. Один из самых типичных примеров — легенда о желательности и доступности для России повторения "китайского чуда".

СЕКРЕТЫ НЕ НАШЕГО ЧУДА

Наличие самого "чуда" сомнений не вызывает. Два десятилетия экономический рост в Китае держится на уровне, близком к 10 процентам в год. На протяжении жизни одного поколения валовой внутренний продукт увеличился в пять раз — этого вполне достаточно для того, чтобы страна преобразилась неузнаваемо. Из аутсайдера мировой экономики Китай превратился во вторую индустриальную державу мира и в обозримом будущем выйдет на первое место по общему объему производства. Пекин, который по условиям жизни боль-

шинства населения еще недавно не дотягивал до Москвы двадцатых годов, сейчас напоминает Москву шестидесятых — эпохи массового строительства "хрущевок". Оценить этот переворот по достоинству может тот, кто видел традиционную пекинскую улицу — не с "удобствами" во дворе, а с одним "очком" на целый квартал, на улице. Средний уровень жизни в Китае поднялся примерно до половины российского — за этим стоят и сотни миллионов людей, живущих в прежней нищете, в особенности в глубинных районах китайского Севера и Запада, но за этим и специальные экономические зоны, где средние заработки, пожалуй, выше, чем в любом российском городе.

В России бытуют разные версии относительно происхождения "китайского чуда". К примеру, идеологи из тех, кто воспитывают народ со страниц "Советской России", ставят на первое место то обстоятельство, что в Китае реформами руководит Компартия и осуществляются они в рамках социалистического строя.

Насчет партийного руководства ответ прост: не могла наша КПСС руководить рыночными реформами по той простой причине, что ее руководящий аппарат был их непримиримым противником. Склонявшегося к этим реформам Горбачева его собственные подчиненные объявили предателем и свергли. Ну кто виноват в том, что Зюганов — не Дэн Сяопин!

Вопрос о социализме несколько сложнее прежде всего потому, что никто, по сути, не знает, что это такое. Как ни тужились создатели сталинской политэкономии социализма, собственного общепринятого и непротиворечивого определения социализма родить не смогли. Наиболее распространенная версия сводится к тому, что это есть строй общественной собственности на средства производства. Но определение самой общественной собственности в рамках научного марксистского подхода остается загадкой. Самые ретивые сторонники социализма вслед за Сталиным объявляли кооперативную собственность второ-

сортным видом общественной собственности, подлежащим в будущем переводу в разряд государственной (что и осуществлялось в СССР довольно быстро). Общественное отождествлялось с государственным. Проблема, однако, в том, что само государство Карл Маркс считал не чем иным, как частной собственностью бюрократии, — и вся повседневная практика советского "социализма" подтверждала это абсолютно неопровержимо. Потому и погиб этот строй, что такая форма собственности — корпоративная собственность чиновничьего слоя — была неэффективна, ибо не устраивала не только эксплуатируемые массы наемных работников, но и саму бюрократию, жаждавшую превратить корпоративную собственность в личную. Что и было ей в итоге позволено (не в этом ли секрет бескровного характера новейшей русской революции?).

В реальности, а не в иллюзиях и обещаниях, существует лишь один социализм: строй и политика, соблюдающие в развитии производства приоритет социальных целей, приоритет общего благосостояния. Такой расплывчатый социализм в большей или меньшей мере реализуется в отдельные периоды в ряде наиболее богатых стран Европы и Америки. Если принять такое представление о социализме, то надо признать, что Китай пока довольно далек от него просто потому, что это в целом еще бедная страна. Учтем и то, что границы социально ориентированной социально-экономической политики определяются не только количественно, то есть не только объемом материального потребления. Такая политика предполагает, кроме того, приоритет личного перед государственным, избыточность личных прав и свобод. Китайская политическая традиция пока совсем иная, рядовой человек для нее значит очень немного.

Помню такой эпизод. Последняя моя поездка в Китай, состоявшаяся пять лет назад, была организована с помощью коллеги — китайского журналиста, работавшего в Москве. Маршрут включал посещение Шэньчжэня — едва ли не самой знаменитой из специальных эко-

номических зон. Этот трехмиллионный город, выросший за пятнадцать лет из рыбацкого поселка на границе с Гонконгом словно специально для того, чтобы достойно представлять континентальный Китай к моменту, когда Гонконг вернется в лоно отечества, поражает не только 80-этажными зданиями и тысячедолларовой средней зарплатой жителей. В основе его экономики — индустрия высоких технологий. На заводе персональных компьютеров в цехе, именуемом "чистой комнатой", где работают с микроскопическими деталями, я спросил: ну уж здесь-то второй смены нет? Здесь есть и третья смена, ответили мне. В коридоре у дверей отдела кадров стояла стайка новобранцев — 17–18-летних мальчишек и девчонок. На лицах — ожидание счастья: попасть в Шэньчжень считается великим везением. Денежные переводы из их зарплаты будут целым состоянием для огромных семей в деревне. "Многие из них бегут отсюда через два-три года: не выдерживают ритма труда на заводе", — сказал мне сопровождающий.

На обратном пути проезжали квартал общежитий — огромных зданий, похожих снаружи на большие студенческие общежития в Москве. Я спросил, нельзя ли туда заглянуть. "Нельзя, — ответили мне, — это хозяйство фирмы, разрешить может только она". — "А какие там условия?" — "У разных фирм по-разному", — ответили мне. В Москве, работая над материалом для газеты, я наткнулся на тасовскую информацию о пожаре в рабочем общежитии в Шэньчжэне, при котором сгорели 19 человек. Поколебавшись, я включил ее в материал, в целом весьма положительный: мне действительно понравилось увиденное в Китае. Через несколько дней китайский коллега, организовавший поездку, пришел оживленный и рассказал о большом успехе моей статьи: ее с сокращениями перепечатала главная партийная газета "Жэньминь жибао", что считается большой редкостью. Я спросил, не обидело ли хозяев упоминание о пожаре и девятнадцати сгоревших. "Подумаешь, — ответил собесед-

ник. — В прошлом году был пожар — сгорели двести человек".

После освобождения от безумств, которые творила "банда четырех", в Китае начиная с 1980 года утвердилась прагматическая экономическая политика, направленная не на идеологические цели, а на решение конкретных проблем. Политика стала адекватной реальным условиям, существующим в Китае, — вот и весь секрет "чуда". Сами подобные условия, между прочим, сегодня не существуют в России. Дело в том, что Китай — более молодая индустриальная держава, чем Россия. Он, в отличие от нас, не исчерпал самые доступные — экстенсивные — источники экономического роста. Главный из этих источников — трудовые ресурсы. Простой переход одного работника из сельского хозяйства с его преимущественно ручным трудом в промышленность повышает производительность труда работника (его вклад в производство валового внутреннего продукта страны) в несколько раз. Трудно придумать более сильный фактор роста, чем этот переход.

В России массовый исход из деревни в город начался в конце девятнадцатого века и в основном завершился в шестидесятых годах двадцатого века. Именно в этот период (за вычетом времени войн и некоторых коммунистических экспериментов) в России (или в Советском Союзе) отмечался экономический рост не менее быстрый, чем в Китае последнего десятилетия. В начале двадцатых годов, когда действие этого фактора соединялось со специфическими особенностями восстановительного периода, промышленный рост в СССР достигал 40 процентов в год.

Массированная индустриализация Китая, способная дать аналогичный эффект, началась в середине двадцатого века, но с конца пятидесятых годов до конца семидесятых политика "большого скачка" и "великая пролетарская культурная революция" больше разорвали экономику, чем способствовали ее росту. Особенно губительной оказалась система "народных коммун", лишившая стимулов к труду боль-

шинство населения страны — сотни миллионов крестьян. Начиная с 1980 года отказ от народных коммун в деревне и постепенный перевод на рыночные рельсы всей экономики обеспечили элементарную адекватность экономической политики требованиям и условиям развития. К этому добавился такой уникальный фактор, как огромные инвестиционные возможности зарубежных, прежде всего гонконгских, китайцев, эти возможности были также разумно использованы, в том числе и посредством создания специальных экономических зон.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЛОЩАДИ ТЯНЬАНЬМЭНЬ

Особая тема — политическое развитие Китая эпохи Дэн Сяопина. Этот несомненно мудрый вождь соединял либерализм в экономике с идеологической жесткостью и отсутствием политической демократии европейского типа. Символом этой политики стали события 1989 года на площади Тяньаньмэнь. Соединение экономического либерализма с политическим авторитаризмом лежит в основе наиболее правдоподобной и убедительной, а потому и наиболее живучей версии о причинах китайских успехов. Значение этой версии для России определяется ее притягательностью для нашей бюрократии: вот обеспечим народу сытость без лишних свобод — и избавимся от всех проблем. Может быть, оно бы и лучше для народа: проще, надежнее, чем эта морока с демократическими реформами, не давшая ясных результатов за целое десятилетие?

Попробуем ответить на два вопроса: возможно ли применить такую модель в современной России и может ли это быть хоть в чем-то полезным для России?

Кажется очевидным, что в современной индустриальной стране, то есть в стране с более или менее образованным населением, невозможно длительное время культивировать авторитарную политическую систему, опираясь только на насилие. Даже такая крайняя

степень подавления личности, какая была достигнута в сталинском государстве, держалась не только на насилии. Нужна была еще какая-то морковка — если не для всего населения, то для достаточно значительного политически влиятельного меньшинства. В том числе и знаменитые сталинские ежегодные снижения цен рассчитаны были, и весьма точно, на привлечение на сторону власти политически влиятельного меньшинства — населения столиц и городов оборонной промышленности — за счет эксплуатации распыленного и политически бессильного большинства — крестьянства. Когда крестьянство утратило положение большинства, за счет ограбления которого можно было обеспечить привилегированное положение меньшинства, стала невозможной и политика, опиравшаяся на декретные снижения цен.

Политика времен Хрущева и затем Брежнева, никак не менее авторитарная, чем политика современных властей Китая, также не ограничивалась такими действиями, как новочеркасский расстрел при Хрущеве и "перевоспитание" диссидентов психушками и особыми зонами при Брежневе. Эта политика включала, во-первых, неустанную пропаганду будущего благосостояния в грядущем коммунистическом обществе и, во-вторых, постоянное повышение уровня материального потребления. Эта политика рухнула тогда, когда не оказалось ресурсов для роста уровня жизни и тем самым была подорвана также надежда на пришествие коммунистического рая.

Современный Китай дает своим гражданам куда более ощутимые доказательства того, что политика властей определяется заботой о благе народа. Рядовому китайцу даровано не только стремительное повышение уровня материального потребления — ему дано и неизмеримо больше личной свободы, экономической и политической, чем это было на памяти нынешнего поколения, в 50–70-х годах. Кошмар "культурной революции" означал не только мучения интеллигенции. Политическая система тех лет также лишала малейших воз-

можностей проявления личности самый многочисленный класс: крестьянство, загнанное в концлагеря по имени народные коммуны. Нынешняя система, освободившая китайский народ от этого ужаса, означает для него гигантский прогресс не только экономический, но и политический — и нужды нет, что она дает китайцу меньше свобод, чем имеется у американцев или французов. Она дала китайцам больше свобод, чем было когда-либо у китайцев. Когда-нибудь эта система исчерпает свой естественный ресурс — экономический и политический, — и тогда, возможно, нашего великого соседа ожидают великие потрясения. Но это произойдет нескоро.

Теперь представим себе, что кто-либо попытался выстроить в России нечто подобное политическому строю, существующему в Китае. Если для китайца этот строй означает великий прогресс, то для россиянина он означал бы очевидный регресс, да еще в условиях наших экономических трудностей, отсутствия ощутимого роста благосостояния. Ясно, что из этого ничего не получится, внедрить авторитарную систему "китайского" типа в России невозможно.

И не нужно. Просто нет разумных причин для того, чтобы стараться избегать нормального демократического развития. Да, демократия — трудоемкий и сложный способ управления. Она содержит немало опасностей и возможностей злоупотребления со стороны государства — наша история содержит особенно много доказательств этого. Но ее недостатки и опасности также в решающей степени связаны со стадиями роста общества.

Следует признать, что сталинская система, представлявшая собой крайнюю степень подавления свободы и демократии, находила мощную опору в жизненных представлениях и стремлениях значительных народных масс. Октябрьская революция — от взятия Зимнего до разгона Учредительного собрания, — представлявшая собой в правовом отношении военный переворот, совершенный небольшой груп-

пой вооруженных людей, опиралась в то же время на массовые народные движения, в первую очередь крестьянские. Вожди Октября в полной мере использовали анархистские, антигосударственные настроения огромных демократических масс, особенно в армии, — иначе они просто не могли бы победить. Реквизиции хлеба и национализация в пору "военного коммунизма", а позднее раскулачивание в ходе коллективизации опирались на массовые левеллерские настроения деревенской бедноты. Репрессии тридцатых годов сопровождались массовыми митингами с требованиями смертной казни для людей, которых участники митингов в глаза не видали. В еще большей степени то же самое относится, видимо, к Китаю времен правления Мао. Хунвэйбины, использованные как инструмент репрессий против интеллигенции и части партийно-государственных кадров, представляли собой, несомненно, массовое демократическое движение.

Развитие демократии, как и все историческое развитие, проходит свою эпоху варварства. Эта варварская демократия при неумелом использовании, а тем более при сознательном злоупотреблении легко может быть использована для подавления свободы и насаждения диктатуры. На деле очень часто именно так и происходит — примером тому не только Россия и Китай. Чего стоит хотя бы история кубинской революции, начинавшейся с победы самого демократического движения над самой мрачной диктатурой. Однако условия, при которых демократия может стать отрицанием демократии, не являются постоянными и неизменными. Усиление или ослабление этих условий прямо связано со стадиями цивилизационного развития.

ФОРМАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Мы редко обращаем на это внимание, потому что российское политическое сознание, на первый взгляд пронизанное отрицанием надоевшего марксизма, на самом деле до сих

пор по-настоящему не владеет иными методами анализа общественного развития, кроме марксистских. Мы отбросили скорее то, что есть в марксизме разумного и научного, сохранив все его недостатки. В том числе один из самых существенных: преувеличение формационного анализа развития и пренебрежение цивилизационным анализом. Этот недостаток, свойственный самому Карлу Марксу лишь отчасти, страшно разросся в сталинистском варианте "марксизма" и ни в малейшей степени не преодолен современным политическим сознанием. Совершен лишь самый примитивный ход: перемена знака. Раньше мы говорили, что капитализм — это плохо, а социализм — хорошо. С августа 1991 года социализм представляют в глазах общества плохим, а капитализм — хорошим. Малая надежность и малая полезность такого переворота в сознании подтверждена уже тем, что при первых трудностях в "капиталистическом строительстве" стали снова звучать голоса, утверждающие, что социализм — это не так уж плохо. Мы обречены ходить по этому заколдованному кругу до тех пор, пока не поймем всю степень условности формационного анализа вообще. Он полезен при научном исследовании характера существующих отношений, но теряет всякий позитивный смысл, как только превращается в инструмент политического планирования, в средство постановки задач развития.

Впрочем, и при простом исследовании имеющегося строя формационный анализ может повести к глубочайшим ошибкам в случае одностороннего увлечения им. В частности, при изучении и оценке развития России в двадцатом веке увлечение формационным анализом привело к полному игнорированию цивилизационных процессов, которые на самом деле были и остаются едва ли не более важными в реальной жизни, чем формационные.

Любопытный факт: в сотнях сочинений, присылаемых школьниками старших классов на конкурс работ по истории, проводимый обществом "Мемориал", ясно выступают

на первый план два главных в глазах подростков события народной жизни в минувшем веке: коллективизация и Великая Отечественная война. Народное сознание определенно расходится с официальной доктриной, насаждавшей в течение почти всего столетия представление о том, что важнейшим событием не только отечественной, но и мировой истории была Октябрьская революция (кстати, таков и распространенный взгляд, насаждаемый в наши дни, лишь с обратным знаком: будто бы это важнейшее, но отрицательное событие).

Необходимое уточнение: в данной статье в качестве основного критерия цивилизации рассматриваются не религиозно-национальные, а демографические обстоятельства. Соответственно если большинство населения заняты собирательством, охотой и рыболовством — это первобытная цивилизация, если большинство составляют крестьяне — аграрная, за ней следует индустриальная, потом — постиндустриальная. Определенная взаимосвязь между сменой цивилизаций и общественных формаций, конечно, существует: трудно, например, представить себе рабовладельческий строй в условиях постиндустриальной цивилизации. Но эта взаимосвязь не является жесткой. Во всяком случае, смена цивилизаций и смена формаций не обязательно должны совпадать во времени. С Россией двадцатого века такое совпадение случилось, и это, вероятно, усугубило тяжесть постигших ее потрясений. Однако при оценке важнейших событий, важнейших социально-экономических, культурных и политических процессов и явлений мы умудрялись почти не замечать цивилизационный фактор, хотя он на самом деле влиял на нашу жизнь сильнее, чем что-либо другое.

“Социалистическая индустриализация” — говорили мы, и все, что сопутствовало этому процессу, связывали исключительно с социализмом — будь то добро или зло. Между тем, индустриализация неотвратимо происходит рано или поздно во всех странах совершенно независимо от того, считают ли они себя социалисти-

ческими или нет. И основные характеристики этого процесса определяются не политическими устремлениями государства, а демографическими процессами.

Массовый переход населения из сельского хозяйства в промышленность резко повышает производительность общественного труда, и в период этого перехода повышаются темпы экономического роста — об этом сказано выше.

Индустриализация и урбанизация резко ускоряют развитие современных средств связи и транспорта, ускоряют развитие образования, науки и культуры.

Индустриализация повышает оборонный потенциал страны и, соответственно, оказывает большое влияние на ее внешнеполитические возможности.

Урбанизация делает преобладающим в стране городской тип семьи, которому соответствует в корне отличный от сельского тип воспроизводства населения. Следствием этого являются длительные процессы снижения среднего возраста, падения рождаемости, старения населения и в конечном итоге — неизбежное сокращение темпов роста населения вплоть до периодов “отрицательного естественного прироста”.

Урбанизация и сопутствующие ей культурные процессы неизбежно влияют на политическое развитие, создавая в общем более благоприятные условия для развития демократии.

Однако мы по привычке склонны пропускать мимо ушей цивилизационные обстоятельства. Индустриализацию привыкли рассматривать прежде всего не как объективный этап развития всех стран, а связывать исключительно с социализмом и плановым хозяйством, для чего пришлось внести немало поправок в фактическую картину исторического развития. Забыть, например, о том, что массовая индустриализация в России началась не на рубеже 20–30-х годов двадцатого века, когда появились пятилетки, а в конце девятнадцатого века, при капитализме — и темпы экономического роста тогда были ничуть не ниже, чем

при “плановом хозяйстве”. Разумеется, забыли и о том, что успехи социалистической индустриализации были не столь велики и не столь однозначны, как это изображала советская пропаганда. Первая пятилетка не была выполнена за 4 года и 3 месяца, как нас учили в школе, она вообще была не выполнена, а с треском провалена, хотя и сопровождалась значительным промышленным ростом. За этот рост было заплачено не только деградацией сельского хозяйства, но и миллионами человеческих жизней.

Одной из составляющих чрезмерно высокой социальной цены “социалистической индустриализации” стали и диспропорции в составе населения, породившие долговременный демографический кризис, который Россия сейчас переживает и еще долго будет переживать. Современная пропаганда “левых” связывает и этот кризис исключительно с формационными обстоятельствами: вся беда будто бы в том, что отказались от социализма — потому и дети не рождаются как надо. На самом деле основной фон этого кризиса составляют вековые демографические процессы: рождаемость падает уже около ста лет именно вследствие перемещения большинства населения в город. Это в общем нормальное сокращение рождаемости приобрело кризисные формы вследствие специфических обстоятельств российской индустриализации: именно искусственное ускорение ее (наряду с войнами и массовыми репрессиями) стало важнейшей причиной нарушения нормального демографического развития.

ОТОРВАННЫЕ ОТ ЗЕМЛИ

Разберемся с терминами: что считать нормальным, а что — отклонением от нормы. Представляется логичным идти от человека, от представления о типе культуры, складываемся под влиянием цивилизационных перемен. Русская и западная классическая литература сказала об этом так много, что, кажется, уже нечего прибавить. Но художественная литерату-

ра и запутала вопрос до невозможности. Одних писателей умиляет “пейзанин”, другие пишут об “идиотизме деревенской жизни” — то и другое с равной степенью убедительности. Максим Горький преуспел в мастерском обличении как сельского человека, так и городского. Среди описанных им “свинцовых мерзостей русской жизни” явно преобладают мерзости городские, но одного рассказа “Вывод” достаточно, чтобы вполне уравновесить их жуткими представлениями о деревне.

Если от эмоциональных писательских картин перейти к более или менее научным оценкам социологов, то, пожалуй, можно найти немало аргументов в пользу того, что сельский человеческий тип, в общем, симпатичнее городского. Сельский быт без специальных педагогических усилий обеспечивает трудовое воспитание: весной не посеешь, осенью не пожнешь — зимой будет нечего есть. Сельская семья, многодетная и многопоколенная, стихийно решает сложные проблемы полового воспитания, даже не замечая их. Замкнутый мир сельской общины обеспечивает неотвратимость нравственного суда: все всё обо всех знают и выносят свое суждение о поведении каждого. Неценимо также воздействие близости к природе на формирование личности сельского человека.

Город дает политический и культурный кругозор. Город освобождает от рутинного физического труда, от постоянной привязки к подворью — скотине, огороду, освобождая время для развития личности. Если сельская жизнь веками ходит по кругу, то городская открывает простор для прогресса.

Бесполезно и бессмысленно рассуждать о том, какой тип человеческой культуры — сельский или городской — выше, полезнее, человечнее и т.п. Они разные и в равной степени ценные — каждый на своем месте. Проблемы начинаются тогда, когда они оказываются не на своем месте. С горожанами это случается редко, в порядке исключения, а в массовом порядке — только в случае общенациональных катаклизмов, например, тогда, когда они пре-

вращаются в беженцев или эвакуированных в случае войны. А вот массовое перемещение сельских жителей в город — преобладающая закономерность периода перехода от аграрной цивилизации к индустриальной, периода индустриализации. Помимо двух типов культуры — сельской культуры в деревне и городской культуры в городе, — появляется третий: городской житель сельского происхождения.

В этом третьем случае природные преимущества сельской культуры либо становятся бесполезными и утрачиваются, потеряв почву, либо превращаются в недостатки. Например, естественный универсализм сельского работника, который знает все в окружающем его мире — он и пахарь, и ветеринар, и плотник, и шорник, и каменщик, и лекарь, — дезориентирует его в городе, где специализация гораздо более глубока, знать все невозможно, а он по-прежнему полагает, что способен всё охватить. Отсюда самоуверенность советских вождей, полагавших, что они способны учить крестьян, как пахать, учить рабочих, как класть бетон и резать металл, учить поэтов, как слагать стихи, учить художников писать картины, учить генетиков, кибернетиков, военных — кого угодно. На самом деле новая культура — будь то городская для крестьянина или сельская для горожанина — более или менее полно усваивается лишь теми, кто живет в этой культуре от рождения, то есть не раньше, чем в следующем поколении после переезда, скажем, бывшего крестьянина в город. Сам же переселенец оказывается человеком без корней, без настоящей культуры. Московский "лимитчик" или, еще хуже, архаровец из распутинского "пожара" — вот типичная фигура советского городского маргинала.

Именно городской маргинал стал главной политической опорой Сталина на его пути к безграничной власти. Не поняв это, невозможно объяснить, как смог Сталин уничтожить революционную старую гвардию, включая основные кадры армии и органов безопасности. Ведь первые шаги к абсолютной власти могли быть только демократическими по форме. Бы-

ла изначально "диктатура пролетариата", была диктатура единственной в стране партии, но внутри самой партии первые годы существовала демократия, победа над политическими противниками достигалась голосованием на съездах и пленумах. Противники — Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев — превосходили Сталина в интеллектуальном отношении, имели за плечами более солидные революционные заслуги, имели более значительный авторитет в партии. Бывало — особенно в 1928 году, во время борьбы с Бухариным, — Сталин оказывался на волосок от поражения. Но это было при голосованиях на пленумах ЦК, где действовала демократия для партийной элиты. В конечном счете победу Сталину обеспечила демократия для партийной толпы. А толпу эту он создал сам, своими руками.

МАРГИНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Вспомним, чем была Россия начала двадцатых годов — того времени, с которого стартовало строительство социализма. Значительная часть прежней правящей элиты общества погибла в войнах — мировой и гражданской. Еще полтора-два миллиона образованных людей выброшены в эмиграцию. Большинство оставшихся обречены находиться на обочине политической жизни: это "лишенцы", по терминологии того времени, то есть лица, лишённые значительной части гражданских прав как представители бывших эксплуататорских классов. Объективно — даже независимо от специальных усилий власти — ведущей политической силой становятся рабочие.

Что они собой представляют? Согласно переписи 1920 года, всего промышленных рабочих было 1,7 миллиона. Из них кадровых — со стажем 10 лет и более — лишь 700 тысяч. На самом первом этапе восстановления хозяйства их ряды пополнялись бывшими рабочими, вернувшимися из деревни, где укрывались от войны, разрухи и голода. Но этот резерв был

быстро исчерпан. За годы одной только первой пятилетки в народное хозяйство прибыло 12,5 миллиона новых рабочих и служащих, в том числе 8,5 миллиона — из крестьян. Ясно, что первоначальное городское ядро просто утонуло в этом потоке. К тому же это не был равномерный спокойный поток — скорее бурный водоворот. В 1931 году (пик сталинского "скачка", в который превратилась пятилетка, предвосхищая будущий маоистский Большой скачок в Китае) в город пришли 10,8 миллиона человек, за тот же год ушли обратно в деревню 6,7 миллиона и в итоге осели в городе 4,1 миллиона. За один год! Вспомним: десятью годами раньше всех кадровых рабочих в промышленности было в стране 700 тысяч. Стаханов, Бусыгин, Гудов — самые знаменитые передовые рабочие тридцатых годов — были из крестьян. Они могли быстро научиться работать, но невозможно столь же быстро освоить политическую и иную культуру, да и не стремилась власть к тому, чтобы это освоение происходило.

Вот из такого-то рабочего класса вербовалась правящая партия, определявшая развитие страны в довоенную пору. Вербовалась в полном противоречии с предсмертными пожеланиями вождя, успевшего увидеть угрозу тому, что он называл устойчивостью правящей партии. Надо же было случиться такой иронии судьбы: поворот на 180 градусов в политике формирования партии, полностью перечеркнувший замысел Ленина, был назван Ленинским призывом. Ленин очень боялся, что поток городских маргиналов, полугорожан поглотит и растворит малолюдную когорту большевиков, прошедших школу подполья, революции и гражданской войны. Чтобы избежать этого, предлагал очевидное: сначала жесткую чистку партии (даже очистку от многих из тех, кто пришел в нее во время гражданской войны — из армии, а значит, главным образом из деревни), а затем надолго — строжайшее ограничение приема новых членов. В то время в партии было всего около 700 тысяч человек, и к моменту смерти Ленина чистки уменьши-

ли это число наполовину. Ленинский призыв был рассчитан на прием 100 тысяч человек, фактически получилось 240 тысяч, так что старые большевики сразу оказались в меньшинстве. Потом был второй ленинский призыв, потом призыв в честь 10-летия Октября, потом резкое облегчение условий приема вообще — к моменту решающей схватки Сталина с Бухариным членов партии было более миллиона. О городской культуре или школе подполья говорить не приходилось: по данным, приводившимся на XIV съезде (1925 г.), среди членов ВКПб) было 28 тысяч азбучно неграмотных. Это в правящей партии, основатель которой говорил, что неграмотный человек — вне политики. Такие члены партии могли только смотреть в рот аппаратным ефрейторам.

Пока высоколбые партийные философы вроде любимца партии и ее крупнейшего теоретика Бухарина писали достойные восхищения по сей день научные труды, Сталин занимался делом: вопросами внутривластной политики, приемом в партию. Кадрами ведал Молотов, преданный ему душой и телом. Так была создана партия, готовая по первому призыву одобрить решения об ускоренной индустриализации, о насильственной коллективизации, о раскулачивании, а потом и об уничтожении "врагов народа" из собственных рядов. Одними репрессиями такой эффект не получишь: навербованные в народной гуще партийные массы действительно верили вождю. А вождь, успешно пудривший нам мозги знаменитым истматовским параграфом своего "Краткого курса" насчет общественных формаций, сам чрезвычайно точно понимал состояние российской цивилизации на тот момент. Точно понимал и точно использовал.

Не он это первым придумал. Вот как писал об этом в "Памятных записках" Давид Самойлов, много размышлявший о том, почему нашим политикам "не тот народ достался":

"В России же традиция такова, что социальные и экономические изменения происходят не средствами среды, а средствами политики.

На Западе медленнее всего разрушается среда. У нас сперва разрушают среду средствами политики и при разрушенной среде путем реформ "сверху" создают субъективную схему нового, которая так или иначе далека от подлинной, естественной общественной потребности, и после этого годами и десятилетиями утрясается — порывисто, с колоссальной затратой и потерей общественных средств и энергии.

Таковы были процессы при Иване Грозном, реформы Петра.

Таков был и 37-й год.

Недаром Сталин, кося глазом на историю, чаще всего примерял клобук Ивана или мундир Петра".

Коллективизация была только началом этого разрушения социальной среды. Довершили дело война и послевоенное развитие. Самойлов пишет о миллионах "работающих мужиков", которые, "демобилизовавшись, до деревни не доехали, а осели в городах, сперва сбоку припека, при вдовах и перезрелых невестах, а потом отстроились, поселились, укоренились. И постепенно преобразовались в новый народ, у которого в памяти деревня, деревенское детство, мать и тятя, дядя и тетки, в памяти преобразованная в сельскую идиллию жизнь, — а в реальности хватка средних горожан.

Они-то и составляют народ.

Сознание этого народа еще не утрясенное, промежуточное. Этот народ душевно не порвал с деревней, а реально не порвал и с властью. Ибо шабер, племянник, а то и брат, и сват — кто профессор, кто дипломат, а кто уж так залетел высоко, что, глядя, шапку уронишь. Уже не свой он, а все-таки свой — Вася, Федя, сыны Петра да Феклы.

Никогда еще поэтому вкусы и предрассудки народа и власти не были так близки друг другу. В этом смысле власть у нас народная, хороша она или плоха.

Не утряслись у нас толком ни народ, ни власть, потому и философия у нас еще не утрясенная, доморощенная, то такая тараканно-запечная, что повеситься охота от тоски,

а то такая браво-залихватская, что тоже повеситься хочется".

Происхождение большинства нашей правящей партии из "неутрашенного" народа я открыл для себя лет тридцать назад, занявшись исследованием социальных обстоятельств, которые обеспечили победу в борьбе за власть худшему представителю когорты вождей революции — Сталину. И тогда, в начале семидесятых, сделал оптимистический вывод: все это в прошлом, индустриализация и урбанизация давно завершились, впереди эпоха грамотных прогрессивных политиков.

"НЕУТРАШЕННАЯ" ДЕМОКРАТИЯ

Впереди была эпоха "неутрашенной" демократии. В 1989 году на выборах народных депутатов СССР депутатом от Ленинграда был избран следователь Николай Иванов, соратник Тельмана Гдяна. Победил в первом туре, набрав шестьдесят процентов голосов в конкуренции с двумя десятками других кандидатов, среди которых были и видные представители демократической интеллигенции. Перед этим по телевидению был показан трехчасовой телефильм о расследовании Гдяном и Ивановым "узбекских дел", который в глазах грамотного и непредубежденного зрителя должен был служить обвинительным документом только против самих следователей, использовавших в полной мере методы расследований 1937 года. Грамотные и непредубежденные были явно в меньшинстве, что проявилось не только на тех выборах.

Более всего это проявилось в судьбе реформ девяностых годов и в политических судьбах Горбачева и Ельцина, последовательно взлетавших на вершину популярности и низвергавшихся с нее. Горбачеву докладывали о необходимости либерализации цен, без чего невозможно было начать переход к рыночной экономике. Однако заявление Ельцина о том, что он ляжет на рельсы, чтобы не допустить повышения цен, было встречено таким вос-

торженным ревом, что Горбачев счел решение о либерализации самоубийственным для власти. Потом Ельцин, сам вставший у кормила власти, на рельсы не лег, и это нарушение обещания стало его величайшей исторической заслугой: реформы сдвинулись с места, а народ России был спасен от голода, который был бы неминуем в ту зиму, не будь либерализации. Эффективно это было историческим подвигом новой власти, но субъективное восприятие этого события народом было иным: "Тайдар ограбил народ" — в такой стереотип сознания в итоге отлились события тех дней. Качели политического и экономического массового сознания — неотъемлемый признак "неутрашенного" народа, ловко используемый многими "неутрашенными" политиками и очень мешающий политикам знающим и честным.

Словом, поторопился я тридцать лет назад заключить, что с завершением индустриализации миновала эра политического господства городских маргиналов. А два года назад в книге Анатолия Вишневого "Серп и рубль" прочитал гораздо более точное наблюдение. С 1962 года городские жители составляют большинство населения страны. Хотя в городе меньше рождаемость, с 1968 года родившиеся в городе составляют большинство родившихся в стране. Социально-политические выводы из этого замечания демографа каждый политик может делать сам — недопустимо только игнорировать напрашивающиеся выводы.

Тем, кто родился в 1968 году, исполнилось 32 года в последнем году второго тысячелетия, когда закончилась эра Ельцина и началось правление президента Путина. Не полвека назад, как мне, было, показалось, а только сейчас начинается исторический период, когда лицо электората постепенно будут все более определять

политические и культурные представления настоящих горожан в первом поколении. Только сейчас начинает мирно и постепенно осуществляться социальный перелом, смысл и последствия которого прямо противоположны смыслу и последствиям сталинского индустриализаторско-коллективизаторского перелома 1929 года. И самый общий вывод из этого для российской политики нового века заключается в том, что основные социально-политические характеристики вчерашнего дня недействительны применительно к дню завтрашнему.

Отныне мнение большинства будет все более определять народ "утрашенный". Народ, который приемлет рыночную экономику и не приемлет бюрократическое распределительское усмотрение. Народ, который требует демократии и не приемлет авторитаризм. Народ, который ориентируется на западную культуру в самом широком смысле слова и не приемлет азиатчину. Любого политика, который попытается игнорировать это, повернув голову назад и взывая к политическим традициям вчерашнего дня как якобы истинно национальным ценностям, ждет в конце концов поражение.

Китай — достойная восхищения страна, населенная мудрым народом, с которым обязательно надо дружить. Но Россия — не Китай. Не о том речь, что мы какие-то особенные и потому на Россию не распространяются общие закономерности развития. Нет, общественные законы едины для всех так же, как для всей природы едины ее законы. Но каждая страна представляет собой особый, не похожий на другие объект приложения общих законов. А потому скопировать и использовать в готовом виде чужестранную "модель" просто на том основании, что где-то она принесла успех, не получится. Модель нужна своя. ■

© Фото: Григорий Ярошенко

РОССИЯ И ЕВРОПА КАК ВЗАИМНАЯ МЕЧТА

ОЛЬГА БУТОРИНА

Эта затаенная мечта легко читается в названиях всего того, что ассоциируется с достатком и удовольствием. В уже знакомом читателю Сальске есть кафе «Бристоль», «Рандеву», «Мишель» и «Олли». Среди производимых московской мебельной фабрикой «8 марта» диванов обнаруживаются «Савой» и «Палермо», «Лорд» и «Ричард», «Честер» и «Гольфстрим». Вопреки предполагаемому евразийству, мы не видим известных марок «Шанхай» или «Бишкек», «Брахмапутра» или «Каспий».

Представьте себе типичный городок в российской глубинке. Три часа езды до областного центра, железнодорожный вокзал, дом культуры, каменный Ленин на главной улице — рядом с администрацией и загсом. Весной во дворах здесь алеют тюльпаны и цветут фруктовые деревья, а на рынке идет бойкая торговля цыплятами и кормами. Однажды в таком городке мне предложили выступить в библиотеке и рассказать о семейной истории, на что я сразу согласилась, потому что оттуда происходит моя родня: отец, дед и еще несколько поколений предков-хлебопашцев. Под конец встречи кто-то из слушателей спросил, чем я занимаюсь профессионально. «Европейским союзом, Европой», — честно ответила я. «У-у-у» — послышалось в ответ с нескольких мест, кто-то замахал руками, мол, к нам это не имеет отношения. Одна дама высказала общее мнение: «Европа далеко, мы здесь сами по себе».

Европа действительно далеко, полезно подвигать линейкой по карте. Что же получается? Расстояние от Сальска до Екатеринбурга — те же 2200, что и до Варшавы. До Омска — 3000 км, до Иркутска — почти 6000 км, а до Владивостока — больше 9000. Скорее всего, мало кто из жителей Мурманска, Архангельска или Нового Уренгоя бывал в Сальске, и наоборот. Это ситуация любой страны с огромной территорией, как например, Канада, Китай, США или Бразилия.

Европа действительно далеко, от Сальска в Ростовской области, где происходило дело, до Варшавы — 2200 километров, до Берлина и Праги — по 3000, до Парижа и Лондона — и вовсе по 4000. Можно представить, что даже в нашу пору высокой мобильности мало кто из жителей российской глубинки бывает в Европе, и мало кто из европейцев попадает в их края. Хотя, наверняка, есть исключения. Чтобы определить, насколько все-

Ощущения отдаленности добавляет языковой барьер. Только около 5% россиян, по их собственному заявлению, говорят на иностранных языках, причем подавляющее их большинство сосредоточено в столицах и крупных городах. Поэтому основная часть россиян воспринимает Сыктывкар и Томск, несмотря на их удаленность, как свои, понятные и близкие города, а Будапешт и Лондон — как далекие. Наличие или отсутствие общего языка — важный маркер исходных возможностей для взаимного познания и понимания. Казалось бы, с этим не поспоришь. Но давайте посмотрим на предмет шире.

Русский язык принадлежит к индоевропейской семье языков, и с этим уже ничего нельзя сделать. Неисчислимы в нем заимствования из латыни, немецкого, голландского, французского, английского, итальянского. Даже такое «бабушкино» словечко как «жировка» в значении квитанция ЖКХ, связано вовсе не с жиром, а с итальянским «*grigo*» в значении денежный оборот, перевод средств. Используя его, мы неосознанно подтверждаем связь событий нашей повседневной жизни с тем, что происходило в Италии в середине XV века, когда математик и теолог Лука Пачоли заложил основы современного бухгалтерского учёта. Мне возразят, что в русском предостаточно заимствований из тюркских языков. Да, но это не отменяет сказанного.

Мой главный аргумент в обосновании европейскости россиян, даже, если они ее не ощущают или отрицают, состоит в том, что у нас общий язык символов, при помощи которых человек воспринимает и осмысливает реальность, а, значит, взаимодействует с ней. На протяжении нескольких лет я вела занятия в магистратуре МГИМО по программе зарубежного комплексного регионоведения. Магистрант, пришедший на такую программу — это, как говорят французы, «*сгётте де ла сгётте*», сливки сливок, лучшие из лучших. Обычно это ребята, закончившие факультет международных отношений и отлично говорящие на двух, трех, четырех иностранных языках. Они многое знают о мировой политике и экономике, в их активе — десятки, если не сотни, прочитанных

на иностранных языках профессиональных статей и докладов. К слову, многие из них — из регионов, из обычных семей.

На первом занятии, познакомившись, я просила студентов ответить на вопрос, считают ли они себя европейцами, евразийцами или исключительно россиянами. Стандартно, из года в год, больше половины группы заявляли, что они евразийцы и россияне, но не европейцы. Мы записывали этот результат и шли дальше по программе курса. Так как комплексное регионоведение соединяет в себе многостороннее знание о регионе, мы неизбежно касались вопросов культуры, истории, религии. Тогда я доставала припасенные заранее задания. Например, расположить в хронологическом порядке основные архитектурные стили. Каждый в отдельности, может быть, и не мог вспомнить все их, но группа в 10-15 человек справлялась безукоризненно. Не было случая, чтобы готику поставили раньше романского стиля, а классицизм после модерна. Подобная системная ошибка была невозможна в принципе, потому что все они понимали или чувствовали известную последовательность. Даже, если они о ней никогда не задумывались, не говорили и не читали, а просто смотрели кино и прогуливаясь по родному городу.

Эти знания уже были пропечатаны в матрице их сознания. Кстати, жители Сальска ежедневно ходят по центральной улице мимо дворца культуры с традиционной для российских городов архитектурой в духе римского Пантеона — с треугольным фронтоном и классическими колоннами. Аналогично в россияне впечатаны знания об истории Европы. Нельзя было и представить, чтобы кто-то из описанной магистерской группы затруднялся расположить в хронологическом порядке Колумба, Наполеона, Цезаря и Карла Великого. Но когда вопрос касался основных вех истории Азии, здесь возникали большие затруднения. Отделенные полутора тысячами лет китайские династии Цин и Мин смешивались и расплывались. Повторю, ребята не были специалистами по древней истории, и знать это были не обязаны. Еще труднее становилось, когда мы пытались

привязать к ним те или иные культурные атрибуты, исторических личностей или события в соседних странах. Картина буквально рассыпалась на глазах. Совсем непросто было вспомнить крупнейших писателей, художников, музыкантов народов Азии. Отдельные имена, конечно, звучали, но только отдельные. Ощущения полноты отсутствовало. Состояние близкое к беспомощности возникало при попытке систематизировать стили. Да, все знали о Тадж Махале и о связанной с ним романтической истории, но мы не могли вписать ее в исторический контекст, не понимали, что было до и после, и есть ли там взаимное влияние.

Даже те из нас, кто не разбирается в музыке, мог отличить Моцарта от Брамса и сказать несколько слов об их творчестве. Про китайскую музыку мы знали только то, что она есть. Самым, пожалуй, впечатляющим открытием было то, что мы не понимаем языка азиатского танца, например, индийского. Содержащийся в движениях сигнал пролетает мимо нашего сознания. Нам приятно смотреть на плавные движения, но при этом нам трудно догадаться, когда они выражают печаль или радость, согласие или протест, чего никогда не случается, если мы наблюдаем европейский танец — от народного до классического. Как это происходит — пусть объясняют специалисты.

У меня есть знакомый ветеран, дорогами войны от прошел от Белоруссии до Эльбы. В апреле 1945-го форсировал разлившийся Одер. Рассказывает, как гребли на лодках, а фашисты стреляли прямой наводкой. Ледяная вода была полна людей и тел. В свои 95 лет он ничего не боится, говорит о войне спокойно, с ровным фронтовым жизнелюбием. Вспоминает, как потом вошли в небольшой немецкий город, жители сбежали, дома стоят открытые. На этом месте он понижает голос, берет меня за локоть и почти шепчет в ухо: «Зашли мы в подвалы, а там полки с компотами... все уставлено банками. Никогда мы такого не видели». Мечта россиянина о Европе — это мечта о благополучной, устроенной, размеренной жизни, где десятками лет может существовать погреб

с компотами, где мощеная мостовая и башенка с флюгером на горизонте.

Эта затаенная мечта легко читается в названиях всего того, что ассоциируется с достатком и удовольствием. В уже знакомом читателю Сальске есть кафе «Бристоль», «Рандеву», «Мишель» и «Олли». Среди производимых московской мебельной фабрикой «8 марта» диванов обнаруживаются «Савой» и «Палермо», «Лорд» и «Ричард», «Честер» и «Гольфстрим». Вопреки предполагаемому евразийству, мы не видим известных марок «Шанхай» или «Бишкек», «Брахмапутра» или «Каспий».

Если россиянин — неосознанный европеец, то кто по отношению к России житель Европы? Просто яростный ее критик, как это часто и несправедливо бывает? Нет и нет. Стоит помнить, что «Война и мир» Льва Толстого и его «Анна Каренина» прочно занимают одно из первых мест в списке величайших литературных шедевров всех времен и народов, где они располагаются рядом с творениями Гомера и Данте, Сервантеса и Шекспира, Диккенса и Флобера. Произведения Достоевского и Чехова не только прочно вошли в мировую литературу, но и оказали на неё выраженное влияние. Современная европейская литература немыслима без русских имён.

Что же ищет современный западный читатель, довольный размеренной жизнью француз или немец в книге, со страниц которой на него глядят Наташа Ростова и Пьер Безухов? По какой тайной причине иностранные издатели печатают все новые тиражи «Братьев Карамазовых» с их невозможно долгими, заунывными диалогами? В чем притягательная сила вздорных и непрактичных героев «Вишневого сада»? Думаю, что она в том же, в чем была притягательная сила взрывшего в недрах революции русского авангарда, который — давайте задумаемся на минутку и не будем отворачиваться от чувства заслуженной гордости — заложил основы всей современной мировой художественной культуры. Вглядываясь в Россию и россиян сквозь призму созданной нашими соотечественниками литературы, музыки, изобразительного искусства, ба-

лета, европеец хочет увидеть себя, своих друзей и близких, своих соотечественников в прямом столкновении с переломными событиями истории, когда личность проявляется во всей своей полноте, от величия до ничтожества — без скорлупы, за которой она успешно прячется в упорядоченной, благополучной жизни.

Европеец тяготеет давно замощенными улицами и городами, застроенными так плотно, что стоящий на площади собор невозможно увидеть в первозданной красоте — потому что зрителю некуда отступить назад. Соприкасаясь с Россией, европеец пытается нащупать смысл жизни, который в его случае тонет в бесконечных регламентах, процедурах и апологии достатка. Ему хочется большей честности и чистоты в отношениях между людьми, особенно близкими. А самое главное, он всеми силами стремится понять, ради чего он пришел на эту землю, но не ради же тех банок с компотами или брендовых вещей в современной интерпретации. Может быть, только ради того, чтобы однажды, как Наташа Ростова, приказать выгрузить из подвод фамильное добро и отдать их под раненых. Всего один миг, ради которого стоит жить. И не важно, что потом предстоит стать вполне заурядной, недалекой женщиной, без особых талантов и идеалов.

Если россиянин — неосознанный европеец, то житель Европы — это человек, стремящийся к русскости и отрицающий ее. Счастье и трагедия отношений России и Европы — в их неодолимом, глубоко сокрытом и подчас стыдливом взаимном стремлении к сближению, при таком же укорененном взаимном отрицании с его обычными атрибутами — отталкиванием, умалением, порицанием.

© Текст: Ольга Буторина

ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА БУТОРИНА, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Европы РАН по научной работе.

КОНСТАНТИН ЭГГЕРТ

«Э то первый Новый год, который мы встречаем свободными людьми!» Весной 2021 года я записывал многосерийный подкаст, посвященный истории российского телевидения от Горбачева до Путина. В поисках материалов я натолкнулся на запись «Голубого огонька», который вышел в эфир 1 января 1992 года. Ведущий — сатирик Михаил Задорнов — открыл его именно этими словами.

Представить себе такое приветствие в эфире российского ТВ сегодня невозможно не только по цензурным причинам. Значительная часть зрителей 2021 года просто не поняла бы, о какой такой свободе идет речь. Тридцать постсоветских лет пролетели быстро, и нынешним двадцатилетним слушателям моего подкаста остается только расстраиваться, что они не застали ту новогоднюю ночь, когда Россия была совсем другой — полной оптимизма, надежд на будущее, наивно, но искренне желающей стать частью «мирового сообщества». Эти мечты просуществовали недолго. Если вдуматься, иначе и быть не могло. Ведь распад Варшавского договора, «социалистического лагеря», а за ним и Советского Союза для россиян значил совсем не то, что для народов Центральной Европы, Балтии и некоторых республик СССР.

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕЧТА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Для того, чтобы Россия изменилась, россияне должны перестать грезить империей

Литовцам, латышам, полякам, венграм было проще. Они освобождались от иностранной (советской) оккупации, восстанавливали и воссоздавали свои государства и общества. В той же Балтии в 1991 году было еще очень много людей которые помнили, какой была жизнь до прихода оккупации. Режимы Антанаса Сметоны в Литве, Карлиса Ульманиса в Латвии и Константина Пятса в Эстонии не были идеалами демократии, хотя даже по далеким от современных стандартам Европы тех лет их авторитаризм был относительно мягким. Но живая память о том, что можно жить в принципе иначе, чем в СССР, была для Латвии, Литвы и Эстонии важнейшим фактором трансформации. В России в 1991 году по понятным причинам практически никто не помнил жизнь до коммунистов. Вдобавок, Россия почти 300 лет была империей. Господство над другими — сильнейший психологический стимул, наркотик, отказ от которого означает настоящую «ломку» национальной психологии. Сейчас, оглядываясь на эпоху антикоммунистической революции конца 1980-х — начала 1990-х, понимаешь: большинство россиян хотело некоей абстрактной «демократии», под которой они понимали прежде всего возможность жить без «проработок» за «аморалку» на партийных и комсомольских собраниях, выездов на овощные базы, политинформаций и са-

мое главное — вечного дефицита товаров и услуг. Тогда все мечтали об обществе потребления — и русские, и украинцы, и чехи, и болгары. Но большинство жителей России — и в этом ее отличие от посткоммунистической Центральной Европы и стран Балтии — не были готовы и не желали краха имперского государства. Его, как метко заметил британский историк Джеффри Хоскинг, русские люди считали «своим по праву» (<https://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674030534>).

На волне вполне понятной эйфории, охватившей Запад после падения Берлинской стены в 1989 году и почти бескровного распада СССР в 1991 году, Соединенные Штаты и их европейские союзники не смогли осознать и оценить психологические и исторические различия, столь сильно отделяющие Россию от ее центральноевропейских соседей. Запад в те годы продвигал идею о том, что окончание «холодной войны» не означает поражения Советского Союза и тем более новой демократической России. «Все остались в выигрыше!» — таков был расхожий лозунг, призванный подбодрить российских демократов и запустить реформы в России. С точки зрения западных политиков, это тогда казалось правильным шагом — не наступать на больные мозоли россиянам, а наоборот, как бы поднять их до своего уровня.

Очень многие тогда думали, что России потребуется всего несколько лет для того, чтобы стать огромной ядерной версией Чехии.

Но в 40-летнем глобальном противостоянии, пару раз чуть не закончившемся третьей мировой, Советский Союз потерпел настоящее поражение. Сегодня я думаю, что честное признание этого исторического факта в начале девяностых, возможно, сослужило бы России добрую службу. Принять реальность, пусть и неприятную — часто значит сделать первый шаг на пути к коренному изменению жизни. Вместо этого президент Борис Ельцин и новое российское руководство поддерживали иллюзию быстрого и безболезненного перехода к демократическому и процветающему будущему. Их трудно за это винить. В девяностые годы опасность антидемократического реванша не только казалась, но и была абсолютно реальной. Достаточно вспомнить боевиков Макашова и Баркашова в числе защитников Белого дома в Москве в октябре 1993 года, чтобы представить себе, какие силы могли оказаться у власти в ту осень.

Первым, кто публично сказал, что все может сложиться совсем не так оптимистично, как было принято думать в то время в России и на Западе, стал министр иностранных дел России Андрей Козырев. Это было в декабре 1992 года в Стокгольме на сессии Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе. Самый прозападный российский министр на второй день заседаний шокировал собравшихся. Вот как это событие описывала газета «Коммерсант» <https://www.kommersant.ru/doc/33555>).

«С трибуны СБСЕ Козырев в понедельник вдруг объявил о «поправках» в российской внешней политике, обозначив «пределы сближения с Западной Европой». В традициях «холодной войны» прозвучала его оценка НАТО и ЕЭС, «разрабатывающих планы военного присутствия в Прибалтике и других районах бывшего СССР». Касаясь отмены санкций против Югославии, Козырев сказал, что «в своей борьбе правительство Сербии может рассчитывать на поддержку великой России». Расценив пространство бывшего СССР как «постимперское», глава российского МИД заявил, что Россия будет отстаивать свои интересы

в нем, используя «все доступные средства, в том числе военные и экономические». Россия, продолжил министр, будет твердо настаивать на том, чтобы бывшие республики Советского Союза вступили в новую федерацию или конфедерацию, и «об этом пойдет жесткий разговор». Порекомендовав всем, кто думает, что с этими интересами «можно не считаться», не забывая, что им придется «иметь дело с государством, способным постоять за себя и за своих друзей», Андрей Козырев завершил выступление... В Стокгольме неожиданное заявление Козырева восприняли всерьез, а на брифинге в российском МИД не могли дать никаких разъяснений.

Замешательство было недолгим, и через час Козырев свое выступление дезавуировал, пояснив, что привел лишь «мягкие» взгляды противников нынешнего курса России, дабы привлечь внимание к опасности его изменения в случае победы оппозиции».

Спустя несколько месяцев после скандальной речи Козырева американский профессор Александр Янов опубликовал статью о возможности и даже неизбежности имперского реванша в России. Статью он позже преобразовал в книгу под названием «После Ельцина. Веймарская Россия». Вскоре за Яновым последовал британский журналист Брюс Кларк с книгой «Новое платье империи: конец российской либеральной мечты» (<https://www.amazon.co.uk/Empires-New-Clothes-Russias-Liberal/dp/0099588919>).

В то время многие, в том числе и автор этих строк, сочли Янова и Кларка «паникерами». Но они оказались прозорливцами, в то время как большинство ученых, аналитиков и политиков, ошибалось.

То, что в 1992 году воспринималось как мрачная фантазмагория, сегодня стало общим местом не только на оруэлловских «пятиминутках ненависти» на телевизионных ток-шоу, но в публичной риторике Кремля и Смоленской площади. Конфликт (по сути, замороженная война) между Россией и Украиной продолжается восьмой год. Обмен санкциями между Западом и Кремлем стал повседневностью. В Гааге судят граждан Рос-

сии, которых подозревают в уничтожении гражданского авиалайнера незаконно доставленным на украинскую территорию зенитно-ракетным комплексом. А еще были война с Грузией, попытка переворота в Черногории, «Петров» и «Боширов», хакерские атаки против США.

Разрыв путинской России не только с Европой, но и с Западом в целом, уже состоялся. Странно думать, что с 2003 года, когда на саммите Россия-Европейский союз в Санкт-Петербурге обсуждали концепцию «четырех общих пространств» и возможность введения безвизового режима, прошло всего 18 лет. Впрочем, даже тогда, на пике сближения России и ЕС, Кремль воспринимал отношения с глобальным Западом, как своего рода политический «шведский стол» — «берем то, что нам выгодно, а то что нет — игнорируем». Выгодно — торговать, перенимать технологии, иметь доступ к финансовым структурам, отправлять детей учиться и жить за границу. Невыгодно — улучшать законодательство и сближать его с европейским, укреплять независимость судебной системы, выполнять рекомендации Европейского суда по правам человека. В Брюсселе (и в меньшей степени в Вашингтоне) предпочитали надеяться на постепенное улучшение и пошаговое сближение с Москвой, пока в 2014 году не стало ясно — эти надежды беспочвенны.

Могло ли всё быть иначе? Могло, но лишь отчасти. Обстоятельства распада СССР предопределили возникновение запроса на реванш в «веймарской России», предсказанной Александром Яновым. В конце девяностых талантливый продюсер Константин Эрнст раньше других почувствовал появившуюся у людей ностальгию по всему советскому. Телевизионный проект «Старые песни о главном» стал предвестником нового времени еще до того, как Владимир Путин вернул советский гимн и нанял Сергея Михалкова сочинить к нему новые слова.

Неосоветский запрос большинства россиян пришлось бы удовлетворять и команде Евгения Примакова и Юрия Лужкова, если бы они, а не Владимир Путин, встали бы во главе России после президентских выборов 2000 года. Сделавший бле-

стящую карьеру не без помощи Юрия Андропова, бывший директор Службы внешней разведки Примаков не скрывал своей ностальгии по советскому величию. Лужков «защищал русских» в Латвии и активно вкладывал деньги и политический капитал в «город русской славы» Севастополь. Да, и он, и Примаков, были осторожными советскими аппаратчиками. Но какова была бы их реакция на «оранжевую революцию» в Украине конца 2004 года, я предсказать не берусь. Возможно, Севастополь «вернулся бы в родную гавань» уже тогда.

Ведь уже в начале двухтысячных нефтяной бум сделал запрос на возрождение всего советского и все более агрессивное антизападничество массовым. Тогда на фоне растущего благосостояния россияне перестали думать каждый день о выживании и «заметили», что их бывшая страна исчезла. Получив задолженность по зарплате, съездив к теплему морю и купив хлебопечку и видеокамеру, они захотели, наконец, вернуть и империю, своего рода отреставрированный СССР-лайт, с пресловутой колбасой на полках магазинов и свободным выездом за рубеж. И Путин сделал максимум, чтобы исполнить это желание. Он превратил российскую политику в бесконечный квест «В поисках утраченного величия».

В Кремле, похоже, выучили урок позднесоветского времени. Ведь при Брежнев, Андропове и Черненко дефицит продуктов и закрытые границы с каждым годом усиливали общественное недовольство и, в конце концов, взорвали правление КПСС. Сегодняшнее сочетание широчайшего (в сравнении с советским временем) потребления, жесткого, без оглядки на Запад и приличия, подавления любой оппозиции с открытыми стойками регистрации в аэропорту «Шереметьево» для тех, кому не нравится внутривнутриполитическая ситуация, способно потенциально долго поддерживать существование «крепости Россия» с бесменным комендантом во главе. Великодержавная пропаганда вкупе с бесконечным обсуждением исторических сюжетов, в которых Россия неизменно выступает в роли жертвы коварного Запада, блокируют любую дискуссию о будущем, даже в са-

мых скромных масштабах. Страну приучили жить прошлым.

К мысли о долгом сосуществовании и вынужденном взаимодействии с «крепостью Россия», в сущности, уже свыклись в Европейском союзе и почти готовы свыкнуться в Соединенных Штатах. Если бы российское руководство недвусмысленно отказалось от использования внешнеполитической напряженности как главного инструмента решения домашних проблем и легитимации нынешнего правления, то отношения с Москвой ждал бы если не полный возврат к уровню двадцатилетней давности, то серьезное поэтапное улучшение.

На фоне Китая, претендующего на мировую гегемонию, глобальной миграции, споров о методах борьбы с изменением климата, демографически и технологически слабая, не очень привлекательная для инвесторов Россия — не главный приоритет европейцев и американцев. И до тех пор, пока Кремль не затеет новую войну с соседями, так и будет дальше. Москва не получит вожделенной «Ялты-2» — признания постсоветского пространства, прежде всего Украины, Молдовы и Грузии, сферой своего исключительного, или, как выразился Дмитрий Медведев, «привилегированного» влияния. Однако и рассчитывать на вступление даже в Европейский союз (не говоря о НАТО) грузинам и украинцам не приходится. Франция и Германия блокируют любое предложение об этом, так же как они это сделали в 2008 году на саммите Североатлантического альянса в Бухаресте*. Так что путинскому правящему классу особенно не о чем беспокоиться. К санкциям он привык, а нефть, газ и прочие природные богатства гарантируют тот минимум средств, которых пока хватает на финансирование силовиков и социальные выплаты, то есть, для удержания контроля над страной.

Без нового общественного запроса на изменения внутри России не изменятся и ее отношения с миром. Это запрос возникнет не раньше полного истощения постсоветской имперской темы. Лет десять-двадцать назад было модно приводить Германию как успешный пример страны, которая примиралась со своим прошлым, стала мирной и «нор-

мальной». На мой взгляд, ФРГ вряд ли может служить образцом для России. Во-первых, немцы потерпели военное поражение, их страна была оккупирована и подвергнута денацификации, демилитаризации и демократизации победоносными западными союзниками. Во-вторых, несмотря на длительный роман немцев с национализмом «крови и почвы», Германская империя просуществовала всего сорок семь лет, а нацистский режим — всего двенадцать. Этого слишком мало для долгосрочного изменения национальной психологии. Вдобавок, в отличие от коммунистов, нацисты не успели искоренить частную собственность или религию — две важнейших основы автономии личности. В-третьих, «поколение 1968 года» Германии вынудило своих родителей признать и осудить нацистское прошлое страны всего через двадцать лет после краха Третьего рейха. Тогда воспоминания о прошлом были еще совсем свежими, а дискуссия о нем актуальной.

В России условий для расчета с тоталитарным наследием двадцатого века нет. Для все большего числа молодых людей даже времена Горбачева и Ельцина — древняя история. Да и усилия российской власти по формированию новой национальной идентичности на базе старого неоязыческого поклонения «сильному государству» принесли и продолжают приносить свои плоды. Обновление, если и когда оно произойдет, будет отталкиваться от того, что общество перестанет принимать в жизни сегодняшней России. Это обновление, скорее всего, будет иметь мало общего с перестроечным гражданским романтизмом «Покаяния» Тенгиза Абуладзе.

Переход от империи к государству гражданской нации рано или поздно должен начаться. Но он займет гораздо больше времени, чем потребовалось немцам, чтобы изменить себя и свою страну. Помимо очевидной необходимости демократизации и создания более эффективной, чистой, прозрачной системы государственного управления, этот переход, в конечном счете, может состояться при выполнении трех условий: возрождение и развитие российского федерализма и местного самоуправления, принятие российского эквива-

лента первой поправки к конституции США, гарантирующей неограниченную свободу слова плюс заключение справедливого, почетного и прочного мира с Украиной и Грузией. Выполнение первого условия со временем приведет к тому, что люди привыкнут управлять своей жизнью при минимальном участии Москвы. Реализация второго покажет, что правительство не боится народа и давно назревших откровенных, открытых дискуссий о прошлом, настоящем и будущем России. Воплощение на практике третьего условия окажет преобразующее воздействие на российское общество, поможет ему начать излечиваться от постимперского синдрома, а миру — постепенно восстанавливать доверие к словам и делам российской власти.

Кто заложит основы этой трансформации — выходцы из нынешней верхушки, взявшая власть революционная оппозиция или какая-то другая сила — гадать бесполезно. Но без отказа от мечтаний о контроле над соседями и противостояния с Америкой как залога национального величия, спасительные для общества идеи свободы и достоинства не пустят глубокие корни. Ведь покойный Михаил Задорнов остался в памяти миллионов не как человек, произносивший телевизи-

онный тост за свободу 1 января 1992 года, а как автор верноподданических пародий на латышей, украинцев и американцев.

Константин Эггерт — российский журналист.

Примечание

* Примечательно выступление Путина на саммите НАТО в начале апреля 2008 г.: «Сенсацией саммита стало выступление президента РФ на закрытом заседании совета Россия--НАТО. По данным «Ъ», Владимир Путин сообщил коллегам, что Москва воспринимает приближение НАТО к российским границам как реальную угрозу интересам государства, и пообещал адекватные меры. Так, президент России намекнул, что если НАТО предоставит план действий по членству (ПДЧ) в НАТО Грузии, то Россия признает Абхазию и Южную Осетию, опираясь на косовский прецедент, и тем самым создаст буферную зону между силами НАТО и своими границами. «Впрочем, о Грузии российский президент говорил совершенно спокойно и как бы мимоходом,— рассказывает источник «Ъ» в делегации одной из стран НАТО.— Когда же речь зашла об Украине, Путин вспылел. Обращаясь к Бушу, он сказал: «Ты же понимаешь, Джордж, что Украина — это даже не государство! Что такое Украина? Часть ее территорий — это Восточная Европа, а часть, и значительная, подарена нами!» И тут он очень прозрачно намекнул, что если Украину все же примут в НАТО, это государство просто прекратит существование. То есть фактически он пригрозил, что Россия может начать отторжение Крыма и Восточной Украины» — <https://www.kommersant.ru/doc/877224>.

© Текст: Константин Эггерт

«РОССИЯ И ЕВРОПА» КАК ЛОЖНАЯ ПРОБЛЕМА

ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ

У одного моего знакомого дочь исполнила свою давнюю мечту — жить в Европе. Ей удалось переехать в блестящую столицу бывшей великой империи, а именно в Вену — в город музыки и психоанализа, архитектуры и живописи, в город музеев, театров, соборов, да и просто в один из самых красивых, удобных, ухоженных городов мира (в первой пятёрке по комфорту). Она находит достойную работу. И вот вторая удача — знакомится с прекрасным мужчиной, умным-добрым-красивым, да вдобавок еще и с высокой зарплатой. Скоро они поженились. Беда была лишь в том, что он был откровенный русофоб — точнее даже, «россиефоб». Не имея ничего против русских, каждого в отдельности — все-таки ведь женился на русской! — он терпеть не мог Россию как страну и государство. И, разумеется, наотрез отказывался ехать в Москву: хамство, пьянство и никакой демократии: «что я там забыл?». Однако через пару лет она все-таки уговорила его — демократия демократией, но с тестем и тещей надо познакомиться. Он согласился съездить на недельку. Через три дня он заявил: «Ну ты как хочешь, а я уже устроился на работу в классную фирму за хорошие деньги. В эту (масса уничижительных эпитетов) Вену я не вернусь!».

История реальная и в моем опыте не единственная. Можно понять этого человека. Москва способна обаять, очаровать, захватить, закрутить, утопить в своей мощной роскоши. Если взять центр города, то практически все Садовое кольцо, 15 квадрат-

ных километров — такая Европа, которой и в Европе трудно с сыскать.

«Ага! — скажут мне. — Ну, разумеется! Остоженка, бульвары, Сретенка, Тверская, Арбат и вокруг — это, конечно, да... А как насчет окраинных кварталов, в которых и днем-то страшновато, не говоря уже о ночи. А ночь там совсем другая, не то, что на Патриарших!» Отвечу: когда-то я смотрел итальянский фильм, и вот там герои жили в каком-то уродливом, обшарпанном и тревожном месте — но по какой-то реплике я понял, что дело происходит в Риме! Это поразило меня еще сильнее, чем трагические судьбы персонажей. Вслед за лирическим героем «Римских сонетов» Дю Белле (XVI век) мне хотелось воскликнуть: «Где же Рим? Уж Рима нет, осталось только имя!». Вечный город и вечная проблема.

Ну а если серьезно — что же такое Рим? Пьяцца Навона, Корсо, Капитолий, площадь перед собором Св. Петра и прочая римская роскошь? Или ли вот эти нищие районы? Или нечто усредненно-сбалансированное? «С одной стороны, с другой стороны?» Туристические красоты, трудная повседневная жизнь, статистический отчет? Мечта? Или просто почтовый адрес? Вопрос не имеет ответа. Как не имеет единственного, правильного и точного ответа вопрос: «Что такое Европа?».

Не надпись на карте, не перечисление стран-членов Евросоюза, а нечто сущностное. «Надо быть европейцем!» — все время повторял Штейн из «Романа с кокаином» М.Агеева. Никогда не опаздывать.

© Фото: Григорий Ярошенко

Регулярно ходить в театр. Всегда иметь в кошельке новенькую сторублевку. Настырное «надо быть европейцем» раздражало других героев этой книги. Конечно, хочется быть европейцем — но как?

Когда-то, в дни медового месяца (даже не месяца, а какой-то медовой десятилетки) в отношениях России и Запада, когда «европейский путь» и «европейская судьба» России считались сами собой разумеющимися, не говоря уже об идее «общего европейского дома» — вот в эти блаженные времена я спрашивал студентов: «Как стать европейцем?» Разумеется, все говорили о культуре и об уважении прав человека, о «rule of law» и даже о каких-то бытовых навыках. Об улыбках на улице, например. О собачках в намордниках. О «не бросать мусор мимо урны». Но один юноша ответил весьма цинически: «Как-то ухитриться получить паспорт страны — члена ЕС, и готово, ты европеец, а разве нет?».

Вот тут и возникает, будто бы сам сам собою, столь важный для нас вопрос: о России и Европе.

Надо сказать, что и теперь в Европе — особенно в Восточной Европе, в странах, которые в Евросоюз вступили сравнительно недавно — встречается такой вот полицейский подход к идее европейства. «Россия, разумеется, никакая не часть Европы! — Почему? — Потому что она не входит в Евросоюз, а также в «шенген» и в зону евро».

Хорошо. Но ведь Норвегия и Швейцария в ЕС не входят, а Великобритания только что оттуда вышла. Что же, они теперь тоже «не Европа»? Да вы сами только десять лет в ЕС, что вы, раньше не были Европой? На это следует ожидаемый ответ: «Ну вы же сами понимаете...»

А что, собственно, я должен сам понимать? Что есть какой-то тайный, глубинный, сущностный критерий, который позволяет Софии и Бухаресту, например, быть в Европе — а Москве и Киеву, Кишиневу и Минску — не позволяет?

Больше того. Единая Европа в три прыжка достигла своих нынешних границ — но это не значит, что так будет всегда. В политической и культурной географии не бывает ничего вечного. Вот недавно Брекзит случился. Случайно? Из-за нелепой ошибки Джонсона? Или закономерно, потому что Англия почти пять веков назад — тоже, чест-

но говоря, случайно — отступила с континента, отдала Франции порт Кале, который держала в руках двести лет, господствуя над проливом?

Насчет Кале — это, конечно, шутка, но она основана на другой шутке: в конце 1990-х годов мне случилось читать некий экономический манифест британских ультралибералов. Там, среди требований приватизировать Би-Би-Си и уменьшить налоги, последним пунктом звучало: «и отвоевать Кале». Такие шутки не возникают на пустом месте. Три великих европейских державы — Британия, Германия, Франция — это Erbfeinde, «потомственные враги», несмотря на все старания правительств и неправительственных гуманитариев-пропагандистов.

Кто даст гарантии, что Брекзит не предвещает будущих перемен? Что Единая Европа не расколется — впрочем, не надо таких драматических слов — не разделится на новые культурно-географические блоки? На «Древнюю (историческую) Европу» (Италия, Франция, Бенилюкс, Германия), «Европу за Ламаншем», «Европу за Пиренеями», «Балканскую», «Северную», «Балтийскую» и «Центрально-Восточную». Вот тут вопрос «Россия и Европа» возникнет в новом контексте. Если возникнет.

А пока приходится признать, что граница европейства проходит по линии военно-политических противостояний. Обидно? Мне тоже. Ладно, не будем о грустном.

А по какой линии? По линии политико-правовых ценностей? Не уверен. Почти десять лет — с конца 1980-х по конец 1990-х — Россия стояла с распростертыми объятиями, всячески декларируя свое европейство и даже «паневропейство», не только словами, но и делами, весьма важными для европейской безопасности. Но оказалась в положении наивного провинциального племянника, который стоит, улыбаясь, с растопыренными для объятий руками, а надменный дядюшка-генерал, едва кивнув, проходит мимо. Трудно сказать в точности, почему это случилось, кто виноват — но ведь случилось же.

Может быть, граница между Россией и Европой проходит по линии культуры?

Если говорить о культуре в смысле «культура и искусство», то тут принадлежность России к Европе оспаривать просто смешно. Как смешны «кази-

атские» потуги русских идеологов. Побеседуйте с любым из тех, кто отрицает русское европейство — и вы увидите, что он на глаз, пускай приблизительно, но все же различает антику, готику, классицизм, барокко и рококо, что он что-то знает про романтизм, реализм и модернизм, слышал Моцарта, Чайковского, Битлз и АББА, имеет некое общее представление о язычниках и христианах, о католиках и протестантах — но ни рожна не смыслит в азиатских культурах, религиях, художественных стилях, не знает, какая эпоха была раньше — Мин или Цин, и так далее. Но при этом с надутым видом повторяет: «нет, нет, европейская культура нам чужда, мы все-таки скорее азиаты, скифы...»

Может быть, речь идет о культуре в более специфическом, антропологическом смысле? О культуре человеческих отношений, о социальных структурах?

Но ведь давным-давно, еще с позапрошлого века, известно, что русский профессор скорее договорится с немецким профессором, чем с русским крестьянином или мастеровым; и немецкому профессору тоже гораздо понятней русский коллега, чем свои родные «бауэр» и «арбайтер». Было бы соблазнительно представить себе европейское пространство как некий мега-университет. Однако взаимопонимание интеллектуалов отнюдь не означает их реальной, действенной солидарности: политическая мотивация чаще всего оказывается сильнее.

В культурном смысле Россия — несмотря на всю свою конституционно закрепленную полиэтничность и мультиконфессиональность — гораздо более культурно гомогенна, чем Европа — особенно в последние десятилетия, озаменованные сильными демографическими переменами. Во всяком случае, крупных «альтернативно настроенных» общин в России пока не наблюдается — в отличие, скажем, от Франции.

Иногда кажется, что вопрос «Принадлежит ли Россия Европе» относится к категории так называемых «ложных проблем». Как, например, «форма и содержание», «бытие и сознание» и т.п. Есть ложные проблемы, где противопоставляются взаимо-

связанные вещи, не существующие одна без другой. «Что что определяет — личность влияет на общество, или общество формирует личность»? Поскольку личности не бывает вне общества, а общество состоит из личностей — обсуждать эту проблему можно лишь на риторических спаррингах. Бывают ложные проблемы, где обсуждаются плохо определенные термины. «Что важнее — любовь или уважение? Правда или справедливость? Порядок или свобода?» Поскольку ни один из этих терминов нельзя строго определить, а тем более измерить в каких-то понятных и сопоставимых единицах, серьезный спор на эти темы вряд ли возможен

Проблема «Россия и Европа» содержит в себе обе характеристики ложной проблемы. Россия и Европа не существуют друг без друга — географически, политически, культурно, да как угодно. Впрочем, точно так же не существуют друг без друга Франция и Европа, Германия и Европа, и далее по всему списку Евросоюза и не входящих в него европейских стран. Вместе с тем нет точного определения ни России (как некоей безусловной отдельности), ни Европы (как некоей безусловной целокупности).

Но ложные проблемы никогда не возникают случайно. Ложная проблема «личности и общества» — это проблема бунтующих личностей, и общества, стремящегося к упорядоченности — то есть других личностей, которым бунтари мешают жить. Ложная проблема «любви и уважения» — это проблема взаимного непонимания внутри эротической пары, при невозможности точно сформулировать свои недовольства. В любом случае речь идет о трагической привязанности. Европа боится Россию, страшится ее величины, ресурсов, военной мощи и так далее. Россия завидует Европе, ее благополучию, красоте, культурному богатству и всему подобному. Дело осложняется тем, что Европа — по мнению России — предает свою исконную белую и христианскую идентичность; а Россия — по мнению Европы — застряла в позапрошлом веке, веке империй. Россия и Европа — это эротическая пара, и в ней постоянно возникает вопрос любви и/или уважения.

© Текст: Денис Драгунский

НЕМЫСЛИМЫЙ АЛЬЯНС

Опыт сотрудничества СССР с западными державами во Второй мировой войне: уроки для сегодняшнего дня

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

Краткие выводы

- История сотрудничества СССР, США и Великобритании в ходе Второй мировой войны — пример кооперации в исключительных обстоятельствах при наличии общего врага. Собственно, и понимание того, что враг общий и от борьбы с ним зависит само выживание наций, пришло далеко не сразу. Еще в 1940-м году Великобритания рассматривала планы бомбежек Баку, а в 1941-м, уже после начала Великой Отечественной войны в британском правительстве предполагали, что Сталин заключит мир с Гитлером. По мере приближения Победы, по замечанию Рузвельта, сделанному им незадолго до смерти, противоречия между западными союзниками и сталинским СССР неизбежно усугублялись. Об этом же говорили и Черчилль, и Сталин.

- В сотрудничестве стран антигитлеровской коалиции, помимо объективных обстоятельств, способствовавших сближению США, Великобритании, СССР и их лидеров, большую роль играл фактор персональных контактов. Например, посла СССР в Великобритании Ивана Майского с Уинстоном Черчиллем и Энтони Иденом; особую роль сыграли переговорные таланты Гарри Хопкинса, снимавшего конфликтные вопросы в непосредственном контакте со Сталиным. (Важность и эффективность та-

кого рода контактов в налаживании отношений были подтверждены почти четверть века спустя, когда начал работать back-channel Киссинджер-Добрынин.) Значение имела, в частности, готовность Рузвельта идти на уступки Сталину при понимании американским президентом решающей роли СССР в Победе и необходимости иметь союзника в войне с Японией.

- Ухудшению отношений способствовали не только такие факторы, как окончание войны; раздел сфер влияния (особое значение, например, польского вопроса, особенно конфликта вокруг формирования правительства новой Польши); конкуренция в попытках влиять на развитие событий в разных регионах (например, соперничество в Китае, входившем в Антигитлеровскую коалицию); принципиальные политические и идеологические расхождения; недоверие, обусловленное опытом взаимоотношений (например, позднее открытие второго фронта), но и личные свойства лидеров, прежде всего, их взаимная подозрительность (плюс смена лидеров в США и Великобритании в 1945 году). Скорость деградации отношений в 1945 году была впечатляющей и уже в 1946-м, по сути, уже все было кончено («длинная телеграм-

ма» Кеннана, Фултонская речь, реакция на нее Сталина), хотя инерция доброжелательности и попыток объясниться еще существовала (характерный пример: знаменитая поездка Симонова и Эренбурга в США в 1946 году).

- Опыт взаимоотношений союзников говорит о важности прагматического подхода к сотрудничеству, так же, как и о конструктивном потенциале личных контактов лидеров и членов их команд (при наличии понятной и четко сформулированной повестки). Не только опыт Второй мировой войны, но и истории контактов Хрущева-Кеннеди, Брежнева-Никсона (Форда), даже Медведева (Путина)-Обамы, свидетельствуют о хрупкости и непродолжительности периодов плодотворной кооперации и рисках обвального ухудшения отношений, которые потом восстанавливаются долго и болезненно. Как ни банально это звучит, такой фактор, как good faith имеет принципиальное значение, но для его практического использования необходимы хотя бы среднесрочные механизмы взаимодействия команд и лидеров, а также снижение уровня враждебности пропагандистской риторики и формирование благоприятного по отношению к партнеру общественного мнения (что отчасти происходило во Вторую мировую; на рубеже 1960-х; в эпоху разрядки; в 1990-е и в период перезагрузки). Опыт и уроки Второй мировой в этом контексте крайне важны, но они, скорее, ведут к пессимистическим оценкам перспектив взаимоотношений в отсутствие фактора good faith и постоянных усилий в поддержании контактов и готовности идти на компромиссы.

Флешбэк: 9 мая 1945 года

К Потсдамской конференции в июле 1945 года Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски под управлением А.В. Александрова подготовил исполнение двух союзнических песен. Одна — британская, знаменитая It's a Long Way to Tipperary («Путь далекий до Типперери»), вторая — американская «There is Tavern in the Town» (в русской версии — «Кабачок»). Впоследствии песни были записаны на грампластинку и пользовались

бешеной популярностью наряду с другими, например, с исполнявшейся с 1944 года Леонидом и Эдит Утесовыми «Песней бомбардировщиков» («Coming in on a Wing and a Prayer») — считалось, что ее завезли пилоты тяжелых бомбардировщиков, дислоцированных на короткое время летом 1944 года на трех советских аэродромах в рамках операции «Неистовый» («Frantic»). Сама операция считается не очень удачной — отчасти из-за подозрительности советских властей и рассогласованности действий с ними ее пришлось быстро свернуть. Но песня осталась.

«Кабачок» и «Типперери» я помню наизусть с детства. Потому что, когда мои родители — поколение школьников войны — собирались с друзьями, они пели песни, популярные в 1940-х, причем не только военные, многие из которых — импортированные из союзнических стран. Популярна была, например, «И в беде, и в бою», исполнявшаяся еще до войны джаз-оркестром Варламова. Она оказалась русской версией американского слоу-фокса 1934 года «Roll along Covered Wagon».

Не только массовая музыкальная культура Британии и США, но и сами союзники были страшно популярны ближе к окончанию великой войны. Утром 9 мая, после того как в третьем часу ночи диктор Юрий Левитан объявил о подписании акта о капитуляции Германии, огромные восторженные толпы высыпали на улицы Москвы. Мой отец, которому тогда едва исполнилось 17 лет, был разбужен одноклассником в четыре утра, и они устремились в сторону Красной площади, где уже было полностью ликующего народа. В течение всего дня была запружена людьми и Моховая площадь, где располагалось американское посольство. Фотографии Якова Халипа и Анатолия Гаранина запечатлели площадь 9 мая. Сотрудники посольства свешивались из окон и балконов, приветствуя москвичей. «Мы были, естественно, тронуты и польщены таким публичным выражением чувств, — вспоминал Джордж Кеннан, в то время советник посольства, еще не прославившийся своей «длинной телеграммой», — но не знали, как ответить на них». Проблема еще состояла в том, что восторженные горожане подхватывали на руки и качали не только любых

людей в военной форме, но готовы были то же самое проделать и с сотрудниками посольства дружественной державы. Тем не менее, несколько смущенный Кеннан, владевший русским языком, рискнул взобраться на парапет у входа в американское представительство, и выкрикнул: «Поздравляем с Днем Победы! Слава советским союзникам!» Это все, что он, будучи несколько смущенным, смог **произнести**.¹

Во всепоглощающем восторге того дня подземные толчки холодной войны, все более ощутимые, и уж во всяком случае зафиксированные чувствительным аналитическим «радаром» того же Кеннана, не были замечены торжествующими советскими людьми. Гитлер был повержен «Большой тройкой», Большим Альянсом, члены которого к тому времени, по замечанию историка Джона Гэддиса, уже находились в состоянии войны — как минимум идеологически и **геополитически**.²

НЕВОЗМОЖНЫЙ СОЮЗ

Разумеется, альянс сталинского СССР, Британии и Соединенных Штатов был вынужденным и представлял собой прежде всего военный союз, внешне претендовавший на то, чтобы совместными усилиями построить новый миропорядок, основанный на коллективной безопасности, а не на разделе сфер влияния и балансе сил. Что, впрочем, было, скорее идеей и устремлением Франклина Рузвельта, а не его партнеров по альянсу: романтические вильсоновские принципы построения свободных объединенных наций он пытался внедрить в реальную политику, первоначально зафиксировав их в Атлантической хартии, подписанной им и Уинстоном Черчиллем в августе 1941 года. Частью его стратегии было строительство персональных дружеских отношений с Черчиллем и Сталиным с неистовой убежденностью в том, что на основе абсолютного доверия и уступок можно сохранить мир после **войны**.³

До нападения Германии на СССР антигитлеровский союз едва ли мог стать реальностью. Хотя еще весной 1939-го продолжались вялые переговоры советской стороны с британской и французской

о «коллективной безопасности». Правда, в мае этого года Молотову пришлось успокаивать партнеров в связи с отставкой наркома иностранных дел Максима Литвинова. Устранение наркома-еврея легко можно было расшифровать как «жест доброй воли» с советской стороны в отношении Германии.

Началась своего рода «гонка пактов» — Сталин и Молотов выбирали из того, что им было выгоднее. Для Германии альянс с СССР был важен и экономически — военная машина нуждалась в сырье — от нефти до марганца, которое мог дать Советский **Союз**,⁴ и геополитически. По замечанию Генри Киссинджера, пакт со Сталиным помогал Гитлеру разгромить Британию «тогда, когда тыл Германии будет полностью **обеспечен**».⁵

В середине августа 1939 года британские и французские военачальники появились в Москве с целью зондажа возможности англо-франко-советского альянса. Фон переговоров был не слишком благоприятным — за месяц до них экс-премьер Соединенного королевства Дэвид Ллойд Джордж сказал послу СССР Майскому, что премьер-министр Невилл Чемберлен «до сих пор не может примириться с идеей пакта с СССР против **Германии**».⁶ Уровень делегации соответствовал **настроениям**:⁷ британский адмирал Дракс и французский генерал Думенк провели переговоры с маршалом Климентом Ворошиловым, но не смогли дать гарантий советской стороне относительно того, даст ли в случае военных действий Польша коридор для прохода советских войск. Переговоры естественным образом зашли в **тупик**.⁸ Геостратегически то, что могла предложить Германия, было для Сталина гораздо привлекательнее. После всего этого заключение Пакта Молотова-Риббентропа естественным образом было оценено Британией как событие, которое неизбежно повлечет за собой начало **войны**.⁹

Вторжение сталинского СССР в Финляндию и начало советско-финской «зимней» войны в конце 1939 года превратили Великобританию и Францию во врагов Сталина. Даже Черчилль, который поначалу считал притязания Сталина естественными, в январе 1940 года говорил: «Только Финляндия — великолепная, нет, величественная... демонстриру-

ет, на что способны свободные **люди**».¹⁰ Британия и Франция задумались о помощи Финляндии — несмотря на то, что им самим нужны были ресурсы для противостояния Германии. Маршал Маннергейм от помощи не отказывался, но, как отмечает финский историк Киммо Рентола, опасался ситуации, в которой «Финляндия и Швеция оказались бы союзниками Запада и противниками как Германии, так и СССР, когда враги рядом, друзья — **далеко**».¹¹ Именно поэтому маршал был готов принять франко-британскую помощь, но, чтобы не провоцировать Германию, не в виде регулярных сил на территории Финляндии. Великобритания обсуждала операции против СССР на севере и на юге, с использованием территории Турции. Правда, советская сторона не всегда доверяла донесениям разведки о планах относительно советского юга, и иной раз справедливо, поскольку зачастую дезинформация распространялась британцами для устрашения Советов. Тем не менее, уже в начале 1940 года советское командование начало перебрасывать на Кавказ дополнительные силы Красной армии в ожидании возможных ударов по Баку, Батуми и Туапсе. В феврале была усилена противовоздушная оборона Баку. Советская сторона планировала превратить оборону в наступление — в частности, обсуждались планы бомбежек нефтяных месторождений в Мосуле и Киркуке, находившихся под контролем **британцев**.¹²

Все эти обстоятельства и множество проблем на финском фронте подталкивали СССР к заключению мира с Финляндией — ресурсы и силы на эту затянувшуюся войну исчерпывались. Да и Великобритании и Франции уже было не до Советского Союза: в мае 1940 года Франция была оккупирована Германией. По замечанию Рентолы, «планы зимы 1940 года были началом конца глобальной империалистической стратегии Лондона и **Парижа**».¹³ А ведь еще в марте и апреле 1940-го британская разведывательная служба дважды занималась фоторазведкой над Баку в рамках планировавшейся операции «Pike».

Сталин готовился к войне с Германией, но и не думал о союзе с Британией (и уж тем более с США). Больше того, с 1939 года он рассчитывал «по-

вернуть» Гитлера в сторону Англии. Вождь исходил из того, что война с Гитлером может начаться не раньше середины 1942 года — после того, как Германия расправится с Англией. Двойная выгода: поражение империалистической державы и выигрыш времени в подготовке к войне с **Германией**.¹⁴ По воспоминаниям Анастаса Микояна, Сталин был уверен в успехе: «А к тому времени мы успешно выполним третью пятилетку, и пусть Гитлер попробует тогда сунуть **нос**».¹⁵

Будущий генералиссимус не делал принципиальных различий между Германией, Англией, Францией. В его теории они были двумя группами капиталистических стран, борющихся между собой за рынки и передел мира. Согласно записям Георгия Димитрова, Сталин в сентябре 1939 года, то есть на пике «дружбы» с Германией, высказывался на этот счет так: «...мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний **смысл**».¹⁶ В этой логике советский тиран получал еще один сопутствующий бонус — порабощение Польши: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством **меньше**».¹⁷ Иными словами, Сталин полагал, что обведет вокруг пальца все империалистические державы и останется «третьим смеющимся», наблюдающим за тем, как капиталисты уничтожают друг друга, расчищая ему дорогу для продвижения мировой революции.

Этой теории Сталин придерживался всегда, и потом она сыграет свою роль в стремительном развале союза Британии, США и СССР сразу после войны. Но об этом пойдет речь позже.

Логику Сталина в большей или меньшей степени понимало население СССР. Если считать средним гражданином страны, лояльно настроенным к властям тогда еще совсем молодого писателя Константина Симонова, то массам понятен был и стратегический замысел Сталина. Одной из эмоций в сентябре 1939-го была жалость к полякам, вступавшая в некоторое противоречие с тем, что СССР сам вошел в Польшу. Но, вспоминая Симонов свои тогдашние впечатления, «какой-то чер-

вяк грыз и сосал душу... И я... знал, что это чувствуют **другие**».¹⁸

Нападение Германии на СССР изменило все, притом, что еще долго многие в Великобритании полагали, что Сталин сможет договориться о мире с Гитлером, уступив ему некоторые территории. Четкостью же союзнической позиции Британия была обязана своему новому премьер-министру Уинстону Черчиллю, который сомневался в военной мощи СССР, но не выражал сомнений в том, что новые обстоятельства превращают коммунистическую империю в союзника. Вечером 22 июня он произнес исторические слова: «Любой человек и любая страна, воюющие с нацизмом, получают нашу помощь. Любой человек и любая страна, марширующие вместе с Гитлером, — наш враг... Следовательно, мы должны оказать любую доступную нам помощь России и русским **людям**».¹⁹ Черчиллю же приписывается высказывание, согласно которому «если бы Гитлер вторгся в ад, то он [Черчилль] постарался бы по меньшей мере отнестись самым благоприятным образом к **Дьяволу**».²⁰

Чуть позже, выступая в парламенте, министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден сформулировал причины установления союза следующим образом: «Мы всегда ненавидели доктрину коммунизма. Но не в этом вопрос. Россия подверглась предательскому вторжению без каких бы то ни было на то оснований. Русские сегодня сражаются за свою землю. Они борются против человека, стремящегося установить свое господство над миром. Это и наша единственная **задача**».²¹

12 июля 1941 года посол Британии в Москве Стаффорд Криппс, человек, многократно предупреждавший советские власти о планах нападения Германии на СССР и называвший даже дату начала войны, и министр иностранных дел Вячеслав Молотов подписали пакт о военной взаимопомощи.

НЕИЗБЕЖНЫЙ СОЮЗ

Благодаря появлению общего врага невозможный союз превратился в неизбежный. Военный союз, если говорить о «большой трой-

ке» и четвертом «полицейском» — Китае (по плану Рузвельта, который он сформулировал в конце войны), но и союз ценностей — в случае Великобритании и США.

Соединенные Штаты медленно и осторожно вовлекались в войну. По свидетельству Джеймса Бирнса (с 1945 года госсекретаря США), только «катастрофа Дюнкерка (эвакуация потерпевших поражение британских войск из Европы в начале июня 1940 года. — А.К.), наконец-то, пробудила наших людей». Тем не менее, даже тогда республиканская партия заявила, что она жестко выступает против «вовлечения нации в иностранную **войну**».²²

6 января 1941 года Рузвельт должен был выступить с обращением к нации, постепенно подготавливая Америку к мысли о неизбежности войны. Именно тогда, работая со своими спичрайтерами, в число которых наряду с Сэмюэлом Розенмэном и будущим обладателем «Оскара» за сценарий фильма «Лучшие годы нашей жизни» Робертом Шервудом входил ближайший советник президента Гарри Хопкинс, Рузвельт обозначил ключевые ценности западного мира. Четыре свободы, за которые стоит бороться: свобода слова и выражения мнений, свобода вероисповедания, свобода от нужды, свобода от страха. Каждая из них должна была распространяться на весь мир. «Не слишком ли большую территорию они покрывают, — усомнился Хопкинс, — Не уверен, что американцам интересно, что происходит с людьми на острове Ява». «Боюсь, что однажды это произойдет, Гарри, — пронзительно и пророчески заметил Рузвельт, — Мир становится таким маленьким, что даже жители Явы оказываются сейчас нашими **соседями**».²³

Отношения двух будущих англо-саксонских союзников поначалу были осторожными и напряженными. В январе 1941 года Гарри Хопкинс в качестве полномочного представителя президента Рузвельта был направлен в Лондон для разговора с Черчиллем как потенциальным союзником в **войне**.²⁴ Миссия оказалась успешной. Свою роль в установлении союзнических отношений лидеров США и Британии и в убеждении американцев в том, что помощь Америки нужна англичанам, сыграли посол Соединенных Штатов в Лондоне Джон

Вайнант, ответственный за американский ленд-лиз Аверелл Харриман (впоследствии посол США в СССР) и глава CBS News в Европе Эдвард **Марроу**.²⁵

Впрочем, Рузвельту понадобилось еще много времени для того, чтобы преодолеть изоляционистские настроения в Соединенных Штатах — например, летом 1941-го всеобщая воинская обязанность была восстановлена палатой представителей перевесом всего в один **голос**.²⁶

В конце лета США начали помогать Британии в обороне от немецких субмарин — передавали британскому флоту данные о местонахождении фашистских подводных лодок. После того, как в сентябре американский эсминец «Грир» был торпедирован немцами, Рузвельт отдал распоряжение топить германские субмарины.

В конце июля того же 1941-го Хопкинс взял на себя миссию зондажа и в отношении Советского Союза как потенциального союзника: побывав в очередной раз в Лондоне и пообщавшись с Черчиллем, послом США Джоном Вайнантом и послом СССР Иваном Майским, он принял решение отправиться в Москву для встречи с советским руководителем, потому что «важно было бы познакомить и сблизить друг с другом Рузвельта и **Сталина**».²⁷ 30 и 31 июля состоялись две встречи Хопкинса и Сталина. Причем советский вождь был очарован Хопкинсом — и простотой в общении, и готовностью помочь. К тому же советскому лидеру было известно, что Хопкинс — это «продолжение» Рузвельта, его ближайший советник, а значит, разговаривая с гостем, Сталин как бы беседовал с самим президентом США. Впоследствии Сталин говорил американскому послу Чарльзу Боллену, что Хопкинс был первым встреченным им американцем, с которым можно было «поговорить по душам». Советский автократ тоже произвел положительное впечатление на посланника Рузвельта, и, вернувшись в США, Хопкинс сказал своему президенту, что помощь Советскому Союзу перевесит риски поражения СССР или заключения Советским Союзом мира с Германией. (Такая позиция была тем более важна, что в то время Черчилль по-прежнему не верил в саму возможность военных успехов **СССР**.)²⁸

Пример миссии Хопкинса, который, отправляясь в СССР, не посчитался даже со своей серьезной болезнью и отвратительным самочувствием, показывает, насколько важным и эффективным может оказаться личный фактор в выстраивании политических отношений.

В начале августа 1941-го в бухте Пласеншия на военной базе Арджентия на острове Ньюфаундленд Черчилль и Рузвельт подписали Атлантическую хартию — восемь принципов, которые не просто заложили основы военного союза Британии и США, а также контуры возможного постгитлеровского мирового порядка, но и сформировали ценностный каркас того, что мы сегодня привыкли называть «Западом». Среди этих принципов были: право наций на выбор своей формы правления, восстановление «суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путём»; свободный доступ всех стран, великих или малых, к мировой торговле и сырьевым ресурсам, необходимым для экономического процветания государств; глобальное экономическое сотрудничество и повышение благосостояния. По замечанию английского исследователя Кристофера Коукера, «Запад был в равной мере *идеи* и союзом».²⁹ Впрочем, «без Второй мировой войны названный союз был бы **невозможен**».³⁰ К хартии присоединился и СССР, но отнюдь не из-за того, что разделял идею формирования коллективного Запада.

Тем не менее, чтобы Америка вступила в войну, понадобилось нападение японцев на Пирл-Харбор в декабре 1941 года. Для Черчилля это означало, что «Англия будет жить; Британия будет жить; Содружество и империя будут жить... Нас не уничтожат... Судьба Гитлера предрешена... Что касается японцев, то их сотрут в **порошок**».³¹ Генри Киссинджер писал: «Вступление Америки в войну явилось кульминацией исключительных дипломатических усилий великого и смелого лидера. Менее чем за три года Рузвельт сумел вовлечь свой сугубо изоляционистский народ в глобальную **войну**».³²

По оценке Джона Гэддиса, в то время как Черчилль решал одну задачу — выживание Британии любой ценой, у Рузвельта их было четыре: без со-

юзников, включая СССР и националистический Китай, невозможно было достичь победы; без сохранения сотрудничества союзников невозможно было, с точки зрения американского президента, установить продолжительный и устойчивый послевоенный мир; необходимо было создать всемирную организацию по поддержанию коллективной безопасности; наконец, все это должно было быть поддержано американским народом, то есть война и мир должны были быть «продаваемыми» («sellable»)³³.

Общая угроза и общие ценности объединили Британию и США. Общая угроза объединила их со сталинским Советским Союзом. Как и еще один фактор: вера в личные доверительные отношения лидеров, в добрую волю Сталина, в то, что он «отличный парень» (вера, в большей степени присутствующая Рузвельту, гораздо более уступчивому партнеру советского тирана, чем Черчилль)³⁴.

Сложный союз

Ключевым вопросом для СССР стало открытие второго фронта. Переговоры и разговоры на этот счет начались во время и сразу после заключения договора Советского Союза и Британии в июле 1941 года. Черчилль был против, и для такой позиции было несколько оснований. Ресурсов Британии не хватало на то, чтобы открывать Второй фронт во Франции. Еще свежа была память о катастрофе Дюнкерка. (Притом, что для Англии и США рубеж 1941-1942 годов был «зимой катастроф» — весьма болезненных поражений от японцев на Тихом океане и в Азии.) Черчилль предпочитал отвлекать силы Германии операциями английских войск на Средиземном море и в Северной Африке.

Существенным фактором было и недоверие к новому союзнику и неверие в его военную мощь. В разговоре с Иваном Майским в сентябре 1941 года английский премьер раздраженно заметил: «Не забывайте, что каких-нибудь четыре месяца назад мы были один на один с Германией и не знали, с кем будете вы»³⁵. Эту же фразу премьер-министр был вынужден повторить Сталину и в не менее раз-

драженном тоне. В августе 1942 года Черчилль побывал в Москве — само по себе путешествие было актом доброй воли, притом, что среди прочего премьер-министру как раз и предстояло объяснить Сталину, почему второй фронт пока невозможно открыть. Переговоры проходили не просто конфликтно — Черчилль считал себя оскорбленным некоторыми фразами советского руководителя. Но Сталину на пике войны все-таки не нужна была ссора с союзником. И когда британский лидер уже собирался покинуть в Москву с мыслью о разрыве союза, он пошел по пути налаживания личных отношений: в ночь с 15-го на 16-е августа Черчилль и Сталин общались неформально в кремлевской квартире советского вождя³⁶. Английский премьер отдал должное «превосходным винам». Молотов проводил его на аэродром³⁷.

Этой истории предшествовали другие переговоры, тоже напряженные и конфликтные. В декабре 1941-го министр иностранных дел Британии Энтони Иден отправился на переговоры в Москву. Практически в день отбытия стало известно о катастрофе Пирл-Харбора. Сложилось своего рода союзническое равновесие: Иден двигался в сторону Москвы, Черчилль собрался с визитом в Вашингтон³⁸.

В ходе переговоров с Иденом Сталин сразу же — и несколько неожиданно для периода начала войны — поставил вопрос о послевоенной перекройке Европы. В этом вопросе уже содержались пункты дальнейших — на годы вперед — разногласий и политико-дипломатических переговоров: и передача Польше Восточной Пруссии, и — главное — признание границ СССР 1941 года. Второй пункт представлял особую сложность для Идена, который не мог принимать самостоятельных решений без консультаций с США. Переговоры шли тяжело, их результатом стало лишь общее коммюнике, полноценный договор о союзе Великобритании и СССР был подписан лишь в мае 1942 года и не содержал пункта о признании советских границ. А тогда, в 1941-м, чтобы разрядить напряженную атмосферу переговоров, Сталин угостил Идена балетом (как в свое время Риббентропа³⁹) и перцовкой⁴⁰.

Тем временем Черчилль, обосновавшись в Вашингтонском Белом доме на две недели, лично катал инвалидное кресло Рузвельта, отметив впоследствии, что он «самым тщательным образом» культивировал «свои личные отношения» с американским президентом⁴¹. Прагматическую логику союза атлантических держав Черчилль изложил в телеграмме Идену из Вашингтона 8 января 1942 года: «Никто не может предвидеть, какое будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя не будут истощены и представят собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи»⁴².

Новый союз постепенно обретал переговорную и договорную форму: Британия и США обещали Советскому Союзу помощь в виде военного снабжения. В сентябре 1941-го была достигнута договоренность о помощи СССР со стороны Британии, и США в порядке ленд-лиза (так называемая «Миссия Бивербрука-Гарримана», названная по фамилиям послов Британии и США). 1 января 1942-го была подписана Вашингтонская декларация о создании антигитлеровской коалиции 26 стран, включая «большую четверку» — Великобританию, США, СССР и Китай. Май 1942-го — это уже упоминавшийся договор о советско-английском союзе, июнь — договор СССР и США о принципах взаимной помощи в ведении войны. Последние два пункта — результат вояжа в Лондон и Вашингтон наркомма иностранных дел.

Переговоры Молотова шли непросто: в мае 1942-го в Лондоне британская сторона по-прежнему отказывалась обсуждать признание границ СССР образца 1941 года. Тем не менее, Сталин, не придававший особого значения букве правовых документов, дал Молотову директиву не обсуждать пока этот сюжет и подписывать договор с Великобританией: когда понадобится — вопрос границ будет решен силой⁴³. Договор заключался на 20 лет,

стороны обязывались не участвовать в коалициях, направленных против одной из них, а также не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться в дела других государств. В практическом смысле этому документу была уготовлена короткая жизнь.

При всех невидимых миру противоречиях союзников взаимные симпатии народов стали расти. Во всяком случае в Англии, по свидетельству Майского, «трудящиеся» были полны энтузиазма по поводу успехов Красной Армии⁴⁴, симпатии американцев еще задолго до вступления в войну США тоже были на стороне СССР⁴⁵. Союзники старались не обижать друг друга. Например, книга Льва Троцкого о Сталине, над рукописью которой он работал в тот момент, когда Рамон Меркадер ударил его альпенштоком по голове, была подготовлена к печати в 1941 году. Однако издатели ее «придержали», и она увидела свет только тогда, когда отношения Запада и СССР стали заметным образом портиться⁴⁶. В книге указан копирайт издательства Harpers & Brothers за 1941 год, фактически же она издана в 1946-м⁴⁷. Похожая история произошла со «Скотным двором» Оруэлла. Книга была окончена в феврале 1944 года, но была опубликована только в августе 1945, когда общий враг союзников был повержен. Глава русского отдела министерства информации Великобритании Питер Смолетт (как выяснилось впоследствии, советский агент, завербованный Кимом Филби) выражал опасения по поводу того, что книга может повредить англо-советским отношениям⁴⁸.

Советский Союз не слишком активно вовлекался в проблемы противостояния Соединенных Штатов, Британии и Китая с Японией, но поддерживал гоминьдановское правительство Чан-Кай Ши, при этом аккуратно выстраивая отношения с Мао Цзе-Дуном. В мае 1942-го в Особый район Китая (Яньань), контролировавшийся китайскими коммунистами, в качестве связного Коминтерна при руководстве ЦК КПК был направлен журналист и дипломат Павел Владимиров. Его дневники — ценный источник для понимания азиатского ракурса политики союзников. В начале июня 1942 года Владимиров констатировал: «Англия

© Фото: Григорий Ярошенко

связана борьбой на Средиземном море и борьбой собственно за снабжение Британских островов. У нее нет ресурсов для защиты дальневосточных колоний... СССР — союзник США и Британии. Японские правящие круги заинтересованы в разгроме Красной Армии, рассчитывая получить в награду Сибирь.

Какое-либо значительное поражение Красной Армии на германском фронте может подтолкнуть Японию на агрессию против СССР». ⁴⁹

В феврале 1943-го Владимир объяснял коммунистическим товарищам, почему СССР снабжает оружием врагов коммунистов — гомиьдановцев, и это было весьма емким определением смысла антигитлеровского союза с прагматических позиций Советского Союза: «В мире единый фронт против фашизма. Главный враг коммунистов всех стран — фашизм. В Китае разбойничает фашистская Япония. Основные сражающиеся с Японией силы — армии Гомиьдана». В свою очередь зависимость Гомиьдана от поставок советского вооружения сдерживает Чан Кай-Ши в его соперничестве с китайскими коммунистами, подчеркивал Владимир. ⁵⁰

Между тем, переговоры о втором фронте продолжались, и эта тема стала пунктом разногласий и в отношениях США и Британии. Американцы в большей степени склонялись к варианту высадки в Нормандии, для англичан был по-прежнему в большей степени важен средиземноморский и африканский векторы. Соединенные Штаты планировали открытие второго фронта в Северной Франции на весну 1943 года. ⁵¹ Рузвельт поддержал высадку союзников в Северной Африке в ноябре 1942 года, хотя генералы Джордж Маршалл и Дуайт Эйзенхауэр возражали против этого плана. Британские и американские солдаты высадились на Сицилии в июле 1943-го в соответствии с планом Черчилля, хотя в январе того же года на конференции лидеров Британии и Соединенных Штатов в Касабланке делегация США настаивала на вторжении в Нормандию. ⁵²

Разногласия этим не ограничивались: Черчилль был человеком империи, Рузвельт — антиколониалистом, который, к тому же, отказывался

думать о мировом порядке в терминах сфер влияния; британский премьер не мог понять и того, почему президент США придает очень большое значение Китаю. По-разному они относились и к Сталину: Рузвельт полагал, что может управлять им за счет теплых личных отношений, Черчилль не поддерживал такую точку зрения, был гораздо более неуступчив. ⁵³ Хотя в результате, скорее, Сталин манипулировал своими англо-саксонскими союзниками, что стало очевидно во время исторических встреч «большой тройки» в Тегеране в 1943 и в Ялте в 1945-м.

Союз уступок

В начале войны Рузвельт предлагал Сталину встретиться в районе Берингова пролива. Это были пустые хлопоты — советский диктатор даже ради встречи с американским президентом так далеко не поехал бы. Догадываясь о психологических особенностях Сталина (царь может принимать просителей только у себя), Черчилль не поленился посетить вождя в Москве. Отказался Сталин и от встречи в Касабланке в январе 1943-го. Оба заседания «большой тройки» в Тегеране и Ялте логистически в гораздо большей степени устраивали Сталина, чем его партнеров. «И в том, и в другом случае, — писал Генри Киссинджер, — Сталин лез вон из кожи, чтобы показать Черчиллю и Рузвельту, что им встреча нужна гораздо больше, чем ему; даже места встреч были выбраны так, чтобы разубедить англичан и американцев в возможности заставить его пойти на уступки». ⁵⁴

...В Тегеране советское представительство находилось напротив английского. В преддверии встречи «Большой тройки» в конце ноября 1943 года сикхи с tommy-guns из охраны Черчилля своим экзотическим обликом могли соперничать с двенадцатью охранниками Сталина, которыми руководил профессиональный убийца Шалва Церетели, подчиненный Лаврентия Берия. ⁵⁵ Резиденция Рузвельта находилась далеко, поэтому Сталин любезно предложил американскому президенту расположиться на советской территории. Рузвельт не счел возможным отказаться — ему нужно

было установить со Сталиным личный контакт. Это, безусловно, сыграло свою роль: на сопротивлявшегося Черчилля было оказано давление, и стороны договорились об открытии второго фронта в 1944 году, хотя тема снова оказалась чрезвычайно конфликтной: Сталин с Молотовым и Ворошиловым едва не покинули переговоры. Как едва не покинул их Черчилль, когда Сталин «пошутил» по поводу того, что следовало бы расстрелять 50 или 100 тысяч немецких офицеров. Ситуация была тем более деликатной, что от польского правительства в изгнании Черчилль, а возможно, и Рузвельт (от британского лидера) могли уже знать о катынском преступлении и ответственности за него советской стороны. Тем не менее, этот вопрос в принципе не мог быть поднят, поскольку сам этот сюжет сильно испортил бы союзнические отношения, если не разрушил бы их.

Несмотря на эти неприятные ситуации, союзники были готовы идти на уступки Сталину. В частности, Черчилль согласился с тем, что Финляндии «придется нести территориальные потери из-за ее отвратительного поведения», а Сталину необходимо доминировать в **Балтике**.⁵⁶

Как отмечал Генри Киссинджер, именно в Тегеране западным лидерам имело смысл обсуждать детали послевоенного устройства мира, в Ялте в 1945-м уже было поздно. Хотя и «к моменту Тегеранской конференции битва под Сталинградом была уже выиграна, и победа **обеспечена**».⁵⁷ Это означало, что Сталин чувствовал себя все более уверенно, тем более, что он получил заверения в открытии второго фронта и мог со спокойным сердцем слушать рассуждения Рузвельта о четырех мировых «полицейских» — США, Британии, СССР и Китае и о прообразе Организации объединенных наций.

Тем не менее, Черчилль надеялся, что он не опоздал к разделу мира, когда отправился с визитом к «дядюшке Джо» в октябре 1944 года (так называемая Четвертая московская конференция с кодовым титулом «Толстой»): войска союзников делали успехи, но Красная армия еще быстрее продвигалась на Запад. Пора было поговорить о сферах влияния, причем без Рузвельта,

который был противником такого подхода к отношениям союзников-победителей. Черчилль понимал, что Сталин был готов выполнить свое обещание, данное Молотову в 1942 году — «силой» вернуть границы 1941 года и передвинуть сферу влияния СССР далеко на Запад.

В центре дискуссий была Польша. Черчилль соглашался и с передачей восточной Польши Советскому Союзу, и с компенсационным сдвигом границы Польши на запад за счет Германии. В обмен на что Британия могла потенциально рассчитывать на формирование демократического режима в Польше. Во всяком случае в переговорах декабря 1944 года участвовал премьер правительства Польши в изгнании Станислав Миколайчик. Сталину это было в принципе не интересно, он уже за несколько месяцев до декабрьской встречи сделал ставку на «Люблинскую группу» (Польский комитет национального освобождения) и Болеслава Берута, главу Крайовой рады народной, противопоставленной Сталиным правительству **Миколайчика**.⁵⁸ Не говоря уже о том, что еще в апреле 1943 года были разорваны дипломатические отношения между СССР и польским правительством в изгнании — как раз на почве Катыни. Переговоры «Люблинской группы» и кабинета Миколайчика тоже велись в Москве, но, естественно, оказались **безрезультатными**.⁵⁹

Московская конференция 1944 года была отмечена знаменитым эпизодом, когда Черчилль, предположив, что такой циничный шаг не одобрил бы Рузвельт, предложил Сталину раздел ряда балканских и центральноевропейских стран в процентах. Сталин легко согласился, прекрасно понимая, что никакие условные расчеты не помешают ему довести, например, предлагавшиеся в Румынии 90% или в Болгарии 75% до 100%. Кроме того, советский вождь уже получил заверения Рузвельта в том, что СССР сможет проводить абсолютно самостоятельную политику в Румынии, Болгарии, Буковине, восточной Польше, Литве, Эстонии, Латвии, Финляндии. Еще до Тегерана президент США согласился сам с собой в том, что Польшу придется отдать **Сталину**.⁶⁰ «В британской политике, — отмечал Киссинджер, — просматривалась доля дерзко-

го отчаяния. Никогда еще сферы влияния не определялись в процентах. Не существовало никаких критериев или средств контроля за соблюдением принципа долевого дележа. Влияние всегда определялось присутствием соперничающих **армий**».⁶¹

Отношения союзников деградировали до торго, но внешне все выглядело как никогда блестяще. Сталин единственный раз в жизни появился в британском посольстве на Софийской набережной, а Черчилля, как это было принято у Сталина, угостили посещением Большого театра, символа имперского величия и блеска, которым вождь практически лично руководил, определяя в том числе репертуарную политику.

Когда-то, в 1939 году, учитывая особые отношения с нацистской Германией, Сталину было важно проявить лояльность партнеру, дав команду поставить на сцене Большого «Валькирию» Вагнера, любимого композитора Гитлера. При этом в постановке не должны были участвовать евреи. Режиссером был назначен Сергей Эйзенштейн (отец которого считался потомком обрусевших **немцев**).⁶²

Черчилля Сталин встречал точно выверенным коктейлем из фирменного блюда — балета «Жизель» в первом отделении и Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии во втором отделении. Появление союзников в ложе театра было обставлено как нельзя более эмоционально. Переводчик Сталина Валентин Бережков вспоминал: «Зал украшали британские и советские флаги. Оркестр исполнил английский гимн. Когда Черчилль появился в центральной «царской» ложе, зрители обрушили на него шквал аплодисментов и приветственных возгласов. И на этот раз Сталин нарушил свои правила и тоже приехал в театр, правда, минут на пять позже британского премьера. Он подошел к Черчиллю из глубины ложи, и публика, несомненно, заранее подобранная, увидев двух лидеров, разразилась бурным восторгом. Через несколько мгновений Сталин отошел в тень, чтобы все аплодисменты достались одному премьеру. Овации продолжались. Черчилль, заметив этот учтивый жест, повернулся и стал манить Сталина к себе. Тот снова приблизился к барьеру ложи, что вызвало новый взрыв **аплодисментов**».⁶³

Сталин, уверенный в том, что он полностью управляет ситуацией и скоро уже не будет нуждаться в союзниках, мог позволить себе такое представление. Чем пафоснее становилось постановочное единство членов альянса, тем больше реальных противоречий обнаруживалось между ними.

Следующим — и последним — географическим пунктом для «большой тройки» в классическом составе стала Ялта в феврале 1945 года. Идея принадлежала Хопкинсу, который понимал, что Сталин не отправится ни на какую Мальту и ни в какие Александрию или **Афины**.⁶⁴ Хопкинс, выбирая теплый Крым, угождал Сталину, но и заботился о здоровье Рузвельта, хотя медицинская помощь требовалась ему самому — в Ливадийском дворце во время конференции он был вынужден существенную часть времени находиться в **постели**.⁶⁵ Советская сторона подготовилась к конференции с размахом: в Крым было доставлено свыше 1500 вагонов оборудования, строительных материалов, мебели; вдоль дороги из аэропорта Саки на протяжении всех 80 километров стояла живая цепь солдат, среди них Джеймсу Бирнсу запомнились «девушки с **автоматами**».⁶⁶

Черчилль назвал конференцию «эксклюзивным клубом с входной платой как минимум в пять миллионов солдат или в эквиваленте». Одним из ключевых вопросов была проблема германских репараций Советскому Союзу, и предложенные цифры активно поддерживал Рузвельт (Сталин, к примеру, настаивал на том, что 80% немецкой промышленности должно быть вывезено в СССР). Позиция Черчилля по отношению к Германии была гораздо более щадящая: чтобы лошадь ехала, ей надо задавать корм, говорил он.⁶⁷ Советская сторона подозревала британского лидера в лукавстве: премьер-министр опасался чрезмерного ослабления Германии, поскольку рассматривал ее «как будущий противовес возросшему могуществу **СССР**».⁶⁸ Тем не менее, в результате «большая тройка» подписала протокол о репарациях, эквивалентных 10 миллиардам долларов.

Характерной была формулировка Ивана Майского: в мемуарах он отметил «британскую оппозицию советско-американской линии». Советско-

американская линия — это понятие кажется сейчас абсурдным, но Рузвельт действительно часто поддерживал Сталина. Он рассчитывал на то, что в обмен на мягкую позицию англосаксов по отношению к требованиям Советского Союза Сталин вступит в войну с Японией. Уступал Рузвельт и в вопросе установления советско-польских границ, например, после короткой дискуссии согласившись с тем, что Львов станет частью советской Украины, а не останется в Польше. Стороны согласовали и переселение немцев, что, впрочем, казалось Черчиллю неоправданным и жестоким. Лидеры пришли к единому мнению в том, что территориальные потери Польши на востоке следует компенсировать расширением ее территории на западе.

Серьезные споры возникли вокруг формирования польского правительства. Советский вожь настаивал на том, что Польша — вопрос безопасности для СССР, поскольку эта страна на протяжении всей европейской истории становилась коридором для внешних вторжений в Россию. И потому ему нужна была Польша как надежное буферное государство, способное «закрыть дверь» перед захватчиками. Сталин совершенно не собирался уступать в своих практических действиях, но формально согласился с идеей Рузвельта и Черчилля о создании «временного правительства национального единства», которое включало бы в себя представителей польского правительства в **изгнании**.⁶⁹

Станислав Миколайчик действительно вошел во временное правительство, а его Крестьянская партия получила несколько портфелей, о чем состоялись договоренности в ходе переговоров с «люблинскими поляками» в Москве в июне 1945 года. Одновременно в столице СССР состоялся «процесс шестнадцати» — суд над представителями польского движения сопротивления, в том числе генералом Армии Крайовой Леопольдом Окулицким. Они были обманом приглашены на переговоры, арестованы НКВД 27 марта 1945 года, и отправлены в Москву на Лубянку. Операцией по аресту руководил Иван Серов, в то время замнаркома внутренних **дел**.⁷⁰

В июне Миколайчик триумфально вернулся в Варшаву, но его практически сразу стали тра-

вить и выдавливать из политики. Что означало нарушение ялтинских договоренностей, впрочем, абсолютно предсказуемое. В 1946 году при участии Министерства госбезопасности СССР были подделаны результаты референдума, по которому можно было измерить уровень доверия коммунистам (причем по формально малозначащему вопросу о сохранении или несохранении довоенного института **Сената**).⁷¹ Выборы в парламент в январе 1947 года были открыто и цинично фальсифицированы. Энн Эпплбаум приводит строки из мемуаров Миколайчика: «Стоя в очереди к избирательным урнам, люди должны были держать над головой заполненные бюллетени с отмеченным в них номером 3 [номер коммунистического блока], чтобы проверяющие могли это **видеть**».⁷²

«Большая тройка» обсуждала и принципы голосования в совете безопасности будущей ООН, что вынудило лидеров рассуждать на более масштабные темы — как сделать так, чтобы коллективная безопасность распространялась на годы вперед и не держалась исключительно на личных отношениях руководителей государств, которые, как заметил Черчилль, «через десять лет исчезнут». Знал бы он, что уже спустя несколько месяцев сам окажется не у дел, а Рузвельт скончается вскоре после Ялтинской конференции... Сталин же говорил об опасности в будущем конфликтов между союзниками. Предсказать их было не сложно. Но пока союзники пошли на уступки и в том, что СССР, по сути, получил еще два голоса в ООН за счет Белоруссии и Украины как отдельных членов организации.

Еще одна ялтинская договоренность отметила дружбу СССР и США высшей формой доверия — «секретным протоколом», который обсуждался только членами «большой тройки» и не за официальным столом конференции. Он был подписан 11 февраля: в обмен на вступление в войну с Японией Советскому Союзу «передавались» Курильские **острова**.⁷³

На заключительном банкете, проведенном в фирменной сталинской стилистике — он длился четыре часа и был отмечен 45 тостами — Сталин

заметил: легко сохранять союз во время войны, поскольку есть общий враг, труднее будет сохранить его после войны, когда у союзников обнаружатся разные интересы.

Союзнические отношения достигли высшей точки, которая одновременно обозначила начало конца «большой тройки».

Развалившийся союз

«Уступкой Сталина союзникам, — писал Киссинджер, — явилась совместная «Декларация об освобожденной Европе», где давалось обещание о проведении в Восточной Европе свободных выборов и установлении там демократических правительств. Сталин явно полагал, что дает обещание в отношении советской версии свободных выборов, поскольку Красная армия уже оккупировала данные **страны**».⁷⁴ Скорее, Сталин прекрасно понимал разницу между свободными выборами и их советской имитацией, но совершенно не собирался на тех территориях, которые считал своими, учитывать положения каких-то там деклараций.

Помимо уже открытого конфликта вокруг Польши, проблемная ситуация возникла в Румынии, где советский эмиссар Андрей Вышинский без оглядки на союзников и практически насильственно сформировал коммунистическое правительство.

5 марта журнал «Тайм» предсказал начало конфронтации со «сталинской **Россией**».⁷⁵ В конце марта Черчилль выразил свою обеспокоенность Рузвельту, заметив, что ялтинские договоренности не **соблюдаются**.⁷⁶ С этим соглашался и американский **президент**.⁷⁷ Появился и еще один сюжет, подрывавший доверие между членами «большой тройки»: советская сторона была недовольна тем, что союзники обсуждают условия капитуляции немецкой армии в Италии без участия советских представителей (так называемый «Бернский инцидент»). Состоялась переписка Рузвельта и Сталина, конфликт был практически исчерпан, однако на некоторое время возникла неопределенность в связи с внезапной кончиной Рузвельта от инсульта 12 апреля.

Польский и румынский кейсы, «Бернский инцидент» обнаружили глубокие противоречия между членами антигитлеровской коалиции. Впрочем, новый президент США Гарри Трумэн пытался в первое время продолжать линию Рузвельта. И не сразу понял, что это невозможно не только по личным, но и объективным причинам: даже глубокое уважение Сталина к Рузвельту не спасло бы отношения союзников от деградации. Июньская поездка смертельно больного Хопкинса к Сталину в Москву была его последней миссией, которая к тому же оказалась бесплодной. Если не считать договоренности о последней большой конференции союзников на территории побежденной Германии в июле 1945 года.

На Потсдамской конференции союзники приняли решение о разделе Германии и Берлина на зоны. Это было признанием несоответствия интересов и, строго говоря, единственно возможной для Запада политикой — зафиксировать хотя бы фактические территориальные зоны влияния, раз уж все равно придется учитывать непримиримость Сталина, никому не дававшему вмешиваться в управление «его» странами в Восточной Европе. Джордж Кеннан летом 1945-го выступал за раскол Европы и расчленение Германии как за единственную реалистическую **стратегию**.⁷⁸ И хотя это была всего лишь позиция советника посольства США в Москве, в результате именно она объективно и стала «дорожной картой» для Запада.

Практически все обсуждавшиеся вопросы — от снова возникшей проблемы репараций и чрезмерных масштабов переселений немцев до расширения участия Франции, которую, как и Шарля де Голля, Сталин не любил, в послевоенном обустройстве Европы — стали предметами для споров. Именно в Потсдаме Черчилль, потерявший по ходу конференции пост премьер-министра, использовал словосочетание не «железный занавес», а «железный забор» (iron fence), имея в виду изоляцию просоветскими властями британской миссии в **Бухаресте**.⁷⁹ Конкретное решение конкретных проблем было передано так называемому Совету министров иностранных дел держав-победителей, и все конфликты переместились в рабочие рамки конферен-

ций этой структуры. Из «большой тройки» действующим лидером остался только Сталин. Распались и личные связи, отчасти поддерживавшие единство союзников.

В Потсдаме Трумэн сообщил Сталину, что Америка отныне располагает атомной бомбой. Генералиссимус сделал вид, что это новость его совсем не впечатлила. Но, разумеется, и сам факт обладания США супероружием, и практическое его использование в Хиросиме в том же месяце, когда завершилась Потсдамская конференция, лишь усугубили недоверие Сталина к партнерам. Он увидел во всем происходящем «ядерный шантаж» по отношению к СССР.⁸⁰

Тем не менее, в массовом сознании советских людей «большой альянс» все еще существовал. И это не только вопрос естественной неинформированности о деталях переговоров. Существовала и инерция надежд на лучшую и, что важно, более свободную в политическом отношении жизнь после Победы. По замечанию Бориса Пастернака в «Докторе Живаго», «хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание».⁸¹ Война стала длящимся эпизодом не только единства целей союзников, но и единством цели советской власти и народа. О чем, собственно, Сталин и говорил несколько извиняющимся тоном в своем знаменитом тосте за русский народ на кремлевском приеме 24 мая 1945 года: «У нашего правительства было немало ошибок... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство... Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром **Германии**».⁸² Эти надежды на «просветление и освобождение» после войны как «поры **свободы**»⁸³ не сразу, но рухнули вместе с фактическим распадом «большого альянса».

Инерционно союз с западными державами еще рассматривался как нечто важное. Во всяком

случае даже после фултонской речи Черчилля 5 марта 1946 года, от которой традиционно отсчитывается начало холодной войны, продолжались и официальные контакты, и формально неофициальные.

Советское руководство считало, например, чрезвычайно важной с точки зрения пропагандистских (или контрпропагандистских) целей поездку в США писателей и журналистов Константина Симонова, Ильи Эренбурга и Михаила Галактионова, представлявших соответственно «Красную звезду», «Известия» и «Правду». Это был ответный визит после поездки в 1945 году в СССР трех американских журналистов. Как вспоминал Эренбург, «американцы вели переговоры с советским правительством об увеличении тиража журнала «Америка», выходившего на русском языке, об облегчении работы американских корреспондентов в Москве, и государственный секретарь Бирнс решил показать свою добрую **волю**».⁸⁴

Тираж «Америки» действительно ненадолго вырос, но в 1948 году распространение журнала было запрещено, и решение о возобновлении издания было принято только в период хрущевской оттепели в 1956 **году**.⁸⁵ На цензурные послабления для работы иностранных журналистов надеяться уже было бесполезно. Еще осенью 1945 года Молотову досталось от Сталина за то, что он на приеме в Наркомате иностранных дел в честь годовщины Октябрьской революции дал разрешение на снятие цензурных ограничений на корреспонденции иностранных журналистов. 10 ноября 1945 года Сталин, оправившийся от инсульта, случившегося в октябре, направил Молотову, Маленкову, Берии и Микояну телеграмму, выражая недовольствие опубликованием речи Черчилля «с восхвалениями России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР... У нас имеется немало ответственных работников (намек на Молотова. — А.К.), которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов... С угодничеством перед иностранцами нужно вести жесткую **борьбу**».⁸⁶

Шансов на продолжение союзнических отношений не было. Тем не менее, Политбюро выделило писательской бригаде серьезные средства — «10 тысяч долларов (по курсу 1946 года. — А.К.), не считая расходов по **переезду**».⁸⁷ И сами путешественники верили в то, что «вчерашие союзники договорятся», несмотря на то что уже в течение более чем двухмесячной поездки замечали — отношения продолжают ухудшаться: «...настроение рядовых американцев менялось на **глазах**».⁸⁸ Основная миссия бригады становилась невыполнимой. «Мы им там доказывали, как умели, — писал Симонов, — доказывали и рассказывали, и это была истинная правда, — не хотят русские **войны**».⁸⁹

Фултонская речь Черчилля не противоречила тезису Симонова. Бывший премьер, а теперь лидер оппозиции пронизательно замечал: «Я не верю в то, что Советская Россия жаждет войны. То, чего они хотят, — это плодов войны и безграничного распространения своей власти и своих **доктрин**».⁹⁰ Что со всем этим делать, американский истеблишмент уже в принципе знал — из «длинной телеграммы» (22 февраля 1946 года) сотрудника посольства США в Москве Джорджа Кеннана, который тоже, что прямо следовало из его последующей лекции в октябре 1946-го в Стэнфорде, не верил в возможность войны США и СССР.⁹¹

Советским «Фултоном» стало выступление Сталина в Большом театре на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года (тогда проходили выборы в Верховный совет СССР).⁹² В этой речи вождь в очередной раз вернулся к своему тезису о неизбежности войн между империалистическими державами, а победа во Второй мировой была приписана преимуществам советского общественного и государственного строя. Строй менять не надо, индустриализация и коллективизация были оправданы. Союзники были упомянуты лишь единожды, да и то вскользь. Никаких надежд на политические изменения в стране не оставалось. Элбридж Дерброу, глава восточноевропейского отдела Госдепартамента, охарактеризовал основной пафос речи Сталина: «К черту весь остальной мир!» (“To the hell with the rest of the **world**”).⁹³

В некотором смысле на «длинную телеграмму» Кеннана вдохновила эта речь Сталина. Хотя поначалу советник американского посольства считал ее вполне проходной, к тому же он находился в разобранном состоянии — простудился и мучился зубами. Но Госдепартамент очень ждал анализа речи от лучшего знатока России в дипломатическом корпусе. И Кеннан на одном дыхании продиктовал своему секретарю Дороти Хессман «длинную телеграмму» о сути советской политики. Отправляя ее, он извинился за перегрузку телеграфного канала — текст состоял из более чем 5 тысяч **слов**.⁹⁴

Кеннан объяснял американским дипломатам, что это не они недоработали в переговорах с Советами, а сама природа сталинской власти, чьи свойства во многом исторически обусловлены, предполагает конфронтацию: «...они находят оправдание инстинктивному страху перед внешним миром, диктатуре, без которой не знают, как управлять, жестокостям, от которых не осмеливаются воздержаться, жертвам, которые вынуждены требовать <...> В основе невротического восприятия Кремлем мировых событий лежит традиционное и инстинктивное русское чувство неуверенности в собственной безопасности <...> На это <...> стал накладываться страх перед более компетентными, более могущественными, более высокоорганизованными сообществами <...> они всегда боялись иностранного проникновения, опасались прямого контакта западного мира с их собственным <...> они привыкли искать безопасность не в союзе или взаимных компромиссах с соперничающей державой, а в терпеливой, но смертельной борьбе на полное ее **уничтожение**».⁹⁵

Один из ключевых выводов Кеннана состоял в том, что советский режим всегда нуждался во внешних врагах, чтобы оправдать характер своего внутреннего правления. Этот же вывод он обосновал в своей знаменитой статье в «Форин аффејрз» «Истоки советского **поведения**».⁹⁶ Любопытно, что, покинув пост посла США в России в 2014 году, Майкл Макфол пришел к схожим выводам и призвал расстаться с иллюзиями по поводу самой возможности присоединения путинской России к мировому порядку: «В дополнение

к усилению автократии Путин в целях большей легитимации стал нуждаться во враге — Соединенных Штатах».⁹⁷

В советской историографии Кеннана всегда называли идеологом холодной войны, хотя он — автор доктрины сдерживания, основанной на том, что самодеспотический режим рано или поздно умрет сам, и надо только жестко, но не переводя дело в стадию горячей войны, сдерживать его (в долгосрочной перспективе с Советским Союзом так и случилось).⁹⁸

Своего рода ответом «длинной телеграмме» стала депеша, отправленная в Москву 27 сентября 1946 года послом СССР в США Николаем Новиковым. Сделано это было по личному указанию Сталина, а основным автором телеграммы был Молотов:⁹⁹ «...подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству».¹⁰⁰

А вот Черчиллю отвечал — почти сразу после Фултонской речи — сам Сталин в форме ответов на вопросы интервьюеров. И в этих ответах содержались примерно те же тезисы, что в будущей «телеграмме Новикова». Ответы газете «Правда» 14 марта 1946 года были весьма эмоциональными: Сталин обвинял союзников в том, что они хотят «заменить господство гитлеров господством черчиллей».¹⁰¹ Именно так — со строчной буквы — обозначался теперь союзник, которого еще год назад триумфально встречала аудитория Большого театра.

12 марта 1947 года, мотивируя американскую экономическую помощь Греции и Турции, Трумэн заговорил с позиций ценностей. Эта его речь в конгрессе вошла в историю как «доктрина Трумэна»: «Я верю в то, что мы должны помогать свободным людям формировать свою собственную судьбу так, как им самим хотелось бы. Я верю, что наша помощь должна быть в первую очередь экономической и финансовой».¹⁰² Недели раньше в Бэйлорском университете Трумэн говорил о первостепенной важности свободы вероисповедания, свободы слова и свободы предпринимательства. Разумеется,

эта речь была всегда оценивалась в СССР как доктринально оформленная готовность США вмешиваться в дела других стран.¹⁰³

Столкнувшись с такого рода решительными шагами США, Сталин во время своей встречи с Маршаллом в апреле 1947 года говорил о возможности компромиссов. Но лишь убедил нового государственного секретаря США в том, что они более невозможны. «Сталин зарвался, отстаивая свою позицию, — писал Киссинджер, — ибо никогда не понимал психологии демократических стран, особенно Америки. Результатом стал «план Маршалла», Атлантический пакт и наращивание Западом военных потенциалов».¹⁰⁴

План помощи Европе, объявленный Джорджем Маршаллом 5 июня 1947 года, был оценен как шаг в направлении организации «западного блока против Советского Союза»¹⁰⁵ и покушение на зону влияния Сталина — странам-сателлитам СССР было запрещено становиться реципиентами «Плана Маршалла». Академик Евгений Варга, которому был поручен анализ «Плана», написал о других его неприемлемых для СССР свойствах — отмене «железного занавеса», возможностях свободного передвижения товаров, экономической и политической информации.¹⁰⁶

Год оставался до прямого противостояния СССР и западного мира — блокады Западного Берлина в 1948 году. Берлинский кризис, как и грубая коммунизация власти в Чехословакии в том же 1948 году вынудили Запад задуматься о коллективной военной обороне — так возникла идея НАТО.¹⁰⁷

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мое поколение выросло на лучших образцах советской и просоветской политической карикатуры. В 1960-1970-е годы в СССР был невероятно популярен датский карикатурист-коммунист Херлуф Бидstrup, о существовании которого в сегодняшней Дании уже почти никто не помнит. Сборники его рисунков издавались огромными тиражами, по сюжетам карикатур снимались мультфильмы, по нему учились рисовать. Своими первыми представлениями о холод-

ной войне я обязан его карикатурам — например, на Трумэна, размахивающего атомной бомбой. Тощий и длинноногий дядюшка Сэм с козлиной бородой отъедал куски европейского пирога, услужливо преподнесенного ему лидерами стран Европы, и реанимировал гитлеровского солдата в более приличном виде солдата американского. Точнее, офицера, поскольку американский солдат мало что понимал и изображался в виде веселого недотепы, способного, впрочем, случайно насолить своему командиру.

Об опыте союзничества школьники и студенты позднего советского времени знали очень мало или почти ничего. А из самого популярного сериала о советском разведчике, внедренном в Главное управление имперской безопасности, «Семнадцать мгновений весны», мы вынесли знание о секретных переговорах американца Даллеса с гитлеровцами. Хотя в это самое время секретные переговоры с Брежневым во время охоты на кабанов в Завидово вел Киссинджер — назревала разрядка.

Лишь для 4% респондентов «Левада-Центра» победа в войне — это успех именно антигитлеровской коалиции, более 50%, тем не менее, помнят, что союзниками СССР были США и Великобритания.¹⁰⁸ Главные клише о США как мировом жандарме, который навязывает другим народам свою волю и противостоит СССР/России («Мир живет под диктовку США»)¹⁰⁹, перекочевали из советской эпохи в постсоветскую, правда, их реанимации способствовала массивная антизападная пропаганда последних лет.

Опыт военной коалиции уникален и едва ли повторим. Скорее, в большей степени поучительными могли бы стать прецеденты 1960-х-1970-х — при всей их обусловленности конкретными историческими обстоятельствами, но и личными отношениями лидеров и даже «химией» между ними. История нюансирована. Сама по себе она ничему не учит — только лидеры, их советники, общественное мнение на свой лад вольны извлекать из нее уроки. И по крайней мере в этом смысле опыт Второй мировой войны дает действительно богатый материал.

Примечания

- 1 John Lewis Gaddis. George F. Kennan. An American Life. New York, Penguin Press, 2011, p.194
- 2 John Lewis Gaddis. The Cold War. A New History, Penguin Books, 2005, p.6
- 3 Henry Kissinger. World Order. New York, Penguin Press, 2014, p.p.269-271
- 4 Stephen Kotkin. Stalin. Waiting for Hitler, 1929-1941. Penguin Press, New York, 2017, p.632
- 5 Генри Киссинджер. Дипломатия. М., «Ладомир», 1997, с.308
- 6 Лев Безыменский. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., «Вече», 2000, с.227
- 7 И.М. Майский. Воспоминания советского дипломата. 1925-1945 гг. М., «Наука», 1971, с.387-388. Посол СССР в Великобритании Иван Майский писал: «...отсутствие у адмирала Дрэкса письменных полномочий явилось последней каплей, переполнившей чашу многомесячного терпения Советского правительства. Оно окончательно убедилось, что Чемберлен не исправит и что надежда на заключение пакта превратилось в бесконечно малую величину».
- 8 Роджер Мурхаус. Дьявольский союз. Пакт Гитлера-Сталина. М., Издательство АСТ, CORPUS, 2020, сс. 67-69
- 9 В.Г. Трухановский. Антони Иден. М., «Международные отношения», 1983, с.192, Томас Рикс. Черчилль и Оруэлл. Битва за свободу. М., Альпина нон-фикшн, 2019, с.107
- 10 Киммо Рентола. Сталин и судьба Финляндии. М., «Весь мир», 2020, с. 48
- 11 Там же, с.36
- 12 Там же, с.41, 50-51
- 13 Там же, с.59
- 14 Лев Безыменский, Указ.соч., с.277
- 15 Там же, с.206
- 16 Там же, с.290
- 17 Там же, с.291
- 18 Константин Симонов. Истории тяжелая вода. М., «Вагриус», 2005, с.334
- 19 Томас Рикс. Указ.соч., с.183
- 20 Генри Киссинджер. Указ.соч., с.368
- 21 В.Г. Трухановский. Указ.соч., с.220
- 22 James F. Byrnes. Speaking Frankly. New York, London, Harper & Brother, 1947, p.10
- 23 Robert Schlesinger. White House Ghosts. Presidents and Their Speechwriters. New York, Simon & Schuster, 2008, p.26
- 24 Томас Рикс. Указ.соч., с.156
- 25 Lynne Olson. Citizens of London. The Americans Who Stood with Britain in Its Darkest, Finest Hour. New York, Random House, 2010
- 26 Генри Киссинджер. Указ.соч., с. 349
- 27 И.М. Майский. Указ.соч., с.541
- 28 David L. Roll. The Hopkin's Touch. Harry Hopkins and the Forging of an Alliance to Defeat Hitler. Oxford University Press, 2013, p.135-136
- 29 Кристофер Коукер. Сумерки Запада. М., МШПИ, 2009, с.52
- 30 Там же, с.72
- 31 Цитата по: Томас Рикс. Указ.соч., с.190
- 32 Генри Киссинджер. Указ.соч., с. 352
- 33 John Gaddis. The Cold War, p.17

- 34 Henry Kissinger. World Order, pp. 270, 274, 283
 35 И.М. Майский, Указ.соч., с.549
 36 Simon Sebag Montefiore. Stalin. The Court of the Red Tsar. New York, Vintage Books, 2005, pp. 421-423
 Там же, с.637
 37 В.Г. Трухановский, Указ.соч., с.226
 38 <https://newtimes.ru/articles/detail/184150/>
 39 И.М. Майский, Указ.соч., с.578, 582
 40 Томас Рикс, Указ.соч., с.193-194
 41 В.Г. Трухановский, Указ.соч., с.229
 42 Simon Sebag Montefiore. Op.cit., p.409
 43 И.М. Майский, Указ.соч., с.598
 44 Эрик Хобсбаум. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914-1991). М., АСТ CORPUS, с.169
 45 Г. Черняховский. Лев Троцкий. М., «Молодая гвардия», 2010, с.621
 46 L. Trotsky. Stalin. An Appraisal of the Man and His Influence. New York, Harper & Brothers, 1941
 47 Томас Рикс. Указ.соч., с.231
 48 П.П. Владимирова. Особый район Китая. 1942-1945. М., АПН, 1973, с.35
 Там же, с.128-129
 49 И.М. Майский. Указ.соч., с.616
 50 Томас Рикс. Указ.соч., с.211
 Там же, с.202
 51 Генри Киссинджер. Указ.соч., с.369
 52 Montefiore. Op.cit., p.464
 53 Киммо Рентола. Указ.соч., с.70
 54 Генри Киссинджер. Указ.соч., с.369
 55 Monefiore. Ibid., p.475, Киссинджер. Там же, с.371
 56 <https://www.kommersant.ru/doc/4380946#id1911486>
 57 Киммо Рентола. Там же, с.71-72
 58 Киссинджер, Там же, с.371-372
 59 Соломон Волков. Большой театр. Культура и политика. Новая история. М., АСТ, 2018, с.360-362
 60 Бережков Валентин Михайлович. Как я стал переводчиком Сталина. — http://militera.lib.ru/memo/russian/berezhkov_vm/06.html
 61 Майский. Указ.соч., с.690-691
 62 James F. Byrnes. Op.cit., p.23
 63 Майский. Указ.соч., с.692; Byrnes. Ibid., p.24
 64 Byrnes. Op.cit., p.27
 65 Майский. Там же, с.702
 66 Byrnes, Op.cit., p.31-32
 67 Иван Серов. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., «Просвещение», 2017, с. 244-249; Магдалена Семчишин. День Победы. Почему Польша не празднует 9 мая. — «Новая Польша», 2020, Варшава, с.56.
 68 Иван Серов. Там же, с.253; Энн Эпплбаум. Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944-1956). М., Московская школа гражданского просвещения, 2015, сс. 292-295
 69 Энн Эпплбаум. Там же, с.297
 70 Byrnes. Op.cit., p.42-43
 71 Киссинджер. Указ.соч., с.373
 72 Time. Golden Anniversary Issue. Europe. 50 Remarkable Years. Winter 1996, p.4

- 76 Byrnes. Op.cit., p.54-55
 77 John Gaddis. The Cold War, p.22
 78 Ю.М. Мельников. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., Политиздат, 1974, с.49
 79 Byrnes, Ibid., p.74
 80 John Gaddis. The Cold War, p.26
 81 Борис Пастернак. Собрание сочинений в пяти томах. Том третий. М., «Художественная литература», 1990, с.499
 82 Владимир Неvejeин. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Больше кремлевские приемы 1930-х-1940-х годов. М., АИРО-XXI, 2019, с.346
 83 По замечанию Юрия Буртина, многие воспринимали войну как «пору свободы». В поэме Александра Твардовского «Василий Теркин» нет ни одного упоминания Сталина и партии, притом, что произведение получило Сталинскую премию первой степени в январе 1946 года. — Юрий Буртин. Исповедь шестидесятника. М., Прогресс-Традиция, 2003, с.231
 84 Илья Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книги шестая, седьмая. М., «Текст», 2005, с.58
 85 Сергей Чупринин. Оттепель. События. Март 1953 — август 1968 года. М., НЛО, 2020, сс. 168, 288
 86 Рудольф Пихоя. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны 1945 — 1985, М., АСТ, 2007, с.169
 87 <https://www.kommersant.ru/doc/664970>
 88 Илья Эренбург. Указ.соч., с.73
 89 Константин Симонов. Указ.соч., с.366
 90 Генри Киссинджер. Указ.соч., с.397
 91 Рудольф Пихоя. Указ.соч., с.145
 92 https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_01.htm
 93 John Gaddis. George F. Kennan. An American Life, p.217
 94 Ibid., p.219
 95 Ibid., p.220
 96 Ibid., p.228; <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1947-07-01/sources-soviet-conduct>
 97 Michael McFaul, Confronting Putin's Russia? The New York Times, March 23, 2014.
 98 Понятие «сдерживание» (containment) в своей статье 2014 года использовал и Макфол, говоря об «избирательном сдерживании и вовлечении»: «режим должен быть изолирован» с помощью санкций, а вовлечение должно иметь чисто технический переговорный характер, без подталкивания Путина к восприятию западного порядка и ценностей. Ибо это бессмысленно.
 99 John Gaddis. The Cold War, p.30
 100 Пихоя. Указ.соч., с.145
 101 Там же, с.140
 102 Robert Schlesinger. Op.cit., p.47
 103 Ю.М. Мельников. Указ.соч., с.87
 104 Киссинджер. Указ.соч., с.399
 105 Там же, с.153
 106 Там же, с.152
 107 John Gaddis. The Cold War, p.34
 108 <https://www.levada.ru/2015/05/29/den-pobedy-i-aktsiya-bessmertnyj-polk/>
 109 <https://carnegie.ru/2016/03/21/ru-pub-63077>

© Текст: Андрей Колесников

75 ЛЕТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

ИВАН КУРИЛЛА

Мир устроен так, что для объяснения сегодняшних проблем мы все время используем слова, придуманные, чтобы разобраться во вчерашних. К тому времени, как будут придуманы новые объяснительные схемы, более адекватные современности, сам сегодняшний день превратится во вчера. Именно так обострение отношений между Россией и США в последние годы часто называют «холодной войной», опираясь на последний хорошо описанный период международного конфликта, несмотря на то что сегодняшние реалии напоминают биполярное противостояние второй половины прошлого века разве что риторикой политиков, доходящей до взаимных оскорблений.

Но все же — почему «система координат», словарь «холодной войны» до сих пор живет, ведь с начала «холодной войны» прошло уже 75 лет? Это большой срок; через 75 лет после Венского конгресса наступил уже 1890 год: на дворе стояла эпоха броненосцев и пулеметов, а на первые роли в европейской политике претендовала Германская империя, которой просто не существовало во времена наполеоновских войн. Через 75 лет после Версальского мира наступил 1994 год, когда Первая мировая казалась едва ли не средневековым событием. А вот слова, сказанные в 1946 году, до сих пор звучат из уст журналистов и политиков — и резонируют в общественном сознании.

И кстати, давайте вспомним, что Холодную войну чаще всего принято отсчитывать именно от нескольких слов, написанных и сказанных в необязательных текстах, а не от крупных политических или военных событий (которых тоже в те послевоенные месяцы было предостаточно), — и не от договоров и соглашений, подписанных победителями в Ялте или Потсдаме в 1945 году.

22 февраля 1946 года американский дипломат Джордж Кеннан, исполнявший в тот момент должность поверенного в делах США в СССР, отправил в Вашингтон документ, ставший известным как «длинная телеграмма». В ней излагались соображения Кеннана о факторах и движущих силах советской внешней политики, а также — ввиду очевидной необходимости реагировать на продвижение коммунизма в Европе и Азии, — предлагалась политика «сдерживания», то есть не война с Советским Союзом, но и не односторонние уступки со стороны западных держав. Помимо предложения стратегии сдерживания, Кеннан в своей телеграмме довольно метко описал способы думать о внешней политике, принятые в Кремле, указав на чувство уязвимости, диктующее советским лидерам политику, которую на западе было принято считать агрессивной.

Через две недели после того, как депеша Кеннана была прочитана в Вашингтоне, 5 марта 1946 года бывший британский премьер Уинстон Черчилль в присутствии президента Гарри Трумэна прочел речь в небольшом Вестминстерском колледже в городе Фултон, штат Миссури. В этой речи Черчилль призвал американцев к укреплению особых уз дружбы, скрепляющих две англосаксонские державы, а также сообщил, что на Европу «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, опустился железный занавес». За этим занавесом осталась половина континента, но свободный мир больше не может повлиять на судьбы народов Восточной Европы. Обнаруженный Черчиллем «железный занавес» появился вдоль той самой «ялтинской» линии разграничения сфер влияния, к созданию которой он сам был причастен.

В чем значение этих двух событий-текстов, которые вошли в учебники как начало холодной войны? Джордж Кеннан в момент написания телеграммы еще не был даже послом. Черчилль произнес свою речь во время поездки по США не будучи премьер-министром. То есть оба человека не занимались в тот момент формированием или управлением внешней политикой своих стран. И все же они дали новому состоянию международных отношений ключевые метафоры: «сдерживание» и «железный занавес».

Неожиданно оказалось, что именно этого не хватало политикам в Вашингтоне и Лондоне: не было языка, на котором можно было описать это новое состояние мира. В самом деле, окончание мировой войны создало в мировой политике новую ситуацию, в которой не работали старые «системы координат». Вместо концерта нескольких европейских держав, ведомых в своей внешней политике растущим национализмом, как это было в предыдущее столетие, на первые роли вдруг выдвинулись страны, не принадлежавшие к старой Европе, но зато практикующие идеологизированный взгляд на международные отношения, — Соединенные Штаты, поддерживавшие либерально-демократический мировой порядок, и Советский Союз, строивший коммунистическую утопию на базе пролетарского интернационализма.

Для американских государственных деятелей само мировое лидерство оказалось новым испытанием: несмотря на экономическую мощь, вплоть до Второй мировой войны США оставались в мире державой второго ряда (прорыв, совершенный Вудро Вильсоном, серьезно повлиявшим на способы урегулирования после Первой мировой войны, ушел в песок, когда американский сенат провалил все заключенные им в Версале договоры). Теперь же Соединенным Штатам, которым остро не хватало людей, разбирающихся в хитросплетениях мировой политики, — как не хватало и наработанных идей и концепций активной внешней политики, — пришлось подхватывать выпавшее из рук Британской империи (которая сама уже начала распадаться) лидерство и примерять на себя роль «мирового полицейского». Этот острый дефицит идей в Вашингтоне и был тем контекстом, в котором появились метафоры «сдерживания» и «железного занавеса».

Кеннан уже скоро станет критиком идеи «сдерживания» и всей внешней политики США по отношению к России, вплоть до расширения НАТО в 1990-е, но метафора будет жить без его участия. Если рассматривать тексты заслуженного диплома-

та о России в порядке их написания, то можно прийти к выводу, что лучше всего он понимал русскую историю и политику в том возрасте, когда к нему уже не прислушивались в Вашингтоне. В этом состоит один из парадоксов экспертного знания: оно оказывается востребованным, когда резонирует с политическим запросом, а не в тот момент, когда эксперт лучше понимает предмет.

Часто можно встретить суждения, будто Кеннан объяснил американцам, «что Сталин собирается делать», и рекомендовал контрмеры для противостояния советской политике. Современный анализ показывает, что в самом Советском Союзе видение будущего в тот момент не было четким и ясным, оно все время переформулировалось. Ставшие известными в Москве оценки Кеннана и Черчилля сами стали факторами формулирования советской внешней политики; можно утверждать, что «сдерживание» было не только ответом на «советское поведение», но и частично определило его на ближайшие десятилетия.

Актуален ли язык, созданный Кеннаном и Черчиллем, сегодня? Могло показаться, что его списали в архив в тот момент, когда лидеры СССР и США объявили об окончании Холодной войны, когда рухнула берлинская стена или в тот момент, когда над Кремлем спустили советский флаг. Однако уже спустя десятилетие стало понятно, что никакого другого языка для мировой системы так и не придумано. «Сдерживание» и «железный занавес» легко вернулись в обиход и, главное, в мышление политиков по обе его стороны, и это доказательство силы этих метафор.

Дело, конечно, в том, что новая перегруппировка в мировой политике, произошедшая после распада Советского Союза и «мировой социалистической системы», не сопровождалась адекватным обновлением политического языка. Ни в России, ни в США или Великобритании не знают, как описывать новый мировой порядок (или «мировой беспорядок», как стало модно писать), не используя концепты и термины Холодной войны. И метафоры, пережившие свой век, продолжают «размечать» сегодняшние силовые линии международных отношений.

Правда, вместо слова «сдерживание» (containment), означавшего у Кеннана политическое и идеологическое сдерживание коммунизма и распространения в мире популярности советской системы, в обиход вошел его более угрожающий синоним «deterrence» (с коннотациями «отпугивания»), применяемый в узком смысле ядерного или военного сдерживания возможного военного противника.

Вместо «железного занавеса» возникли другие линии разделения; границы «свободного мира» теперь вплотную приблизились к России, оставшейся за рамками большинства европейских и североатлантических интеграционных и военно-политических структур. Мир упустил возможность совсем устранить этот раскол в начале 1990-х, и теперь уже трудно представить себе, что такое было возможно.

Конечно, позиции России в новом расколе заметно слабее, чем ресурсы, которыми располагал Советский Союз три четверти века назад. В 1946 году СССР был популярен в мире как главный победитель нацизма, а коммунизм казался привлекательным многим людям и в Европе, и в ее африканских и азиатских колониях, боровшихся за свою независимость. В 2021 году Россия претендует на роль лидера антизападного консервативного интернационала, — но у этой идеи гораздо меньший потенциал, а главное — антизападные силы не очень нуждаются в глобальном руководстве. Собственно, и мир уже давно не биполярный, — сегодня в нем нельзя не прислушиваться к мнению Китая или к европейским озабоченностям, а завтра в числе «великих держав» может оказаться Индия, Бразилия или кто-то еще.

Однако стоит вспомнить, что автор концепции «мягкой силы» Джозеф Най иллюстрировал ее с помощью кеннановской идеи сдерживания. «Сдерживание привело к успеху в холодной войне, — писал Най, — не в результате военного запугивания, а потому что, как это и планировал Джордж Кеннан, наша мягкая сила помогла трансформировать советский блок *изнутри*»¹. Сегодняшняя проблема состоит, в частности, в том, что коллективный Запад утратил уверенность

в своей мягкой силе. Внутренние конфликты, раздирающие Соединенные Штаты в последние годы, многими наблюдателями оцениваются как бьющие по привлекательности американского образца, а пропагандистами в России, конечно же, используются для дискредитации западных ценностей.

Долгая жизнь «длинной телеграммы» Кеннана и фултонской речи Черчилля напоминают нам и о культурной гегемонии англо-американского мира. В самом деле, мы используем метафоры мировой политики, придуманные англичанами и американцами, — тогда как срок жизни рожденных в России терминов оказывается обычно коротким. «Новое мышление» вдвое моложе «сдерживания» и «железного занавеса», — но кто будет использовать его для описания современных международных отношений? Однако в 1980-е была хотя бы сделана попытка выйти из-под власти метафор холодной войны.

Мы живем в мире, который еще ждет своего описания, своих формул, определяющих политику. Откуда они придут и как надолго переформируют мир, пока неясно. Но это значит, что у многих политиков, философов и теоретиков есть шанс.

Примечание

- ¹ Joseph S. Nye, Jr., "Soft Power and American Foreign Policy," *Political Science Quarterly* 119, no. 2 (Summer 2004): 268–269.

© Текст: Иван Курилла

ИВАН КУРИЛЛА — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, изучает историю российско-американских отношений и использование прошлого в современной политике. Автор нескольких книг, в том числе «История, или Прошлое в настоящем» (серия «Азбука понятий» издательства ЕУСПб, 2017) и «Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимопонимания России и США» (НЛО, 2018).

75 лет назад, весной 1946 года, началась Холодная Война. Тогда никто не знал — она первая, последняя, уникальная или навсегда. Три четверти века спустя мир снова погружается в некое состояние, до сведенных скул похожее на Холодную Войну. Похожее — но не одинаковое; в истории не бывает одинаковых ситуаций, повторяющихся через десятилетия — просто потому, что всё в мире течет и изменяется. Холодная Война 1946-1986 годов началась, во частности, из-за слов — их произнесения, их непонимания, недоверия к ним, уверенности в лживых посылах. Не-частности, которые предопределили этот период, были, конечно же, действиями — опасными, зачастую агрессивными, действиями, которые приводили в движение самые большие экономики в мире, затрагивали жизни более чем миллиарда человек.

ОБ ИСТОРИИ СЛОВ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

ВАСИЛИЙ ГАТОВ

Существует консенсус советско-российских исследователей относительно ключевого значения Фултонской речи Уинстона Черчилля (к тому моменту уже бывшего премьер-министра Британской Империи), произнесенной в присутствии президента США Гарри Трумэна 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже, Индиана — это было, по сути, «объявление» Холодной **Войны как инструмента сдерживания амбиций советского режима**. При всём значении Черчилля и его речи «Основы мира», отставной премьер-министр в этот момент не был никак и никем уполномочен объявлять войну. Вторым западным триггером Холодной Войны считается «Длинная телеграмма», написанная временным поверенным в делах США в России Джорджем Кеннаном 22 февраля 1946 года (и, видимо, попавшая в руки советских разведчиков довольно быстро) — текст, в котором, в отличие от речи Черчилля, **политика сдерживания описана подробно и в мрачных (с точки зрения Москвы) деталях**.

Важно понимать: решение ключевых держав Запада задействовать «сдерживание» Советского Союза, вчерашнего союзника во Второй Мировой войне, не было и не могло быть следствием идеологических инвектив Черчилля или скрупулезного анализа Кеннана. Причиной сдерживания стала **фактическая политика СССР по всей линии со-**

прикосновения двух систем: от Восточной Германии до Средиземноморья, от северного Китая до западного Ирана. Скорее, слова Черчилля и Кеннана стали для советских идеологов (точнее, лично для Сталина) отличной точкой опоры в той политике, которую СССР собирался проводить после войны: политики максимального расширения зоны безопасности и контроля вокруг границ СССР, которая удовлетворяла параноидальные страхи вождя. Стремление Сталина отодвинуть военную угрозу как можно дальше от границ СССР прекрасно совмещалось с его желанием установить максимальный контроль над народами Восточной Европы.

Когда историки разбирают военные конфликты, они тщательно собирают все возможные обстоятельства, предшествовавшие событию: дело не только в том, что они хотят определить ответственность той или иной стороны за развязывание войны, но и в том, что изучение прошлого позволяет избежать ошибок в настоящем и будущем. Если считать Холодную войну законченным конфликтом, то понимание её источников, причин и хода событий являются если не полноценным ключом к анализу сегодняшней ситуации, то позволяют точнее оценить риски, дать рекомендации в части потенциальных ошибок как в оценке собственных сил, так и в оценке противника.

Ответственность за развязывание той, старой Холодной войны, безусловно, лежит прежде всего на Сталине: в 1945-1953 годах его внешняя политика была, без сомнений, агрессивной, и, что важно, «необъявленной» (в том смысле, что идеологическая трескотня про миролюбие была, но действия — что в Восточной Европе, что в Азии — никаким пацифизмом не отличались). Политика США и Великобритании, ведущих держав Запада, хотя и включала военные и военно-политические элементы, была прежде всего открытой и «объявленной» — президенту и премьер-министрам нужно было защищать те или иные действия (и слова) в парламентах, объяснять европейским союзникам, удерживать хрупкий баланс в свежесозданной Организации Объединенных наций. Естественно, и в западной политике сохранялись элементы засекреченные, спрятанные не только от посторонних, но даже и от своих внутренних глаз — деятельность ЦРУ и британских спецслужб, в том числе, по противостоянию СССР в Европе, включая, например, совсем не комильфо сотрудничество с бывшими нацистами в Германии и фашистами в Италии. Однако, операция Gladio (даже если она существовала на самом деле, что до сих пор не признано официально) была всего лишь приготовлениями к возможному коммунистическому мятежу и вторжению Советской Армии; в то же время СССР вооружал и поддерживал советниками греческих коммунистических повстанцев, создал и готовился защищать просоветские «республики» в Западном Иране, проводил массовые депортации граждан восточно-европейских стран в советский ГУЛАГ.

Специально подчеркну, что речь выше идет всего о двух годах, прошедших с Потсдамской конференции, на которой был юридически оформлен раздел Европы между двумя политическими полюсами — атлантическим (американо-британским) и советским. Сталин-союзник стремительно вернулся, для западных лидеров, в тот образ, который за ним закрепился до войны — безжалостного, тоталитарного лидера идеологического режима, желающего физического уничтожения капитализма и либеральной демократии. Ответы на действия Сталина, сформулированные в текстах

Черчилля и Джорджа Кеннана, в свою очередь, опирались на политическую идеологию Вудро Вильсона, 28-го Президента США, который сформулировал её как основу мирных переговоров в конце Первой мировой войны. Это и есть тот самый «мировой порядок», против которого боролись и Ленин со Сталиным, и настоящие и мнимые революционеры в третьем мире — мир по лекалам Америки, ради лидерства Америки и под американским «зонтиком безопасности».

Как верно подметил исследователь из Йельского Университета Дэвид Энгерман, «Холодная война была войной в том смысле, что в ней схлестнулись две достаточно жесткие и давно противостоявшие друг другу идеологии [считавшие себя] универсальными, мессианскими и детерминистскими. Каждая из них считала «свой мир» венцом цивилизационного творения, каждая верила в неизбежность прогресса, каждая полагала целью покорение мира, включая носителя противоположной идеологии. Но что делало её Холодной? Прежде всего, то, что стороны не были сконцентрированы на прямом конфликте между собой, поскольку не предполагали ни возможность покорения, ни даже трансформации друг друга»¹.

Прохладная Войнушка 2010-х началась, в целом, похоже. Оказавшись, по результатам первой Холодной Войны, фактическим вильсоновским «лидером мира», Соединенные Штаты — в полном соответствии со стратегическим видением — стали вести политику «конструирования» новых государств и режимов, образовавшихся на огромном постсоветском геополитическом пространстве. Где-то это получалось чуть лучше, где-то не получалось совсем. Где-то было достаточно политического и экономического давления, где-то требовалась вся мощь американской военной машины (как в Ираке, например).

Для России фактическое поражение в Холодной Войне было частично «смазано» острейшим политическим и экономическим кризисом, который разразился в конце существования СССР. Потребовалось более десятилетия, чтобы проигравшая сверхдержава задумалась — в лице своего руководства — над тем, как далеко зашла трансформация

© Фото: Григорий Ярошенко

Рах Амерісана, и что потеряно со времен СССР. Естественно, это не была мгновенно пришедшая в голову мысль — о несправедливости, с российской точки зрения, окончания главного противостояния XX века писали консервативные и патриотические публицисты прямо с дней Горбачева, — однако до середины 2000-х США и Запад в целом не «заглублялись» столь сильно и глубоко в российский периметр безопасности. Включение в НАТО стран Балтии, продвижение инфраструктуры альянса на Восток вопреки возражениям России, — всё это, как и действия Сталина в первые годы после Великой войны, вызывало у российского политического и военного руководства серьезные опасения. То есть ситуация, скорее, перевернулась относительно времен Длинной Телеграммы и Фултоновской речи — о политике сдерживания (оправданной или нет — другой вопрос) задумались русские, а не Запад.

Принципиальная разница, между тем, была (и остается) в том, что идеологический компонент Холодной Войны — наличие двух, остро конфликтующих в своих основах и практике, идеологий — отсутствует. Российские (и лично путинские) возражения против однополярного мира носят не доктринальный характер, а, скорее, этический (нас не уважают) и ситуативный (вот тут, тут и тут вы с нами не посчитались) характер со времен Мюнхенской речи 2007 года. Кроме того, если в мире 1946 года действительно было только две могущественные страны (и эта ситуация охватывала все начальные стадии, до разрядки), то теперь таких стран не две, а как минимум, пять (плюс Китай, плюс Индия, плюс Европейский Союз).

Если полагать «фултоновской речью» выступление Путина в Мюнхене, на конференции по безопасности, в 2007 году, то — в модельной периодизации той, первой Холодной Войны, мы уже где-то в 1958-м, в реестре «догнать и перегнать Америку» (с советской стороны) и всемогущества ЦРУ в тайных операциях против советских интересов. Однако в предложенном выше «перевертыше» что-то не сходится — Россия продолжает оставаться догоняющим (с большими проблемами), спецоперации и вмешательство во внутренние дела остаются фирменными блюдами из советского ассортимента,

равно как и создание и поддержание «замороженных конфликтов». В отличие от 1950-х, бессмысленно сравнивать экономические ресурсы «блоков» — преимущество на стороне Запада, причем с явным перевесом.

Когда контуры нового «холодного конфликта» стали проясняться, примерно в 2012-2013 годах, один умудренный опытом предыдущей Холодной Войны дипломат сказал мне, что «В России пришли к власти люди, до сих пор уверенные, что в финале их обманули. Проблема же состоит в том, что они обманывали сами себя слишком долго, чтобы признать поражение».

Возвращение к истории, риторике и образам Холодной Войны — с Железным Занавесом, рыцарями плаща, кинжала, дезинформации и regime change — это довольно мрачная мелодия, которую нам предстоит слушать еще достаточно долго. Как минимум, столько, сколько проживет один человек, которому сейчас 69 лет. Почти столько, сколько прошло со смерти Сталина, обозначившей окончание первого — самого тревожного — периода той Холодной Войны.

Увы.

Примечание

- 1 Engerman, D. (2010). Ideology and the origins of the Cold War, 1917–1962. In M. Leffler & O. Westad (Eds.), *The Cambridge History of the Cold War* (The Cambridge History of the Cold War, pp. 20–43). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CH019780521837194.003

© Текст: Василий Гатов

ВАСИЛИЙ ГАТОВ — российско-американский медиаэксперт, приглашенный научный сотрудник Анненбергской школы коммуникаций и журналистики Университета Южной Калифорнии. С середины 1980-х как журналист, освещал многие важнейшие события советской и российской истории, от Чернобыльской катастрофы до войны в Чечне. В 2000-2013 годах работал в качестве руководителя и стратегического директора в различных российских СМИ, возглавлял Медиа Лабораторию РИА Новости (2010-2013). С 2014 года живет и работает в Бостоне, США, занимается историей медиа, Холодной Войны и пропаганды.

РОССИЯ КАК ЧАСТЬ НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ И ЕВРОПЕЙСКОГО ЕДИНСТВА

СЕРГЕЙ ДУБИНИН

ПОТУСКНЕВШИЕ ИЛЛЮЗИИ

Многообразие и единство противоположностей.

Несколько поколений российских граждан на протяжении XX и XXI веков приняли участие в двух противоречивых проектах глобализации человеческого общества. Первым из них было строительство коммунистического будущего. Вторая попытка включиться в решение глобальных задач происходила также на наших глазах в 1990-е годы. Тридцать лет назад Россия начала процесс присоединения к мировому рыночному хозяйству. Две эти задачи, на первый взгляд противоположные, имели одну важнейшую общую черту — они указывали нашей стране путь в *Будущее*, от технологической отсталости к модернизации, от архаичного кланового общества к интернациональному, и от «самодержавия» личной диктатуры к демократии. Ни один вариант идеального будущего построить в России нам не удалось.

Распад Советского Союза и социалистического лагеря был прямым результатом неэффективности их экономики, отсталости и непривлекательности социальных условий жизни. Модернизация не сводится к техническому прорыву, тем паче к прогрессу в производстве вооружений. Для под-

держания потенциала развития само общество должно постоянно обновляться. Социализм отказывал людям в этом инновационном процессе.

Но и другой цивилизационный большой проект, — либеральная политическая демократия и рыночная экономика, — не оправдал надежды россиян. Не только многие рядовые граждане, но и российские элиты не верят сегодня в то, что эта модель применима в нашей стране. Более того, они не верят, что она реально работает и за рубежом, даже в наиболее развитых странах. Конечно, скептическое отношение к идеалам Нового времени и Просвещения сегодня широко распространились в мире. Однако, российское общество успело разочароваться в плодах эпохи Модерна даже до того, как в нашей стране была проведена реальная модернизация политической и экономической системы.

Теперь, анализируя пройденный путь, мы можем увидеть, что российский этно-национальный культурный комплекс не включает в себя достаточного набора модернизационных ценностей, которые должны сделать устойчивым воспроиз-

водство современных общественных отношений и спроса на технологические инновации. Российская элита остается уверенной в неизбежности и преимуществах максимальной централизации власти в условиях громадной многонациональной страны. Консервативно настроено и большинство граждан старших поколений, ищущих свои ценности скорее в советской модели, советском образе жизни, чем в дореволюционной истории. Важнейшее достоинство СССР связывается ими не с туманными обещаниями коммунистического благоденствия, переносившегося во все более далекое будущее, а с относительным социальным равенством, вплоть до уравниловки.

Сегодня граждане России, уже со вполне потускневшими иллюзиями, вновь переживают период мучительного выбора дальнейшего пути. Правящие элиты предлагают строить будущее как копию улучшенного и отретушированного Прошлого. Эффективным заранее объявляется то, что идейно и морально устраивает национальную элиту, претендующую на роль верховного судьи в этих спорах. Подавляющая часть этих идей также заимствуется из прошлого.

ФАНТОМНЫЕ БОЛИ ПОТЕРЯННОЙ ИМПЕРИИ

Устойчивая и привычная идеологическая установка «осажденной крепости», «враждебного окружения» позволяет происками врага объяснять любые трудности и неудачи, как во внутренней, так и во внешней политике. США, НАТО, Запад являются настолько мощным противником, что российские граждане должны гордиться своей способностью противостоять им.

Место и роль российского государства в системе международных экономических и политических отношений имеют чрезвычайно большое влияние на самосознание российской нации. Так называемый «имперский синдром» определяет многие не только внешнеполитические, но и внутривнутриполитические решения. Печальный

абсурд «Постмодерна» в России заключается в том, что возвращение к идеям консерватизма, к практикам прошлого и позапрошлого столетий, к популистским лозунгам возрождения «величия Империи» неизбежно ведет к усилению международных противоречий и напряженности.

Вместе с тем нельзя сказать, что общество поддерживает *любые* действия антизападной направленности. Атмосфера доверия со стороны общества к советскому руководству в середине 1940-х годов после победы в Великой Отечественной войне обеспечивала народную поддержку резкой смене курса от сотрудничества с западными союзниками к конфронтации. Но уже тридцать лет спустя поворот к разрядке был воспринят с большим облегчением, как проявление мудрости. «Лишь бы не было войны». В наши дни «гибридное» противостояние с Западом вызывает усталость и недоумение. Вызывает большие сомнения сама идея использования национальных исторических прецедентов для решения совершенно новых задач.

* * *

Модернизаторы и консерваторы

На протяжении нескольких столетий политические взрывы и перемены происходили в странах Европейской цивилизации под лозунгами модернизации. Прогресс общественного развития отождествлялся прежде всего с самоидентификацией и самореализацией свободной личности. В это понятие вкладывался смысл обновления общественной жизни на основе принципов правового государства, личной свободы и политического равноправия. «Модернизаторы» из числа элиты противопоставляли себя «консерваторам».

Для наших современников дискурс «модернизации», «эпохи Модерна», «Нового времени» оказался перегруженным оценочным положительным смыслом. В контексте данной работы понятие «модернизация» нами используется в том смысле, который ему придавали не только К.Маркс, Ф.Энгельс, но и такие современные историки и социологи как Р. Козеллек, О. Марквард, Х-У. Велер, Ю. Кока.*

Однако, как у каждой светлой идеи, и здесь обнаружилась своя темная сторона. В первой половине XIX века стало очевидно, что интересы нового национального государства органично включают в себя внешнюю военную экспансию. Революционные армии должны были «нести с собой идеалы освобождения» в соседние страны. Затем в веке XX-ом единство европейской христианской цивилизации подверглось колоссальным испытаниям в двух чудовищных мировых войнах. Ориентация на национальное единство и прогрессивное национальное государство обернулась воинственным национализмом. Именно он подтолкнул правящие классы к началу большой войны, обеспечил ей общественную поддержку. Национализм породил теорию и практику итальянского фашизма и немецкого нацизма.

Логическим следствием ориентации государства на развитие и расширение являлась территориальная экспансия. Именно приобретение новых подконтрольных регионов служило критерием успешности государственной власти. Создание трансконтинентальных морских империй и сухопутных континентальных империй (европейских, евразийских и азиатских) решало именно эти задачи. До настоящего времени и в народном сознании, и в ценностях правящих элит бывших имперских государств убежденность в том, что территориальное расширение — лучшее доказательство состоятельности власти, постоянно возрождалась.

Меняющаяся многополярность

Реальный ход истории опроверг оптимистическое убеждение как основоположников марксизма, так и их оппонентов из числа националистов, что именно массовые народные движения и насильственные революции — это «локомотивы истории», что они ведут человечество к модернизации и успеху. Ни кровавая коммунистическая революция и гражданская война в России, ни фашистский «поход на Рим» не привели к свободе, справедливости и процветанию, которые были обещаны простым людям. С исторической точки зрения политические и экономические

перевоороты в Восточной и Центральной Европе проходили почти синхронно в 1920 — 1930-е годы. Все они были направлены на разрушение либеральной рыночной экономики и либеральной политической демократии.

Первая Мировая война привела к гибели континентальных империй. Но это не обеспечило долгого мира. Национальные государства через два десятилетия вступили во Вторую мировую войну.

Сегодняшняя многополярность имеет глобальный, а не континентальный характер; соответственно, кризисы тоже. Структура мирового порядка трансформируется в неблагоприятном для европейских культур направлении. Под вопрос сегодня поставлены основы как внутреннего, так и внешнего общественного согласия.

Вес и влияние в мире США, Соединенного Королевства и стран ЕС чрезвычайно высоки, их позиции в экономике, культуре, в военном потенциале остаются преобладающими. Однако европейская христианская цивилизация более не может претендовать на то, что наиболее развитые страны, принадлежащие к этой культурной традиции, прокладывают и определяют единственно возможные пути развития мира.

Во-первых, следует иметь в виду, что огромное большинство населения современного мира живет в условиях многонациональных, а не национальных единых государств. Это относится к США и странам ЕС, к России и к Соединенному Королевству, к крупнейшим по численности населения странам — Индии и Китаю. Таковы почти все крупные африканские страны южнее Сахары.

Во-вторых, все европейские страны просто вынуждены были констатировать, что современное общество в них неоднородно, и их «мультикультурализм» основан на многих этносах и религиозных группах. Объединение их в единую гражданскую нацию является желанной целью, но она пока далека от достижения.

В-третьих, постоянный приток в Европу мигрантов и беженцев из стран соседнего неевропейского мира вовсе не является лишь кратким кризисным эпизодом. Очевидно, что это дол-

госрочный вызов, на который нет адекватного ответа.

В-четвертых, структура современного мирового порядка, как функционирующей системы, характеризуется многополярностью мира, наличием многочисленных трендов социально-экономического развития. Для отражения этой реальности в настоящее время принято использовать понятие множественности взаимодействующих цивилизаций.

ФАКТОР КИТАЯ КАК НОВЫЙ ЭТАП МИРОВОЙ ИСТОРИИ

КНР сегодня вторая по значению экономическая держава в мире. По данным Всемирного банка ВВП Китая в текущих ценах составляет 17,5% мирового объема. Тогда как доля США равна 25,5%. В 2020 г. по абсолютным цифрам объем ВВП Китая уступал показателю США на 5,59 трлн. долл. в текущих ценах. Однако разрыв быстро сокращается. Темпы экономического роста Китая опережают американские, прогноз на 2021г. 8,24% и 3,08% соответственно [2]. В первом квартале 2021г. ВВП Китая вырос в годовом исчислении на 18,3%. Безусловно, это связано с сокращением данного показателя в первом квартале предыдущего года, когда впервые за несколько десятилетий экономический рост принял отрицательное значение около -6,0%. В конце 2020г. положительные показатели развития экономики восстановились [3].

Внешнеполитические амбиции Китая до последнего времени отчетливо не формулировались. Предпочитали говорить об экономическом сотрудничестве с соседними и далекими странами. Программа «Один пояс, один путь» (ОПОП) символизировала именно продвижение китайских товаров и инвестиций на мировые рынки. Однако времена изменились.

Именно в период пандемии руководство Китая приняло решение активно продвигать свою модель развития в качестве образца для широкого круга стран-партнеров. ОПОП стала кон-

цепцией нового механизма глобальной кооперации посредством инноваций и цифровизации. Новый глобализм стал не просто лозунгом, а двигателем конкурентной борьбы.

Подъем Китая, растущего экономического гиганта, который не принадлежит к европейской христианской цивилизации, открыл новую страницу в современной истории. Предшествующий пример данного рода — экономический расцвет Японии — не остался исключением из правил. За ними последовали Южная Корея и страны Юго-Восточной Азии, которые формируют сегодня зону самого устойчивого и интенсивного экономического роста.

США и Китай

Достижения в информационных технологиях выдвинули современный Китай на роль основного конкурента Запада на мировых рынках, а затем (что более важно) в качестве главного соперника в создании альтернативной модели развития. Это было зафиксировано в американском списке основных враждебных США «ревизионистских держав», опубликованном в декабре 2017 г. Администрация президента Дональда Трампа констатировала в Стратегии национальной безопасности США, что «Китай и Россия бросают вызов американской власти, влиянию и интересам, они пытаются нанести ущерб американской безопасности и процветанию» [9]. Затем в многочисленных официальных документах администрации Трампа было сказано о том, что Иран, Северная Корея, Россия, Китай представляют собой угрозу для международного порядка. Того самого мирового порядка, который лондонский журнал «Экономист» назвал «управляемым американским полицейским» [10].

Этот подход не изменился и со сменой политической власти в Америке. В программе торговой политики администрации Дж. Байдена утверждается, что практика внешней торговли КНР наносит ущерб национальным интересам США. Речь идет о «спектре китайских несправедливых практик»: пошлинах и нетарифных барьерах, несправедливых субсидиях и использовании Китаем прину-

дительного труда. «Противодействие вызову со стороны Китая требует всеобъемлющей стратегии и более систематического, а не фрагментарного подхода, как это было в последнее время». По вопросу противостояния Китаю правительство США намерено работать с союзниками и партнерами.

Глава пресс-службы Госдепартамента Нед Прайс заявил: «Китай — наш фундаментальный конкурент. Китай является для нас главным геополитическим вызовом в XXI веке... [Россия] не несет или не имеет потенциала, возможностей, чтобы представлять такой же вызов, как Китай» [11].

Между США и КНР в 2018-2020 гг. было возвращено нарастающее противостояние во внешнеэкономической сфере. Администрация США пытается теперь изменить условия конкуренции в свою пользу, для чего использует инструментальный многочисленных санкций. «В результате между США и КНР началась новая торговая война, в ходе которой США объявили о взимании повышенных таможенных пошлин с февраля 2019г. на 25% на экспортные товары на 250 млрд. долл., а Китай в ответ объявил о повышении пошлин на американские товары на 150 млрд. долл., т.е. практически на весь американский импорт в КНР» [12].

Министерство торговли США ведет множество списков юридических лиц, с которыми не только американские, но и зарубежные компании не могут иметь дело... Их число выросло с 51 в 2016г. до 159 в марте 2020г. Китайские юридические лица составляют 2/3 от этого прироста.

Крупнейший мировой производитель телекоммуникационного оборудования китайская компания «Хуавей» (*Huawei*) оказалась в центре этого конфликта. «Хуавей» сконцентрировала в своих руках более трети патентов на технологию 5G. 16 мая 2019г. президент США Дональд Трамп ввел своим указом режим чрезвычайного положения, который позволил внести в список «национальных угроз» компанию «Хуавей» и все её дочерние предприятия. Одновременно администрация США обратилась к своим союзникам с призывом отказаться от приобретения технологии «Хуавей» для создания сетей 5G. Возник-

ла реальная угроза разделения стандартов между ведущими участниками процесса создания IT платформ на базе сети 5G. Если такой процесс примет структурный характер, телекоммуникационные стандарты 5G разделят мировое цифровое информационное пространство на соперничающие группировки. Поле борьбы наверняка станут крупные рынки большинства стран Южной и Юго-Восточной Азии, а возможно и других континентов. Соперничество развернется между Китаем и США за то, чья модель 5G распространится на возможно большее киберпространство.

Вместе с тем обе стороны не прерывают попытки найти приемлемые рамки взаимовыгодного сотрудничества. Глава МИД КНР Ван И акцентировал стремление Китая к нормализации американо-китайских отношений. «Чрезвычайно важно понять, что ради общих интересов двух стран и всех народов мира сотрудничество должно обладать... Рассчитываем на встречные шаги Вашингтона в пользу снятия необоснованных ограничений на американо-китайское сотрудничество без создания новых искусственных преград» [11].

Необходимость для ведущих экономических держав продолжать плодотворный торговый обмен определяется существующими интенсивными связями. По данным Главного таможенного управления КНР объем внешнеторгового оборота страны за два первых месяца 2021г. в годовом исчислении выросла на 32,2%. В том числе с США — на 69,6%; со странами ЕС — на 39,8%; с Японией — на 27,4%. Тогда как с Россией — на 8,5%.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РОССИЙСКОГО ВЫБОРА

В предшествующем столетии в двух мировых войнах побеждала коалиция государств, чей совокупный экономический потенциал превышал потенциал коалиции противника. Но одной военной победы оказалось недостаточно. «Слава, купленная кровью» не обеспечивает навечно положение мирового лидера, если она не подкреплена ежедневным преуспеванием на мирных полях

экономической деятельности. Что подтвердилось на исходе Холодной войны крахом социалистической системы европейских государств. Сегодня очевидно, что возможности каждого из полюсов экономического и геополитического влияния на мировой арене будут определяться успехами их экономического развития.

Выделение в современном мире многочисленной группы *стран развивающихся рынков* носит неслучайный характер. С одной стороны, они осуществляют догоняющее развитие, стремятся достичь технико-экономических показателей наиболее развитых государств, с другой стороны общественное устройство и культурный цивилизационный опыт развития создает сложности для достижения этих целей. Примеры исторического развития стран Южной и Центральной Америки на протяжении двухсот лет независимости от исторических империй-колонизаторов демонстрируют всю сложность данного процесса. Страны, возникшие в результате распада континентальных или морских империй — Британской, Российской, Турецкой, Испанской — демонстрируют склонность сохранения тех общественных институтов и традиций, которые были характерны для прежних центров господства.

Эти страны, как и Россия, прошли исторические этапы освободительной народной кровавой революции, реставрации в форме диктатуры, современный период авторитарных режимов с легитимизацией в ходе плебисцитарного голосования о доверии вождю. Это не мешает всем этим странам, как и России, принадлежать к европейской культурной и религиозной цивилизационной традиции.

Самоидентификация нашей страны в качестве участника группы BRICS — явление не временное и не случайное. Постсоветская экономика делает Россию страной развивающегося рынка. Ей свойственны те же противоречивые черты, которые характерны для среднеразвитых государств. Несовершенный рынок с отраслевыми картелями, многочисленные государственные сырьевые концерны, теснейшие связи с административным аппаратом, прежде всего с силовыми вооружен-

ными структурами государства, коррупция — все что именуется кратко «клановый капитализм» (CronyCapitalism), — и работает в почти неизменном виде на протяжении десятилетий.

По объему ВВП Россия сохраняет 11 место в мире. Номинальный размер ВВП России практически стагнирует на протяжении более десяти лет. В 2007г. данный показатель впервые достиг уровня 1,4 трлн. долл.; в 2020г. он оценивается в 1,5 трлн. долл. В 2013г. размер российской экономики составлял 13,6% американской экономики, достигнув 2,3 трлн. долл., а в 2020 г. доля отечественной экономики в сравнении с американской составляла около 7,0%. В результате данного развития событий доля России в мировом ВВП в 2020г. сократится ниже уровня предшествовавшего года (1,94%) и оценивается в 1,75%. По данным прогноза МВФ эта доля к 2025г. снизится до 1,67% [4].

За трехлетний период, предшествовавший пандемии COVID-19, по данным МВФ среднегодовые темпы роста ВВП России составляли около 2,0%. Этот показатель оказался ниже, чем у большинства постсоветских стран. Россия по среднегодовому приросту ВВП сравнялась с Беларусью и обогнала только экономику Азербайджана. По прогнозу ЕАБР в период 2021-23гг. темпы роста ВВП России составят менее 3,0% в год, что превышает показатель Беларуси, но уступает остальным странам — членам ЕАЭС.

Кризисный период пандемии COVID-19 в 2020-2021гг. усугубил негативные тенденции в экономике России. Кризисный спад в эти годы в странах развивающихся рынков составлял -2,1%, тогда как сокращение ВВП России в 2020г. превысило -3,0%. В течение 2021г. согласно прогнозу МВФ в данной группе стран началось восстановление экономического роста. Реальный прирост ВВП должен составить 6,7%. Тогда как в экономике России данный показатель оценивается в 3,8%. По прогнозу ЕАБР в период 2021-2023гг. темпы роста ВВП России составят менее 3,0% в год, что превышает показатель Беларуси, но уступает остальным странам — членам ЕАЭС [5];[6].

Назад в СССР?

Прочитав это, большое число россиян скажет: «Вот и ладно, вернемся к закрытой экономике. Жили так в СССР, и теперь проживем!» Проживем, конечно, вопрос только как? Надо быть готовыми к возвращению советского образа жизни во всем его объеме. От застоя в технологиях до жизни без мобильной связи и интернета, от очередей в продовольственных магазинах до закрытия частных поездок за границу. Любой честный инженер подтвердит, что при инвестициях в промышленное производство он предпочтет электроэнергетические турбины «Сименса» или «Пратт энд Уитни», станочный парк лучше пополнить поставками оборудования из Японии или Германии. Кстати, так было и в советское время. В аграрном секторе, успехи которого в последние годы нас так радуют, нам также важно сотрудничать с развитыми экономикой. Ведь посевное зерно, молодняк животных для ферм и птицефабрик, оплодотворенную икру лососевых рыб для рыбных ферм мы сегодня покупаем на мировых рынках.

На протяжении последних ста пятидесяти лет истории нашей страны технологическая модернизация всегда осуществлялась с использованием импорта технологических решений и соответствующего оборудования. Источником ресурсов для этого служил экспорт зерна и минеральных ресурсов. В периоды рыночного развития отечественной экономики большое значение имели прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в основной капитал российских предприятий. Наибольший приток этих иностранных капиталовложений в XXI веке был зафиксирован в 2008 и 2013 годах: 65 и 60 млрд. долл. соответственно. В 2020 г. по данным отчетности Банка России объем ПИИ составил 1,4 млрд. долл. Это примерно в 20 раз меньше, чем годом ранее (28.9 млрд. долл.), и является наименьшим показателем с 1994г. (0,634 млрд. долл. [7].

Последствия замедления экономического роста не сводимы к снижению общего уровня доходов и благосостояния населения. Оно свидетельствует о недостаточности нормы накопления

(доли инвестиций в основной капитал в ВВП) в нашей стране. На протяжении более чем десяти лет данный показатель не превышал 22-24%. Привлекательность российской экономики для инвестиций остается низкой. Нехватка капиталовложений ведет к замедлению модернизации структуры экономики России. А ведь ответ на вопрос, сможет ли наше общество пользоваться достижениями современных технологических инноваций, непосредственно зависит от инвестиционного климата в России.

После окончания Второй мировой войны технологические и экономические инновации в сфере обработки и передачи информации начали происходить быстро нарастающими темпами. Этот процесс вызвал многочисленные и глубокие общественные сдвиги. ИТ компании, начав своё существование в качестве технологических стартапов, провели перестройку системы информационного финансового и технологического обмена снизу, с микроуровня. Глобализация второй половины XX и первых десятилетий XXI веков характеризуется становлением общемировых сетевых структур, т.е. киберпространства. Во многом именно приспособление человеческого общества к развитию информационных технологий сформировало тот мир, в котором мы живём. Потенциал каждого из полюсов экономического и политического влияния на мировой арене уже определяется их возможностью структурировать и использовать информационные потоки и ИТ платформы в киберпространстве.

СМЕНА ТЕНДЕНЦИЙ

Финансовый и экономический кризис 2007-2009 годов стал самым ярким событием, обозначившим смену доминирующих тенденций развития стран европейской цивилизации. С одной стороны, он продемонстрировал, неспособность правящей элиты наиболее развитых западных государств предотвратить распад рынка производных финансовых инструментов по ипотечным кредитам [8]. Такой авторитетный эконо-

© Фото: Григорий Ярошенко

мический эксперт как Лоуренс Саммерс оценил этот экономический обвал как «Великую рецессию» и начало «вековой стагнации», т.е. долгосрочного разрыва выпуска продукции при состоянии неполной занятости. С одной стороны, он продемонстрировал, неспособность правящей элиты наиболее развитых западных государств предотвратить распад рынка производных финансовых инструментов по ипотечным кредитам [8]. С другой стороны, на фоне кризиса и замедления развития высветился обширный перечень социальных и экономических проблем. Прошедшее десятилетие не привело к их урегулированию.

К числу основных вызовов можно отнести:

- усиление социального неравенства (revenues inequality);
- новая экономическая реальность и стагнация экономического роста (new economic reality&economic growth stagnation);
- возрастной дисбаланс и старение населения (age population imbalance);
- кризис пенсионного обеспечения (retirement pension reform);
- миграционный кризис (migration crisis);
- экологический кризис (ecological disaster);
- инфекционная пандемия (infectious pandemic).

Нет сомнений, что данный перечень актуален для России не в меньшей степени, чем для стран Запада.

Конкурирующие цивилизации и разобщенные нации

Традиционный и привычный для нас международный экономический и политический порядок был создан державами-победителями во Второй мировой войне. Он был зафиксирован в уставах ООН и других международных организаций. Важным фактом послевоенного политического процесса в мире являлось возвращение в центр внимания в качестве основополагающих принципов жизни таких идеалов Эпохи Просвещения, как свобода личности, права человека, равенство всех людей перед законом. Возрож-

далась вера в прогресс. Но эти тенденции вновь подвергаются пересмотру в наши дни.

После победы в двух Мировых войнах политики из элиты стран западной демократии были твердо убеждены в том, что они и их политические преемники навсегда утвердились у власти, располагают властью в государствах сегодня и будут располагать ею в будущем. Это убеждение превратилось в самоуверенность и подлинную эйфорию после распада СССР и социалистического блока стран в Восточной и Центральной Европе. Запас доверия населения, действительно, был огромен. Его хватило на 70 послевоенных лет. Но он оказался не вечен. Черeda социальных и экономических кризисов в первом десятилетии нового XXI столетия продемонстрировала ее лимиты.

У народов Европы сегодня нет полной гарантии мира и безопасности, несмотря на все беспрецедентные попытки перестроить международную жизнь на базе согласования позиций в рамках межгосударственных организаций, которые были предприняты после окончания Второй мировой войны. Многие ведущие страны мира считают для себя возможным прибегать к односторонним действиям силового характера. Сами страны — основатели, члены Совета безопасности ООН явно начали тяготиться существующими правилами игры. Они не желают далее опираться на коллективные согласованные решения, прибегать к компромиссам.

Формирование «Новой реальности»

За последние три десятилетия основы мирового порядка подверглись интенсивному размыванию. Мы фактически наблюдаем слом системы международных отношений. На наших глазах происходит формирование «Новой реальности», нового мирового порядка. Вновь появляется уверенность в том, что Европейская цивилизация вступает в эпоху «Постмодерна».

Сразу нескольких ведущих стран, принадлежащих к Европейской цивилизации, возвращаются к политике полной свободы рук на международной арене, к методам, которые были

характерны для внешней политики столетней давности. Данная тенденция выглядит не так трагично, как в начале XX века. Мир не стоит на грани большой войны.

Россия постоянно декларирует суверенное право не выполнять подписанные ее же руководителями международные соглашения. Начиная с момента отказа от исполнения Будапештского договора с Украиной и присоединения Крыма и до сегодняшних угроз порвать с Советом Европы и с ратифицированной российской властью Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а следовательно, порвать с ЕСПЧ, руководство нашей страны открыто требует «особых правил поведения» для себя, по крайней мере, на постсоветском пространстве.

Страны объединенной Европы достаточно осторожно реагируют на вызовы со стороны Российской Федерации. Они предпочитают не афишировать себя в качестве стороны противостояния. Сохранение стабильного положения как в экономике, так и в политике является для них главной задачей. Но ради поддержания такой благополучной ситуации Европе необходим союз с США, это и есть главный приоритет.

США распространяют на всю Ойкумену представление о своей исключительности и праве на односторонние действия без согласования даже с официальными союзниками. По убеждению американских политиков, глобальный мировой порядок после распада СССР должен быть перестроен исключительно по их чертежам. Все американские администрации последних десятилетий осуществляют этот мессианский проект, хотя, конечно, конкретные методы его продвижения сильно видоизменяются в зависимости от партийной принадлежности президентов США.

Администрация Дональда Трампа часто действовала вопреки интересам своих европейских союзников. Этим президентом был разрушен грандиозный замысел его предшественника пересоздать американизированный экономический порядок. Трамп в 2017г. издал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства

(Trans-Pacific Partnership) и заблокировал переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (Transatlantic Trade and Investment Partnership). Администрации Джозефа Байдена предстоит кропотливая работа по разбору доставшихся ей обломков и завалов. В одном эти разные политики едины: главная для США проблема — взаимоотношения с Китаем. Отношения с Россией в своеобразной табели о рангах американской внешней политики отошли на второй план. Считается достаточным зафиксировать низкий и даже враждебный их уровень. Это также не вызывает дискуссий.

Количественные изменения в мировом порядке по мере накопления переходят в новое качество. Самое широкое распространение получили заявления политиков о рождении теории и практики «антиглобализма». Мы являемся свидетелями вовсе не отказа от глобальных устремлений, а резкого обострения соперничества на международных и национальных рынках и односторонних действий государств для нанесения поражения конкурентам. В этом международном инструментарии на первый план выходит механизм односторонних санкций.

САНКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Идеология и опыт санкционной политики складывается на наших глазах. Накопление практики происходит как по линии многосторонних санкций, решения о которых принимаются коллективно (но достаточно ограниченным кругом международных акторов), так и путем односторонних решений правительств отдельных стран.

Механизм политических и экономических санкций многослоен. То, что задумывалось в качестве чрезвычайного инструментария преодоления кризисных ситуаций, приобрело системный характер. Политика международных экономических санкций после Второй мировой войны была сфор-

мирована в рамках ООН. Они были призваны заменить непосредственное применение вооруженной силы. Санкции носили коллективный и демонстрационный характер. Отказавшись от первоначально зафиксированных принципов коллективных решений по введению различных торговых и инвестиционных ограничений в рамках процедур ООН, ведущие страны мира решительно двинулись в сторону договоренностей в узком кругу союзников о наказании «соперников, нарушителей, «стран изгоев». Все эти термины из «Стратегии национальной безопасности США» присваиваются иностранным государствам в ходе решения президентской администрации или в законодательных актах Конгресса США.

Однако, накопление обширного инструментария происходит как бы из нескольких источников. Во-первых, исторически первыми экономическими действиями государств по «наказанию» потенциальных зарубежных противников выступали протекционистские меры по ограничению внешней торговли (повышенные тарифы или количественное квотирование экспорта или импорта). Во-вторых, государства (законодательная и исполнительная власти) принимают решения о секторальных и персональных санкциях против юридических и физических лиц. В-третьих, в последние годы активно используются вторичные санкции для компаний, вступающих в сделки с первичными объектами наказаний. В-четвертых, судебные власти на базе национальных законов принимают решения о штрафах и запретах на деятельность иностранного бизнеса. При проведении сделок в долларах с нарушением американского законодательства наказания и штрафы для банков и компаний исчисляются миллиардами долларов. В-пятых, российский опыт показывает возможность объявлять общественные организации и некоммерческие организации, благотворительные фонды и негосударственные учебные институты, отдельных активистов «иностранными агентами» или «нежелательными организациями». Таким образом, полузапрет или полный запрет на их деятельность производится путем административ-

ного давления. Это касается как национальных отечественных организаций и своих граждан, так и иностранных.

В настоящее время применение одного вида санкций, как правило, дополняется приведением в действие всего набора инструментов. Выбор объектов, конкретных видов санкций, их жесткость и продолжительность является решением политическим. Режим экономических и политических санкций против РФ применяется в комплексе с поэтапным разрушением режима контроля над вооружениями. Отмена администрацией президента Трампа участия в договорах РСМД и ДОН, попытка отказаться от продления СНВ-3 являются примерами такой политики.

«Вторичные санкции являются важным принципом для властей США, хотя их союзники из стран ЕС такие вторичные санкции не применяют. Европейские, китайские, японские компании сами часто становятся жертвами данной политики США. Если иностранные для США фирмы нарушают санкционные запреты США (санкции против Ирана и Северной Кореи, например), они не раз бывают оштрафованы на миллиарды долларов. Американским компаниям и банкам могут быть запрещены контракты с этими фирмами. А следовательно, нарушителям могут быть запрещены все операции в долларах США. Крупнейший британский банк HSBC в 2012г. был оштрафован Минфином США на 1,9 млрд. долл. за финансовые транзакции с фирмами Ирана.

Практика показывает, что ввести санкции проще, чем отменить их. Вместе с тем, возможность делать те или иные исключения из жесткого правила часто закладывается изначально при принятии решения.

Таким образом, можно констатировать факт своеобразного взаимного учета санкционного опыта в действиях противостоящих государств. США в последние годы активно эксплуатируют тему «вмешательства России и Китая» в американские выборы, а руководство России и Китая, продолжая говорить о нарушениях их суверенитета со стороны Америки, пытаются использовать инструменты торговой войны.

Время и бремя санкций

По всей вероятности, руководство российской внешней политики недооценило сложности, с которыми предстоит столкнуться в условиях санкций. Не были учтены все последствия санкций для развития экономики России. При том, что краткосрочные трудности выглядят преодолимыми, в долгосрочном плане вызовы носят серьезный характер. К их числу относятся запреты на поставки в РФ и для российских компаний:

1. высокотехнологических материалов и оборудования для современного машиностроения (например, авиационного и судостроения);
2. оборудования и элементов информационных технологий и соответствующего knowhow;
3. оборудования для добычи нефти и газа на шельфе и сланцевой нефти;
4. ограничения на получение международного финансирования компаниями и банками РФ на срок свыше тридцати дней;
5. индивидуальные санкции против физических лиц, ограничения на сотрудничество с рядом российских фирм или в рамках конкретных проектов.

Наиболее очевидным негативным последствием введения санкций со стороны США и их союзников для экономики России на данный момент стала обстановка неопределенности и непредсказуемости для ведения бизнеса. Сама перспектива эскалации санкций разрушает бизнес-климат в нашей стране. В сложившихся условиях долгосрочные иностранные инвестиции сворачиваются, научно-технический прогресс в российской экономике тормозится. Следовательно, экономический рост (рост ВВП) замедляется и переходит в стагнацию.

Эти ожидания уже давно учли рыночные игроки на фондовом рынке, что привело к существенному спаду в капитализации, т.е. стоимости акций российских компаний на рынках ценных бумаг. Широкий индекс РТС Московской биржи пережил максимальный подъем накануне кризиса 2008г. и не восстановился до сих пор до уровня тринадцатилетней давности. За период 2020-

2021гг. валютный курс рубля сократился примерно на четверть.

Администрации президента Байдена было необходимо определиться со второй стадией санкций. Можно было ожидать продолжения применения закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA Act). Именно в его рамках составлялись «кремлевские списки» и вводились уже сегодня действующие секторальные санкции против российских банков и нефтяных компаний. Выбор был сделан в пользу введения указом президента США запрета для американских инвесторов приобретать новые выпуски облигаций суверенного долга Российской Федерации.

Можно достаточно четко сформулировать те пределы, до которых экономические санкции пока не распространялись. Коротко эти границы могут быть обозначены как *«модель полномасштабных санкций против Ирана»*.

В число наиболее жестких санкционных мер входят: полное отключение российских банков от системы международных межбанковских платежей через корреспондентские счета американских (долларовые счета) и европейских (счета в евро) банков. Это означало бы фактический запрет для всех вообще нероссийских компаний приобретать российские нефть и газ с использованием конвертируемых валют. Такие меры, несомненно, могли бы нанести нашей стране максимальный ущерб. Объем так называемых нефтегазовых доходов федерального бюджета России, который составляет в настоящее время около 35% всех поступлений федерального бюджета России, может быть почти полностью «обнулен». Соответственно, упадут возможности расходования бюджетных средств.

Эти запреты на импорт российского сырья и отключение от платежей неизбежно могут применяться «в одном флаконе». Экспорт российской нефти — это треть объема мирового рынка, поставки газа — это 40% потребления Западной и Центральной Европы. Однако, западноевропейская экономика уже неплохо подготовлена к переходу на поставки СПГ через портовые терминалы, идет

интенсивное развитие альтернативных «зеленых» источников электроэнергии.

Вместе с тем, руководители стран Европы и Америки неизбежно должны принимать в расчет следующие обстоятельства:

Во-первых, применение жесткого сценария санкций может быть эффективно только при полной поддержке всех союзников. Однако споры вокруг данного сюжета не утихают, пример борьбы вокруг проекта «Северный поток-2» тому наглядная иллюстрация. Требуя остановить строительство газопровода, США добились раскола среди стран ЕС и НАТО, а не их сплочения.

Во-вторых, бессмысленно использовать сегодня весь «боекомплект» санкций. Ведь именно сохранение угрозы их расширения создает ту атмосферу неопределенности для российского бизнеса, о которой речь шла выше. Полномасштабное введение запрета на расчеты в долларах и евро для российских контрагентов будет равнозначно потере всяких возможностей дальнейшего ужесточения санкций, а следовательно, руки у руководства России будут развязаны для любых активных мероприятий на территории ближайших соседей, по принципу «хуже не будет». Можно подумать и о военных операциях любого масштаба, от Харькова и Киева до Одессы. Готовы ли члены НАТО к ядерной войне, чтобы это остановить? Надеюсь, это останется вопросом риторическим.

Очевидно, что ни все вместе, ни в отдельности жесткие санкции не могут быть введены до момента нового военного наступления сил сепаратистов на Востоке Украины. Вместе с тем, мало сомнений в том, что при возобновлении крупномасштабных боевых действий данные решения будут приняты.

Вопрос эффективности

Открытым остается вопрос эффективности политики санкций. Ответ на него, оценка данного явления зависит от определения исходной цели применения санкций. Само вводимое ограничение зачастую реальной целью не является или составляет только часть из набора решаемых задач. Санк-

ции подают сигнал, принимающее их правительство / законодатель адресует его другим иностранным правительствам, общественности внутри своей страны и за рубежом, СМИ, формирующим общественное мнение, политическим партиям и избирателям, предпринимателям. Какая аудитория является основной «фокус-группой» для воздействия, зависит от конкретной ситуации. Чаще всего расчёт строится на комбинированное воздействие.

Вводя санкции, правительство демонстрирует свою озабоченность проблемой, которая выбрана в качестве повода для них. Это также манифестация решительности. Одновременно степень провозглашаемой жесткости и строгость в практике применения сигнализируют о намерениях. Во внутренней политике применение санкций к иностранным конкурентам призвано обеспечить общественную поддержку и соответствующее голосование на выборах.

«Традиционный для практики экономических санкций принцип «ущерб-результат» (rain-gain) здесь не работает: экономические потери от санкционного противостояния налицо, а шансы на пересмотр внешнеполитического курса сторонами, несущими ущерб, близки к абсолютному нулю». [13, с.53].

Хотя целью санкций и расторжения договоров по контролю над вооружениями объявляется конкретные изменения во внешней и внутренней политике стран-соперниц, такие действия со стороны США практически ни разу не привели к решению провозглашенных ими задач. Однако, нельзя преуменьшать степень их воздействия на атмосферу в мировой политике. Режим санкций и возобновление гонки как неядерных, так и ядерных вооружений превратились в важнейшие составные части мирового порядка. Внешняя политика вновь проводится «с позиции силы». Одновременно экономической силы и силы военной.

СМЕНА ЭЛИТ

Историческими формами смены правящей элиты являются либо насильственное свер-

жение властвующих режимов в ходе революции, либо эволюционный переход в ходе реформ. Изменения начинаются с политической победы, которая может быть одержана либо на выборах, либо путем государственного переворота. Революция может быть «цветной», бескровной/малой кровью, а может носить характер гражданской войны и политического террора.

Парламентские и президентские выборы дают возможность избирателям отказать правительству в доверии. Однако, смена правительства — это только начало пути. Говоря обобщенно, сдвиги в обществе затрагивают не только непосредственно парламент и правительство, но и гораздо более широкие общественные круги — от научной, медицинской, культурной общественности до людей из бизнеса. Революционные насильственные перевороты часто сметали всех, кто принимал ранее участие в руководстве коллективами людей и/или в экспертизе по принятию решений. Постепенные реформы позволяли старым элитам встроиться в поток изменений и найти себе место в новой реальности.

Любой процесс смены элит включает в себя, во-первых, кризис в жизни общества, ухудшение материального благосостояния; во-вторых, появление новых проблем, непривычных для населения; в-третьих, стадию разочарования в способности существующих привычных лидеров найти решение накопившихся вопросов; в-четвертых, изменение идеологического мейнстрима в обществе, появление новых лиц в политике, работе СМИ, искусстве, предлагающих обновленный набор ценностей и рецептов; наконец, в-пятых, трансформация новых убеждений в новые политические партии и массовые движения. Возглавляющие их лидеры одерживают победу в ходе политической борьбы.

Погружение современного мира в пандемию COVID19 послужило своеобразным тестом для готовности ведущих стран мира к сотрудничеству в острых кризисных условиях, при том, что события разворачиваются по неожиданному и непредсказуемому сценарию, не имевшему аналогов в последние десятилетия. Реакция людей на дей-

ствия правящих элит высветили глубокое недоверие со стороны граждан многих стран к декларациям и предлагаемым решениям власти. В России это наглядно проявилось в том факте, что порядка 40% взрослого населения, согласно социологическим опросам, не намерено воспользоваться вакцинацией от коронавируса, а еще около 20% испытывает глубокие сомнения в её целесообразности. Кризисный шок пандемии COVID-19 в 2020-2021гг. стимулировал дальнейшее падение доверия граждан к правящей элите и государственным институтам.

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Важной чертой смены руководства, в любом случае, является глубокий раскол в рядах традиционной элиты. Революция относительно мирная или насильственная отличается от верхушечного государственного переворота и тем более от рядовой смены правительства именно тем, что взаимоотношения внутри элиты достигают такого накала, который исключает компромиссы и соглашения между политическими силами.

Именно такой характер приобрели события в СССР во второй половине 1980-х годов. Высшее руководство страны во главе с М.С. Горбачевым стремилось совершить глубокие реформы в экономическом и политическом строе советского общества. Но конкретные цели перестройки не были ясно определены и не был сформулирован ясный план действий. Демократическое движение и гласность в общественной жизни не были поддержаны социальными и экономическими преобразованиями. Сопrotивление консервативной части элиты страны приняло характер попытки государственного переворота. Его не поддержали даже вооруженные силы страны. Политические события трансформировались в полномасштабную революцию 1991-1993 годов. Произошла смена общественной системы в целом. Однако мирный в целом характер смены

власти позволил руководителям и специалистам из состава советской элиты/номенклатуры возглавить новое государственное устройство и реализовать свои интересы в ходе реформ. Именно это создало возможность далеко продвинуться в создании рыночной экономики, но ограничило демократические политические преобразования.

Разумеется, такой размах изменений зависел от глубины предшествующего общественного кризиса. Стагнация в экономике, застой в социальной и политической жизни, провал во внешней политике — все это породило утрату доверия советских граждан к правящим элитам. Таким образом, источником требования граждан отстранить традиционную элиту от власти является деградация сложившегося образа жизни широких кругов граждан страны.

События XX века демонстрируют тесную связь между военными поражениями исторических государств, прежде всего континентальных империй, и полной дискредитацией традиционных элит этих стран. Очевидными все недостатки «старого режима», консервативной элиты становились в периоды военных поражений. Безнадежная, кровавая и непонятная для людей война в Афганистане стала важным фактором падения народной поддержки советской элиты. Неспособность элиты осуществлять эффективное руководство в момент острого кризиса с помощью давно сложившихся традиционных методов является основным аргументом в пользу разгона госаппарата и экспертных сообществ.

Наиболее распространёнными претензиями в адрес традиционной элиты были обвинения в коррупции и в неспособности защищать национальные интересы своей страны. Переформатирование внутренней политики на данном этапе развития стран, принадлежащих к европейской цивилизационной общности, включая Россию, для них гораздо важнее текущих внешнеэкономических и внешнеполитических задач. От прямых столкновений между великими державами исторический процесс отклонился в сторону того, что ныне стали называть «гибридными» форма-

ми военных действий, прохуconflicts. Площадкой для такого рода столкновений становятся территории третьих стран. Однако, ошибочная оценка допустимости такого рода конфликтов приводит к тяжелым результатам. Руководство Российской Федерации очевидным образом не смогло спрогнозировать последствия силовой поддержки одной из сторон в вооруженном конфликте на Востоке Украины.

Политические кризисы в современных обществах и государствах во все большей степени определяются экономическими и демографическими факторами. Основы привычного существования среднего класса в настоящее время подвергаются эрозии. С замедлением роста экономики доходы населения стагнируют. В ходе и в результате экономических кризисов кардинально меняется структура отраслей национального хозяйства ведущих стран, а, следовательно, многие хорошо оплачиваемые рабочие места исчезают. Многие промышленные производства перенесены на территорию иностранных стран, где цена рабочей силы гораздо ниже, чем в Европе и Северной Америке. На данном социальном фоне доверие избирателей к сложившимся политическим механизмам, партиям и их лидерам, профсоюзному движению и прочим общественным институтам резко упало.

ВОЛНА НОВОГО ПОПУЛИЗМА

Механизм мобилизации широких масс населения на ранних этапах истории Европы был отработан на примерах религиозных массовых движений. Националистические и коммунистические партии довели мобилизационные процедуры до надежных политических технологий. С их помощью меньшинство убежденных экстремистов уверенно контролировало поступки значительного количества «нормальных людей», составлявших абсолютное большинство.

Политическая технология мобилизации населения также стремительно эволюционировала с развитием электронных СМИ во второй половине XX века. Сегодня информационные техноло-

гии гораздо более персонально ориентированы и обращены к конкретным стратам населения/избирателей, а не к массам и классам. Вместе с тем эволюции подвергается не только форма, но и содержание, контент, «мэсседж», с которым политические лидеры обращаются к своим потенциальным избирателям. Демонстрация жесткости и решительности всегда высоко ценилась в политической жизни. Разочарование широких слоев европейского и североамериканского гражданского общества в традиционно сложившихся элитах и институтах государства породило спрос на соответствующий типаж политика-популиста. Титул «железной леди» носит исключительно позитивный характер, не говоря об ожиданиях «твердой руки», которые предъявляются ко всем политикам, женщинам и мужчинам. Спрос на эти качества особенно возрос в ходе нарастания волны правого и левого популизма, национализма и ксенофобии. Спрос породил предложение. На первый план выдвинулись политики-популисты.

«Непременной характеристикой популизма является разделение всех в мире на добродетельных людей, с одной стороны и на коррумпированные элиты и угрожающих хорошим людям чужаков, с другой. Популисты не доверяют институтам, особенно тем, которые подавляют «волю народа», таким как суды, независимые СМИ, бюрократия и налоговые и денежные власти. Популисты отвергают всякое доверие к мнению экспертов. Они с подозрением относятся к свободному рынку и свободной торговле. Популизм может приводить к совершенно безответственной политике, в наилучшем варианте развития событий он может разрушить существование независимых институтов, подорвать гражданский мир, распространить в обществе ксенофобию и привести к установлению диктатуры» [14].

Данные пессимистические выводы британский публицист Мартин Вольф сделал четыре года назад, наблюдая современные события, и на основе исторического опыта. Речь идет не о периодическом изменении представительства различных политических сил в правительстве, а о вероятно-

сти ломки самих институтов власти современного общества.

Корни развития политического популизма в России весьма схожи с причинами его формирования в США и странах ЕС. Только в феврале 1917 и в августе 1991 годов пришедшей к власти в ходе революции частью элиты ставилась задача развития в России демократической формы государственного устройства. Все остальные популистские проекты в российской и советской истории откровенно ставили задачу укрепления диктаторской / самодержавной власти и военной мобилизации. И не так уж важно, во имя ли «мировой революции» или выхода к проливам и Константинополю.

В последнее время США и Великобритания, а затем и многие страны ЕС столкнулись с всплеском волны политического популизма. Именно на её пике к власти в США пришёл Дональд Трамп, а в Соединенном Королевстве на референдуме победили сторонники выхода страны из состава ЕС. Люди ищут понятные для себя и простые ответы на новые нешаблонные вопросы. Отсюда происходит огромная популярность всевозможных теорий заговоров, типа движения QAnon. И наилучшим объяснением этих неожиданных событий, производящих впечатление подлинного политического землетрясения, для политиков оказалось утверждение, что это российская пропаганда и российские хакеры соблазнили коварно англосаксонских избирателей.

Характеризуя этот «новый старый» мировой порядок, Анн-Мари Слотер писала в «Файненшл Таймс»: /Дональд Трамп и Владимир Путин/ «оба эти человека делают упор на эксплуатацию того глубокого чувства гнева, обиды и тоски по прошлому, которое представляется хорошо организованным, предсказуемым и патриархальным временем... С данной точки зрения те, кто поддерживает Путина в России и те, кто поддерживает Трампа в США, являются идеологическими союзниками. Они работают совместно во имя того, чтобы повсюду в Европе на выборах люди голосовали за партии с аналогичным мировоззрением, и поддерживают тех лидеров, которые придер-

© Фото: Григорий Ярошенко

живаются тех же ценностей и методов. Они отвергают свободу прессы и верховенство закона, предпочитают ручную прессу и лояльные им суды. Для них важны символические действия, а не содержательная их сторона. Они правят во имя уважения традиций, национализма и этнической чистоты» [15].

Все перечисленные выше черты антиглобалистской идеологии присущи сегодня достаточно широкому кругу право- и лево-популистских движений и партий. Такого рода идеологическая близость вовсе не гарантирует их «мирного сосуществования». Любые националистические движения потенциально конфликтуют друг с другом. Идеинная близость не делает популистов из разных стран союзниками, скорее, обостряет соперничество между ними, однако внутри каждой из стран стимулирует рост веры в своего собственного «сильного лидера.»

Поражение Дональда Трампа на президентских выборах в США не перечеркнуло популярности его идеологических установок среди половины американских избирателей. Популистские националистические политические движения набирают силу и в Западной Европе. В случае прихода к власти их разворот к тесному союзу с США, как альтернативе «власти Брюсселя», «диктату ФРГ в ЕС» станет очевидным. При всей мифологической природе такого рода противопоставлений они популярны у значительной части избирателей. Достаточно проследить эволюцию внешней и внутренней политики Венгрии и Польши, чтобы увидеть, как это может быть сделано.

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ

Пытаясь анализировать современные пути развития нашей страны, мы видим в качестве центральной проблемы — снижение доверия сограждан по отношению к правящим элитам. С одной стороны, произошла тотальная утрата доверия к широко распространенным в недавнем прошлом социалистическим ценностям, с другой стороны, терпит неудачу стремление сформиро-

вать убедительный набор тезисов, которые могут претендовать на роль нового базового исповедания веры в целях восстановления доверия. Популистские лозунги и заведомо неисполнимые обещания не могут указать выход из этой ситуации.

Колебания уровня доверия населения/граждан к правящей элите своих государств носят долгосрочный, а не конъюнктурный характер. Это проблема структурная. Стремление к смене *modus vivendi* страны накапливается постепенно. Переход его количества в новое качество, в идейный мейнстрим проявляется в том, что данное стремление овладевает существенной частью самой элиты.

Традиционные политики западных государств до последнего времени предпочитали игнорировать эти вызовы. Российские элиты продолжают идти по этому же пути. Политики всячески преуменьшают значение кризисных факторов. Население не получает никакого ответа на множество конкретных вопросов своей повседневной жизни.

Поэтому россияне могут также дружно и решительно откликнуться на призывы политиков-популистов, как они сделали это в 1917г. и на рубеже 1980-1990-х годов, а также в 1993-м, и как это уже произошло недавно в ряде зарубежных стран. Популисты готовы любые кризисные явления «развести руками». Давать невыполнимые в принципе обещания — их профессия. Характер будущего развития нашей страны не предопределен и будет зависеть от решения именно вопроса доверия к элитам российских граждан.

Contemporary Russia is a Cristian European civilization essential part in its Eastern European history version. In the same time the Russian Impair memory affects so much on the national self-conscience. We can see very special Impair nationalism as a mass ideological and political movement. The Soviet Union in now day estimates was a natural inheritance power for the Historical Impair. So far, the Russian Federation foreign and domestic policy, internal institutes, local customs are proceeding this modus operandi. Modern Russian state met the new postcrisis economic and political challeng-

es of the twenty first century. The medium class base Consumer society transformed into the Information access society. The European culture oriented countries political structure are turning into populist mass parties systems. The multipolar international order has replaced the traditional Cold War blocs confrontation.

Примечание

* (См. например освещение данного вопроса в книге Алейды Ассман. Распалась связь времен? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. Новое литературное обозрение. М., 2017) [1].

Библиография

1. Алейда Ассман. Распалась связь времен? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. Новое литературное обозрение. М., 2017. ISBN 978-5-4448-0499-5
2. World GDP Ranking 2021 — Statistics Times.com <https://statisticstimes.com/economy/projected-world-gdp-ranking.php> Дата доступа 16.04.2021
3. China's economy springs back from pandemic hit with record growth. Financial Times, 16 April 2021. <https://www.ft.com/content/e45496ec-82ff-4586-a062-20124739fcc1> Дата доступа 18.04.2021
4. Алексей Бачеров. Россия снижает свою долю мирового рынка. Финансовая информация. 29.10.2020. Finversia.ru (<https://www.finversia.ru/obsor/blogs/aleksei-bachero-rossiya-snizhaet-svoyu-dolyu-mirovogo-rynka-83834>) Дата доступа 10.04.2021
5. IMF. World Economic Outlook (April 2021) (<https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO>) Дата доступа 10.04.2021
6. Анастасия Башкатова. Россия платит и за конфронтацию с Западом, и за дружбу с соседями. Экономика Евразийского союза могла бы расти вдвое быстрее. «Независимая газета» (https://www.ng.ru/economics/2021-04-04/1_8119_russia.html) Дата доступа 05.04.2021

7. Прямые иностранные инвестиции в России рухнули до уровней 90-х годов «ProFinance», 20.01.2021 <https://www.profinance.ru/news/2021/01/20/c0rm-pryamy-inostrannye-investitsii-v-rossiyu-rukhnuli-do-urovnej-90-kh-godov.html> Дата доступа 05.04.2021
8. Summers L. Reflections on the New Secular Stagnation Hypothesis / Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures/ ed. By C. Teulings, R.L. Baldwin: CEPR Press. A VoxEU.org eBook. 30.10.2014. <https://voxeu.org/article/larry-summers-secular-stagnation> Дата доступа 15.04.2021
9. National Security Strategy of the United States of America. https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/national/2017_national_security_strategy-final-20171218.pdf Дата доступа 19.04.2021
10. "The Economist", 27th Jan 2018 (<https://www.economist.com/weeklyedition/2018-01-27>) Дата доступа 18.04.2021
11. Константин Ремчуков. Китай в марте: противостоит США, наращивает экспорт и инвестирует в Африку. Мониторинг ситуации в КНР. Март-2021. «Независимая газета» 01.04.2021 (https://www.ng.ru/monitoring/2021-04-01/8_8118_monitoring.html) Дата доступа 05.04.2021
12. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой/М.: 2020, с.370. ISBN 978-5-6045103-1-5
13. Афонцев С.А. Ловушка санкционного режима. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Издание 2-е, / [сост. И.Н. Тимофеев, В.А. Морозов, Ю.С. Тимофеева]; РСМД. — М.: НП РСМД, 2020. — 452с. ISBN — 978-5-6044164-6-4
14. Martin Wolf. The economic origins of the populist surge. Financial Times, June 27, 2017 (<https://www.ft.com/content/5557f806-5a75-11e7-9bc8-8055f264aa8b>) Дата доступа 16.04.2021
15. Anne-Marie Slaughter, Financial Times, July 22 2018 (<https://www.ft.com/content/a5762736-8c01-11e8-affd-da9960227309>) Дата доступа 10.04.2021

© Текст: Сергей Дубинин

СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ДУБИНИН — д.э.н., заведующий кафедрой финансов и кредита Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Совета директоров АО ВТБ Капитал. Председатель Центрального банка Российской Федерации (1995–1998).

ПОЛЬША: ЦЕННОСТЬ КОМПРОМИССА

МАРЕК РАДЗИВОН

Не будет преувеличением сказать, что вступление Польши в Европейский Союз в 2004 году было одним из величайших успехов польской внешней политики за последние сто лет. Это событие не только открыло новые экономические перспективы для Польши, но и стало, прежде всего, символической победой доброго духа истории. Польша всегда была частью Европы и считала себя европейским государством, и вступление в Евросоюз было очевидным тому подтверждением. Не только в символическом смысле, но и в практическом — экономическом, правовом и политическом. Сегодня польское общество одно из самых проевропейских. Поэтому вопрос о присутствии Польши в семье европейских стран кажется бесспорным. И все же... на европейском портрете Польши немало трещин. Попробуем их рассмотреть.

В июне 2003 года, то есть за несколько месяцев до присоединения Польши к Европейскому Союзу, прошел референдум. Полякам предстояло оценить во всеобщем голосовании решения своих политиков. Результаты референдума были очевидно проевропейскими, но все-же напрашивался горький комментарий: семьдесят семь процентов избирателей поддержали вступление в ЕС, но двадцать два процента были против. Возникал вопрос: какого будущего желает Польша немалая группа противников

вступления в ЕС? Заставляло задуматься и то, что явка составила менее пятидесяти девяти процентов. Получалось, что более сорока процентов граждан Польши не пожелали воспользоваться правом выразить свое мнение по этому поводу. То есть — и, увы, это очень печальный диагноз — можно сказать, что присоединение Польши к Европейскому Союзу не получило абсолютной поддержки большинства.

Причем референдум — это ведь не парламентские выборы. Явка там действительно бывает низкой: некоторые считают (другое дело, насколько это справедливо), что перемены в политике не влияют на их повседневную жизнь, другие отвергают политику как циничную игру грязных интересов. Третьи не считают государство общественной ценностью, не имеют привычки участвовать в простейших формах гражданской активности и не верят, что их голос может изменить что бы то ни было в их собственной судьбе.

Референдум 2003 года, однако, был не выбором другой правительственной коалиции, а решением со значительными долгосрочными последствиями — выражения «да» или «нет» определяли политическое и цивилизационное место Польши в европейском ландшафте на многие десятилетия. Равнодушие, безразличие части электората по отношению к Европе явилось, по всей вероятности,

результатом громкой антиевропейской риторики, в которой общие проблемы прикрывались текущими вопросами. Выступало меньшинство, но очень активное, громкое и заметное. Фермеры опасались потока продуктов, производимых более эффективными западными фермами — хотя впоследствии быстро оценили субсидии ЕС для сельскохозяйственного производства. Промышленники опасались конкуренции со стороны более современных и более богатых западных компаний — но получили доступ к иностранным инвестициям и новым рынкам. Некоторые политики пугали перспективой массового выкупа земли в Польше гражданами богатых европейских стран, но позже оказалось, что претендентов как-то не нашлось. Зато гражданин Польши благодаря Евросоюзу стал пользоваться безвизовым режимом, оказался в Шенгенской зоне, миллионы поляков получили право — и охотно воспользовались этим правом — свободно жить и работать в любой части континента.

Отношение поляков к Европейскому Союзу и, следовательно, в более широком смысле к Европе, к либеральным западным традициям и демократическим ценностям, которые представляет и символизирует Союз, было сформировано различными традициями.

Одна из важнейших концепций польской историографии XX века принадлежит Оскару Халецкому, великому польскому историку, родившемуся в 1891 году. Халецкий провел свою зрелую научную жизнь в американских университетах, был сторонником концепции Центральной Европы и, следовательно, многообразия и взаимопроникновения наций, традиций и языков. Его концепция богатой и многослойной в культурном отношении Центральной Европы противостояла концепции Восточной Европы, в то время широко распространенной на Западе. В западной историографии Восточная Европа рассматривалась как большое, цивилизационно однородное православное пространство, где преобладает русский язык и российская культура, понятия Центральной Европы в западном дискурсе не существовало. В понимании Халецкого, граница между великим восточным, то есть российским пространством, и богатой, многонациональной

и многокультурной центральной Европой проходила согласно старому разделению. Ее маркировали католицизм и православие, латинский и кириллический алфавиты, привязанность к Риму или к Византии и Константинополю. Политика, войны и два великих тоталитаризма двадцатого века — германский и советский — конечно, сместили границу Центральной Европы на восток, но не смогли искоренить эту многовековую центрально-европейскую традицию. Живым доказательством истинности этой концепции был сам Халецкий: он родился в Вене, был сыном хорватской аристократки и австрийского генерала с польскими корнями. Поляк, живущий в Америке, родным языком которого был немецкий.

Концепция Оскара Халецкого похожа на большую подземную реку — мы осознаем ее силу и важность, но не ощущаем ее постоянного влияния.

В послевоенные годы появились многочисленные обстоятельства, которые надолго затормозили интеграцию Польши с Европой и ослабили нашу европейскую идентичность. В первую очередь, политические заморозки, превратившие Польшу в зависимое политическое образование на несколько десятилетий.

Наследие полувекового социализма было деморализующим не только для внешней политики, но и для общества. Та же система в России существовала дольше и была, несомненно, жестче. Она оставила более глубокие и долговечные следы. Тем не менее Польша (хотя период ПНР — это всего лишь сорок лет!) до сих пор не может справиться со своим тяжелым наследием, хотя после преобразований 1989 года прошло уже более тридцати лет, и весь этот период был несомненным успехом модернизации. Сегодня Польша, конечно, другая страна в экономическом, правовом, политическом и социальном смысле, чем была до 1989 года, и несомненно более европейская. Однако эпоха централизованного планирования оставила клеймо более глубокое, чем многие думали. Экономика без рыночной конкуренции, монополия одной партии в политической жизни, управляемое сверху общество, воспитываемое в духе послушания и оппортунизма — воспоминания прошлого отбивали

всякое желание активного участия в политике и общественной жизни.

После более двадцати лет устойчивого экономического роста и эффективных социальных реформ у польской модернизации появилась заметная одышка. Откуда пришло это разочарование? Что заставило поляков отдать власть в руки партии, которая с подозрением относится к европейской интеграции и ставит под сомнение либеральные ценности? Причин, как кажется, несколько — отчасти, сказалась старая привычка жизни в государстве реального социализма, которое, прежде чем обанкротилось в политическом и буквальном, экономическом смысле, сумело приучить граждан к зависимости, известной из гоббсовского «Левиафана»: оно отнимало права и свободы, но взамен давало иллюзию защиты и освобождало гражданина от ответственности за общее благо. Разочарование, несбывшиеся надежды также сыграли роковую роль — успех, как мы мечтали в 1989 году, должен был прийти немедленно и без усилий, а тем временем путь к стабильному процветанию Запада оказался долгим и тернистым.

Эти настроения подкармливались многолетней популистской риторикой простых рецептов и легких решений. Ложь, повторенная тысячу раз — старый пропагандистский принцип — становится правдой. Список антиевропейских риторических выступлений видных политиков из правящей партии огромен. Вспомним самые впечатляющие: президент Анджей Дуда назвал Европейский Союз «неким воображаемым сообществом, у которого ничего не получается», депутат Европарламента Здислав Краснодембский (кстати, профессор одного из западноевропейских университетов) заявил, что «Европейский Союз — это утопия, которая рушится». Наконец, лидер партии, депутат Ярослав Качиньский: «Никто не будет навязывать нам свою волю извне, даже если мы останемся одни в Европе в определенных вопросах — мы останемся этим островом».

В заявлении Качиньского можно обнаружить интересную манипуляцию, к которой сегодня в Польше часто прибегает правящий лагерь. Что ж, Евросоюз в восприятии политиков партии «Право и Справедливость» — это некий иностран-

ный центр, который пытается нам что-то навязать. Мы с ним спорим, торгуемся по поводу очередных бюджетов, уклоняемся от его контроля, а иной раз, хоть и редко, да похвалим. Однако всегда относимся к Евросоюзу как к внешнему объекту, игроку, с которым Варшава пытается установить возможно выгодные отношения. Этот язык всегда эксклюзивен, его задача — создать эффект «чужого». Поэтому мы пытаемся урвать кусок побольше из общего котла экономической помощи, получить побольше антиковидных вакцин ЕС; мы соглашаемся сократить выброс углекислого газа в атмосферу и как будто забываем, что на самом деле ведем переговоры с самими собой, торгуясь насчет условий улучшения своей же экологии. В конце концов, Польша не такой уж малый и незначительный участник европейского сообщества! И политика ЕС, которую «правосправедливые» представляют как навязанную извне, в изрядной степени создается Варшавой как одной из важных европейских столиц.

Представление ЕС и Брюсселя как зарубежных центров, ограничивающих польские свободы, привело, среди прочего, к компрометирующим итогам голосования за кандидатуру Дональда Туска на пост председателя Европейского Совета в 2017 году. Партия Качиньского, предпочтя, по обыкновению, свои внутривнутрипартийные интересы общему благу, оказалась единственным членом ЕС, проголосовавшим против Туска. Таким образом, она не только отклонила польского кандидата на один из самых важных постов в ЕС, но и осталась в полном одиночестве в своем решении, оставленная даже Венгрией, маленьким, но неизменно верным союзником в битвах с Брюсселем — то есть совершила двойное самоубийство. Польское правительство, конечно, не могло признать свое позорное поражение. Воистину, ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой, а повторенная тысячу раз глупость становится мудростью. Поэтому тогдашний премьер-министр Бета Шидло, вернувшись с голосования в Брюсселе, заявила, что проигрыш в голосовании — «это не провал, но победа».

Свои три копейки добавил и тогдашний министр иностранных дел Яцек Чапутович: «Дональд Туск является представителем Германии в Европейском

Совете». Проверенная пропагандистская риторика вокруг тезиса, что чуждые иностранные силы навязывают Польше невыгодные для нее решения.

И все же нельзя сказать, что нынешнее польское правительство безоглядно стремится выйти из Евросоюза. Некоторые из его представителей действительно понимают, что место Польши — в центре Европы, и что институт Евросоюза — синоним общеевропейского сообщества. Лидеры правящей партии могут быть глухи к европейским традициям и ценностям, но, по крайней мере, понимают: быть в Европейском Союзе просто выгодно. Сегодняшняя политика Польши в отношении ЕС похожа на инфантильные претензии избалованного ребенка. Евросоюз нужен нам как заботливая мама, которая лелеет и балует — раздает кредиты, поддерживает инвестиции, финансирует реформы. Однако она оказывается злой и не нужной, когда просит убрать в доме и напоминает об обязанностях.

Сегодня мы наблюдаем в Польше интересный парадокс. Польское общество, отдавшее власть популистской партии с антиевропейской риторикой, является одним из наиболее проевропейских обществ в ЕС. Почти пятьдесят пять процентов поляков хотят более тесного сотрудничества с Европейским Союзом, и только семь процентов из них поддержат возможный выход Польши из Союза.

Конечно, концепция европейскости и родства с Европой не исчерпывается вопросами политики в отношении Евросоюза. Поэтому к европейскому будущему Польши я отношусь спокойно. Польша — государство европейское, а поляки — европейцы. И нынешние метаморфозы в политике, кажущиеся иной раз неотвратимыми — всего лишь временный сбой, короткое колебание, икота. Совершенно ясно, что в недалеком будущем Польша снова станет одной из самых либеральных и проевропейских стран.

Почему же все так хорошо, если все так плохо? Откуда столь оптимистичный вывод? Он следует

из убеждения, что человечество не создало проекта безопасней и лучше, чем Европа, и не придумало более привлекательного общественного устройства, чем либеральная демократия. А значит, популизм, который преуспевает в сегодняшней Европе, в том числе и в Польше, не стоит оценивать как стабильный миропорядок. Да, антидемократический популизм крайне опасен и может нанести большой ущерб, но только в краткосрочной перспективе. Он основан на отрицании и не может сформулировать заслуживающих доверия позитивных постулатов.

В 1988 году профессор Ежи Едлицкий, один из самых выдающихся польских историков идеи, опубликовал книгу под названием «Какая цивилизация нужна полякам?». Автор интерпретирует идеи девятнадцатого века из области государства и права, однако на заре великих реформ 1989 года в этой книге искали дорожных знаков, ведущих к польскому будущему. Самая важная дилемма, описанная Едлицким, касалась пути, по которому должна идти Польша. Следует ли нам подражать Западной Европе, миру развитой индустриальной цивилизации, но при этом борющейся с многочисленными социальными и моральными кризисами? Или лучше противостоять бездумному подражанию чужим нормам и образцам?

Сегодня альтернатива девятнадцатого века, описанная Едлицким, не кажется такой уж яркой. Мы не стоим перед однозначным выбором, где ставкой будет скачок в современность ценой потери идентичности. Дороги не пересекаются. Если Европа является привлекательным сообществом, то именно по причинам, о которых писал Оскар Халецкий: это разнообразное, многоголосое, беспорядочное, иногда даже хаотичное собрание, но объединенное некими общими ценностями. Это пространство, где нет врагов, где основная обязанность большинства — защищать права меньшинства. В этом пространстве компромисс — это ценность.

© Текст: Марек Радзивон

МАРЕК РАДЗИВОН (MAREK RADZIWIŃ) — Доцент Варшавского Университета, преподаватель кафедры Восточной Европы ВУ и Театральной Академии, в 2009-2014 гг. — директор Польского Культурного Центра в Москве. В Польше опубликовал политическую биографию писателя Ярослава Ивашкевича (2010), антологию воспоминаний советских диссидентов (2014), книгу бесед с Сергеем Ковалевым (2017).

ПЕРВЫЙ ЕВРОПЕЕЦ И ПОСЛЕДНИЙ АЗИАТ

МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

Европа, Россия... Мы уже без малого два века ведем эти бесконечные ночные разговоры русских мальчиков, до хрипоты спора с Чаадаевым, Киреевским, Грановским... По видимости, ничего не меняется. Или всё-таки кое-что? А что, если кое-что важное меняется с точностью до наоборот?

Часто приводят знаменитое пушкинское *bon mot*: в России «*правительство единственный европеец*» (иногда в виде: «государство первый европеец»). Его, как правило, трактуют как признание за российским государством/правительством модернизаторской и/или эмансипаторской роли. Но если прочесть текст внимательнее (мы к нему вернемся), Пушкин окажется мыслителем еще более тонким, критичным и пророческим. И еще более современным.

О самом факте — пока еще не полного — разрыва с Европой или с Западом спорить, кажется, не приходится. Подспудно — начиная с рокировки 2012 года, и явно — начиная с Крыма, Россия входит в фазу изоляции. Вроде ритмической, говорят нам историки¹. Что дает надежду... и сразу отрезвляет ее, подсказывая, что в силу вечной игры инья и яна изоляция эта будет лишь очередной и отнюдь не последней.

Идентичны ли эти отливы? Очевидно, что нет. Мир меняется, становится всё «мировее». С ми-

ром меняется и Европа. **Провинциализируется**². Меняется как целое с формальным прибавлением каждой «новой» части, будь то в ЕС или в НАТО. «Европа уже не та» — это да, это правда, и во многих отношениях. Европа менялась с каждым новым членом (а их прибавилось за счет Восточной и Юго-Восточной Европы немало: 11 в Евросоюзе, 14 в НАТО). Геополитически и экономически Европа — куда менее важная часть мира, чем 30 лет назад — в этом ее родство с Россией, которая потеряла в удельном весе еще больше. Обе провинциализировались.

Но что касается пары Европа-Россия, еще важнее, чем эти перемены, учитывать разрыв между «Европой внутренней» и «внешней». «Европа» в контексте отношений с Россией — это Европа-картинка, лозунг, гештальт, фасад, реклама самой себя. Это Европа вовне. Эта рекламная Европа виной тому, что многие «русские мальчики» (и девочки) оказываются обманутыми и разочарованными при более-менее близком контакте с европейской реальностью. В данном случае не важно, что именно их разочаровало, — грязь на тротуарах, недостаточная белизна кожи обитателей, несовершенство демократии, скудость универсамов (и их возмутительная некруглосуточность) или плохая телефонная связь. Им обещали другое! Такое разочарование сродни

© Grigory Yaroshenko, ROMA, 2005

© Фото: Григорий Ярошенко

досаде туриста, заплатившего за непредоставленные или недопредоставленные услуги. Конечно, Европа сама отчасти виновата в таких «обозначках», поскольку не только *кажется*, но и *хочет* казаться. И современный Европейский Союз, несомненно, озабочен задачей саморепрезентации, как были озабочены ею и все формы европейского объединения, начиная от «империи Запада» Карла Великого, если не от Римской империи.

Но было бы ошибочно путать этот рекламно-фасадный аспект с «самой Европой», с Европой изнутри, тем более что она со времен падения железного занавеса стала куда более близкой и знакомой. Эта «сама в себе» Европа, Европа внутренняя, институционализированная сегодня в массе политических, экономических и культурных форм, — плод болезненного и кровавого развития и «уяснения уроков». Они в своей совокупности, если угодно, и суть тот самый *kat'echon*, призванный удерживать Европу от худшего, от зла, известного ей не понаслышке. Европа родилась из поражения — но не от внешнего, а от внутреннего врага, от эгоизма, алчности, ре-сентимента. «Руины — вот тот неприметный и неотъемлемый фундамент, на котором европейцы (в первую очередь заклятые враги Франция и Германия) возвели остов того политического единства, которое сегодня движется к уникальному и неслышанному образованию государственного *типа*»³. Европа оставила руины не только на «своей» территории — от ограбленного и обезоруженного перед грядущими испытаниями Константинополя через колонии на всех континентах — и так вплоть до Сталинграда. Что касается внутренних руин, то Берлинская стена, казалось бы, должна была стать последней. Но не стала. Не потому ли даже момент ее падения не только радовал, но и ввергал в глубокую меланхолию? Ею поделился, например, в своей книге «Бук и береза. Эссе о европейской печали» француз и гражданин мира Камий де *Толедо*⁴. Рухнувшая Стена дезориентировала, лишила знакомой вехи, привычной границы, обескуражила — и тем, что упразднила тот восхищенный взгляд извне, который подпитывал (западно-)европейский нарциссизм, и тем, что сделала Своим Другого, уничтожила саму дружость. А эта дружость таила в себе не толь-

ко надежду на сопротивление неолиберальной гомогенизации, но шарм коммунистической идеи, тем более привлекательной, чем надежнее она была ограждена той самой Стеной.

Европа полна таких материальных и духовных руин, видимых и невидимых ран, хранить и освежать память о которых является частью гражданской рутины европейца. Он знает, он — независимо от реальной удаленности от события во времени — по-своему «помнит», что нужно пытаться не повторить. Этот культ памяти связан в Европе и с той миссией критики, которую спонтанно возлагает на себя европейский интеллигент. Он прежде всего (само)критик, в том числе критик демократии и европейского проекта; самокритика вписана уже в любую речь Европы о самой себе: «Мы старые. Старая Европа, кажется, исчерпала все возможности дискурса и контр-дискурса по поводу собственной идентификации. Диалектика во всех ее важнейших формах, в том числе и включающих в себя антидиалектику, всегда была к услугам этой автобиографии Европы, даже когда она принимала вид признания. Признательные показания, принятие на себя вины, самообвинение точно так же входят в старую программу, как и *самовосхваление*»⁵. Этот сбой между самодовольством фасада и глубокой грызущей меланхолией — источник многих околеевропейских недоразумений.

Опробовав, на счастье и на беду, ордынское иго, Россия, начиная по меньшей мере с Петра, пошла по европейскому пути, с той оговоркой, что относилась к нему как к заимствованному, а значит, чужому. Не будем в очередной раз точить герменевтические ляды о союз 'и' в «Европе и России». То, как Россия смотрела и *смотрит* на Европу — с восхищением или содроганием (но всегда пристально), — говорит о том, что смотрит она *извне*⁶. Еще в советское время оглядка на Запад была мощным регулятивом не только внешней, но и внутренней политики; Западу была в какой-то степени делегирована функция совести (историк богословия найдет здесь, возможно, след погребенного глубоко в недра подсознания равнения на *первый Рим*⁷). Старая Европа была поэтому не только обрадована (западная идея,

по замечанию С. Жижека, молодеет и хорошеет, купаясь в очарованном взгляде с Востока), но и испугана евро-энтузиазмом своих новых восточных членов, тех, кто еще недавно смотрел на Европу немного извне. Уж не слишком ли всерьез они принимают Европу как проект и идеал? Уж не слишком ли много надежд на нее возлагают?

В пост-петровской, а еще больше в постнаполеоновской России, как известно, элита вслед за правительством стилизовала себя в *европейцев*⁸. Народ по контрасту рисовался в восточных, азиатских тонах: «Начиная с XIX века русский правящий класс конструирует свой «Восток», свой *Orient* внутри собственной страны. Роль загадочных чалмонских турок и мумифицированных фараонов играет собственный так называемый «народ», точнее — тот сконструированный объект дискурса (и, естественно, господства!), который получил название «народа». Этому объекту атрибутируют самые разнообразные черты, которые можно совокупно характеризовать как «крайний экзотизм». «Русский мужик» выступает главным носителем экзотизма в современной автору русской жизни — мало того, что его решительно невозможно понять, он, обряженный в зипун и лапти, и внешне совсем непохож на автора в его сюртуке или вицмундире. Это — Другой. Именно в этом смысле лапти и борода русского крестьянина в глазах русского писателя, чиновника, помещика ничем не отличаются от чалмы турка или шальвар персиянина в представлении европейского ученого-ориенталиста, путешествующего по Востоку писателя, колониального чиновника или военного. Для примера напомним рассказ Чаадаева о том, как Константина Аксакова, надевшего русское народное платье, публика приняла за *персиянина*»⁹.

При всем антилиберализме определенную ипостась европейского модернизационного проекта осуществляли и Ленин (с его знаменитыми диатрибами против «азиатчины»), и Сталин, не говоря уже об остальных. За считанный век так или иначе с этим проектом стали отождествлять себя и некогда «азиатские» массы. Разумеется, с оговорками, отступлениями и окольными путями. Разумеется, со стабильной славянофильской нотой. Разумеется, с евра-

зийским зигзагом (но ведь и евразийство, и славянофильство были уходами от Запада *как от своего*). Разумеется, со стразами, но под названием «евроремонт». Разумеется, с постоянным усилием по *самозэкзотизации*¹⁰. «Русский магазин» в Европе — это всегда витрина в матрешках и балалайках, которые не так часто увидишь в России (напомним в скобках, что идея матрешек была списана с японских игрушек и ввезена в Россию в самом конце XIX века, тогда же, когда была «доизобретена» и балалайка). Подчеркивание собственной инаковости может доходить до идиотизма, что демонстрирует некий автор, утверждая: «Любимыми книгами русского человека были Жития Святых и Добротолюбие, когда на Западе с восторгом читали «Декамерон»»¹¹. До утверждения «у нас не было секса», остается полшага.

Запад охотно подыгрывает этой игре в самозэкзотизацию. В 1967-68 и в 2010 годах в Париже прошли две огромные художественные выставки о России, названные весьма симптоматично: «Русское искусство от скифов до наших дней» (*L'art russe des Scythes à nos jours*) и «Святая Русь. Русское искусство от истоков до Петра Великого» (*La Sainte Russie. L'Art russe des origines à Pierre le Grand*). Названия этих в высшей степени официальных выставок утверждались, конечно, на самом высоком уровне: очевидно, что (само)экзотизация пришла по вкусу обоим правительствам.

По поводу скифов тут будет уместно рассказать о моей недавней случайной находке, которая так и осталась до конца не проясненной. Прислушавшись к похвале, оброненной уважаемым человеком, стал читать «Пословицы» (*Adagia*) Эразма Роттердамского, в которых он комментирует четыре с лишним тысячи пословиц, поговорок, анекдотов и прочих крылатых слов, как древних, так и новых. Это труд огромный и *знаменитый*¹². Хотя по латыни я знаю, в основном, буквы, мне было интересно взять в библиотеке двуязычное, франко-латинское, издание, чтобы поглядывать в оригинал. Я взял почему-то второй из пяти томов, и вскоре в статье номер 1007, посвященной оксюмору «лысый *миконец*»¹³, прочитал примеры других оксюморонов: «воинственный итальянец», «честный торговец», «набожный наемник» и... «le Russe érudit», т. е.

«эрудированный [начитанный, образованный] русский». Заглянув в оригинал, я обнаружил, что на месте *русского* там стоит... *скиф* (Scytha). Загадка!! Несомненно, правильно было бы перевести просто le Scythe érudit. Скорее всего, переводчик имел в виду, что в Европе (правда, через пару веков после Эразма) стало привычным отождествлять жителей России со скифами (и, таким образом, себя, французов, европейцев — с греками). Такое отождествление было, кстати, вовсе не однозначно пренебрежительным: ведь и греки относились к скифам не без примеси восхищения и идеализации. Возможно, француз-переводчик мог сам в юности посетить вышеупомянутую выставку под невероятным названием «Русское искусство от скифов (!) до наших дней». Но одно дело назвать россиян/русских скифами (на рубеже веков, как известно, и русские вошли во вкус и сами стали так себя охотно величать), другое же — назвать «русскими» скифов (Scythae), под которыми Эразм подразумевал, конечно же, тех, кого древнегреческие колонны встретили на северном побережье Черного моря. Что до эрудиции, то здесь очевидно противопоставление греками «книжной» учености своих мудрецов — природной мудрости скифов, не нуждающейся в библиотечной, наносной начитанности, т. е. сравнение было опять-таки обоюдным — и не вполне серьезным, под стать другим приведенным оксюморонам, отсылающим скорее к шутивным стереотипам, чем к некоей реальности: разумеется, в истории и «в жизни» можно встретить и воинственных итальянцев, и честных торговцев, и (этих даже сильно больше, чем хотелось бы) набожных наемников.

Встречаются — и пока еще не выглядят оксюморонами — и «русские эрудиты», хотя за многими из них с недавнего времени, как уже бывало, плетется тень «иностранный агент», а российские власти прилагают немалые усилия, чтобы поставить эрудицию, знание, критическую мысль, просвещение под подозрение как деятельность сугубо чужеродную.

В итоге в культурном отношении европейцы рассматривают Россию как европейскую страну, способную влиться в «Европу, стирающуюся от Лиссабона до Владивостока» (Эмманюэль Макрон,

август 2019). Сами россияне к этому, может быть, тоже готовы; не готов наш некогда «единственный европеец», наше **правительство**¹⁴. **Современная социальная напряженность в России — это во многом напряжение между европейским народом и «азиатской» властью.** Очень общо, грубо и со всеми и всевозможными оговорками: сегодняшние россияне — это население, образованное по европейскому типу, сильно урбанизированное, сильно дигитализированное, с коротким, но несомненным политическим опытом и с латентным, но неоспоримым минимумом политической культуры. Конечно, россияне — *особые* европейцы, но ничем не более особые, чем, скажем, португальцы, финны или словаки.

Вопрос отнюдь не стоит как «быть русским/россиянином или европейцем?». Никаких *чистых* европейцев в природе не водится. У каждого европейца есть еще и другие идентичности — государственные, региональные, языковые, этнические, не говоря уже о политических, эстетических, гендерных и пр. На обозримое будущее мир строится на «западных», авраамических ценностях и понятиях, поэтому у каждого человека, по крайней мере, в знакомой нам ойкумене, будет как минимум двойное гражданство — «свое» и «общее» (вот это вот самое, «западно-авраамическое»), своего государства и «мира».

Предельно упрощая, можно сказать, что власть в России выглядит как уставшая от всех этих игр в демократию и прогресс, от застольных манер и дипломатического этикета клептократическая клика, которая вынуждена всё больше делать ставку на насилие и его производные. Вовне — на применение силы и ядерный шантаж. Внутри — на схлопывание разделения властей, на подавление политического плюрализма, на нарушение фундаментальных прав и свобод, лежащих в основе европейского/западного образа человека и мира, на то пренебрежение правом и моралью, которое анахронично, непolitкорректно и несправедливо, но неизменно характеризовалось в российском политическом лексиконе как «азиатское».

Перечитаем пушкинский черновик письма к Чаадаеву от 19 октября 1836 года. Пассаж (точнее, его перевод, т. к. письмо было написано по-французски) полностью выглядит так: «*Что надо было сказать*

и что вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, правом и истиной, ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и к достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что правительство всё еще единственный европеец в России [est encore le seul Européen de la Russie]. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания.». Смысл этого отрывка — не совсем в восхвалении правительства, героически пытающегося вести косное общество по пути модернизации, а в критике ничтожного «гражданского общества», рядом с которым правительство еще и выглядит вполне **европейским**¹⁵. Эта псевдо-европейскость иронично подчеркивается тем, что правительство *могло бы* стать еще более грубым и циничным, общество бы и глазом не моргнуло.

И вот, дорогие мои современники, мы дожили до момента, когда правительство отбросило маску европейскости, объявило о примате своего права над международным держит курс на поддержку государство-хулиганов (rogue states), и тяготеет к тому, чтобы превратиться в такое же, и реально стало «сто крат хуже», чем могло бы быть, кстати говоря, в том числе и *для своей пользы*. Правительству/государству надоело корчить первого европейца, и оно решило поиграть в «азиата», и уж, конечно, не в какого-нибудь Сигэру Ёсида или, не дай бог, в какого-нибудь Ли Куан Ю, а сразу в последнего нелепого русбаши с позолоченными церетелями по углам.

Историческое пари может сегодня заключаться только в том, осталось ли общество таким же безответно «азиатским», каким было два века назад.

Примечания

- 1 Николай Подосокорский. Будущее России: война, оттепель или золотой век? // *Вестник Европы*, LV, 2020, со ссылками на Владимира Пантина и Владимира Емельянова.
- 2 Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton UP, 2000.

- 3 Muschg A. Was ist europäisch? München: C. H. Beck, 2005, S. 16.
- 4 de Toledo, C. Le Hêtre et le Bouleau. Essai sur la tristesse européenne. Paris: Seuil, 2009.
- 5 Derrida J. L'autre cap. Paris: Minuit, 1991, p. 30-31.
- 6 Я вспоминаю, как на легендарном семинаре 1990 года в Дубровнике наш самый европейский философ Мераб Мардашвили встретился с западными коллегами (Жижек, Джеймисон, Бак-Морс)... и шокировал их своей мечтой о «нормальной европейской жизни». Скандал! Его партнеры давно отучились думать о своей жизни в терминах «нормальной», она всегда подлежала исправлению, критике, неусыпно бдительной проверке-деконструкции.
- 7 Это высказывание вовсе не экстравагантно, если учесть, что в начале XIX века Россия именно в силу своего участия в Священном союзе считала себя «державой европейской», т. е. прежде всего державой *христианской*. Очередной период изоляционистского курса наступает с конца 1820-х годов (как раз когда Петр Чаадаев совершает свой столь далеко идущий «языковой жест»: написанное им по-французски частное письмо даме, более известное как «первое философическое письмо», нередко приводится как первый и учреджающий текст русской философии. См. *Велижев М.* Чаадаев против национализма. М.: Сомпон place, 2018, с. 9, 32.
- 8 Давший имя знаменитой «триаде» С. С. Уваров чувствовал себя в России «экзотическим растением» (курсив Уварова) и жалел, что не родился немцем: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла. М.: НЛО, 2004, с. 357 и всю гл. X.
- 9 Кирилл Кобрин. От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема (на полях Эдварда Саида) // *Неприкосновенный запас*, 8, 2008.
- 10 Позволю себе отослать франкоязычного читателя к своей статье: *Michail Maiatsky.* Comme dans le ventre de sa marâtre. Essai sur l'auto-exotisation // *Études des Lettres*, 2-3, 2009.
- 11 *Журавлев В. К.* Русский язык и русский характер. М.: Издательство Московского патриархата, 2002, с. 37.
- 12 Опять же: в Европе; на русский язык переведены лишь несколько его фрагментов
- 13 Т. е. житель острова Миконос.
- 14 Попробуем вчитаться в ответ: достаточно послушать дежурно-дипломатичный ответ «ниачём» Путину Макрону: «Я думаю, что если мы будем об этом думать, будем ставить перед собой такие цели, а они, безусловно, стратегического смысла, очень важны и для Европы, если она хочет сохраниться как центр цивилизации, и для России. И если мы будем вместе над этим работать, то рано или поздно, когда-нибудь мы подойдем к решению этой проблемы — в той или другой форме, это неважно. Важно выбрать путь и потихонечку, соразмерно с условиями сегодняшнего дня двигаться в правильном направлении» (я привожу официальную транскрипцию).
- 15 Это «всё еще» в переводе мне кажется неудачным, как будто автор хотел сказать «по-прежнему». В оригинале написано не «est toujours encore», а просто «encore».

© Текст: Михаил Маяцкий

© Фото: Григорий Ярошенко

стихи

***

Простейшая головоломка
не поддается мне никак,
а для смышленного ребенка
и узел гордиев — пустяк.

Он не смеется надо мною,
быть может, только потому,
что мне является роднёю,
я близкий родственник ему.

Но сколь я жалок и ничтожен,
наверное, в его глазах,
как громовержец, что низложен,
повергнут, обращен во прах.

Теперь со мной запанибрата,
он станет говорить мне «ты»,
а я хихикать виновато
и всякой избегать вражды.

И думать грустно, что Тургенев
Иван Сергеевич был прав,
про отчужденье поколений
«Отцы и дети» написав.

Владимир
Салимон

© Фото: Григорий Ярошенко

* * *

Словно булку, снег ломтями
нарезает дождь косой,
будет лопать он ночами
бутерброды с колбасой.

Некультурно будет чавкать
и по-свински хлопать грязь.
Мы ж продолжим в дождь и слякоть
умирать, не торопясь.

Понемногу, шаг за шагом,
не впадая в смертный грех,
дружно, весело, со смаком,
затворившись ото всех.

Как две старые улитки,
что остались зимовать
в огороде по ошибке,
оказалось — умирать.

Те, чьи домики пустыми
обнаружат жарким днем
дети, бегая босыми
под крыжовенным кустом.

* * *

В какой-нибудь всеми забытой
глуши, куда выведет путь,
стоять перед дверью закрытой
и нервно за ручку тянуть.

Смятение. Чувство досады.
Как вдруг холодком от реки
повеет, заплачут цикады,
ночные вспорхнут мотыльки.

И вдруг понимаешь, как много
вокруг одиноких сердец,
и жалко становится Бога,
что, как многодетный отец,

стареется денно и ночью,
хлопочет, детей приласкать
стремится, но те, как нарочно,
кто в шкаф, кто под стол, под кровать

залезть норовят — безобразят.
А те, кто постарше, уже
бьют жен своих, водочку квасят
и в Бога не верят в душе.

* * *

Вдруг ощущаешь на мгновение,
что власть теряет над тобой
тупая сила притяженья,
и это — не сердечный сбой.

А тонкий лед под слоем снега
так о себе дает мне знать,
не для потехи, не для смеха,
а чтоб учился я летать.

Пока не поздно научиться
я должен множеству вещей,
как мне без крыльев обходиться,
которых нету у людей.

Ведь люди Ангелам подобны
лишь в представленье простаков,
что от иллюзий не свободны,
воображения оков.

И я уроки терпеливо
беру, ушибы, синяки
сношу, учусь летать красиво
с друзьями наперегонки.

* * *

Таким и должен быть пожар,
как на картинке в детской книжке —
бьют в колокол, взметнулся шар
над острием пожарной вышки.

И жизнь такую быть должна,
как в сказке — долгой и счастливой,
мир крепким, ни одна война
не называться справедливой.

Но все идет и вкривь, и вкось.
Сначала разгорелось пламя
из искры, а потом пришлось
на пепелище жить годами.

В чем дело, наши мудрецы
гадают, спорят громогласно
и шлют гонцов во все концы
на поиск истины напрасно,
иль рассуждают — вообще —
о нас, как царстве тридесятю,
ища причину в каланче,
или в брандмейстере усатом.

* * *

Не повод даже, а предлог
находится вдруг сам собою,
как будто клюнул петушок,
тебе ниспосланный Судьбою.

На кухне хлопнуло окно.
Дохнуло холодом морозным.
О, Боже, я забыл давно,
что мы живем под небом звездным.

Там — за окном — в прозрачной мгле
на небе звездочки мерцали,
не как на Елочке в Кремле,
где мы отроду не бывали,

а дома,
словно в отчий дом
я заглянул через окошко,
где мы у елки за столом
смеемся, охмелев немножко.

Бокалов звон и бой часов
вот-вот сольются воедино.

И эта музыка без слов
торжественней любого гимна.

* * *

В пору, когда непонятно совсем,
как все завертится, как все закрутится,
разве на мост я иду не за тем,
чтобы с мостом вместе в реку
обрушиться?

Нравится чувствовать, встав на краю
бездны, как ветер ерошит мне волосы
и раздувает рубаху мою,
и на воде чертит черные полосы.

Сделавшись вдруг широка, глубока,
тщится протиснуться между опорами
речка, себе обдирая бока
узкими каменными коридорами.

* * *

У детей — свой детский бог.
В шапке, шубе длиннополой
он приходит на порог
к ним с улыбкою веселой.

На дворе метель метет,
а его объятья жарки,
из мешка он достает
новогодние подарки.

Мы столпились вокруг него,
замерли, дрожим со страху
не забыл ли он кого,
не дал ли случайно маху?

Вдруг он знает, кто снежком
угодил в окно,
в тетрадке
кол хватает за колом.
И душа уходит в пятки.

© Текст: Владимир Салимон

пошли, пошли

рассказ

Ольга Медведкова

1.

тогда я увидел его в первый раз. Он сидел ко мне спиной на камне. Я увидел его спину на большом сером камне-валуне, каких тут немало. Но люди на них не сидят. А он сидел, нахохлившись, как птица, и наблюдал за происходящим. Я заметил его тогда впервые, но, может быть, он бывал тут и раньше; он сидел и смотрел, как мой отец тянул по земле труп, тащил мертвое тело по пыльной земле, а я шел ему помогать тянуть, а тот смотрел. Меня зовут Хороший, так же как моего отца и как деда; нас всех зовут или звали Хорошими. Деда моего я не знал, он умер молодым, мой отец был сиротой, его вырастила его бабка по имени Добрая, вырастила хорошо, и мой отец был хорошим во все дни своей жизни; не было иного дня в его жизни, чтобы он не был таковым. И так все было заранее устроено; до моего деда включительно и потом, все наши предки принадлежали к роду Сотворенных, к виду Вдохновенных, к семье Хороших. Хотя не все мне тут понятно, потому что это было давно, и потому что это было далеко. До отца все мои предки жили там, дома, а отца угнали пленником сюда. И тут впервые, за стенами города, за воротами, там, где бросали мертвых, и где мой отец их подбирал чтобы хоронить, я впервые увидел того со спины. Ничего особенного не было в его спине, разве что плечи у него были могучие, как у наемных работников или солдат, но никакой специальной одежды на нем не было, а была только надета широкая и длинная рубаха, так мне со спины показалось. Станным было то, что он сидел на этом гладком камне, сложив руки, как будто наблюдал. Я подумал, что он или надсмотрщик, или шпион и следит за отцом с тем, чтобы на него донести. Но отец, похоже было, его не замечал и тащил труп по земле, а труп пылил. Отец мой всегда был словно слепой, мало что и кого замечал. Потом тот сказал мне, пиши, и вот я пишу, но писать трудно, потому что несколько мыслей приходят в голову одновременно, а разместить их нужно по очереди, сначала то, что сначала, а потом то, что затем. А вспоминается не по порядку. Там же был и мой пес, и меня смутило, что он ему в спину не залаял, ведь он лалял всегда на незнакомцев, всегда. Я подумал, что вдруг он его знает, мой пес. Я тогда лица его не увидел, потому что побежал помогать отцу, там нужно было бежать под откос, ноги мои скользили, было жарко, хотя утро было раннее, но пыль стояла столбом. А когда я оглянулся, его уже не было.

Все это вышло оттого, что отец скопил денег и решил отложить их сохранно, но тут, на месте, этого делать было нельзя, могли найти и отнять; отложить нужно было подальше. Он тогда пошел далеко и отсутствовал долго, с тем чтобы отдать эти деньги родственнику, о котором он знал,

что ему можно доверять. Мы с матерью ждали его возвращения и дрожали от страха; потому что пока он отсутствовал, тут, на месте, умер их царь, у которого он служил; мы с матерью не знали, радоваться этому или наоборот, и на всякий случай мать боялась. Мать всегда дрожала, она говорила, никогда ведь не знаешь, чего ждать от смерти царя, но хорошего ждать точно не приходится, если ты еще в своем уме.

Тогда, в отсутствие отца, случилось также следующее. Откуда ни возьмись, прицепился ко мне пес; это произошло, когда мы носились между стенами города и рекой; нас было несколько мальчишек; мы брызгались, потом делали себе волосы из соломы; но пес выбрал меня, это всем сразу стало ясно, и другим это не понравилось. Они схватили пса, стали его мучить и кричать, мы повесим его на ветке. Но у них не было веревки, а пес вертел рыжей головой и визжал, тянулся ко мне своим мокрым носом. У него были смешные лапы, он был тогда еще ребенком. Я дал им монету за пса и спас ему жизнь. Мы с ним побежали домой. Пес урчал и на бегу заглядывал мне в глаза, как будто все понимал; мы прибежали с ним к матери. Когда она увидела собаку, то стала орать на меня, чтоб я от нее избавился немедленно; ибо наш дом был чистым, а пес был нечистым; но это была неправда, я знал это, не знаю как, но знал. Мать кричала, что отец, как вернется, и пса убьет, и вместе нас обоих; но я знал, что так не будет; и я сказал нет. В тот вечер мы пошли с матерью к реке; нарвали по дороге иссопу, а иссоп очищает нечистое, это всем известно. Мать говорила, что она, это ясно как день, лишилась ума, если идет со мной к реке с этим вонючим псом. Но я видел, что ей внутри было смешно. Мать была другая, чем отец. Отец всегда рыдал, а мать, хоть и боялась и орала, но внутри часто смеялась; не ртом, конечно, не зубами, а глазами. Сама она, я думаю, про это не знала, но мне было видно, особенно при сравнении со псом, который тоже улыбался своим черным ртом. Придя на берег, мы с матерью натерли пса иссопом; он чихал и отбивался всеми лапами; потом мы отмыли его как следует в реке. Мы опустили его в воду, и он поплыл, как утка, видно было, что доволен. Когда он выбрался на берег, то стал носиться и обрызгал нас с ног до головы. Мать сначала испугалась, но потом сказала ладно, пусть он у нас живет, и мы назвали пса Отмытым.

Тем временем новый правитель, сын и наследник старого, закрыл город на ключ, чтобы никто больше не мог ни войти в город, ни выйти из него незамеченным, и поставил повсюду стражу. Только на рассвете ворота города открывались с тем, чтобы впустить крестьян с продовольствием и других торговцев с их товаром; ибо наш город стоял на реке, и тут было много рынков. Так мой отец смог вернуться домой, спрятавшись в повозке, набитой всякой снедью. Но уже потом никто никуда не мог больше уехать, за всеми надзирали, а тех, кто хотел убежать, отлавливали и убивали. Много наших так поубивали, а тела их кидали за ворота. Мой отец стал эти трупы тайно хоронить. Вот тут, за этим делом, ему помогая, я впервые и увидел того, с его сильной спиной и гибкими лопатками. На другой день к нам в дом вломилась стража с тем, чтобы схватить отца, но мы затаились в сарае. Я тогда подумал, что, может, тот с камня и донес. Отец мой ночью убежал из города, а мы с матерью и с Отмытым спрятались у племянника отца; Отмытый научился не лаять, понял, что мы прячемся. Отец скрывался в горах пятьдесят дней, спал днем в пещере, на голых камнях, а ночью ловил тушканчиков и жарил их на костре. Мы думали, так теперь будет всегда, но тут случилось вот что.

У нового правителя было два сына, и они его убили, никакие стены его не спасли; а третий сын прогнал двух первых и стал сам править; и перво-наперво призвал к себе племянника отца, и тот стал всем у него управлять и стал хранителем его печати. И так опять получилось, что мы с матерью смогли вернуться в наш дом; только он был пуст, его разграбили, пока нас не было; но все же были стены. И была крыша; и отец мой смог вернуться в этот дом, хоть и не в свой, но в уже нам знакомый; и мать, к его возвращению, насобираала, сколько смогла, продуктов, наварила и накрыла стол.

Отец пятьдесят дней не видел стола, и тут он заплакал. Он пошел и долго отмывался, и мне велел; мы надели с ним все чистое, сели за стол; и тут он стал рыдать и сказал мне, не могу я есть один, тут еды хватит для многих; я знаю, что такое голод; это такая страшная штука, так что ты иди в город, обойди наш квартал, дойди до стен, и как увидишь человека из наших, так веди его сюда, я хочу разделить с ним эту пищу. Мать моя посмотрела на отца долгим взглядом, но я не понял, что в нем было. Я пошел, как отец мне велел, покругил вокруг нашего дома, но там не было никого. По тем временам, особенно в нашем соседстве, люди боялись и все больше сидели дома. Дальше, ближе к стенам были люди, но никого не было, кто б среди них был одет по-нашему или имел бы бороду как у отца. Я пошел назад; дошел до площади перед дворцом. Но лучше бы я туда не ходил. Тут, недалеко от их истукана, я увидел одного нашего, в длинном хитоне. Он лежал поперек, с отброшенной рукой и задранным в небо подбородком. Крови не было видно; задушенный, я подумал. Рядом с ним, на парапете сидел тот же, что и в прошлый раз, спиной ко мне. Тут я заметил его руки, в которых он сжимал свою бритую круглую голову. Руки были большие и не очень чистые. Я это заметил. Я сразу кинулся бежать домой; что я скажу отцу, я не знал. Но отец, как только увидел меня, и так сразу все понял и встал из-за стола; что, говори, где ты его видел. На площади, перед дворцом, я сказал. Но ты не ходи, там опять тот сидит, что и в прошлый раз, это, быть может, охранник, или доносчик. Ты пойдешь со мной, сказал отец, мне одному не дотащить. Тут я поймал взгляд матери и понял, что это был взгляд ярости. Мы с отцом пошли туда. На площади солнце съело все тени. Удушенный лежал в облаке из мух, бритого с ним рядом больше не было. Мы дотащили удушенного до нашего двора и спрятали тело в сарае, до темноты, когда можно было его закопать. Мы заново начисто отмылись с отцом в нескольких водах, и снова сели за стол и, наконец, стали есть. А когда мы поели, он сказал, эта пища была мне не в радость, теперь все наши праздники будут поминками, и все наши песни зауспокойными, и сами мы будем жить с собаками, как мертвые в могиле. Про собаку это он сказал про пса, потому что хотя и не убил и не прогнал его, так я просил, но было видно, как ему это противно. А как только стало темнеть, еще в сумерках, отец пошел копать могилу под повешенного; он копал ее за стеной, а люди шли и видели, и говорили ну вот, он уже даже не прячется, какой он гордый стал от своих несчастий, даже не притворяется, совсем рассудка лишился. Только что вернулся из изгнания и опять копает могилы у всех на виду. Ночью отец мой похоронил мертвого, вернулся домой и сам был как убитый; так устал, что даже не смог пойти помыться; так и упал, в дом не заходя, в саду под черешней, которая у нас растет у самой стены.

2.

Он лежал на спине и смотрел в небо своими глазами, из которых текли слезы. И вдруг он закричал, как безумный, потому что воробьи, сидевшие на этой черешне, ему наделали прямо в глаза. Боль была, видимо, страшная, ибо отец вскочил на ноги, стонал, вопил и тер глаза. Мать моя выскочила во двор, стала мыть ему глаза чистой водой, но ему только было хуже. Мать стала орать, это все от того случилось, что ты сам стал мертвецом, не желаешь больше жить с живыми. Нет тебе места среди живых, она кричала, твоя жена и твой сын тебе стали чужие, а близкие твои это группы незнакомых тебе людей, которых ты хоронишь по секрету. Она так не думала, а только так кричала от несчастья. Она побежала за доктором, но тот, придя и осмотрев отца, не знал, что сказать; никогда он такого не видел: два больших белых бельма вместо глаз. Так, в одну ночь, мой отец стал слепцом. И с того дня стали мы жить все хуже, и уже нищета нам грозила. Племянник отца, нам до того помогавший, уехал из города, удалось ему спастись в других краях, где не так опасно было

для нашего брата. Мать нанялась подрабатывать; стала на дом брать пряжу и ткать из нее ткань на небольшом станке, который раньше держала лишь для себя и для нас. Но так было раньше. Теперь все, что она ткала, она отдавала владельцу шерсти и получала за это небольшую плату. Все же мы могли на это жить. Но отец мой сделался подозрительным, как это случается со слепыми. Он был вечно недоволен, ругал мать и за то, и за се, чаще всего беспричинно. Его стали раздражать всякие мелочи, что вкус груш стал теперь не тот, что дождь идет, а не должен бы был. Он сердился на меня, попеременно с матерью, и люто преследовал палкой Отмытого. Но хуже всего приходилось матери, и это было мне совсем невыносимо; часто чтобы не слышать их ругани, я убежал на берег реки, валялся там на песке и думал, что мне бы лучше было оглохнуть.

В один из таких дней случилось вот что. Мать вернулась от заказчика с деньгами, с корзиной снеди и с козленком. Она вся дрожала не то от радости, не то от страха. Отец спал в доме. Она села с козленком на пороге, гладила его по голове. Что ты с ним будешь делать, я ее спросил. Она сказала, приготовлю рагу на неделю, у меня и овощи есть. Прибежал Отмытый, уселся напротив, стал козленка разглядывать и смешно крутить головой, потом подскочил и лизнул его в нос, может, решил, что это щенок. Я подумал, кто сможет нарезать для нас козленка. Тут на порог вышел отец, поднял к небу свои белые глаза, стал принюхиваться, что это такое пахнет. Козленок заблеял; отец сказал, что это. Мать сказала козленок. Откуда он взялся, закричал отец. Мать молчала. Отец закричал, ты его украли. И зачем я только это здесь записываю. Тот велел мне записывать все как было. Но было много чего. Много с нами тогда было ненужного, и надо ли это записывать, я не знаю.

Мать сказала, мне его дал заказчик вместе с платой; я его ни о чем не просила, он сам дал мне этого козленка. Я сварю тебе рагу на всю неделю, чтобы от сочного мяса радовалось твое сердце, но отец стал вопить, я слепец, мне ничто не в радость, а ты воровка, иди неси козленка обратно, я краденое есть не стану. Он стал весь красный и орал, глядя на нас своими белыми глазами. Мать сказала, никуда я не пойду, не хочешь есть, не надо, а я буду, и сын твой будет, а ты нас накормить не можешь, нечего тебе с живыми делать, не место тебе среди нас, Бессильный имя тебе, иди еще кого-нибудь похорони. Она взяла козленка и пошла в дом и зарезала его сама, и он умер. А мать вышла во двор, руки ее были красными, и сказала отцу страшным, пустым голосом, вот ты до чего доигрался. Отец стал рвать свои серые патлы у себя на голове и голосить в небо, ты Один все видишь, заведи меня отсюда, не хочу больше жить, я проклятый, и все семейство мое проклятое, ты Один, тот, кого не смеет назвать язык мой, ты, допустивший чтобы нас пригнали, как скот, жить в эту землю, родиться, родить и умирать без погребения, забирай меня отсюда к себе, ибо цель и смысл жизни того, кто познал тебя — радость, а у меня нет сил радоваться; имя мне теперь Последний, ибо даже птицы с небес какают мне в глаза и умерщвляют мою плоть. Значит ничего не понял я про эту жизнь, думал, что праведник, а был черным разбойником и по этой причине хочу я стать пылью и сухой травой, хочу стать ничем, сделай для меня хотя бы это. Так мой отец вопил и орал, и сердце мое рвалось из клетки вон, и мне казалось, что я понимал его, как никто, мне хотелось умереть вместе с ним. Но одновременно с тем я ненавидел его. И странный голос у меня в груди, отдельный от меня, от желания моего и от мысли моей, отдельный от тела моего, говорил, раз ты хочешь умереть, то и умирай, а меня за собой не тяни, я жить хочу, отдельно, сам, без тебя.

3.

тут отец мой замолчал, стоит в слезах, крутит головой во все стороны, нас с матерью ищет; мы с ней к нему приблизились. Он опустил свои две руки на наши головы. Моя голова ощутила его ладонь, ее тяжесть. Жена моя, голубка, сын мой единственный, сказал отец,

я еще не умер, я пока здесь, хоть и не вижу ничего, и вы надо мной смеетесь и творите, что хотите у меня под носом, пользуясь моей слепотой. Я хотел возразить, но мать меня остановила, чтобы я молчал и слушал отца, а сама посмотрела на него, и я увидел, что ее взгляд был чистым, как мед, так она его любила, только с перерывом на брань. Я подумал, что отец мой был и не прав, и прав. А прав он был потому, что эта женщина, моя мать, так его любит. Сын мой, сказал мне отец, мы не нищие, у нас есть деньги, и немало, только они лежат у родственника нашего, того, которому я эти деньги отвез. Это от нас на восток. Так вот, сын, отправляйся туда и принеси эти деньги обратно, мать твоя не будет больше работать, и будет вам на что питаться во все дни вашей жизни, до самого конца. Он велел мне принести документ, в котором было написано про деньги, и стояли подписи и печати. Дал мне эту бумагу и стал опять говорить, если я умру, пока ты будешь в пути, то вот какие будут мои наставления; и он стал перебирать все правила, как жить, что можно и чего нельзя, и как жить в чистоте, но я его не слушал, я и так все знал наизусть, потому что он всегда говорил одно и то же, и как надо хоронить наших мертвых, как давать тем, у кого меньше, что надо мать свою не забывать до ее последнего вздоха, что в жены я должен взять девицу из нашего рода, ибо мы дети Вдохновенных. И дальше, как всегда: не презирай того, кто ниже, не бойся того, кто выше, не будь праздным, кому ты что должен, сразу же отдай, думай, как и почему ты поступаешь так, а не иначе, следуй этому всегда, а не только тогда, когда приятно или страшно, а что ты сам не любишь, не делай того другому, выделяй, разделяй, думай, учись ежеминутно, живи сейчас, а не завтра и не вчера, не пей сам и не ходи с пьяными, ибо с ними ты в опасности, проси у мудрого совета и наставления, но следуй ему только если ты ему поверил. И чтобы нога твоя ступала по твердой земле, а не скользила по глине и не проваливалась в песок, и пусть все это будет записано в твоём сердце, пусть твоё сердце будет как книга, где нет пустого места, где все исписано хорошими словами, ибо имя тебе Хороший.

Так он мне говорил, и я его не слушал, а только думал, вот он меня отсылает. Он от себя сына своего, меня, отсылает, я думал. Он больше не хочет иметь сына при себе. Я думал, как же я теперь буду и одновременно, радовался и боялся. И сам удивлялся, как такое возможно. Сказал отцу, я не смогу. Так мне показалось, что надо ему ответить, чтобы ему было приятно. Сказал, как я найду туда дорогу. Отец сказал, молодец, ты правильно рассуждаешь. Тебе нужен проводник. Сейчас у нас денег нет, но мы ему заплатим, когда те деньги заберем. Иди и найди себе такого человека.

Я вышел из дома и бродил по городу. Потом вдоль стены и за ворота. Спустился бегом к реке; и когда пыль от ног моих улеглась, я опять увидел того. Он сидел ко мне спиной, поджав ноги и обхватив руками колени. Я узнал его по мускулам спины. Обошел его и встал напротив. Я не испугался. Я теперь его впервые видел с этой стороны. Я сказал ему, кто ты, и как тебя зовут. Он сказал, я проводник, а зовут меня Пошли. Я показал ему документ, который дал мне мой отец, там был адрес, и спросил, знаешь ли ты, где это и как туда дойти. Он сказал да, знаю. У него были большие руки и ноги, не очень чистые, и круглая бритая голова, а сам он был ростом невелик; так мне показалось. Он был одет бедно и не так чтобы чисто, да и не в наше. Хотя мне он показался нашим, и сам, и по имени. Он встал, и я увидел, что он и впрямь не выше меня, хоть и широк в плечах и узок в талии. Тело у него было натренированное, гибкое, как у танцовщиков при храмах; я подумал, он похож на канатоходца, или на борца, что на рынке. Руки у него были большие и сильные, как у носильщика; я подумал, это понравится отцу и матери; если надо, защитит. А что роста небольшого, так даже лучше, пройдет незамеченным. Я еще раз спросил, ты дорогу точно знаешь. Он сказал да, я гостил однажды в доме, в который ты идешь. Я сказал ему, я пойду расскажу о тебе моему отцу. Он сказал иди, только не задерживайся, и я побежал. Я хорошо помню, как бежал, потому что камни под моими сандалиями скользили и сыпались, тянули меня вниз, ведь бежал

я в гору. Вбежав в наш двор, я сразу же, повинувшись тому, сказавшему не медли, стал отцу рассказывать про путника; как я себе его нашел. Отец жевал виноград, шамкал губами и смотрел на меня белыми глазами. Я подумал, почему ослепнув глазами, он не стал видеть ртом или носом; это была странная мысль. Я сказал, тот проводник, которого я себе нашел, знает дорогу и достаточно широк в плечах, чтобы меня даже понести, если будет нужда. Отец мой и зрячим был придирчив, а слепцом стал и вовсе. Не было такого, в чем бы он не усомнился. Он сказал, а что твой проводник наш ли он человек и из какой семьи. Я сказал не знаю, я не спросил. Отец сказал, что ж ты так, веди его сюда, я хочу с ним познакомиться и как следует обо всем расспросить. Мать стояла поодаль и наблюдала за нами, но что она обо всем этом думала, было не угадать. С тех пор, как отец ослеп, взгляд ее стал совсем прозрачным, без дна, в нем можно было утонуть. Я снова побежал к реке; тот был там и ждал меня. Я объяснил ему про отца, опасаясь, что он рассердится и откажется пойти со мной. Я уже хотел, чтоб получилось, чтобы это был он. Я не знаю, почему я так тогда уже хотел. Но тот не удивился, а сразу согласился и пошел со мной, немного впереди, как будто знал куда, к воротам, а потом по улицам, мощеным плитами. Было утро, плиты были влажными, их только что помыли водой. Тут я впервые заметил его улыбку; он смотрел на плиты и улыбался, как будто они ему что-то напомнили. Он не смеялся, а именно улыбался, как иногда улыбался мой пес, только зубов у него в улыбке видно не было.

Мы пришли; отец сидел в саду под черешней, готовый к разговору. Мать причесала назад его белые кудри. Я подумал, как он красив, мой отец, но он никогда не улыбался, ни теперь, ни раньше. Они поприветствовали друг друга, как должно, мать подала им наливки. Отец сказал, ты из какой семьи, кто твой брат и кто отец. Тот сказал, ты ищешь человека из какой-то определенной семьи или проводника для сына, способного его довести до места и, если надо, защитить. Но отец не сдавался, говори и все тут, что ты за человек, и кто твой отец. Тут со мной впервые случилось это. У меня в груди будто ветер подул ледяной. Я подумал, отец прав, никакой он не наш, он чужой и опасный, и руки у него нечистые, и грязь под ногтями. Это было странно, потому что в тот же миг я испугался, что тот скажет о себе правду, и ничего со мной не будет, никто никуда не пойдет. И у меня в груди подул встречный, теплый ветер, в нем было спокойствие и заверение. Это было со мной в первый раз, что у меня в груди так дуло, сначала холодным, а потом теплым. Отец опять начал про то, что мы из рода Вдохновенных, и что мол нам мешаться с другими не пристало. Тот опять улыбнулся, как на влажные плиты, и сказал, меня зовут Помощник, я сын Благодетеля, одного из твоих братьев. Я подумал, он сказал неправду, но это неважно, главное, что теперь дело с концом, и отец нас отпустит. Отец и в самом деле развеселился, стал искать его руками, а когда нашел, хлопать его по плечам, говорить не сердись, что я к тебе приставал, но зато теперь мне приятно, ведь ты мне близкий родственник и, правда, я и твоего отца и дядю близко знал, мы с ними вместе росли; но я его не слушал, а думал, что ж он так радуется всегда, что свои; но это было неважно, а главное было, что теперь решено, и он меня отпустит. Тут я страшно испугался; я вспомнил об Отмытом. Стоит мне уйти, отец выгонит пса, если еще того не хуже. Я услышал эту мысль в себе; она была холодным ветром. Я посмотрел на того и понял, что он понял.

Отец мой тем временем все говорил, что как это прекрасно, что ты из такой близкой к нам семьи, а тот все улыбался, но отец этого не видел, а только еще пуще восклицал. Потом перешел к торговле: я тебе дам столько-то на день и полное содержание в пути, питание и ночлег, как сыну, ты ведь ему, считай, как брат, а если вы оба вернетесь живы-здоровы, то еще по возвращении добавлю, подойдет ли тебе так, Помощник. Он сказал да. Тут отец упал на землю перед черешней, лицом в пыль, и стал кричать и причитать, чтобы Тот, кто Жив, послал его сыну в дорогу невидимого Посланника, и чтобы этот невидимый взял бы нас на свой учет, не дал бы нам сгинуть и пропасть,

упасть и погибнуть, съесть ядовитого или быть съеденными; и так он плакал и кричал. Тут и мать к нему присоединилась и стала тоже орать, зачем ты его отсылаешь, ведь он посох в твоей руке слепца, опора наша в каждый миг нашей жизни, радость глаз, влага горла, запах хлеба, вкус овощей в чечевице нашей пищи; когда я смотрю на его лицо, мир для меня оживает, когда я вижу, как он убивает волосы со лба или идет по нашей улице, мои морщины разглаживаются, мне хочется жить; как будем мы без него, и зачем мы только будем. Было бы у нас много детей, но он у нас один, этот сын, мой мальчик; вот он, сейчас он пока здесь, а через мгновение не будет его, и что станет со мной без него. Так она стенала и корила отца. Тут отец встал с земли, взял ее в руки; я это помню, как он подошел и взял ее в руки свои, и она тут же затихла. Он сказал ей, сестра, ибо ты сестра моя благая, жизнь моя, ибо ты моя жизнь, не ори, не надрывайся; сын наш пойдет туда и дойдет, и вернется обратно, я это знаю. Хотя мои глаза и не увидят лица его больше никогда, но твои глаза будут видеть лицо его в миг твоей смерти, это я тебе обещаю; это мой подарок тебе. Я не понял тогда, зачем мой отец это сказал, но моя мать утерла слезы, поверив ему. А тот мне сказал, ты можешь взять пса твоего с собой.

4.

Мы шли, я, он и пес. Я спросил его, почему ты сказал отцу, что тебя зовут Помощник, а мне что Пошли. Он сказал, на разный вопрос бывает ответом разное имя. Я сказал, кому ты помогаешь, Помощник, и чем; это я сказал, чтобы пошутить. Он сказал, смотри лучше, куда ты ступаешь своей ступней, когда идешь. Это важно. Важно всегда помнить, кто ты и куда ты идешь, и зачем ты делаешь то, что делаешь, и смотреть, куда ступает стопа твоя. Вот посмотри, как я иду. Я посмотрел и увидел то, что он хотел мне показать. Я понял, что он шел иначе, чем я, что его стопа была живая и что она узнавала камень и песок, по которым шла. Но я снова сказал, Помощник, кому ты помощник и в чем. Он не ответил, а сказал, тебе самому не мешало бы сменить в дороге имя. Стоило бы тебе зваться Я-тут, хоть на время дороги. Потом он сказал, ладно, раз ты такой любопытный, я тебе отвечу, я помогаю людям умирать. Я испугался и задрожал, хотя было жарко. Подумал вот, он вор и обманщик, и даже убийца. Мы поверили ему на слово, а теперь он возьмет наши деньги и убьет меня; эта мысль подула в груди моей ледяным ветром, он пронизал меня насквозь, и я оцепенел и не мог пошевелиться. Я подумал, вот смерть, не надо ему даже убивать меня, я и так уже мертв. Я боялся посмотреть на него и так стоял, опустив голову, и не двигался, и все, что я видел, было мертвым. Свет потух. Он подошел ко мне со спины, я стоял, окаменев; он обнял меня за плечи, я подумал, он меня сейчас убьет, но вместо этого там, сзади, стало теплеть, и потом снова запахло землей и почками, и близкой водой; в воздухе снова зажужжало, и заблестели крылья стрекоз. Теплый воздух пах смолой и дымом. Он сказал, река уже близко, пойдем к реке; потом он сказал, не бойся, все будет не так, как ты думаешь, и мы пошли к реке. Пес мой бежал с нами в ногу, предчувствуя, что скоро сможет напиться. Он снова сказал, ты никогда не бойся. Все будет не так, как ты воображаешь. И не так, как другие рассказывают. Знай, что все будет иначе, и ты удивишься. Больше об этом не думай, а только иди и смотри, куда ступает твоя нога, и думай о том, чтобы было где напиться псу твоему. Я сказал, ты точно не нашей породы, не знаешь, что псы нечистые, или тебе это все равно. А тебе-то самому не наплевать ли, спросил он. Я все смотрел на него, как он шел.

Мы подошли к реке, сели и разулись. Он достал откуда-то нож, этот нож блеснул на солнце, и я его увидел, ибо отраженный им солнечный луч упал мне в глаза и смутил меня. Я подумал, вот этот помощник мне сейчас ножом своим и поможет. Но он улыбнулся, и сквозняк этой мысли ис-

чез. Мне нравилось, когда он улыбался, я стал уже ждать его улыбки. Я спросил, можно ли здесь купаться; он сказал поступай как знаешь. Я сказал, но разрешается ли это нашим; он сказал, с такими вопросами надо сидеть дома; иди и купайся, сколько влезет. Я разделся, и мы с Отмытым побежали к реке; было весело. Тот смотрел с берега, как мы плескались в теплой речной воде, пахнувшей травой. Отмытый выскочил на берег и стал отряхиваться, кататься на спине с боку на бок, лапами вверх, разинув черную пасть. Оставшись в реке один, я стал плавать и нырять. Сначала я закрывал глаза, а потом открыл их под водой; сделал так один и другой раз. Когда я выныривал, то видел, что Пошли гладил пса. Он крикнул мне, эй ты там, ныряльщик, налови нам рыбки на ужин. Я снова нырнул, у меня хорошо получалось, я в детстве с мальчишками натренировался. Я открыл глаза. И тут увидел это. Оно было под водой. Среди речных трав, которые качались, оно приближалось, шло на меня своей огромной, лысой, серой головой с мутными слепыми глазами, шевелило усами, похожими на кишки, и отвратительным ртом, растянутым в кривой улыбке, из которой торчали острые зубы. Оно открыло рот, в который моя голова помещалась целиком; не знаю, как я нырнул под него, проплыл под его длинным телом и ухватил за скользкий хвост. Оно было больше меня и сильнее меня. Хватай, услышал я крик Пошли, и кто-то метнулся; мой рыжий вислоухий товарищ прыгнул в воду мне на помощь. Что случилось дальше, я не понял. Вода вокруг нас закипела, стала красной. Потом мы тянули эту рыбину к берегу, где он нас ожидал и своим блестящим ножом помог ей умереть до конца. Лысая туша валялась уже на песке. Он стал разделять ее; вспорол ей брюхо, со знанием дела, как если бы был рыбником; я смотрел, как он работал, как ловко вытаскивал внутренности и раскладывал их с пониманием. Потом стал рубить мясо на куски. Мы с Отмытым насобирали веток, разожгли костер, и некоторое время спустя, плоть чудовища, хотевшего съесть меня, хрустела у меня на зубах, стекала по подбородку горячим вкусным соком. Он ел рыбу, как и я, но не так жадно, и зубов его не было видно. Окончив еду, он стал раскладывать внутренности в отдельные коробочки, которые у него с собой оказались. Я спросил, что это; он ответил, вот сердце, вот печень, вот желчь. Я спросил, зачем они. Он сказал, очень может быть, что нам это пригодится. Я спросил, зачем. Он сказал, я не уверен, что уже настало время тебе об этом рассказать. Я рассердился; я же тут господин, а ты мне слуга, я тебя нанял и тебе плачу, так что ты, будь добр, отвечай мне на вопросы, когда я тебе их задаю. Он улыбнулся, молча, и это рассердило меня окончательно. В груди моей понесся ветер гнева и холодный ветер страха, который я уже знал. Он улыбался лицом, а не только губами, как мой пес, и сказал, ладно, тут вот в чем дело. Сердце и печень этой рыбы, это сильное лекарство; если в каком-то человеке живет нечистый дух, надо перед ним запалить эти сердце и печень, и дух выпрыгнет из тела и скроется, и больше не вернется. А желчь, я спросил. Он сказал, это если у человека на глазах белые пятна, и он ослеп, то стоит ему глаза этой желчью помазать, как он прозревает. Мне это не понравилось. Хотя он и представился отцу родственником, но я в это не верил, я видел, что для него это было неважно, и он так говорил только по обстоятельствам, а теперь он вел себя, как те волшебники и маги, что курили перед духами и славились чудесами, и носили подаяния их Телке. Я сказал, ты что же, врач. Когда нужно, то и врач, сказал он. Больше мы не говорили, хотя у меня в груди все леденело от ярости. Там у меня в груди бушевала зима. Мы собрались снова в путь. Я, было, хотел с собой взять рыбы про запас, там еще много оставалось, но он сказал, брось, завтра будет нам чем пропитаться. Снова это было, как будто он был хозяином и знал больше, чем я, а мне говорил только то, что мне пока знать полагалось.

Мы пошли вдоль реки. Дорога была легкая, шлось приятно в тени от деревьев, тут росших и питавшихся влагой. Птицы пели, стрекозы летали, цветы цвели, все тут имело для того, чтоб быть довольным, но я не был. Он шел впереди, и это мне мешало; он остановился и сказал, вот мы приближаемся к городу, но это не был тот город, в который мы шли за деньгами отца. Он сказал, тут

в этом городе живет один из ваших, у него есть дочь по имени Принцесса, мы у них заночуем. Тут меня снес ледяной шквал. Я заорал, почему ты говоришь один из ваших; если он из наших, то значит и из ваших; ты не наш, ты все наврал отцу. И почему мы идем сюда, а не туда, куда мы шли. И что это за Принцесса такая, ни о какой Принцессе речи не было. Уж ты не сваха ли. Ты как есть сваха, вот ты кто, а тот отец девицы тебе, верно, заплатил, чтобы ты меня сюда привел. Тут я бросил мою сумку на землю и кинулся на него, стал его молотить кулаками, как попало. Он отбивался, как мог. Потом навалился, меня обхватил, а я его, мы оба упали на землю и стали кататься, то он сверху, то я, в яростной схватке. В один момент нашей битвы, когда он был на мне верхом, я вдруг не смог больше лупить его, потому что он был сильнее меня и силу свою явно сдерживал; и я сдался, только закрыл лицо руками и стал его просить о милости, не убей меня, и вспомнил, как он сказал, что он за помощник. Тут случилось вот что. Его тело сверху перестало на меня давить, а стало легкое и теплое, и это его тепло наполнило меня, как если бы я был сосуд, и слезы полились у меня из глаз. Я почувствовал, что я живой; я был рад, что жив, что я мягкий и гибкий, что мне тепло, а все холодное и жесткое, серое, колючее и кривое, как рыба ухмылка, исчезло из меня. Я был везде. И я смешался с жарким воздухом вокруг. Я посмотрел на камень и стал камнем, нагретым солнцем. Посмотрел на дерево и стал этим деревом. Я стал ветками и листьями; замахал каждой веткой и зашевелился с каждым листом, почка во мне набухла, проснулась и стала расти, и я стал как спелый плод, как яблоко на ветке.

Я открыл глаза и увидел его спину; он сидел на камне. Я поднялся и подошел к нему, встал перед ним на колени, опустил лицо в песок и сказал, ты отец мне. Он сказал, ну это ты уж слишком, хотя, может так и удобнее на время дороги, чтобы не ругаться. Но ты лучше зови меня братом, так правильной. Он сказал, мы сейчас пойдем в этот город, в этот дом, к человеку, у которого Принцесса единственная дочь, как ты единственный сын у твоего отца. Я с ним договорюсь, чтобы он отдал Принцессу за тебя; он очень богатый человек, а она его наследница. Почему же он ее за меня отдаст, я спросил. А больше не за кого, он сказал, ты один такой способный. Я сказал ладно, и мы пошли дальше. Я теперь уже знал, что мне с ним по пути, я теперь любил эту теплоту во мне; эта была полнота, но без тесноты. Я спросил, как же так. Он сказал, эта жизнь, которая в тебе, она только твоя, то есть она и есть ты; ни с кем ты ею поделиться не можешь, ни с отцом, ни с кем другим; ее тебе отмерено ровно столько, сколько нужно, чтобы ты жил, пользуйся и не трясь от страха. А у отца и у матери твоих, и у всякого другого, своя такая же порция, в нужном количестве; им твоя жизнь не нужна и даже не полезна. У каждого она своя. Ее не больше или меньше дано тому или иному, а каждому по полной; потому-то он и жив. А там, где не хватает, там смерть. Я сказал, а почему же я тогда чувствую жизнь других, даже камня, и как будто все жизни слиты в одну. Он сказал, на сегодня хватит вопросов, хорошего понемногу.

Мы подошли к тому городу, что он назвал, вошли в ворота, поднялись по улице к большому, знатному дому. Тут он вдруг остановился и присел, я рядом тоже. Мне еще нужно тебе нечто объяснить. Говори. Я теперь был на его стороне, уже начал понимать, как мне от сквонзняка в груди охраняться; мне для этого было достаточно его коснуться. Я тронул его за руку и, верно, тут же потек внутри меня прозрачный мед, нагретый солнцем. Он сказал, эту Принцессу уже выдавали замуж много раз, семь ее женихов умерли в муках в день их свадьбы, едва только войдя в комнату невесты, даже не приблизившись к ней. Так что она до сих пор нетронута. Ты к ней войдешь восьмым, но станешь первым. Он положил руку мне на плечо, и возникшее уже было серое и лысое сомнение пронеслось мимо. Он улыбнулся и сказал, это не она их убивает, а злой дух, который в ней живет и который хочет ее только для себя. Она такая, ты увидишь, особенная; прозрачная, вроде как ты. Когда она родилась, то не сразу ожила, а тот уже был тут и поместился. А как эта гнусь где устро-

ится, самому человеку от нее трудно избавиться; ее же, гадость, не видно, а вам нужно увидеть, чтобы понять. Вот за этим мы сюда с тобой и пришли, я тебя сюда для того и привел, с этой целью. Согласен, он спросил. Я кивнул. Молодец, сказал он. Умница, что сразу согласился, даже ее еще не увидав. И не бойся ничего. Ты пойдешь к ней один, но я буду с тобой, ну ты понял. Я уже понял. Он притянул меня к себе и поцеловал в щеку. С волками жить по волчьей выть, сказал он. Теперь смотри и слушай внимательно, когда ты к ней войдешь, ты имей с собой кадило, только вместо еля положи на угли сердце и печень рыбыны; вонь пойдет такая, что святого выноси, невеста твоя упадет без чувств; гнусь, которая в ней, из нее выскочит, а тут уж я ее подстерегу и ею займусь лично, а ты займешься девушкой. Мы оба улыбались, но не видел я зубов его, а только сверкнула во рту его перламутровая влажность. Ты ею займись не торопясь; если не я, так ведь никто же не научит. Сделай так, чтоб каждый жест твой длился до тех пор, пока не даст ответа, и тут снова жди, чтобы ответное ее движение иссякло и новое зародилось в тебе, и так поступай медленно и постепенно. Наполни ее радостью, чтобы все то пустое место, которое останется от мерзости, все бы заполнилось. Чтобы не осталось пустоты. В пустоте сквонзник заводится. Он так говорил, а я сидел с ним рядом, как брат, и уже любил эту девушку в сердце моем. Я уже начал понимать, что на одну теплоту может другая ложиться, и как она может расти, и я уже вошел во вкус. Он сказал, ты хороший. Я пришел ради отца твоего, но остался ради тебя. Я сказал, ты ведь меня никогда не покинешь. Никогда. Обещай. Он сказал, посмотрим. Никогда ничего не известно заранее. Ни тебе, ни мне.

5.

Мы вошли в дом, и я увидел ее. Она была похожа. Потому я и узнал ее сразу, в самый первый миг. Она была так хороша собой и так мила лицом и движением, что немудрено было мерзости той ее полюбить. Она была как будто слабая и вздрагивала, как если бы ей было холодно, хотя было жарко. Она провела нас к своему отцу, и тот, едва увидев меня, замахал руками и закричал, о как ты похож, не сын ли ты отца своего, а если так, то как он там поживает, в своем изгнании. Я сказал да, я сын отца моего и да, я похож, этого не скроешь. А в изгнании он поживает, как можно поживать в изгнании, не лучше и не хуже, а примерно, как и вы здесь. Ибо, озираясь по сторонам, я уже стал замечать, что поживали они отнюдь не плохо, и даже довольно богато; были тут и ткани, и ковры, и мебель. Он стал кричать, о сын мой, родной ты мне человек и близкий, что самое главное, заходи, сейчас мы барашка приготовим. Мы долго отмывались, во многих водах, чтобы сесть за стол очищенными. Когда же мы сели за стол, он стал снова спрашивать об отце моем, как его здоровье, и тут я рассказал, что отец мой недавно ослеп. У них у всех, и у него, и у жены его, и у Принцессы лица побледнели, слезы покатались, они стали причитать, и я понял, что был как дома, у своих. Когда мы поплакали, как следует, я сказал им, как Помощник мне велел, что хочу взять Принцессу за себя. Отец ее сказал, ладно бери, только вот ведь тут какая штука. И он опять залился слезами и завопил, совсем как мой отец, что он проклятый. Помощник же, сидевший рядом с ним, сказал тише, не ори, старик, не пугай молодежь, у них ночь впереди. И тот послушно замолчал. Они хотели есть; но я есть не стал. Я прервал их застолье, ибо сам не знаю, как и почему, но понял, что сделать это надо было теперь. Сказал, не стану есть в этом доме, пока не отдадут за меня Принцессу. Отец сказал, бери ее, если хочешь, немедленно даже, но знай, дело тут такое. Семь раз ее уже сватали и договор свадебный подписывали и за стол садились, и семь раз наступала брачная ночь, и семерых женихов выносили бездыханных из ее комнаты, прежде чем те до нее допрагивались. Он снова завопил, что проклят, и что дочь его проклята тоже. Помощник встал из-за стола, взял Принцессу за руку, подвел ее ко мне, вложил ее руку в мою и сказал, вот похожая с по-

хожим сочетаются. Возьми сестру твою, и пусть станет она женой тебе. Веди его, Принцесса в покои, а я пойду кадило раскурю, спальню вашу ароматом напитать. Мать Принцессы пошла стелить чистую постель, а Помощник разжег и дал мне кадило. Мы с Принцессой вошли в спальню и закрыли дверь. Тут я бросил на угли горящие сердце и печень лысой рыбины и стал кадить, как меня Помощник научил, и, вместо того, чтобы я упал за смертью, как было предсказано, сестра моя упала навзничь, и я понял, что она умерла вместо меня. Из груди ее с хрипом вырвался большой, тяжелый вздох, ставший облаком. Облако покатилося по комнате, докатилось до меня, накрыло меня с головой, и я был им поглощен; я увидел того, кто был внутри; нет, лица его я не узрел, да и было ли там лицо, я не понял, но гадкий и скользкий холод его мне уже был не впервой. Только тут он был еще и говорящим. Холод сказал, лучше тебе не жить, а умереть. Повторяй за мной, лучше тебе умереть, а не жить. И там задул ветер; но в этот миг вонючее облако оставило меня и вылетело в окно. Я очнулся и выглянул: там, под окном, стоял Помощник с сетью. Он набросил эту сеть на пыльный шар, стал затягивать и вязать его в узел. Шар лопнул. Разразилась еще худшая вонь, как от сотни трупов. Свет погас. А когда свет вернулся, я увидел спину Помощника, он удалялся; я видел его легкие ноги и гибкие стопы. На земле, под окном, догорала гнусь, словно старый мусорный мешок. Пошли, крикнул я ему вслед, но он не обернулся, а только рукой помахал. Куда ты, крикнул я; ибо испугался, что он меня тут покинет. Он остановился и повернулся ко мне. Вот пристал. Я здесь пока. Иди и займись своим делом.

Тут я вспомнил о Принцессе; она лежала на полу; я кинулся к ней, но она уже была вся розовая. Я лег рядом с ней на пол. Она открыла глаза, и мы с ней стали вместе смеяться. Она сказала, во мне жил лысый голос, он говорил умри, это лучше, чем жить. Я сказал да, я знаю; он тут навонял и сам сдох, а не ты и не я. Она сказала, ты его видел. Я сказал да. Он был как мерзкий и холодный дождь, за воротник. Она поехала и приподнялась, ресницы ее дрожали, все в ней улыбалось, жило и блестело. Она сказала, я хочу поесть. Я сказал, потом. И я взял ее как сестру и осторожно, медленно, сделал из нее себе жену; мы плавали вместе в золотом вине из позднего и самого сладкого винограда. Когда мы очнулись, я сказал ей, пусть так будет всегда, а она сказала ладно. Мы перебрались на постель, обнялись так крепко, что каждая ее впадина стала моей выпуклостью, и заснули.

Едва проснувшись наутро, мы вышли с ней в сад и увидели, что под окном ее спальни зияла свежая могила, вырытая ночью для меня слугами по приказу ее отца. Я стал смеяться и закричал, зачем же вы живому выкопали могилу. Я вот, да и сестра моя, ставшая мне женой, тоже тут. Кого же вы хоронить собираетесь. Пошли подошел к нам; в руках он держал дохлого зверька. Вот эту крысу мы и похороним. Отец сказал да, не думал я, что так все случится. Никогда не бывает так, как думаешь заранее, сказал он и закопал в могиле эту мертвую крысу, а отец стал целовать нас всех, меня, дочь свою, жену свою и желать нам всем долгой и хорошей жизни. Он сказал теперь я устрою в доме моем праздник, он будет длиться две недели, и пусть никто за это время дома моего не покинет. А потом вы с дочерью моей возьмете половину всего, что мне принадлежит, и пойдете домой, к родителям твоим. А когда мы умрем, и вторая половина будет ваша. Как было не согласиться.

Хотя эти две недели праздника отдаляли мое возвращение домой, ведь нам еще нужно было идти за деньгами отца, так что я стал думать, как мне быть, и представлять себе моего слепого отца, воображать, как он ощупью ходит по дому, как спотыкается, как выходит в сад и садится под черешней и ждет меня каждую минуту своего дня и своей ночи. И я стал представлять себе, как моя мать считает уже меня мертвым и хоронит меня в свежей могиле по нескольку раз в день и по много раз за ночь. Я слышал внутри себя, как отец говорил, вот уже столько-то дней прошло с тех пор, как он должен был вернуться. А мать говорила да, он потерялся, зачем мы только его отпустили. Отец отвечал ей, замолчи, он жив и здоров, но говорил он это гробовым голосом, и мать ему не ве-

рила. Вот она уже перестала есть. Так, слыша их голоса в моей груди, я пошел искать Помощника и сказал ему, теперь я знаю тебя. От тебя исходит теплый свет, ясный смех, улыбка губ и дрожащие ресницы; скажи мне, как мне поступить; бросить ли мне все и бежать, спасать от смерти отца моего и мать мою. Но он сказал, ну и повезло же тебе, дружище. Ты тут эти две недели пей и ешь, развлекайся и все прочее, а я пока летаю заберу деньги отца твоего. А тебе не обидно, я спросил. Он сказал нет, мне расслаиваться не пристало, еще растолстею. И он ушел. Но когда он уходил, сердце мое покинуло меня от мысли, вернется ли он.

Две недели спустя мы собирались в дорогу. Уходил я не так, как пришел. С женой, с лошадьми и с богатством. Родители жены рыдали, как дети. Мать ее вручала мне ее, завещая веселить ее в каждый день ее жизни, что я делать и так собирался. Но я все ждал, все смотрел на дорогу. И вот когда ждать стало уже больше невозможно, я увидел вдали его небольшую фигуру, освещенную солнцем; я узнал его сразу; он помахивал рукой, как будто что-то сеял на ходу. Сердце мое вернулось в мою грудь на свое место; мы дождались его.

Мы тронулись все вместе в путь, и путь наш был нам нетяжел; и вот уже башни не родного, но все же моего города, замаячили перед нами. Вдруг ни с того ни с сего товарищ мой взял меня за руку и шепнул на ухо, пошли, скорее. Пусть жена и слуги твои едут спокойно, а ты первым узришь твоих стариков, успокоишь их и предупредишь, чтобы они не вылили на Принцессу весь запас своих слез. Мы побежали, как в детстве, к воротам города, нас двое и мой пес. Вот уже шли мы, запыхавшись, вверх по нашей узкой улице, и я видел вдали мою мать, сидевшую сгорбившись на пороге, и я устремился к ней, но тот остановил меня и вложил мне нечто в руку. Желчь, сказал он, рыба, помнишь. Приложи ее к глазам отца, и ты увидишь, что будет. Отец тем временем вышел из дома и чуть не упал, зацепившись ногой за ступеньку. Я вбежал в наш двор, мать вскочила на ноги, отец закричал, как ребенок. Тут я залепил ему глаза рыбьей желчью. Он заохал, запричитал, ты убил меня, сын мой, видимо жгло очень сильно, и стал тереть изо всех сил. Потом поднял ко мне свое уставшее от горя лицо, и я увидел, что глаза его были ясными и чистыми, и понял, что он видит меня. Принцесса вошла во двор; мой отец потупился и помолодел, так красива и мила она была, так улыбалась и так смешно отмахивалась от стрекоз. Мы уселись под черешней; пес мой лизал руку отцу, и отец его не гнал. Я стал рассказывать, как дело было, а Принцесса поддакивала или иногда поправляла и добавляла, когда я что-то забывал, и мне это нравилось. Мы говорили с ней вдвоем, как один человек, но вместе нас с ней было больше. Я стал рассказывать об исцелении и вдруг испугался, где же Пошли. Я подумал, он был мой проводник, он привел меня туда, куда я не шел, помог мне найти то, чего я не искал, и вернуться обратно. Что же мне теперь делать. Ведь все исполнилось, не как я хотел, а как он велел, но так было лучше; и теперь он уйдет. Этого я не мог допустить; я стал думать, как мне его к себе и к дому моему привязать, чтобы нам с ним не расставаться. Давай отдадим Помощнику половину того, что я привез, ведь это все благодаря ему, сказал я отцу. Он сказал ладно.

Я пошел его искать. Он стоял недалеко от ворот, спиной ко мне, и я снова удивился тонкости его ног и силе его плеч. Пошли, сказал я ему, отец хочет тебя вознаградить. Он молчал. Тут я увидел сумку у него на плече. Нет, сказал я ему, ты не уйдешь от нас; так не пойдет; я привязался к тебе, и я полюбил тебя; я без тебя больше не могу. Он рассмеялся и вдруг хлопнул меня по щеке. Какой же ты смешной, и он стукнул меня довольно сильно, так что я покачнулся и упал лицом в землю. Так я лежал и вместо гнева плакал от бессилия. Он сказал, ты думал, я ел с тобой пищу твою и пил с вами вино ваше, но это тебе только казалось; я не ел и не пил. Я поднял лицо от земли и оказался в шатре из разноцветных перьев; они сияли и щекотали мне щеки. Тело мое стало легким; я вдруг пропал, но я был тут; мне было радостно и смешно, все имело смысл, было ясно и было

понятно. Крылья дрожали и сверкали, а посреди, между крыльев было лицо, и мне надо было туда, к нему; возьми меня с собой, сказал я лицу. Оно улыбнулось. Иди пока туда, сказали губы лица, я скоро снова за тобой приду, а пока ты запиши все это. Мой пес залаял у меня за спиной. Я оглянулся на мгновение, а когда снова посмотрел туда, где было лицо, все пропало, не было больше ни крыльев, ни блеска, ничего. Я сидел на земле за воротами с башней, и пес мой терся о мои колени. Я так еще посидел и пошел обратно, туда, где под черешней были наши; а потом я это записал.

© Текст: Ольга Медведкова

ОЛЬГА МЕДВЕДКОВА — искусствовед и писатель, автор книги о Лео-не Баксте и романа «Три персонажа в поисках любви и бессмертия». Живет в Париже, пишет на двух языках.

Рисунок: Владимир Пятницкий

Антонио Табуки

Рассказы

два генерала

«Я никогда не считал, что жизнь подражает искусству, это просто распространенная шутка, реальность всегда превосходит воображение, поэтому практически невозможно положить на бумагу некоторые истории, получается бледное подобие того, что было на самом деле. Но оставим в покое теорию, быть может, у тебя скорее получится удачно изложить историю, которую я тебе с удовольствием расскажу, поскольку по отношению ко мне у тебя есть преимущество: ты не знаешь того человека, который её прожил. Честно говоря, сам он рассказал мне только то, что предшествовало ей, самое начало, остальное я узнал от одного моего друга, и то в нескольких словах, мы с ним больше разговаривали о музыке, о теории шахмат, о том, что будь Гомер знаком с Улиссом, тот показался бы ему банальным пошляком. Мне кажется, из всего этого я понял только одно, что истории всегда намного больше нас, они случаются, и мы невольно становимся их действующими лицами, но главным действующим лицом истории, которую мы пережили, являемся не мы, а сама история, которую мы пережили. Никому не известно, почему он приехал умирать в этот город, о котором он ничего не знал, может, потому, что это Вавилон, и, может, у него закралось подозрение, что его история — символ Вавилона, а его страна слишком маленькая, чтобы умереть в ней. Ему было уже почти девяносто, послеполуденные часы он проводил, глядя из окна своей квартирки на небоскрёбы Нью-Йорка, по утрам к нему приходила девушка-пуэрториканка, чтобы прибраться, она же приносила ему завтрак из *Тони'з Кафе*, он разогревал его в микроволновке, а потом, после ритуального прослушивания старых пластинок с музыкой Белы Бартока¹, которую знал на память, он осмеливался на короткие прогулки до решетки Центрального парка. В шкафу в пластиковом пакете он хранил генеральскую форму, и всякий раз, когда открывал дверцу, он дважды хлопал по погонам, словно приветствовал старого друга, а затем шел спать, он говорил мне, что ему не снятся сны, а если такое случается, то ему снится небо над равнинами Венгрии, он считал, что так действует на него снотворное, которое подобрал ему один американский врач. Я рассказываю тебе эту историю так коротко, как мне рассказал её тот, кто её прожил, все остальное — лишь предположения и догадки, но это уже остаётся на твою долю».

***

Когда эта история началась, её главный герой был молодым офицером венгерской армии, и, согласно григорианскому календарю, это было в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году. Назовем его условно Ласло, имя в Венгрии очень распространенное, что делает нашего героя анонимным, даже если он, на самом деле, был Ласло и никто иной. Мы можем допустить, что это был мужчина

чуть старше тридцати пяти, высокий, худощавый, светлые волосы с легкой рыжинкой, серые, с чуть заметным голубым отблеском, глаза. Здесь можно добавить, что он был единственным наследником семьи владельцев земель на границе с Румынией, и в его доме, кроме венгерского, согласно традиции Габсбургской империи, разговаривали и на немецком, после экспроприации земель семья переехала в Будапешт, в огромную квартиру, предоставленную ей коммунистическим режимом. Можно также предположить, что в лицее он увлекался литературой, превосходя всех в знании древнегреческого, цитировал наизусть целые куски из Гомера и в тайне пописывал оды в пиндарическом *стиле*². Его учитель, единственный, кому он осмелился показать их, предсказывал ему будущее великого поэта, нового *Петефи*³, чему он сначала не поверил, впрочем, эта деталь мало существенна, посчитаем ее чистым предположением. Но все дело было в том, что отец видел сына только военным, потому что сам с юного возраста служил в австро-венгерской армии. Тот факт, что ныне армия служила коммунистическому режиму, казался ему ничего не значащим, главным было служение Венгрии, ради защиты этой земли люди брали в руки оружие, а вовсе не ради такой эфемерной сущности, как её правительство. Наш Ласло без возражений исполнил отцовскую волю, в душе он хорошо понимал, что ему никогда не стать новым Петефи, а быть вторым после кого-либо он не потерпел бы, он желал быть первым во всём, чем бы это всё ни было, силы воли ему было не занимать, а жертвы его нисколько не пугали. Учась в военной академии в Будапеште, он сначала числился лучшим кадетом, затем первым юнкером и, наконец, превосходным офицером, которому по завершению обучения сразу же была доверена ответственная командирская должность в пограничном округе.

В этом месте вполне можно сделать отступление, которое никаким боком не относится к нашим предположениям и является лишь плодом воображения того, кто рассказал эту историю, выслушанную от кого-то, кому её рассказали в свою очередь. Вполне реальным представляется, что в деревне, находившейся на земле, какой когда-то владел его отец и где он провел свою раннюю юность, он оставил свою первую любовь, которой был верен до сих пор. Это сентиментальное уточнение безусловно уместно, иначе он мог бы показаться обряженной в военную форму марионеткой, действующим лицом истории, главным в которой являются волевые качества и физическая сила, и полностью исключается таинственная духовная сила, вырабатываемая сердечной мышцей. У Ласло было романтическое сердце, и приписывать ему чувства, которые испытывает сердце каждого из нас, вполне обосновано, следовательно и сердцу Ласло было не чужда большая любовь, а вспоминаемая им с щемящей тоской большая любовь воплощалась в красивой деревенской девушке, которой он, юноша, после полудня, проведенного в стогу на пшеничном поле, поклялся в вечной любви, а она, со своей стороны, в стенах огромного отчего дома, защищенного высокими деревьями, пообещала ему продолжить его род. Ну а пока Ласло был там, в Будапеште, с его роскошными дворцами, начальник Генерального штаба воспылал к нему симпатией. Каждое последнее воскресенье месяца генерал устраивал приемы, на которые приглашенные офицеры являлись в парадной форме, после ужина все танцевали, пианист во фраке играл венские вальсы, и во время танца глаза дочери начальника Генерального штаба утонули в глазах Ласло, и кто знает видела ли она в этот момент глазах Ласло именно Ласло либо просто самого блестящего офицера военной академии о котором с восхищением отзывался её отец. Но всё это, в принципе, не играло никакой роли, ибо после быстротечной помолвки они поженились. Нельзя исключать того, что воображение взяло в душе Ласло верх над реальностью. Разумеется, он любил свою жену, она была красива, хорошо воспитана, но он так и не смог разглядеть в ней черты своей первой любви, которую считал преданной им, неуловимый, уже довольно размытый образ деревенской девушки со светлыми волосами. Посему он ходил искать свой фантазм в борделях Будапешта, сначала в компании нескольких товарищей по оружию, затем в унылом одиночестве.

© Фото: Григорий Ярошенко

Но вернемся в тысяча девятьсот пятьдесят шестой год, тот самый, когда советские войска вторглись в Венгрию. Повод для вторжения был, по сути, идеологическим, но невозможно установить, была ли реакция Ласло аналогичной или у нее были иные мотивы: домашнее воспитание, например, потому что это была земля Венгрии, а, как учил его отец, родная земля священна и стоит выше любого правительства; или же мотивы носили чисто, назовем это так, технический характер, поскольку военный подчиняется, прежде всего, приказам начальника своего Генерального штаба, а приказы, как известно, не обсуждаются. Не вызывает сомнения и тот факт, что выросший в большой семье Ласло располагал обширной библиотекой, а это позволяет сделать и другое, более иллюзорное предположение, скажем, что он прекрасно знал Дарвина и считал, что политические системы подвержены эволюции, подобно биологическим организмам, и, следовательно, существующая в стране система, в значительной степени примитивная и базирующаяся на благих намерениях, способна к изменению в лучшую сторону, если во главе неё станет такой человек, как Имре Надь⁴. А может быть, он прочитал книгу Андре Жида⁵ *Путешествие в Советский Союз*, которой зачитывалась вся Европа и которая подпольно распространялась и в Венгрии. К этим предположениям вторичного характера можно добавить ещё одно: вероятно, подспудно он ощущал, что можно рассчитывать на поддержку со стороны коммунистических партий некоторых европейских стран. Как-то раз на одном из приемов он разговорился с функционером крупной западноевропейской компартии, элегантным молодым человеком, говорившим на превосходном французском и знавшим все о ГУЛАГЕ, и тот признался ему, что является коммунистом-*милбористом*⁶, смысл этого понятия остался для нашего героя неясен, но мысли собеседника показались созвучными его собственным.

В ту ночь, когда советские танки пересекли венгерскую границу, Ласло вспомнил о *милбористе*. А так как тот оставил свой номер телефона, он немедленно позвонил ему, успев до того, как русские перережут линии. Он понимал, что пусть даже символическая поддержка большой демократической страны маленькой и плохо вооруженной венгерской армии окажется очень важной перед лицом гусениц русских танков. Трубку долго не снимали, потом ответила заспанная и раздраженная горничная, сообщившая: сенатора нет дома, он на званом ужине, если желаете, можете, оставить для него сообщение. На это Ласло попросил лишь передать сенатору, что звонил Ласло. Ответного звонка он так и не дождался. Нельзя доверять демагогам, мелькнула и мгновенно исчезла мысль, ибо в этот момент ему предстояло обдумать более серьезные проблемы, но два дня спустя, когда он услышал по радио, как этот иностранный товарищ назвал венгерских патриотов контрреволюционерами, он понял, что не ошибся.

Глядя из окна на нью-йоркские небоскребы, Ласло, который только что прочел стихотворение Уильяма Йейтса⁷ *Мужчины с годами становятся лучше*, размышлял над этой забавной сентенцией и задавался вопросом: а что, если в жизни все не так, если время на самом деле не улучшает людей, а если и улучшает, означает ли это, что это заставляет их становиться другими, или, таща их за собой, время всего лишь превращает в миражи то, что в прошлые времена было для них, действительно, реальностью. Солнце катилось за небоскребы, ему предстояло совершить свою гигиеническую прогулку до Центрального парка и обратно, а он, так сильно желавший улучшить свое время, размышлял под музыку Белы Бартока о времени, в котором сейчас пребывал.

Каким образом Ласло удавалось в течение трех дней сдерживать напор советских войск, сейчас уже невозможно установить. Можно сделать всего несколько предположений по этому поводу: причиной его стратегический талант; его врожденное упрямство; его горячая вера в невозможное. Так или иначе, факт остается фактом: танки армии оккупантов, понеся большие потери, не могли

продвинуться ни на метр вплоть до четвертого дня, когда их сила одолела-таки упорство горстки венгерских солдат, которыми командовал Ласло.

Командир противостоящей ему части российских солдат был примерно того же возраста, что и Ласло. Назовем его условно Дмитрий, имя в России распространенное, что гарантирует анонимность, но он был реально Дмитрий и никто иной. Грузин по национальности, вспыльчивый и жизнерадостный мужчина, он окончил военную академию в Москве и в жизни любил три вещи: Сталина, потому что был обязан его любить и потому что тот был грузином, как и он, Пушкина и женщин. Карьерный военный, он никогда не интересовался политикой, беззаветно любил Россию и искренне переживал, что был еще слишком молод во время войны с нацистами, которых люто ненавидел, но не мог заставить себя ненавидеть венгров и честно не понимал, почему должен делать это. Неожиданный отпор этого народа приводил его в ярость, ему причиняла душевную боль гибель его солдат и особенно безысходность отчаянного сопротивления венгров, смысл которого ему никак не удавалось постичь, ведь они наверняка отдавали себе отчет в том, что будут уничтожены, и что каждый час противостояния оборачивается новой кровью, пролитой на алтарь красивой иллюзии. Но зачем проливать кровь ради иллюзии? Это его смущало.

Когда в Будапеште был установлен так желаемый Москвой порядок, и неуютное ей правительство было заменено более лояльным, венгерские офицеры, принимавшие участие в мятеже, как отныне квалифицировалось сопротивление, были преданы суду. Среди них, естественно, и Ласло, он был признан одним из самых злостных мятежников, и его ожидал показательный приговор. Псевдотрибунал для обоснования обвинений затребовал письменный рапорт российского офицера Дмитрия, который прислал его уже из Москвы. Приговор был написан заранее, речь шла лишь о придании ему внешней видимости законности, Ласло, зная, какую силу имеют показания, данные в письменном виде, считал, что именно рапорт Дмитрия оказался решающим в его осуждении. Последовало наказание, надлежащее такому опасному мятежнику, как Ласло: он был публично разжалован в рядовые, изгнан из армии и посажен в тюрьму в гражданской одежде, так, чтобы венгерский военный мундир остался незапятнанным.

Когда его освободили, он был уже пожилым человеком, дом его был конфискован, страдавшая от артрита жена умерла, средств существования не было. Он уехал жить к дочери, которая была замужем за провинциальным ветеринаром. Так время и шло, до того самого дня, когда с падением Берлинской стены рухнула Советская империя, а вместе с ней и режимы стран стран-сателлитов, какой являлась и Венгрия. Несколько лет спустя демократическое правительство его нового государства приняло решение о реабилитации военных, которые в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году возглавили революцию против Советского Союза. Их к тому времени осталось совсем мало. Среди этих выживших был и Ласло.

***

Порой глубинный смысл истории обнаруживает себя в тот момент, когда история кажется уже завершенной. Было похоже, что жизнь Ласло, как и его история, клонилась к закату. Но нет, именно с этим решением правительства она приобрела неожиданный смысл. Дочь и внучка сопровождали его в Будапешт на торжественную церемонию восстановления в рядах армии и вручения ему звания героя Венгрии. Он предстал на ней в старом мундире, стойко пережившим время, если не считать нескольких проеденных молью дырок. Это была, в самом деле, торжественная церемония, проходившая в огромном зале военного министерства и транслируемая по телевидению: так же быстро, как много лет назад, Ласло был разжалован до рядового, так же быстро он был возведен в звание генерала армии, после чего ему на грудь навесили целый иконостас наград. В ту ночь в ши-

карном номере лучшей гостиницы города, зарезервированном за ним министром обороны, Ласло заснул мгновенно, быть может, потому что выпил слишком много на банкете, но неожиданно проснулся среди ночи и долго лежал без сна, обдумывая пришедшую ему в голову идею. Трудно делать предположения о мотивах, породивших её, но факт остаётся фактом: наутро он позвонил министру обороны, назвал свое имя и звание и, продиктовав имя и фамилию одного русского офицера, попросил найти его координаты. Через несколько минут их ему сообщили: венгерские секретные службы знали о нём практически всё, включая номер телефона.

Дмитрий тоже уже стал генералом, героем Советского Союза, выйдя в отставку и овдовев, он жил одиноко в Москве в небольшой квартире на ежемесячное содержание, назначенное ему властями новой России. Он был членом Ассоциации российских шахматистов и имел постоянный абонемент, позволявший каждый субботний вечер посещать небольшой театрик, где ставили только спектакли по Пушкину. Ласло позвонил ему глубокой ночью. Дмитрий снял трубку после первого же звонка. Ласло представился, Дмитрий сразу вспомнил его. Ласло сказал, что хотел бы лично познакомиться с ним, Дмитрий не спросил, зачем, он понял это сам. Ласло предложил ему приехать в Будапешт, обещая оплатить билеты и проживание в хорошей гостинице три дня уикенда. Дмитрий отказался, приведя убедительные доводы: Венгрия ему не нравится, и, кто знает, что могут предпринять против него определенные иностранные секретные службы, надеюсь, вы поняли. Ласло ответил, что понял и что в таком случае, если Дмитрий не возражает, он сам может приехать в Москву.

На следующий день он туда и отправился. Дочь попыталась отговорить его, но Ласло попросил ее вернуться домой и не оставлять слишком надолго своего ветеринара. Когда он вернулся, то единственное, что он сказал дочери и зятю: поездка прошла хорошо. В ответ на настойчивые просьбы о подробностях повторял одно и то же, что поездка прошла хорошо, не добавляя ни слова. Кое-какая информация о его пребывании в Москве всплыла позже, когда он уже находился в городе, где разглядывал небоскребы из окна небольшой квартирки на Манхэттэне. В субботу вечером он пошел поужинать в маленький *МакДональдс*, что на углу Семидесятой улицы и Амстердам авеню, который посещал по двум причинам. Во-первых, он узнал, что в солидных нью-йоркских ресторанах подают только грудку курицы, считая продуктом второго сорта остальные части куриной тушки, которые отдают в заведения для бедных, типа *МакДональдс*, а Ласло как раз нравились именно эти отвергнутые части курицы. Во-вторых, потому что в этом заведении он свёл знакомство с небольшой группкой соотечественников, засиживавшихся там допоздна, играя в шахматы. Он тоже принялся играть с одним своим земляком, который, как и он, принимал участие в боях с советскими солдатами и обладал замечательным качеством: умел слушать. Именно ему Ласло рассказал подробности своей поездки в Москву. Был поздний вечер, медленно падал снег, в заведении оставались только они двое и официант, подметавший пол. Дорогой Ференц, сказал он, я провел три дня в Москве, в огромном городе, где я никогда не бывал прежде, он тебе тоже понравился бы, люди там похожи на нас, не как здесь, где мы чувствуем себя иностранцами. В первый день мы с Дмитрием болтали о том, о сём и играли в шахматы, он выиграл три раза подряд, а на четвертый выиграл я, но у меня такое впечатление, что это он позволил мне выиграть. Следующим днем мы совершили прогулку на катере по Москва-реке, а вечером пошли в театр посмотреть драму Пушкина. На третий день он повел меня в бордель, элегантное место, каких в Будапеште больше нет, там мне было очень хорошо, ко мне даже вернулась мужеская сила, которая, как я думал, уже угасла безвозвратно. И вот что я хочу сказать тебе, Ференц, может быть, ты даже мне не поверишь, но в Москве я провел самые прекрасные дни моей жизни.

фестиваль

Он спросил, что я об этом думаю. Мне было трудно подыскивать слова, день подошёл к концу, я умирал от усталости, хотелось поскорее оказаться в номере и завалиться спать, я смотрел на огни залива, откуда задувал лёгкий бриз, дышавший сыростью, на гостиничной террасе засиделись трое или четверо постояльцев, мне было утомительно следить за его речью, прежде всего из-за языка, чужого для обоих. Да и он то и дело останавливался в поисках нужного слова, и в эти короткие паузы моё внимание рассеивалось ещё больше, это была страна, где господствовал тотальный надзор, надеюсь, вы понимаете, о чём я, конечно, понимаю, прекрасно понимаю, даже если для того, чтобы понять что-то, нужно пощупать это что-то руками, но я прекрасно знал, что в те годы его страна была totally поднадзорной, точнее говоря, полицейской страной. Именно так, сказал он, полицейской страной, а я был скромным государственным служащим, потому что всё в ней было государственным, и вам должно быть понятно, почему в анкете, которую я подал в жюри фестиваля, на вопрос о профессии я написал адвокат, поскольку это и была моя настоящая профессия, я был государственным адвокатом и за государственные деньги защищал людей, которых государство желало осудить, не знаю, понятен ли вам этот порочный круг, я был в центре этого порочного круга, и принимать его правила или нет, входило в мою профессию, я был собакой, кусающей собственный хвост, или, точнее, я был хвостом, который кусала собака. И добавил: а не выпить ли нам чего-нибудь? Прекрасная идея, согласился я, самое время выпить какого-нибудь успокоительного травяного настоя, буйство красок жестоких кадров фильма, увиденного под конец этого тяжёлого дня, все ещё терзало сетчатку моих уставших глаз. Буйство красок, подхватил он, что до нас, то наше буйство имело только один цвет: серый, оно было даже не черно-белым, а именно серым, и я должен был подлаживаться под эту серость, потому что и был серым служащим государства, которое, для того, чтобы заставить за границу поверить, что царящая в нём народная демократия гарантирует обвиняемым официального адвоката, совсем как в настоящих демократиях, соблюдало все формальности, однако обвиняемые, которых я защищал, не совершали ни краж, ни мошенничеств, ни убийств, ни каких-либо других преступлений, упомянутых в уголовном кодексе, единственным их преступлением было то, что они думали не так, как думало государство, и выражали свои мысли публично или приватно, скажем в разговоре с кузеном или зятем, а те спешили сообщить об этом в полицию. Он сделал паузу, поскольку официант принёс наш заказ, но я передумал и попросил себе кофе, эспрессо по-итальянски, бывают обстоятельства, когда комфортнее чувствовать себя бодрым, я спросил его, не знает ли он итальянскую поговорку, не исключено, что в его стране есть её аналог, разумеется, он её знал: без труда не вытащишь рыбку из пруда, сказал он, улыбнувшись, это как раз о собаке, которую кусают за хвост, к этому лучше относиться с юмором, иначе я впаду в излишний драматизм, рассказывая вам о собаке, которую кусают за хвост.

Бриз внезапно ослаб, отчего прозрачный ночной воздух казался ещё прозрачнее, по набережной прошла группа латиносов, весело распеваящих песенку из конкурсного мексиканского фильма, который показывали сегодня утром, ни на что не претендующего, и режиссёр, и актёры это знали, но это был очень правдивый и искренний фильм, из тех, что не получают премий на крупных фестивалях, но о которых, быть может, какой-нибудь тонкий критик напишет несколько добрых слов. Они всё прекрасно понимают, но придерживаются правил игры, сказал я. В те времена, сказал он, и я тоже был вынужден придерживаться правил игры, в которую играешь, хорошо сознавая, что в колоде лишь краплённые карты, и, тем не менее, надеешься, что однажды тебе выпадет выигрышная карта, и в этом

вся извращённость и жестокость того порочного круга, как в случае с Ахиллесом и черепахой⁸, на бумаге черепаха выигрывает бег, логика философа довольно убедительна, однако истина состоит в том, что Ахиллес есть Ахиллес, а ты есть черепаха, простите мои зоологические отступления, от собаки я перешёл к черепахе, но дело в том, что на процессе мы стартуем одновременно, и теоретически черепаха может прийти к финишу раньше Ахиллеса, а финиш состоял в оправдании обвиняемых, но до него черепаха не добиралась никогда, мой бег представлял собой мучительное ковыляние за самым быстрым бегом в мире с единственной целью — как можно больше сократить расстояние между мной и им к моменту, когда будет порвана финишная ленточка, и меня удовлетворяли не метры, а даже сантиметры, я работал на сантиметры, не знаю, понятны ли мои объяснения, приведу вам такое уравнение: один сантиметр — одним годом меньше в трудовом лагере, два сантиметра — минус два года, и так далее, порой нужно довольствоваться даже миллиметрами, и я пытался выгрызть эти несколько миллиметров, а это два или три месяца в тюрьме, что составляет очень многое в жизни человека, например, выстраивая защиту своего подопечного, я вовсе не ставил целью покуситься на безопасность государства, да, книги найденные в его квартире, действительно, были изданы во Франции, но прошу уважаемый суд обратить внимание на тот факт, что в этих книгах речь шла о французской революции, которая, как известно, положила конец абсолютной монархии, и всё в том же духе, так что даже прокурору нечего было возразить, вопрос-ответ, вопрос-ответ, тем более, что мой бег был проигран уже на старте, приговор был уже готов, судьям было достаточно нескольких минут, чтобы создать видимость работы над ним в совещательной комнате, а после зачитать текст, который лежал у них в кармане, но с какой кротостью они выслушивали мою публичную речь, мои выступления, в которых я взывал к милосердию или защищал право думать, и всё это ради нескольких миллиметров, которые я должен был отвоювать в предлагаемых обстоятельствах.

Он замолчал, махнул рукой, словно говоря *достаточно*, взял со стола сигареты и зажигалку, положил банкноту на тарелочку для счёта, простите, что надоедал вам этой очень давней историей, сказал он тихо, вы и без того устали. Но я дружеским жестом, мало соответствующим нашему недолгому знакомству, задержал его, взяв за руку, мы не можем позволить, чтобы ночь поглотила эту историю, сказал я, продолжайте, пожалуйста. Я уже позабыл многие подробности, сказал он, так что придётся отделаться общими местами, впрочем, вся эта старая история проста, как спичка, или, по крайней мере, такой она мне видится из сегодняшнего времени, так что подробности лишь обедняют её, ну так вот, всё началось в один прекрасный, я бы даже сказал, пророческий день, когда мне не удалось отвоювать ни одного миллиметра, результат оказался абсолютно нулевым, я мог бы попытаться настаивать на утверждении, что мой подзащитный не способен иметь преступных намерений, хотя никаких доказательств обратного у меня не было, как не было ни единого смягчающего вину обстоятельства, которое можно было бы использовать в защиту этого талантливого журналиста, известного тем, что никогда прежде он не имел конфликтов с режимом, и что с того, смеялись мне в лицо, человек, каким бы он ни был, должен отвечать за собственные поступки. А дело обстояло вот как: мой подзащитный, пользуясь тем, что у него был свой источник в министерстве внутренних дел, сделал подборку материалов о репрессиях режима, тщательно обработал их и переправил в адрес одного немецкого еженедельника, после чего запросил паспорт для поездки во Франкфурт, якобы для того, чтобы написать статью о, только представьте себе, о деградации Западной Германии, пересёк границу десятого января и уже в субботу двенадцатого еженедельник опубликовал фотокопии этих документов, сопровождаемых статьёй, подписанной псевдонимом, за которым скрывался он сам. Не знаю, что случилось бы, если бы публикация вышла попозже, но ваши СМИ постоянно боятся, что новость устареет, однако, как написал некто: неизбежное не случается никогда, непредвиденное — всегда, а непредвиденным оказался всё тот же банальный спор: кто кого опередит, как в ситуации с Ахиллесом и черепахой, и речь уже шла не о том,

чтобы выгрызть миллиметр за миллиметром, я, быть может, сумел бы добиться для него помещения в сумасшедший дом, всё лучше, чем оказаться в трудовом лагере, потому что, попадая в дурдом, интеллектуалы работают намного меньше, и относятся к ним с большим уважением, хотя с моральной точки зрения это ещё хуже, когда я собрался встать, чтобы произнести свою речь, я не чувствовал себя ни собакой, ни черепахой, а, спускаясь дальше по биологической лестнице, самым настоящим червяком, но, как я уже сказал, неизбежное не случается никогда, а непредвиденное всегда. Это непредвиденное выглядело следующим образом: дверь зала открылась, и вошёл судебный пристав, за ним следовал высокий мужчина с седыми прядями в волосах, я подумал, что это судебный чиновник, поскольку в руке он держал какой-то документ, подойдя к судьям, он положил этот документ перед ними, они по очереди прочли его и принялись оживлённо переговариваться между собой, после чего председатель суда дал знак приставу, тот вернулся к двери и впустил в зал молодого человека, который нёс съёмочную камеру, треногу и штатив с микрофоном, молодой человек установил микрофон посреди зала, расставил треногу и поместил на неё камеру так, чтобы снимать судей анфас, а меня и обвиняемого со спины. председатель суда кивнул мне — пришёл мой черёд выступать, мантия на моих плечах показалась мне чересчур тяжёлой, я почувствовал, как жарко в этом холодном зале, я с пылом начал свою речь, приводя доводы и аргументы, даже будучи уверенным в том, что они не в силах повлиять на результат, как я уже сказал, судьи этой демократии провели в совещательной комнате всего несколько минут и наверняка спешили вернуться домой прежде, чем стемнеет и зимние улицы Варшавы покроются обледеневшей коркой. Выслушав меня, они ушли в совещательную комнату, минуты уходили, а они всё ещё не возвращались в зал, в котором царила невообразимая тишина, назвать которую могильной было бы слишком общим местом, но других слов я не нахожу, больше того, отдавая дань уважения одному известному писателю страны, в которой мы находимся, скажу, что это была загробная тишина. Наконец судьи вышли, и, прежде чем зачитать вердикт, председатель суда позволил себе небольшой спич о том, что заблуждение есть свойство человеческой природы, но упорствование в заблуждении есть дьявольский грех, и суд убеждён в том, что обвиняемый не мог впасть в подобный грех, поскольку является человеком, уважаемым правительством и народом, и, в этом и суть приговора, единственное, что от него требуется, — это публичное признание собственного заблуждения, скажем, в ежедневном органе печати Партии, которая безусловно предоставит ему такую возможность. Хотя ему и предложили иезуитский выход, подобно тому, как во время сталинских процессов от подсудимых требовалось, чтобы они лично признавались в преступлениях, моего подзащитного всё-таки не отправили за решётку, государство не осмелилось осудить его, и это, действительно, было необычным для моей страны в те времена. Я мысленно поздравил себя со столь неожиданным исходом для моего подопечного, стоявшего с ошарашенным лицом, и выбежал из зала, торопясь познакомиться с этим, так удачно вторгшимся в процесс элегантным господином, показавшимся мне дрессировщиком, подчиняющим своей воле диких хищников на глазах у зрителей во время циркового номера. Он не нашёл в случившемся ничего странного, художники, они такие, этого киношника я никогда прежде не видел, хотя имя его мне было знакомо, всё, что я хотел бы знать, что означало его вторжение, странный вопрос, улыбнулся он, это вовсе не вторжение, просто ему, одному из режиссёров Государственной студии документальных фильмов, пришла в голову идея снять документальный фильм о процессах над гражданами, обвиняемыми в антигосударственной деятельности, и он запросил у государства разрешения на это, а государство, естественно, ему это разрешение дало, поскольку государственная институция не может запрещать своим режиссёрам снимать процессы, затрагивающие интересы государства. Само собой разумеется, весь снятый материал будет передан в руки соответствующих чиновников, которые тщательно просмотрят его, с тем, чтобы решить: давать или не давать разрешения на дальнейшую работу над ним, он был уверен, что разрешения никогда не получит, но это и не так важно, сказал он, главное, что реальность была задокумен-

тирована, а чиновники, которые должны были сослать реальность в архив, не имели права уничтожить её, вы не хуже меня знаете, что государственные служащие, в данном случае речь идёт о судьях, боятся вызвать недовольство других чиновников, потому что наше государство основано на всеобщем подозрении, единственной скрепе, обеспечивавшей его стабильность, так вот, его целью было запечатлеть на плёнке нашу реальность, пусть даже она будет спрятана в архивах, устраивает ли вас это? И тут я спросил, не может ли он дать мне свой адрес, телефоном лучше не пользоваться, мне было бы интересно поговорить с ним, поскольку я очень люблю кино. Я не сразу навестил его, говоря откровенно, кино меня мало интересовало, я пришёл к нему, когда в конце зимы назрел момент, он принял меня в своей скромно обставленной квартире, где не было ничего, кроме книг и афиш, в те времена мы все были не богаты. Я сказал ему, что веду ещё одно дело, которое мог бы предложить для его фильма, процесс намного сложнее, чем первый, и более чем достоин остаться в архивах, потому что на этот раз обвиняется не отдельная личность, а спектакль, не могу определить с точностью, драма это или комедия, все воспринимают его по-разному, в спектакле практически отсутствует текст, в сущности это пантомима, разумеется, у спектакля есть режиссёр, есть актёры, в нём играющие, есть режиссёр по свету, есть сценограф, но невозможно же посадить на скамью подсудимых всех этих людей, хотя в спектакле нет ни одного идеологически крамольного слова, обвиняется, если так можно сказать, сама манера, в какой спектакль поставлен, именно в ней государство и усмотрело нечто крамольное, но само обвинение звучит маловразумительно, ибо как можно обвинять художественный приём? Приходите и снимите процесс во всём его лицемерии, попросил я его, ибо этот процесс есть лицемерие в чистом виде. Он пришёл и снял прокурора, зачитывавшего обвинительное заключение, которое выглядело настолько гротескным, что это дошло даже до самого прокурора, судя по тому, как он смутился и начал заикаться, суду не было нужды выходить в совещательную комнату, председатель суда заявил, что обвинение не имеет никакого юридического обоснования и что спектакль может продолжать идти. С того случая прошло несколько месяцев, может быть, год, всё это время у меня не было повода навестить его. До того самого дня, когда я снова был вынужден позвонить в его дверь. На этот раз речь шла не о художественной постановке, а о реальности, о судьбе человека, которому грозил пожизненный приговор. Я изложил ему суть дела, он внимательно выслушал меня, как жаль, сказал он, я с огромным удовольствием снял бы этот процесс, но, к сожалению, работа над моим документальным фильмом приостановлена, у Института кино закончилась плёнка, он месяц назад подал заявку в соответствующие органы, но до сих пор не получил ответа, вы же лучше меня знаете волокиту нашей бюрократии, не исключено, что плёнку он получит в конце месяца, и это в лучшем случае. Я продолжал настаивать и в конце сказал: приходите даже без плёнки, маэстро. Он сделал паузу, закурил сигарету и пытливым взглядом посмотрел на меня, стараясь понять, верю ли я его словам. После не раз случалось, продолжил он, что киношники приходили снимать мои очередные процессы съёмочными камерами, в которых не было ни метра плёнки, и всякий раз приговоры оказывались невероятно гуманными. По сравнению с первым коротким, не более получаса, фильмом, который мой знакомец в самом деле снял и который остался похоронен в архивах почившего в бозе государства, та пара часов фильма, точнее, кадры, снятые им без плёнки, оказались самыми впечатляющими, но сохранились они лишь в архиве моей памяти, и в какой-то момент мне показалось, что я их вижу проектируемыми на экран этой светлой майской ночи.

Он замолчал, давая мне понять, что ему больше нечего добавить к рассказанному, поднял бокал как бы в тосте за что-то, о чём знал только он один, затем сказал: теперь вам понятно, почему в моей биографической анкете я не написал *сценарист*, это не имеет никакого значения, а самое смешное во всей этой истории — фраза, которую я сказал, стараясь убедить его прийти и снять фильм *без плёнки*: маэстро, сказал я, в данном случае речь идёт о реальности, а не о фильме. Сегодня, когда его

уже нет среди нас, а этот фестиваль посвящён ретроспективе его творчества, исключая самый важный его фильм, тот самый, что так и не был запечатлён на плёнке, мне очень захотелось, не знаю, что это, ностальгия или плач по нему, мне захотелось, чтобы, словно по волшебству он, хотя бы на мгновение, вынырнул из ночи и вместе со мной посмеялся бы над той моей фразой.

Он встал, сделал широкий жест, который показался мне бессмысленным, словно он обнимал ночь. Над той моей фразой, добавил он, и не только над ней, над многим другим мы могли бы посмеяться вместе, только я и он, действительно, над многим, сейчас, когда это больше невозможно, но не хочу больше злоупотреблять вашим терпением и вашей усталостью, увидимся завтра утром на первом показе, этот фильм считается бестселлером, спокойной ночи.

мертвые за столом

*C'était un temps déraisonnable,
On avait mis les morts à table,
On faisait des châteaux de sable,
On prennent les loups pour des chiens⁹
Louis Aragon¹⁰*

Первое, что он сказал бы ему: новая квартира мне нравится, прежде всего, видом на Унтер ден Линден, поскольку это позволяет мне чувствовать себя дома. Короче говоря, это было жилище, которое позволяло мне чувствовать себя именно дома, как в те времена, когда моя жизнь ещё имела смысл. А ещё мне нравилось, что выбранный мною дом стоял именно на Карл Либкнехт Штрассе, потому что и в названии улицы тоже был смысл. Или когда-то был. А был ли? Конечно, был, и смысл этот звался Большим Братом.

Передо мной остановился трамвай, двери открылись, вышли и вошли люди. Я подождал, когда двери закроются. Езжай с Богом, езжай, я предпочитаю идти пешком, прогуляюсь немного, погода прекрасная, было бы глупо не воспользоваться такой благодатью. Светофор загорелся красным. Я посмотрел на свое отражение в стекле закрытой трамвайной двери, разделенном надвое полоской резиновой прокладки. Всё верно, мой дорогой, ты двоичен, ты всегда был разделён надвое, одна половинка здесь, другая там, это — жизнь, она такая, какая есть. Однако выгляжу я неплохо. В стекле отражается красивый мужчина в годах, седые волосы, элегантный пиджак, итальянские мокасины, купленные в одном из центральных магазинов, состоятельный вид состоятельного человека — преимущества капитализма. Я тихо запел: *tout est affaire de décor, changer de lit, changer de corps¹¹*. Что есть, то есть, всю свою жизнь я делал то, в чем знал толк. Трамвай тронулся. Я помахал вслед ему рукой, словно в нём уезжал человек, с которым я попрощался. Да, это о тебе, мой дорогой, именно о тебе *et à quoi bon, puisque c'est encore moi qui moi-même me trahi¹²*s. Я допел финал строфы низким голосом, подпустив немного драматизма,

как это делал Лео Ферре¹³. Ожидавший зеленого света паренек на мопеде с сумкой *Пицца Хат* в багажной корзине с удивлением посмотрел на меня: хорошо одетый старикашка распевает, стоя на трамвайной остановке, чокнутый, что ли? Давай езжай, пацан, зеленый уже зажегся, приветственно махнул я пареньку рукой, вези свою пиццу туда, где её ждут, смешайся с толпой уходящих, здесь не на что смотреть, а я всего лишь пожилой господин, поющий песенку на стихи Арагона, верного товарища давних лет, он тоже уже смешался с толпой, рано или поздно все мы сделаем то же самое, даже у его Эльзы погасли глаза, прощайте, глаза Эльзы. Я посмотрел вслед трамваю, который уже сворачивал на Фридрихштрассе и помахал рукой глазам Эльзы. Водитель остановившегося рядом такси вопросительно уставился на меня: поедем? Нет, вы не так поняли, извинился я, я просто попрощался с приятелем, взмах руки предназначался вовсе не вам. Таксист с неодобрением покачал головой. Наверное, турок, подумал я. Этот город полон турок, турок и цыган, все эти бродяги набежали сюда, а для чего? Нищенствовать и побираться, вот зачем, побираться. Бедная Германия. Смотри-ка, он ещё возмущается, наглая иммигрантская рожа. Я сказал, что это недоразумение, повторил я сердито, вы неправильно поняли мой жест, которым я прощался с человеком. А я спросил вас только, не нужна ли вам помощь, объяснил парень на скверном немецком, простите меня, господин, так вам нужно такси или нет? Нужно ли мне такси? Нет, спасибо, молодой человек, ответил я сухо, спасибо, я прекрасно себя чувствую. Такси отъехало. А так ли уж хорошо я себя чувствую, спросил я себя. Разумеется, я чувствовал себя превосходно, стоял прекрасный теплый летний день, какие редко бывают в Берлине, быть может, даже немного жарковатый на мой вкус, потому что с жарой у меня поднималось давление. Ничего солёного, никаких физических нагрузок, подвел итог врач, ваше давление на критическом уровне, вероятнее всего, это от нервов, вас что-нибудь беспокоит, вы хорошо спите или у вас бессонница? Что за вопросы? Разумеется, у меня хороший сон, как может спать плохо пожилой человек со спокойной совестью, с приличным счетом в банке, прекрасной квартирой в центре, небольшой дачкой на Ванзее¹⁴, с сыном, успешным адвокатом в Гамбурге, и дочерью, замужем за владельцем сети супермаркетов? Побойтесь Бога, какие нервы, доктор! И все-таки, настаивал врач, снятся ли вам плохие сны, бывает ли трудно заснуть, случаются ли резкие внезапные пробуждения? Иногда да, доктор, вы же знаете, жизнь длинна, приходит возраст, когда в памяти всплывают люди, которых больше нет, и ты оглядываешься назад, на сеть, которой мы все опутаны, сеть, хотя и порванную местами теми, кого ею ловили, но так и не вырвавшихся наружу, вы меня понимаете доктор? Не понимаю, сказал врач, короче говоря, у вас бессонница или вы хорошо спите? Доктор, хотелось ответить мне этому достойному человеку, что вы от меня хотите? Я сложил все пасьянсы, я выблевал всю выпитую мною вишневку, я сжег штабеля книг в печке, доктор, и вы ещё хотите, чтобы я спал спокойно? Но ответил иначе: я сплю хорошо, когда сплю, а когда не сплю, пытаюсь уснуть. Если бы вы не были на пенсии, я диагностировал бы у вас определенную форму стресса, заявил врач, но, честно говоря, это невозможно, я считаю, что вашей гипертонией вы обязаны чувству тревоги, поскольку в душе вы беспокойный человек, хотя внешне и кажется спокойным, так что вот эти две таблетки перед сном, никакой солёной пищи, и прекратите курить.

Я закурил сигарету, прекрасную, сладковатую на вкус американскую сигарету. Когда я работал на Большого Брата, мне встречались люди, готовые продать собственных родителей за пачку американских сигарет, а сейчас, завоевав мир, американцы решили, что курение вредно для здоровья. Вот и доктор — засранец, продавшийся американцам. Я пересёк Унтер ден Линден у Гумбольдского университета и уселся на стул под квадратным зонтом киоска, торговавшего вюрстелями. В очереди к киоску, с подносом в руках стояла семейка испанцев, папа, мама и два сына-подростка. Туристы повсюду, уже продыху от них нет. Испанцы спорили о том, как называется блюдо. *Картоффелн*, утверждала синьора. Нет-нет, возражал муж, поскольку картошка жареная, это нужно называть по-французски — *potmes*. Папаша был хорош, с его роскошными усами. Проходя мимо испанца, я просвистел *Los cuatro gener-*

ates.¹⁵ Синьора обернулась и с чуть заметным изумлением посмотрела на меня. Я сделал вид, что ничего не заметил. Интересно, её реакция — это тоска по родине, или они голосуют за социалистов? Пойди узнай. *Ай Кармелла, ай Кармелла*¹⁶.

Внезапный порыв прохладного ветра поднял с земли мятые бумажные салфетки и пустые пачки от сигарет. В Берлине такое случается нередко: душный день — и вдруг налетает холодный ветер, закручивает вихрем бумажный мусор и портит настроение. Будто он приносит грустные воспоминания, тоску по родине, банальные фразы, типа той, что сейчас пришла на ум: жестокость времени и верность своим принципам. Я почувствовал, как меня обожгло яростью. Какая, к дьяволу, верность, произнес я вслух, о какой верности ты говоришь, в твоей частной жизни ты был человеком самым неверным, из всех, кого я знаю, а о тебе я знаю всё, принципы да, но какие, те, что навязывала тебе Партия и которых ты никогда не хотел бы знать, твоя жена, которой ты наставлял рога, о каких принципах ты бредишь, кретин! Передо мной остановилась девочка в волочащейся по тротуару юбке, из-под которой были видны босые ноги. Она сунула мне под нос кусок картонки, на которой было написано: *я из Боснии*. Иди к чёрту, сказал я ей с улыбкой. Девочка улыбнулась в ответ и пошла дальше. Наверное, стоило бы взять такси, подумал я, почувствовав себя уставшим. Интересно, с какой стати я так устал, проводя утренние часы, ничего не делая, бездумно слоняясь по дому или читая газеты. Газеты утомляют, сказал я себе, новости утомляют, мир — стоячее болото. Мир — стоячее болото, потому что устал. Я подошёл к металлическому мусорному баку и бросил в него пустую пачку из-под сигарет, а следом утреннюю газету, не хотелось таскать её в кармане. Я был добропорядочный гражданин и не желал засорять город. Хотя город был грязен и без меня. Всё кругом было грязным. Нет, подумал я, никакого такси, пойду пешком, так лучше контролировать ситуацию. Ситуацию? Какую ситуацию? Ту самую, контролировать которую привык ещё в те, давние времена. Да, тогда это даже доставляло мне удовольствие: мой Объект шёл передо мной, ничего не замечая, спокойный, топал по своим неведомым делам. И я, если посмотреть на меня со стороны, тоже шёл по своим делам, но ничего неведомого в них не было, наоборот, о моем Объекте я знал практически всё, по фотографиям, которые мне дали, я изучил все его характерные черты, я мог бы распознать их даже под сценическим гримом, он же, в отличие от меня, обо мне не знал ничего, я был для него анонимом, подобным миллионам других анонимных лиц в этом мире, он шёл своим путём, и идя по нему, вёл за собой меня, он представлял собой компас моего маршрута, и мне было достаточно идти по компасу.

Я выбирал себе Объект. Когда я выходил из дома, мне всегда был нужен Объект, в противном случае я чувствовал себя не в своей тарелке, терял ориентацию. Потому что Объект хорошо знал, куда идти, а я нет. Вот куда мне нужно идти сейчас, сейчас, когда прежней работе пришёл конец, а Ренате умерла? К Стене? Я внезапно ощутил острую тоску по Стене. Когда-то она была там, надежная, конкретная, обозначая границу, границу жизни, порождая чувство сопричастности. Благодаря Стене, каждый был сопричастен чему-то, находишь он по ту или эту сторону, Стена являла собой четкую грань сторон света: здесь Запад, там Восток, и было понятно, где ты сам. Потом, когда Стены больше не существовало, но была еще жива Ренате, я знал, куда идти, поскольку домашними делами приходилось заниматься мне; женщине, которая приходила по определенным часам, я не доверял, это была косоглазая индианочка, говорившая на отвратительном немецком и постоянно повторявшая, йес, Сир, даже когда я посылал её куда подальше. Иди к чёрту, мерзкая черномазая дура! Йес, Сир.

Первым делом я шёл в супермаркет. Каждый день, потому что мне не нравилось делать большие покупки, только мелкие, повседневные, согласно потребностям Ренате. Чего ты хотела бы сегодня, Ренате, может быть, тебе принести бельгийские шоколадки с ликерной начинкой или ты предпочитаешь пралине с орехами? А может быть, что-нибудь из фруктов и зелени? Ты даже вообразить се-

бе не можешь, что есть в этом супермаркете, ничего общего с продуктовыми магазинами наших лет, здесь есть всё, поверь мне, всё, например, не хотелось бы тебе этим серым декабрьским днем съесть свежайшей рыбы? Её доставляют из Чили или Аргентины, хочешь, я куплю её тебе? Или ты предпочитаешь груши, черешню, абрикосы? Я тебе их принесу. Хочешь желтую, очень сладкую дыню, она хороша с Порто или итальянской ветчиной? Я куплю тебе и её тоже, сегодня мне хочется сделать тебя счастливой, Ренате, я хочу увидеть твою улыбку.

Ренате устало улыбалась мне. Я видел, как она махала мне рукой за стеклом балкона, когда, идя по дорожке сквера, я оборачивался, чтобы ещё раз взглянуть на неё. Стена балкона скрывала инвалидное кресло, в котором она сидела, отчего казалась вполне здоровой женщиной, ещё очень красивой, несмотря на возраст, у неё было гладкое лицо и светлые волосы. Ренате, моя Ренате, если бы ты знала, как сильно я тебя любил, ты даже представить себе не можешь, как любил больше своей жизни, и люблю до сих пор, правда-правда, несмотря на то что у меня было что-то, что я должен был бы сказать тебе, но сейчас нет никакого смысла говорить тебе это? Я должен был отдавать тебе всё свое время, мыть тебя, обращаясь с тобой, словно ты маленькая девочка, бедная Ренате, судьба сурово обошлась с тобой, ты была всё ещё красива и не так стара, мы могли бы ещё долго не стареть, ещё долго наслаждаться жизнью, могли бы путешествовать, но судьба поступила с тобой так жестоко, за что тебе такие страдания, Ренате. Я сворачивал с дорожки, ведущей от дома, и вступал под деревья большого бульвара. Жизнь такая запутанная, думал я, все в ней не ко времени. Я направлялся к супермаркету, где прежде мог провести целое утро, это был хороший способ убить время, но сейчас, когда Ренате больше нет, это было трудно делать.

Я огляделся по сторонам. На противоположной стороне улицы остановился ещё один трамвай. Из него вышла женщина средних лет с тяжёлой хозяйственной сумкой, следом, держась за руки, парень и девушка, и пожилая тётка в синем платье. Каждый в качестве Объекта вызвал у меня улыбку. Терпение, терпение, не будь ребенком, ты что, забыл азы профессии? Она требует терпения, разве ты не помнишь? Много терпения, целые дни терпения, месяцы терпения, внимательного, аналитического, час за часом сидя в кафе, в машине, прикрывшись газетой, всегда читая одну и ту же, целыми днями.

Почему бы не подождать достойного Объекта, читая газету, заодно узнаешь, что творится в мире. Я купил в ближайшем киоске Die Zeit, газету, которую предпочитал в те дни, когда у меня имелись реальные Объекты. Затем уселся под липами на террасе киоска с вюрстелями. Время обеда ещё не наступило, но хороший вюрстель с картофелем я мог себе позволить уже сейчас. Вам с карри или без, спросил маленький человечек в белом фартуке. Я выбрал с карри, главной новацией этого лета, и попросил добавить ещё кетчупа, постмодернизм, да и только, и это словечко сейчас было в ходу. Я оставил еду в картонной тарелке практически не тронутой, жуткая гадость, кто бы объяснил, почему она пользуется таким спросом. Я опять огляделся по сторонам. Люди виделись мне уродливыми, лоснящимися от жира, даже явно худые казались жирными, будто облитыми маслом от загара, так блестели их тела. Я развернул газету, посмотрим, что творится в мире, в этом бескрайнем мире, кружившемся в весёлом танце. Однако, ничего хорошего. Звездному щиту с ядерным оружием быть, заявила Америка. Щит против кого, усмехнулся я. Против нас, уже откинувших копыта? Ниже помещалась фотография американца, стоящего на подиуме рядом с флагом. Судя по его виду, с мозгом, не больше наперстка, как пелось в одной французской песенке, которая пришла мне на ум и которая мне очень нравилась, этот Брассенс был славный малый и страстно ненавидел буржуазию. Как давно это было! Париж связан с самой прекрасной миссией в моей жизни. *Une jolie fleur dans une peau de vache, une jolie vache déguisée en fleur*¹⁷. Мой французский до сих пор звучал превосходно, без акцента, без модуляций, нейтрально, как некоторые голоса в громкоговорителях аэропортов, именно так, как меня обучили в спе-

циальной школе, в то время я учился по-настоящему, из ста курсантов отбор проходили пятеро, и эти пятеро должны были быть доведенными до совершенства, таким я и был.

К кассам Оперного театра тянулась длинная очередь, должно быть, вечером давали что-то выдающееся. Может, и мне сходить послушать? А почему бы и нет! По парадной лестнице библиотеки спускался элегантный лысый мужчина с папкой подмышкой. А вот и идеальный Объект, подумал я и сделал вид, что погружён в чтение газеты. Мужчина прошёл совсем рядом, не обратив на меня никакого внимания. **Ботаник**¹⁸, классический ботаник. Я дал мужчине отойти шагов на сто, встал и перешёл на другую сторону улицы, так предписывало старое правило, а старых правил лучше не нарушать. Мужчина повернул направо в сторону **Шоневиртеля**¹⁹. Какой милый Объект, он шёл нужным мне путем, невозможно быть более любезным. Уверен, что целью Объекта является Пергамон. И действительно, Объект вошёл в музей. Наивный, думает, что его не раскусили, усмехнулся я про себя, прости, мой дорогой ботаник, но коли ты вышел на задание в личине университетского профессора, вполне логично, что ты войдешь в Пергамон, и неужто ты думаешь, что человек с моим опытом попадет на этот дешёвый трюк?

Я присел на цоколь одной из статуй и стал спокойно ждать, когда Объект появится вновь. Закурил сигарету. Врач разрешил только четыре сигареты в день, две после обеда, остальные после ужина. Этот Объект заслуживал сигареты. Ожидая, бросил взгляд на газетную страницу, посвященную культурным мероприятиям. Глаза выхватили информацию о демонстрации американского фильма, встретившего восторженный прием у публики и уже заработавшего огромную прибыль. Это был фильм о шпионах, действовавших в Берлине в шестидесятые годы. Я почувствовал, как у меня сильно засосало под ложечкой, и мне захотелось поскорее идти туда, куда я и собирался, плюнув на этого дурацкого профессоришку, такого банального и абсолютно предсказуемого, отнявшего у меня уйму времени. И правда, я увидел, как тот выходит из двери музея с прозрачным пластиковым пакетом, полным каталогов, которые весили, должно быть, целую тонну.

Я поднялся, бросил окурочек в канал и с видом празднующего сунул руки в карманы. Мне всегда нравилось притворяться слоняющимся без дела. Но на этот раз у меня было чем заняться, предстоял деловой визит, вчера ночью, проведенной в тревожных раздумьях и практически бессонной, я вновь пообещал себе навестить его. У меня было, что сказать этому типу. Первое, что я ему скажу, это то, что у меня в жизни полный порядок. В отличие от многих своих коллег, даже тех, кто достиг моего уровня, уволенных без предупреждения и вынужденных сегодня крутить баранку такси, я прилично устроился, поскольку был предусмотрителен, это хорошее качество — предусмотрительность, а я таким был всегда, потому и смог отложить достаточно на черный день. Как? Это мое личное дело, но мне удалось скопить ощутимую сумму, и не в чём-нибудь, а в долларах, лежащих нынче главным образом в швейцарских банках, и когда всё пошло прахом, я приобрел отдельно стоящий прелестный домик на Карл Либкнехт Штрассе в двух шагах от Унтер ден Линден, потому что это позволяло мне чувствовать себя в нем дома. Наконец-то, у меня было жилище, которое позволяло мне чувствовать себя дома, как в те времена, когда моя жизнь ещё имела смысл. А имела ли? Безусловно, имела.

Чаусзеештрассе показалась мне пустынной. Проехало лишь несколько автомобилей. Длилось воскресенье, прекрасное воскресенье конца июня, берлинцы укатили на **Ванзее**²⁰, где наслаждались первым солнцем в купальнях Мартина Вагнера, попивая аперитивы в ожидании сытного и вкусного обеда. Неожиданно я почувствовал голод. Еще бы, утром я выпил всего лишь чашку капучино, может быть, из-за того, что переусердствовал с едой предыдущим вечером, съев целую тарелку устриц в *Пари Баре*, куда теперь ходил почти ежевечерне, если не изменял ему с каким-нибудь другим классным рестораном. Ты понял, упрямая башка, пробормотал я, ты всю жизнь вёл себя как францисканец, а я сейчас гурманствую в шикарных ресторанах, ем устриц каждый вечер, и знаешь, почему? Во-первых, потому

что, мой дорогой, мы не вечны, это твои слова, и, во-вторых, устрицы заслуживают, чтобы их есть. Я опять незаметно огляделся. Мне всегда нравился этот внутренний дворик. Дворик был прост, неровен и грубоват, как и я сам, под деревьями стояли столики, за одним пара иностранных туристов потягивала пиво. Мужчине было за пятьдесят, в круглых интеллигентских очочках в металлической оправе, как у дорогого сердцу упрянца, с глубокими залысинами и плешью на макушке. Она — красивая брюнетка, намного моложе своего спутника, с открытым решительным лицом и большими тёмными глазами. Сначала мне показалось, что они разговаривают по-итальянски, но с вкраплениями фраз на незнакомом языке. Я напряг слух. Испанский? Скорее всего, но я был слишком далеко от них, чтобы быть в этом уверенным. Придумав повод, я, медленно проходя мимо них, сказал: добрый день, добро пожаловать в Берлин. Спасибо, ответил мужчина. Итальянцы, спросил я. Португальцы, ответила женщина, улыбнувшись мне. Её спутник пожал плечами, явно пребывая в отличном настроении, *меняя страны чаще, чем башмаки, я тоже чувствую себя немного португальцем*, сказал он по-итальянски, и я сразу же узнал цитату. Неплохо, мой милый интеллигентик, вижу, что ты читал писанину моего упрямого друга²¹, поздравляю.

Я решил пообедать во внутреннем зале. Для этого мне пришлось спуститься в подвальное помещение, вероятно изначально оно служило винокурней. Ну точно, я припомнил этот подвал, упрямец частенько встречался здесь с вышедшей в тираж дурой-актрисулкой, намного старше Хелен²². Позже дура раструбит об этом на весь свет в изданной во Франции книге, которая называлась... я никак не мог вспомнить, как она называлась, хотя эта история и разворачивалась у меня на глазах в те годы, что я провёл в Париже, ах, да, она называлась *Ce qui convient*²³, в ней речь шла якобы о театре, но на мой взгляд, это была вообще философия её жизни: сплошные сплетни и пересуды. В каком году это было? Я уже и не помнил. Упрямец обогатил интерьер подвала диваном и абажуром, не стесняясь Хелен, которая в своей жизни нахлебалась дерьма по полной.

В ресторане было мало света и царил атмосфера кабаре, приправленная всякими экспрессионистскими артефактами, каким этот упрямец увлекался в юности. Столы из грубого дерева, радующие глаз предметы обстановки, стены полностью завешаны фотографиями. Я принялся разглядывать их. Почти все были ему знакомы, неоднократно виденные им в различных досье в его офисе. Бабник, сказал я своему мысленному собеседнику, ты был тем ещё бабником, моралист вне морали. Я изучил меню: если на любовном фронте у хозяйки были большие проблемы, то на кухонном их у неё точно не было, всю жизнь она была предана австрийской кухне, и ресторан уважал её вкусы. Закуски? Нет, обойдусь без них. Может, какой-нибудь суп. Я задумался. Здесь когда-то готовили один картофельный, который я находил намного вкуснее немецкого. Впрочем, я никогда не был поклонником немецкой кухни, считая её слишком жирной, австрийская более утончённая, но, может быть, лучше обойтись без картофельного супа, от него бросает в жар. Косуля. Почему бы не поесть косули? Австрийцам нет равных в приготовлении косули. Тяжелое блюдо. Мой врач явно не одобрил бы этого выбора. В результате я остановился на простом венском вюрстеле. Венский вюрстель, приготовленный по-австрийски, пальчики оближешь, к тому же, с гарниром из картофельного пирога с хрустящей корочкой, какой делают только здесь, да, конечно, венский вюрстель. Я пригубил австрийского белого вина, хотя ароматные вина мне не нравились, и мысленно произнес тост в память Хелен. За твою дубленную шкуру, моя дорогая примадонна, сказал я и выпил. Завершил обед кофе без кофеина, чтобы избежать ночных экстрасистол.

Выйдя во двор, я почувствовал искушение посетить дом упрянца, сейчас это был его дом-музей. Его наверняка реставрировали, побелили, то есть очистили от жизни, приспособив к вкусам интеллигентных туристов. Я помнил этот дом ночью пятьдесят четвертого года, когда этот кретин, стоя за кулисой театра *Берлинер Ансамбль*, не сводил глаз с мамыши, мужественно тянувшей свою тележку²⁴.

И сейчас перед моими глазами прошли комната за комнатой, ящик за ящиком, страница за страницей, письмо за письмом. Я знал этот дом, как никто другой: я его осквернил. Мне очень жаль, сказал я чуть слышно, мне, правда, жаль, но таков был приказ.

Пройдя несколько метров, я очутился перед небольшим кладбищем, окружённым невысокой оградой. Открыв калитку, я вошёл и свернул на пустынную узенькую боковую дорожку. На маленьком уютном кладбище росло много деревьев, в тени которых покоились останки философов, врачей, писателей, чьи великие имена были известны всему миру: *happy few*. Что делают на этом кладбище все великие? Спят, они спят ровно так же, как те, чьи имена ничего никому не скажут. И все в одной и той же позиции: горизонтальной. Вечность горизонтальна. Я сделал несколько шагов и увидел могильную плиту Анны Зегерс²⁵. В юности я любил её поэзию. На ум пришло её стихотворение об актере-еврее, который в давние времена каждый вечер выступал в маленьком театрике Марэ, это было настолько страшное, полное муки стихотворение, что у меня не хватило смелости воскресить его в памяти.

Остановившись перед нужной могилой, я сказал: я пришел навестить тебя. Внезапно у меня пропало всякое желание говорить ему о своем доме и о том, как я прекрасно приготовился встретить и пережить в нём свою старость. Помешкав немного, я лишь сказал: ты меня не знаешь, меня зовут Карл, это имя, данное мне при крещении, то есть мое настоящее имя.

И в этот момент прилетела бабочка. Это была обыкновенная маленькая бабочка с белыми крылышками, капустница-бродяжка, облетающая кладбище. Я замер и закрыл глаза, словно загадывая желание. Но не было ничего, что стоило бы загадать. Открыв глаза, я увидел, что бабочка уселась на кончик носа бронзового бюста, возвышавшегося над соседней могильной плитой.

Мне жаль, сказал я, что они не выбили на твоём камне эпитафию, которую ты сам продиктовал ещё при жизни: *здесь покоится Б.Б., честный, объективный и достойный человек*. Бабочка взмахнула крылышками, словно готовясь сорваться в полет, но не полетела. У тебя был симпатичный носик, сказал я, и усы, щетинистые, будто щетка, ты был очень упрямым, ты всегда был упрямец и доставлял мне много хлопот. Бабочка-таки взлетела и вновь присела отдохнуть на том же самом месте.

Кретин, сказал я, я ведь был твоим другом, я любил тебя. Тебя удивляет, что я тебя любил? Тогда слушай. Тем августом 56-го, когда у тебя случился сердечный приступ, я заплакал, поверь мне, я заплакал, а я очень редко плакал в своей жизни, Карл плакал редко, даже, когда нужно было бы, а тебя я оплакивал.

Бабочка опять взлетела, сделала пару кругов над бюстом и удалилась. Мне надо сказать тебе одну вещь, сказал я торопливо, словно разговаривал с бабочкой, я должен сказать тебе одну вещь, это важно. Бабочка исчезла за деревьями, и я заговорил тише. Я знаю о тебе всё, знаю всё о твоей жизни, день за днем, знаю всех твоих женщин, твои мысли, твоих друзей, твои путешествия, твои ночи и все твои маленькие тайны, даже самые маленькие. Я заметил, что вспотел. Глубоко вздохнул. А вот о себе, наоборот, я не знал ничего. Я думал, что знаю всё, а на деле не знал ничего. Я сделал паузу и закурил сигарету. Очень хотелось курить. О том, что Ренате изменяла мне всю жизнь, я узнал только два года спустя, когда были открыты архивы. Кто знает, почему мне пришла в голову мысль, что и на меня тоже могло быть досье, как и на всех. Это было полное, подробное досье человека, за которым шпионили каждый день. Папка *Члены семьи* представляла собой отдельное досье, где было полно фотографий, снятых телеобъективом. На одних была Ренате в компании начальника *Департамента внутренних дел*, они наслаждались природой, загорая в чём мама родила на речной отмели. На фото было написано: Прага, 1952. Я в то время был в Париже. На других фотографиях были тоже они: в 62-м, выходящие из гостиницы в Будапеште; в 69-м на черноморском пляже; в 74 — в Софии, и так вплоть до 82-го, до его смерти, у него, как и у тебя, случился инфаркт, он был уже очень пожилым человеком, на двадцать лет старше Ренате, истина конкретна.

Я вытер лоб носовым платком и отступил на несколько шагов. Я весь был мокрый от пота. Уселся на деревянную скамейку с другой стороны узенькой дорожки. Знаешь, продолжил я, я хотел сказать обо всём Ренате, хотел сказать, что мне стало всё известно, но жизнь посмеялась надо мной: с Ренате случился инсульт, была какая-то надежда, что она восстановится, и действительно её лечили хорошо, даже с физиотерапией, делали всё, что было необходимо, но нет, она так и не поправилась, последние годы она провела в инвалидной коляске, и даже лицевой парез не исчез, и однажды вечером я решил: всё, завтра я скажу ей всё, но как можно было сказать такое женщине, у которой обезображено болезнью лицо и парализованы ноги? У меня не хватило храбрости. Правда, я не нашел в себе мужества.

Я посмотрел на часы. Наверное, мне уже пора уходить. Я чувствовал себя абсолютно обессиленным, всё-таки стоило взять такси. Мне очень нравится мой новый дом, особенно видом на Унтер ден Линден, это очень красивый дом, со всем современным комфортом, сказал я. Встал и побрёл по дорожке, ведущей к входной калитке. Помедлив мгновенье, я повернулся и прощально помахал рукой в глубину кладбища. Вечером пойду ужинать в классный ресторан, сказал я, сегодня я решил сходить в один итальянский ресторанчик, где готовят потрясающие спагетти с креветками, ты даже представить себе не можешь, какое это блюдо, креветок больше, чем спагетти. Деликатно, стараясь не скрипеть калиткой, я прикрыл её за собой. Нам не повезло, мой дорогой, в наше время таких ресторанчиков не было.

Примечания

- ¹ Знаменитый венгерский композитор и пианист (1881-1945)
- ² Высоко-пафосном, героическом стиле.
- ³ Национальный поэт Венгрии (1823-1849)
- ⁴ Венгерский политический и государственный деятель. Сторонник демократических реформ в коммунистической партии (1886-1958).
- ⁵ Знаменитый французский писатель, прозаик, драматург и эссеист. Лауреат [Нобелевской премии по литературе](#).
- ⁶ Представитель части западного коммунистического движения, требующей его демократизации.
- ⁷ Ирландский англоязычный поэт, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года.
- ⁸ Один из парадоксов древнегреческого философа Зенона, согласно которому «Быстроногий [Ахиллес](#) никогда не догонит неторопливую [черепаха](#), если в начале движения черепаха находится впереди Ахиллеса». (*Здесь и далее прим. Переводчика*).
- ⁹ Это были безумные времена/За нашим столом сидели мертвецы/Которые строили песчаные замки/И волки казались нам собаками.
- ¹⁰ Знаменитый французский поэт и прозаик (1897-1982).
- ¹¹ Менялись холсты декораций/Менялись тела и постели... — Слова из песни на стихи Луи Арагона
- ¹² Напрасно! Себя предавая/По-прежнему всё это я. — Слова из той же песни.
- ¹³ Популярный французский автор-исполнитель, франко-итальянский поэт, переводчик, певец и композитор.
- ¹⁴ Озеро в окрестностях Берлина — место отдыха жителей города.
- ¹⁵ «Четыре генерала» — популярная испанская песня интернациональных бригад во время испанской Гражданской войны.
- ¹⁶ «Ай Кармелла» — ещё одна песня времен Гражданской войны, посвященная женщинам, сражавшимся против фашистов.
- ¹⁷ Милый цветочек в обличье тёлки/ Тёлка, что тщится предстать цветком. — Строка из песни Жоржа Брассенса «Милый цветочек»
- ¹⁸ Здесь: интеллеktуал-недотёпа.
- ¹⁹ Один из центральных районов Берлина.
- ²⁰ Озеро в окрестностях Берлина — место отдыха жителей города.
- ²¹ Здесь и дале *упрямец* — великий немецкий режиссер и основатель театра «Берлинер ансамбль» Бертольт Брехт.
- ²² Хелен Вайгель — жена Брехта и ведущая актриса его театра.
- ²³ **НЕТ СНОСКИ**
- ²⁴ Имеется в виду сцена из спектакля «Мамаша Кураж и ее дети», с Хелен Вайгель в главной роли.
- ²⁵ Известная немецкая писательница (1900-1983).

три рассказа про московские протесты-2019

Кирилл Куталов

І. ПАРАЗИТЫ (12 июня)

1.

Лето, июнь, дача в Подмоскowie, кирпичный дом в три этажа (строили в девяностых под сдачу: сауна, зимний сад, четыре спальни, одна хозяйская и три гостевых). Пятеро ментов сидят во дворе возле ржавого мангала. У ментов проблемы. Месяц назад пришла разнарядка — закрыть лоха. Решили подбросить вес. Взяли пять пакетов с мефедроном — держали с изъятия, спецом для такого. Приняли в разработку, пробили маршруты, провели задержание: вот вес, вот лох. Все, как по учебнику, не в первый раз, но почему-то не прилипло. То ли накосячили и сунули не тому, то ли лох оказался борзый, со связями. Получили в обратку прицеп говна: на Петровке пикеты, лоха выпускают, пять пакетов с мефом прилетели назад, пятеро ментов засветились везде: в интернете, по телевизору — на них смотрит начальство, население, друзья лоха, блогеры, пресса, Путин. Оппы готовят в Москве несанкционированное шествие, в центр согнали всех свободных омоновцев и срочников из Росгвардии.

Лето, июнь, дача в Подмоскowie, пятеро ментов сидят возле ржавого мангала. Жара, духота, липкие рубашки, воняет носками.

2.

Среда, 12 июня. Выходной, государственный праздник «День России». За столиком устричного бара на втором этаже «Центрального рынка» на Рождественском бульваре отдыхает Петр Верхоянцев.

Петра видно издалека. Это высокий, красивый мужчина, похожий на иностранца. Ему около тридцати пяти лет. На Петре льняная рубашка с подвернутыми до середины локтя рукавами, поверх рубашки накинут серый кардиган крупной вязки на деревянных пуговицах — день выдался

пасмурным, с утра моросит, погода напоминает Биарриц, где Петр был два года назад (расстояние от Москвы — 3600 километров, не хватает шума Атлантики за стеной). В ушах у Петра белые беспроводные наушники. В правой руке Петр держит устричную вилку, в его ладони она похожа на зубочистку. Петр — управленец среднего звена в крупной корпорации, на треть корпорация принадлежит одному олигарху, на две трети — государству.

Петр доедает полудюжину крымских устриц и допивает бокал rosé. В этот момент на его запястье вибрируют часы Apple watch последней модели.

Часы измеряют его жизнь: считают потраченные калории, длину маршрутов, и продолжительность сна. Петр их почти не снимает — только чтобы зарядить. В них он спит и плавает в бассейне. Если получить к ним доступ, можно соотнести данные геолокации с частотой пульса и выписками по банковским картам.

Петр проглатывает устрицу и поворачивает запястье — по черному экрану часов проплывает снизу вверх бумажный самолетик Телеграма и имя «Алла».

С Аллой Петр познакомился одиннадцать месяцев назад, в Тунисе, куда ездил отдыхать. Алла — pr-менеджер в крупной косметической компании. Как и Петр, она любит вино, много путешествует и общается со знаменитостями. Она и про Петра поначалу думала, что он — кто-то известный. Из Туниса они вернулись вместе.

На Новый год Петр и Алла собираются в Австралию. За билеты Петр уже отдал остатки годового бонуса.

Петр дотрагивается до экрана часов, читает сообщение. «Я была у врача» — пишет Алла. «Надо поговорить» — пишет Алла. «Дождись меня ОБЯЗАТЕЛЬНО» — последнее слово Алла пишет прописными.

Петр теребит ворот белой льняной рубашки, поправляет на плечах серый кардиган.

Он показывает знаком татуированному блондину за прилавком (блондин одет в черное поло, черный фартук поверх поло, на руках у него черные одноразовые перчатки), чтобы тот принес еще устриц и вина. Блондин кивает и удаляется выполнять.

Рядом с прилавком стоит сделанная из картона ростовая фигура женщины с бокалом в руке, бокал, фон и платье на женщине — особого оттенка розового цвета, то ли пыльного, то ли выцветшего, напоминающего даже не вино, а плоть, это телесный и почти порнографический оттенок.

К столику, за которым сидит Петр, подходит татуированный блондин в черном фартуке и ставит перед ним бокал rosé. Петр берет бокал за ножку, раскручивает — чилийское резковато, пока не подышит.

Следом блондин ставит на столик посудину из матово-серого алюминия — она похожа на увеличенную миску из музея ГУЛАГа, с неровными, как будто смятыми стенками. Такой стиль.

До краев посудина наполнена тяжелым колотым льдом, лед прозрачный и от этого тоже кажется серым. На льду лежат шесть некрупных крымских устриц — в Москве их продают по 120 рублей за штуку, на треть дешевле, чем французский «белон».

Петр открывает Телеграм, перебирает контакты. Находит ник друга с работы — парень из айти, веселый, спортсмен, мотоциклист, как-то ездили с ним в Тай, пилили трансов. Петр держит телефон в открытой ладони, набирает текст одним пальцем.

— Есть разговор — пишет Петр.

Он открывает переписку с Аллой, делает скриншот, пересылает другу. Пишет:

© Фото: Григорий Ярошенко

— По ходу, залетела
Пишет:
— Тайминг левел «бог»
Пишет:
— За полгода до Австралии
Пишет:
— Охуеть съездили
Друг печатает сообщение.
Верхожанцев постукивает ногтем по ножке бокала. Бокал некрасиво дребезжит, это дешевое хрупкое стекло, такое ломается, оставляя длинные осколки-кинжалы. Петр пишет:
— Я хз от кого, если что. И не готов, прямо скажем.
Друг печатает сообщение.
Петр пишет:
— Исчезнуть хочется. Чтобы раз — и нету. Может, прямо сейчас в Австралию?
Петр ставит смайлик. Телеграм заменяет слово «Австралию» на флаг с Южным крестом.
Друг печатает сообщение.
Петр смотрит на мигающие точки в верхней части дисплея, пишет:
— Поставь уже випизн себе, невозможно видеть
Он выключает телефон и швыряет его на стол, экраном вниз.
Делает глоток вина.
Затем берет из алюминиевой посуды устрицу, взбалтывает ее вилкой, поливает каплей красноватого чесночного уксуса и отправляет в себя. Соус обжигает горло, крымский моллюск, похожий на приправленную кровью слизь, скользит вдоль вкусовых рецепторов в желудок.
Еда успокаивает Петра.

Вокруг наслаждаются выходным днем другие посетители Центрального рынка — женщины с улучшенными контурами, упитанные мужчины в джинсах Off-white. Красивые благополучные люди, нарядная Москва.

За соседним столиком спиной к Петру сидит мужчина с могучей спиной. Его рубашка расстегнута на две верхние пуговицы и топорщится, как откинутый капюшон. В открывшуюся щель видны черные волосы, которыми тело мужчины покрыто под одеждой. Поперек шеи у мужчины выбрита полоса шириной в два сантиметра, как просека в зимнем лесу — чтобы не стирать волосами в труху шелковые и кашемировые воротники. Мужчина жует, из-за спины видны его щеки, они вздымаются и опадают. Напротив мужчины сидит светловолосая женщина, одетая в белый короткий топ. У нее хорошо проработан рельеф трапециевидной мышцы и блестят розовым перламутром подкачанные губы. Снизу женщина одета в голубые джинсы с обилием прорех и бежевые лодочки на красной подошве. Рядом на столике лежит клатч Louis Vuitton с алыми внутренностями. Женщина говорит, Петр слышит ее сквозь рыночный гул и звон посуды.

— Искусство, котик, это как еда. Чтобы полюбить, нужно попробовать. Если сразу непонятно, значит, ты просто не привык. А потом остановиться не сможешь.

Мужчина молчит, работают челюсти, двигаются щеки. Женщина протягивает руку к лицу мужчины, на ее безымянном пальце кольцо из белого металла с крупным бриллиантом прямоугольной огранки. Рука поглаживает свежеподрезанную щетину на скуле мужчины.

— Наберись терпения, котик. Помнишь, мы граффити видели? Надо духовно расти, иначе что, котик?

— Пиздец, — шепчет Петр.
— Пиздец, — говорит сквозь еду мужчина.
— Правильно, котик! — женщина широко улыбается подкачанными губами. — Пиздец! Ну что, я пишу в галерею?

Мужчина кивает, не прекращая жевать, ворот рубашки скользит вниз и прикрывает выбритую полосу на шее.

Звонит Алла. Петр дотрагивается до беспроводного наушника в ухе.

— Да, слушаю.

Петр берет последнюю устрицу, выжимает в нее остатки сока последней четвертинки лимона, взбалтывает содержимое раковины вилкой и выпивает с коротким причмокиванием. Следом отправляется последний глоток rosé.

В глубине наушника много людей ритмично и слажено кричат слово из трех слогов. Петр не может разобрать, какое именно слово, ему слышится только «а-у-а», «а-у-а», как на концерте или футбольном матче. Сквозь крик пробивается голос Аллы.

— Я на бульваре. Встреть меня. Здесь везде менты.

Петр смотрит на часы: пять минут четвертого. 12 июня, День России, начало лета, впереди вся жизнь.

— Менты? — думает Петр. — При чем здесь менты? Дождь идет — вот это хуево.

Связь обрывается. Петр встает, вытирает красивые губы салфеткой, расплачивается у стойки бара и шагает в сторону выхода.

Впереди Петра идут две женщины с телами, как из онлайн-магазина современного дизайнера: плоские животы и тяжелые ягодичные мышцы, идеальное распределение масс. На одной из женщин белые Nike Air Max, обтягивающие джинсы выше щиколоток и белая худя. На второй длинное платье из облегающего трикотажа, сверху накинута джинсовая куртка, на ногах марокканские туфли без задников. У нее розовые пятки, как у ребенка или как после хорошего педикюра. В руках у женщин бокалы, в них плещется светло-соломенное с зеленоватым оттенком вино. Слева от женщин прилавок с сырами (ремесленный козий камамбер из Калужской области), справа — витрина японского кафе. На льду краснеет тунец и белеют морские гребешки. Квадратный метр улучшенной реальности, мир, каким он должен быть в середине летнего субботнего дня.

Петр забывает про Аллу.

— Хорошо, — думает Петр.

Потом Петр вспоминает про Аллу.

Возле дверей стоит хост в белой рубашке.

— Уходите? — спрашивает хост.

— I'll be back, — улыбается Петр.

— Вам, может, лучше через главный? По ту сторону оцепления?

— Оцепления?

— Там эти, Протестуют. Бульвар перекрыли. Если выйдете через главный, попадете на Трубную, там безопасно и никого нет.

— Мне на бульвар, — говорит Петр. — Все будет хорошо, я не из этих.

Хост открывает дверь, и Петр выходит наружу.

3.

На улице Петра обнимает со всех сторон толпа: сотни людей медленно и равномерно, как живой разноцветный фарш, заполняют пространство Рождественского бульвара. Люди идут сверху, со стороны Чистых, и останавливаются возле здания Центрального рынка: слой за слоем толпа накатывает сама на себя, становясь плотнее и гуще.

Петр стоит и с удивлением смотрит: час назад, когда он пришел на Трубную, бульвар был пуст.

Напротив него — парень в черной футболке, через грудь прочерчена белая линия. Присмотревшись, Петр видит, что это не линия, а слово «революция», мелко написанное от руки белым маркером.

Петр достает телефон. В левом верхнем углу, на месте обозначения LTE — пустота. Почему-то на бульваре нет интернета.

Петр набирает номер Аллы.

— Я вышел, — говорит он в десятый айфон.

Петр стоит на берегу человеческой реки, река плещется у его ног, ему остается только сделать шаг в воду.

Алла выныривает из-под локтя высокого, даже выше Петра, мужчины лет шестидесяти с густой наполовину черной, наполовину седой бородой. У мужчины худые руки и тяжелые крупные суставы, он торчит над толпой, как Меншикова башня над Чистопрудным бульваром.

Петр смотрит на живот Аллы. Никаких изменений с животом Аллы не произошло, он не стал больше или круглее. Сквозь белую футболку просвечивает вороненое кольцо пирсинга. Алла замечает взгляд Петра и поджимает губы.

— Как дела? — Петр убирает телефон в карман.

Он старательно улыбается и разводит руки для объятий. Алла не двигается с места и смотрит на него снизу вверх.

— Пойдем отсюда, пожалуйста, — говорит Алла.

— А что здесь вообще происходит?

— Россия без Путина! — раздается из-за угла, где час красивые и благополучные люди запивали доряду на гриле новозеландским совиным.

— Может, зайдём? — Кивает Петр в сторону рынка. — Устриц же хотели.

Алла морщится. Толпа набухает новыми телами, тела давят на спины впереди стоящих, люди переставляют ноги на полразмера кроссовок, кед и сандалий.

— Ладно, черт с ним, — говорит Петр после паузы. — На Бронной тогда где-нибудь?

Алла кивает.

Петр берет Аллу за руку, ведет ее через толпу, в обход рынка, в сторону шафранных стен Рождественского монастыря, похожего сразу и на православный монастырь, и на тибетский дворец.

— Пропустите, позвольте, разрешите пройти, — на рипите повторяет Петр.

Возле бульварной ограды движение вязнет. Городской шум разрывают аплодисменты и крики «позор». Кто-то опирается на чугунную решетку, перекидывает ногу и спрыгивает на проезжую часть. Ему гудят проезжающие автомобили, трое перебираются следом, толпа тут же заполняет образовавшуюся пустоту. Над головами красным горит светофор.

— Почему не пускают?

— Перекрыли!

— ОМОН справа!

— Винтят!

— Долой полицейское государство!

Речевку подхватывают, повторяют три раза, спереди снова раздается «Позор», и толпа начинает пятиться назад. Сзади напирают, на бежевый Tod's Петра опускается чей-то твердый каблук.

— Пропустите, разрешите, — бормочет Петр. Он тычет плечом в мягкую и плотную стену. Над головами загорается зеленый. Толпа толкает Петра и Аллу к зебре пешеходного перехода.

На зебре, перегородив путь, стоят в полуметре друг от друга полицейские в бронежилетах и беретах. Справа, на пятчке безопасности, куда в обычное время за посетителями «Центрального» приезжает Убер — плотной цепью десятка два срочников-рогвардейцев в шлемах. Позади цепи проходит взводный, отвечает срочнику шлепок по открытому забралу, забрало со щелчком опускается. Со стороны Трубной колонной по двое идут «тяжелые» — омовцы в шлемах и латах, наплечниках, высоких наколенниках, бронежилетах, в руках у них резиновые дубинки. Издалека они похожи на квадратных человечков лего.

С коротким писком акустической завязки включается мегафон

— Уважаемые граждане, ваше мероприятие незаконно, покиньте проезжую часть, не мешайте проходу других граждан.

— Пропускай! Пропускай! — раздается позади Петра.

Со стороны Трубной черные человечки Лего, смыкают цепь, соединяясь друг с другом закованными в пластик локтями.

На зебру выходит семья из четырех человек: мать, отец и две дочери. Идут через дорогу. Белая в синюю клетку рубашка с коротким рукавом, сандалии на носки, бежевые брюки, ситец в цветочек, белые банты. Человечки лего появляются из ниоткуда и отрезают семью от толпы. Женщина в ситце начинает кричать. Толпа на переходе, как огромный человеческий подсолнух, поворачивается на крик.

— Отпускай!

— Позор!

Петр смотрит туда же, куда и все, и видит двух омовцев, один из которых держит за плечо девочку с белыми бантами, а второй вытягивает руку в сторону женщины, как бы закрываясь от звуковых волн. Одетый в бежевые брюки и клетчатую рубашку муж ничего не кричит, он стоит позади своей ситцевой жены и ворочает то вправо, то влево причесанной головой.

Омовец отпускает девочку, толпа аплодирует, женщина умолкает. Снова включается мегафон.

— Ваша акция незаконна, покиньте проезжую часть.

Напротив Петра на переходе стоит низкорослый, по плечо ему, сержант с плоским азиатским лицом.

Петр, не выпуская руки Аллы, делает шаг с тротуара. Сержант не уходит.

— Покиньте проезжую часть.

— Зеленый! — показывает Петр. Он заводит свою большую руку в сторону, чтобы отодвинуть сержанта, как будто это не полицейский, а дворник из ГБУ «Жилищник».

— Я не по акции, — говорит Петр. — Мне перейти.

В двадцати метрах от перехода наблюдает за бульваром и отдает команды лейтенант с рацией, рядом с ним — двое в штатском.

— В белой рубашке, высокий, — говорит в рацию лейтенант.

На противоположной стороне бульвара припаркован тупомордый ПАЗик. Окна автобуса замазаны черной краской, изнутри он тоже черный, как внутренности раны, распахнутая дверь приоткрыта шторой цвета несвежего мяса.

Из-за спин срочников-росгвардейцев выходят пятеро омонцев в черных шлемах. Они идут, положив друг другу руки на плечи руки, и останавливаются возле Петра. В воздухе пахнет луком и берцами.

Коротко вскрикивает Алла.

В следующую секунду Петра убирают, как пешку с доски.

Рукава его белой льняной рубашки, поверх которой накинута серый кардиган, больше не развеваются на влажном московском ветру. Он только что стоял здесь, заметный издали, похожий на иностранца — и все, его больше нет, он исчез. «Тяжелые» подхватывают его за плечи и колени, и несут. Голова Петра болтается в полуметре от поверхности, он видит асфальт, дорожную разметку и бордюрный камень так близко, как никогда прежде не видел.

— Позор! Позор! — скандирует толпа.

На сайте «Медузы» появляется новость: на Рождественском бульваре начались массовые задержания.

Возле автобуса Петра ставят на ноги и толкают в спину. Он падает вперед, внутрь ПАЗика. От резиновых ковриков на полу пахнет тухлой мочой. Петра хватается за чье-то плечо, ударяется о поручень и приземляется на жесткую скамью. В лицо ему летит кардиган с деревянными пуговицами. Снаружи раздаются крики «Позор!», сначала громко и слажено, потом вразнобой, потом смолкают. Все происходит быстро, как во сне, и так же неостановимо.

— Полный? — отчетливо спрашивают снаружи, за тонкой металлической стенкой. Водитель ПАЗика заводит двигатель, автобус дребезжит, внутрь салона тянет выхлопом, в дверной проем пролезает голова в черном берете.

— Еще место есть! Одного сюда!

К дверям автобуса подносят парня лет 16. Он тощий и высокий, похож на сколоченный из штакетника макет человека. Парень расставляет руки и ноги, цепляется за двери, омоневец толкает его в спину, упирается берцем под колено и, наконец, вколачивает внутрь автобуса, как погнутый гвоздь. Парень падает на пол, двое омонцев поднимаются следом, один из них, полный круглолицый азиат, садится парню на лодыжки, второй в балаклаве на остроносом сероватом лице берется за дубинку. В ПАЗике нет места для замаха, и омоневец, быстро наклонившись, кулаком в черной тактической перчатке Oakley наносит парню два крепких удара в корпус, по ребрам и в печень. Парень хватается Петра за штанину. Омоневец в балаклаве сбивает его руку, заводит запястья за спину и защелкивает наручники. Затем поднимется во весь рост и стоит, расставив ноги. Мужчина через проход от Петра достает телефон, чтобы сфотографировать происходящее, серолицый омоневец выбивает телефон, тот летит на пол. «Сидеть!», — хрипло рычит через балаклаву омоневец. Телефон светит экраном в дальнем углу ПАЗика, затем экран гаснет.

Омоневцы выходят из автобуса.

Парень сперва лежит лицом в пол и не двигается. Потом он подтягивает ноги к животу и поворачивается на бок. Ему помогают подняться, сажают на скамью, руки в наручниках пропускают в щель между сиденьем и спинкой. Ему протягивают открытую бутылку воды, парень делает глоток, его рвет на пол. Автобус трогается.

Окна ПАЗика заклеены черной пленкой, на пленке множество крошечных царапин, в автобусе шесть скамеек в два ряда, на всех скамейках сидят и молчат люди, передняя часть ПАЗика отгорожена решеткой, за ней сидят водитель и двое омонцев. Слева от Петра — бородач с бульвара.

— Извините, а мы куда едем? — спрашивает Петр

— Сложно сказать, — отвечает мужчина. — Сперва просто по городу. Обычно так делают.

— Зачем?

— Может, все ОВД в центре заполнили, может, просто кошмарят.

— А у вас это... Ну, не впервые?

Автобус прыгает на колдобине, скамья больно бьет Петру в копчик.

— Нет, конечно, — усмехается мужчина. — Меня они любят, каждый раз задерживают. Но обычно отпускают без протокола.

— А как еще может быть?

— По-разному. Могут протокол составить и в суд передать, присудят штраф, а могут...

— Штраф за что?

Мужчина поворачивается к Петру и внимательно на него смотрит.

— За участие в несогласованном митинге. Если не повезет — за сопротивление сотрудникам.

Петр улыбается.

— А, ну тогда хорошо. Я-то вообще не при чем. Девушку ждал в Центральном, в устричной. Вышел ее встретить — а там это.

— Это не имеет значения. Здесь такие, как вы, постоянно.

— Как я?

— Люди из устричной. Кстати, поздравляю.

— С чем?

— С попаданием в репрезентативную выборку россиян, — усмехается бородач. — Они каждый раз как ковчег собирают, по списку: профессор, военный, студент, безработный. Менеджер среднего звена. Граф Толстой в поле косил, с мужиками, чтобы стать ближе к народу, а вы просто из ресторана вышли — и будьте добры. С этим и поздравляю.

Некоторое время едут молча.

— У меня девушка беременная, — говорит Верхоянцев, глядя в пол. Он тянется почесать лодыжку, за которую хватался избитый парень — кожа там зудит, как от крапивного ожога.

— Вы это им скажите, — равнодушно отвечает бородач. — Может, сработает. На жалость надавите. Такое бывает.

Через полчаса пазик останавливается, водитель глушит двигатель, выходит. Следом выходят омоневцы. Сквозь царапины и трещины в черной пленке видно куски стены, выкрашенные, как эмблема Динамо, в бело-голубой цвет. Некоторое время ничего не происходит, люди в ПАЗике пишут в телефоны, фотографируются на фоне черных окон. Затем открывается складная дверь, в свете дождливого дня возле ступенек стоит азиат-омоневец, который сидел на лодыжках избитого парня.

— По одному выходим. Называем имя, адрес, род занятий. Встаем слева от меня, не двигаемся. Ты первый — он кивает на Петра.

Из автобуса задержанные выходят во двор отделения полиции. С одной стороны двора — серые ворота на рельсах, с другой, посередине бело-голубой стены — черное дуло коридора.

Избитого парня уводят, не снимая наручников, в черный коридор.

— Куда его? — спрашивает Петр.

— Внутрь проходим, — говорит омоневец.

Люди из автобуса — двое безработных, сотрудник института философии РАН, онколог из Питера, курьер «Яндекс-еды», журналист «Эха Москвы», студент Высшей школы экономики, актер, менеджер рекламного агентства и Петр — идут внутрь, мимо дежурного, через отключенный тур-

никет, в актовЫй зал. Перечиненные деревянные стулья, обтянутые ветхой красной тканью, решетки на окнах, на сцене — четыре стола, за столами — четверо молодых полицейских. Они сняли летние кепи и пишут, одновременно двигая руками. Над ними — портреты Путина и Медведева, на фанерной ленте в цветах российского флага слоган полиции: «Служим закону — служим народу». Избитого парня в наручниках в зале нет.

Проходит час. В актовЫй зал заводят еще десятерых, они приехали на другом автозаке, среди них парень в футболке с написанным от руки словом «революция».

Проходит еще час.

Задержанных начинают вызывать по одному. Люди идут на сцену, наклоняются над столом с протоколами, читают, согнувшись.

— Верхоянцев!

Петр поднимается, ему протягивают бланки с заполненными от руки пустыми строчками. Петр наклоняется под прямым углом, читает:

«Принимал участие в несогласованной акции, выкрикивал лозунги антиправительственного содержания, призывал к свержению власти, перегораживал проезжую часть, мешая проходу граждан, оказывал сопротивление сотрудникам полиции при задержании».

— Это неправда, — говорит Петр.

— Подписывать протокол будете?

У Петра начинает болеть спина.

— Этого не было, — говорит он. — Я ничего не выкрикивал. Я вообще не из этих. Ни в какой акции участия не принимал. У меня девушка беременная, понимаете? Я ее ждал. У нас билеты в Австралию.

Полицейский не смотрит на Петра, продолжает писать.

— Мне нужно позвонить, — говорит Петр. — Девушка вам подтвердит. Она беременная. Мы встречались. Хотели уйти. Понимаете?

— Суд разберется. Подписывать будете?

— Вы с ума сошли? — спрашивает Петр.

Полицейский перестает писать, поднимает голову, смотрит на Петра. У полицейского бледная кожа, на верхней губе засохшая герпесная бляшка.

— Вы оскорбляете сотрудника полиции при исполнении.

— Да вы же не понимаете ничего, сидите здесь, пишите какую-то ерунду, обвиняете меня черт знает в чем, невиновного человека. У меня девушка беременная, вы слышите, что я вам говорю? Сидите здесь, как пень!

— Толян! — кричит полицейский. — Толян, отведи гражданина в комнату отдыха.

В актовЫй зал заходят трое полицейских. Они подходят к Петру, и в следующую секунду он лежит, прижатый грудью к столу. Его ноги раздвинуты шире плеч, руки заведены за спину, на запястьях защелкиваются наручники. Петр чувствует чужую руку у себя в кармане, рука достает телефон, другая рука снимает с его запястья браслет Apple watch.

4.

В камере предварительного заключения вместе с Петром Верхоянцевым сидят, оперевшись спинами на стены, двое бездомных и мужчина с окровавленным лицом. Сильный запах канализации.

Через три часа за Петром приходит сержант. Они идут по темному коридору в кабинет на второй этаж. В кабинете стоит стол, два стула, из стены над столом торчит стальной кронштейн, на нем закреплено стальное кольцо, на окне с внутренней стороны решетка, на по-

толке — деформированный от времени пожелтевший плафон лампы дневного света. На одном из стульев сидит человек (человек одет в узкие брюки и полосатую рубашку, полоска на рубашке тонкая, красного цвета, выглядит нарядно). Перед человеком лежит телефон Петра, его часы и пластиковая папка.

— Верхоянцев Петр Станиславович, — говорит человек. — Успокоились немного?

Петр кивает.

— Можно позвонить, — спрашивает он человека за столом.

— Показания будете давать?

Петр кивает.

— Один звонок.

Петр подходит к столу, садится напротив человека в штатском, берет телефон. На нем три неотвеченных вызова и шесть сообщений от Аллы. Петр набирает ее номер.

— Привет, как ты? С тобой все хорошо?

— Ой, привет, — голос Аллы звучит не очень трезво, она тянет гласные, на фоне слышны голоса людей, звон посуды. — Ты почему не отвечал? Тебя отпустили? Я отлично. Отдыхаю с подругой. Приезжай к нам!

— Я сейчас не могу, — Верхоянцев смотрит на человека в полосатой рубашке. — Скажи, а как.. Как твоё здоровье?

— Ой, да! Слушай! Скину тебе название лекарства. Одну таблетку нужно выпить. Только не забудь.

— Лекарства?

— Ой, да вообще! Я же у врача была. Короче, у нас паразиты. То есть, у меня, но, скорее всего, и у тебя. Сказали, все из-за устриц. Сказали, в Москве вообще обычное дело, нужно только таблетку выпить.

— Какие паразиты?

— Ну глисты какие-то. Он написал, я перешлю. Я тебе еще днем хотела сказать, но подумала, ты сам понял. Ты так на меня смотрел.

— То есть, ты не беременна?

Алла смеется.

— Нет, конечно, господи. С чего ты взял вообще? Тебя ждать?

Петр кладет телефон на стол и смотрит на него, как будто не видел раньше.

— Поговорили? — спрашивает мужчина в полосатой рубашке. Он достает из кармана ручку, открывает пластиковую папку. Постукивает ручкой по металлическому кольцу над столом. Звук глухой, кронштейн кольца намертво вмурован в стену.

— Сопротивление при задержании, — читает вслух мужчина. — Призывы к свержению действующей власти.

Он перестает читать, смотрит на Петра.

— Телефон твой мы изучим. Геолокацию сверим. Но я тебе и так скажу: на бульваре ты был в интересное время, Петр Верхоянцев. И теперь долго на него не попадешь. Несколько лет. Считай, исчез ты. Нет тебя. Садись, чего стоишь.

Высокий, красивый, похожий на иностранца, хоть и выглядящий усталым, Петр Верхоянцев садится на стул. За окном начинает темнеть. В комнате пахнет сигаретами, канализацией и носками.

II. ЗАЧИСТКА (27 июля)

0.

Незадолго до выборов в Московскую городскую думу Центризбирком отказывает в регистрации оппозиционным кандидатам. Многих из них арестовывают. Те, кто остался на свободе, зовут людей на мирный митинг в воскресенье 27 июля — к мэрии, на Тверскую, 13. Власти объявляют митинг вне закона.

1.

Ментов и Росгвардию на Тверскую привозят за сутки, в субботу.

Отбирают выходной, заставляют сдать мобильные, оставляют ночевать в ПАЗиках, в километре от пустого Кремля и срать в пластиковые биотуалеты.

Основные силы росгвардейцев-срочников до времени держат в складках местности, как запасы металлических решеток.

Набитые живой силой бело-синие автобусы с затемненными окнами стоят в карманах переулков и по периметру площадей.

2.

Бригаду Санжара привозят в центр к девяти утра. Их десять в бригаде, подметальщики, работники по уборке территории. Они выходят из автобуса — это ПАЗик, как у полиции, только окна в нем прозрачные и мигалка на крыше желтого цвета. Бригадир нет, надо ждать. Везде менты и омон.

Бригада подметальщиков устраивается на газоне возле здания бывшего Центрального партийного архива. Из инструментов у Санжара метла и совок. Совок он сделал сам, из пятилитровой бутылки — разрезал напополам и привязал к деревянному черенку. На Санжаре и других пацанах зеленые футболки и оранжево-черные комбезы ГБУ ЖИЛИЩНИК ЦАО. Это их рабочая одежда и удостоверение личности. Когда в комбезе, менты тебя не трогают. Когда в своем — доебываются, проверяют документы, везут в отделение. Если не хочешь проблем, лучше сиди на ПТБ. ПТБ — это база «Жилищника» за МКАДом, где они живут. До Москвы своим ходом оттуда добираться часа два с половиной. На ПАЗике, конечно, быстрее.

3.

Начиная с девяти утра ментов распределяют по местности.

Второй оперативный расставляют вдоль Тверской. Они тусуются там по двое, по трое, охраняют плитку, бордюр, пустые окна бывших витрин. Одни сразу в шлемах. Другие — в черных беретах, а шлемы висят на бронеках, как младенцы в слингах.

В новости они попадают первым.

В одиннадцать, за три часа до начала акции, менты из Второго оперативного ловят бегуна напротив памятника Долгорукому, кладут его лицом в асфальт и ломают ногу — по протоколу, в рамках утвержденных мероприятий по коммуникации с гражданами.

Через десять минут об этом пишет «Медиазона», «Медуза», «МБХ». Есть фото.

На фото хорошо видно: парень в шортах лежит головой на бордюре, сломанная нога на тротуаре. Менты не прячутся, работают на публику, позируют, стоят на нем ботинками.

В результате, несколько тысяч человек остаются дома и на акцию не выходят.

К полудню каждая колонна на каждой станции метро в пределах Кольцевой усилена одним или двумя полицейскими. У каждого бронежилет, шлем, на поясе дубинка и наручники.

В час дня «Медиазона» пишет: на станции «Театральная» полиция останавливает мужчин до 35 лет. Предлагают подписать предупреждение и наверх не подниматься. Некоторые подписывают, разворачиваются, уезжают.

4.

Санжар работает шесть дней в неделю, на этой — семь. Приказали выйти в выходной, сказали, беспорядки, несогласованная акция, мусор.

На несогласах Санжар уже был. Подметальщиков запускают, когда все заканчивается. Они идут за ментами и подбирают, что осталось. Стаканчики, бутылки из-под воды, упаковки от конфет и батончиков, бумажные платочки, банановые шкурки, окурки, окурки, одноразовые предметы личного пользования. Санжар сметает все в совок, высыпает в картонный короб из-под стиралки Ariston. Короб стоит на самодельной тележке, одно колесико у нее заклинило, из-за этого тележка гремит на трещинах, грохочет по плитке.

5.

Между Кузнецким и Петровкой ни одного полицейского, как будто оказался в другом городе. В зеркальных окнах ЦУМа рассеивается облако, на серой плитке высыхают следы короткого дождя.

Двое иностранцев стоят возле входа в «Арагат Парк Хайатт», как на берегу реки из плоти: мимо текут ноги, груди, задницы. Из подземного паркинга выезжает черный мерседес с номером АМР, воздух вокруг него дрожит от ударов сабвуфера. Аромат высокооктанового выхлопа, тяжелый запах Hugo Boss.

Полицейский ГАЗ с решетками на черных окнах стоит на Петровке, за углом, по диагонали от брассери «Мост». Внутри ГАЗа может быть пустота или взвод омонцев — снаружи не видно. Вдоль тротуара в метре друг от друга расставлены металлические решетки, к каждой приварен стальной прямоугольник, на нем автогеном вырезаны буквы УВД ЦАО.

С веранды ресторана на крыше ЦУМа хорошо виден перекресток, забор и полицейский ГАЗ. — La Russie est un mystère, — говорит подруге седой загорелый француз в желтом шейном платке из-под голубой рубашки John Varvatos.

Официант несет им осьминога на гриле.

Витрины и двери бутиков в Столешникове охраняют мужчины в черных костюмах с пружинками проводов возле правого уха. Рядом с одной из витрин идет фотосессия. Фотограф — блондинка в укороченных джинсах и завязанной узлом на ребрах рубашке, у нее узкая талия и черное кольцо пирсинга в пупке. Ассистент — парень-азиат с выкрашенными в рыжий волосами, похожий

на японского панка. Парень держит светодиодную лампу и отражатель. Некоторые прохожие узнают модель, — это известная блогерка, инфлюэнсер. Ее фотографируют исподтишка.

Камергерский, Столешников, Глинищевский и Тверской проезд перегорожены металлическими заборами и — второй цепью — тощими и низкорослыми срочниками из росгвардии. На ногах у срочников щитки до середины бедра, щитки напоминают хоккейную вратарскую защиту.

В ста метрах от входа в МХТ, в тени киоска «Роспечати», под деревом в гранитной тумбе стоят двое жирных полковников, из-под городского камуфляжа — тельняшки в красную полоску. Полковники курят, переговариваются, смеются.

На углу Столешникова и Большой Дмитровки, возле здания Центрального партийного архива с барельефами Ленина, Маркса и Энгельса на фасаде, стоит ПАЗик с заклеенными темной пленкой окнами. Двери ПАЗика открыты, внутри — груды дюралевых щитов с дырками для обзора.

Возле ПАЗика — омон, «тяжелые». Стоят вразнобой, как на пикнике. У кого-то на поясе висит кобура, у всех — дубинки в кожаных петлях. В стороне, на кромке тротуара стоит человек с погонами капитана, у него худое серое лицо, на голове выцветший до рыжего берет, в берете голова выглядит маленькой, как сжатый кулак.

6.

Санжар сидит на газоне, расстелив по траве оранжевую куртку. Снизу под Санжаром — Большая Дмитровка и Столешников. Со стороны Петровки идут люди, их сперва немного, но постепенно становится все больше. Со стороны Тверской росгвардейцы строятся в шеренги. Санжара толкает в плечо другой пацан, узбек Шавкат: смотри, что там? Санжар морщится, машет рукой: что он там не видел? Лежит, потягивается, день хороший, не жарко, дождя нет, бригадир куда-то пропал.

7.

Люди собираются в Столешниковом возле желтой ограды церкви Козьмы и Дамиана. Чуть дальше, там, где рассчитываешь увидеть в просвете переулка Тверскую — темнота. Это росгвардейцы, которых вывели, наконец, из карманов и подворотен. Они прошли строевым шагом по улицам и заняли позицию возле входа в ресторан «Арагви». Их много, они закрывают свет и пространство, на них шлемы с опущенными забралами, черные глухие шары. Припекает и хочется пить, но все магазины и кафе между Кремлем и бульварами закрыты. Телеграм-канал «Сканер» пишет: по требованию полиции, до особого распоряжения.

Вокруг памятника Долгорукому — строительное ограждение, нарисованный на белой синтетической ткани коричнево-бурый забор. Цветом он напоминает запекшуюся кровь или экскременты. По нижней трети забора, по гранитным конструкциям площади натянуты баннеры: «Московские сезоны». Нарисованный забор прячет от людей шеренги росгвардейцев.

Над забором и над площадью на телескопической вышке — наблюдатель с биноклем. Время от времени он говорит что-то в рацию.

Через рваные промежутки времени люди по эту сторону забора начинают кричать: «Допускай!», «Это наш город», «Один за всех и все за одного».

Одни кричат, другие хлопают в ладоши, отбивают ритм.

По стройплощадке внутри ограждения, в пыльной пустоте бродят несколько охранников. Когда в воздухе раздаются хлопки и крики, они замирают, прислушиваются.

Мощный высокий бородач и худая дочерна загорелая женщина чуть ниже его плеча (у каждого на груди — фотоаппарат с серьезным объективом) поднимаются со стороны Большой Дмитровки. Останавливаются возле церкви, в нескольких шагах от линии, где гражданское общество встречается с росгвардией.

— This is like a war zone, — говорит женщина, вглядываясь в черную пену шлемов «Джетта»

Людей прибывает. Это хорошо видно наблюдателю на вышке.

8.

Санжар приехал в Москву из Жанаозена. Он об этом не рассказывает, а когда спрашивают, отвечает, что из Мангыстауского района. Никто не знает, где Мангыстауский район, и вопросы на этом заканчиваются.

Из Жанаозена Санжар уехал в четырнадцатом году, через три года после того, как на центральной площади расстреляли забастовку нефтяников. По сводкам спецназовцы убили тогда семнадцать безоружных человек, по слухам — под сотню. Это случилось в декабре, холодном и бесснежном, когда пришли смывать кровь с площади, она замерзла в щелях асфальта, и ее сбивали ломом и лопатами, как обычный лед.

После расстрела они с другом Мусой прятались в подвалах, Санжар у себя дома, Муса у себя. Полтора месяца там сидели. Мать приносила еду. На улицах тогда не брали только пожилых и беременных — комендантский час, военное положение. Если кого тормозили для проверки, то считай все, человек пропал.

Когда из Жанаозена вывели войска, Муса прямо из подвала рванул в Норвегию, за убежищем. Он говорил Санжару, бежать надо туда, где есть своя нефть. Санжар спрашивал: почему тогда не к арабам? Муса отвечал: там все будет то же самое, будешь таким же движимым имуществом, рабочим скотом, ты что, телевизор не смотришь. Убежище Мусе не дали. Санжар шутил: слишком долго в подвале сидел. Надо было как Сережа-Салахутдин, русский мусульманин, которого взяли, когда он за хлебом вышел. Сережу били две недели, держали в подвале по колено в воде, пока Сережа не оговорил двух пацанов. Их тоже взяли и били несколько дней, они сознались в чем просили, судили их вместе с Сережей. На суде Сережа плакал и отказывался от своих слов, показывал сломанную руку, шрамы. После суда Сережа прожил месяца три. Подошли к нему вечером, прямо на улице, избивали сильно, он дожил до «скорой», и умер в реанимации. Он сирота был, Сережа. Вот ему бы дали убежище, если бы добрался до Норвегии. а Мусу депортировали обратно в Казахстан, и больше Санжар о нем ничего не слышал.

Санжар остался в Жанаозене еще на три года. Когда возобновили следствие и стали забирать тех, кого не убили или не взяли сразу после расстрела, позвонил дяде — тот пятый год жил в Оренбурге. Дядя сказал, приезжай, здесь получше, только у меня жить не будешь, извини, места нет, жена, двое детей, квартира однокомнатная. Санжар собрался за одну ночь и сорвался, сначала в Сибирь, потом в Москву, как трудовой мигрант. В Москве его поселили в ПТБ, выдали форму «Жилищника», берцы и кирзачи. Через год он мел улицы в ЦАО: Столешников, Петровку, Тверской проезд.

9.

Росгвардия разворачивается в боевой порядок и начинает вытеснять людей из Тверского проезда. Идут, постукивая дубинками по щитам, со стороны нарисованного забора. Идут шеренгами, сверху их шлемы похожи на черную пену. Черная пена растекается по улице, ползет вдоль сквера. Люди отступают. Те, кто подальше от пены, уходят, оборачиваясь, те, кто поближе — семят, сры-

ваются на бег. Справа, на парковке бывшего Центрального партийного архива — ПАЗик с «тяжелыми». Капитан в рыжем берете стоит, заложив большие пальцы рук за ремень, смотрит на бегущих людей, улыбается.

На Тверской площади первый контакт — росгвардейцы пускают в ход дубинки.

ОВД-Инфо пишет: на протестной акции напротив московской мэрии начались задержания.

10.

Санжар смотрит с лужайки возле бывшего Центрального партийного архива, как трогаются с места цепи Росгвардии: идут, колотят дубинками по щитам. Он сидит на прохладной траве, в тени, он вспоминает декабрь одиннадцатого, ледяной ветер в степи, тридцатиградусный мороз, елку и сцену на площади — монтировали всю ночь, готовились к дню независимости, хотя нефтяники предупреждали: какой праздник, мы семь месяцев с этой площади не уходим. Одежда там на камнях расстелили и на них сидели, посменно.

Елку утром сломали. Говорили, будто провокаторы. Декорации тоже поломали, динамики перевернули. Выгнали с площади ментов. Сели опять на свои одеяла. Женщина какая-то кричала. Потом из-за угла дальнего здания на площадь вышла колонна.

На них никто сперва не обратил внимания: подумаешь, пришел отряд. Они еще встали далеко, на другом конце площади. Первые выстрелы — из пистолетов — были негромкими. Санжар не сразу понял, что это выстрелы. Просто затрещало что-то в воздухе, как ветки ломают. Он посмотрел в ту сторону, вместе со всеми — а там уже цепь, автоматчики взяли на изготовку, и начинаются уже другие звуки. Сперва одиночные, потом очередями. Очень плотно стреляли. Шли вдоль площади и стреляли. Прошли они метров двести всего.

11.

Люди собираются на перекрестке Столешникова и Большой Дмитровки. По улице не пройти, движение замирает.

Вдоль тротуара ходит парень в длинной черной футболке с логотипом death-metal группы. «Если бы меня в прошлый раз не отпиздили, пошел бы с ними толкаться», — говорит он, ни к кому в частности не обращаясь. Кивает в сторону ПАЗика: «Сейчас омон запустят». Подходит то к одному, то к другому, одни от него шарахаются, другие отвечают, подбирают слова. Парень делает движение, как будто хочет закатать штанину и показать ногу. Не показывает. Длинная черная футболка промокла на груди, подмышками и между лопаток.

Возле церкви Козьмы и Дамиана росгвардия отвоевывает у людей квадратные метры площади. Толпа откатывается назад — черная пена из черных «Джетт» не встречает сопротивления, отступает на несколько шагов — толпа тут же занимает освободившееся пространство.

Если смотреть сбоку, сцена выглядит, как танец, прото-танго с удушающим ритмическим рисунком.

Акция продолжается четыре часа.

Количество людей в Столешникове увеличилось в десять раз по сравнению с двумя часами дня. Количество черных шлемов, внутри которых медленно пропекаются на солнце головы росгвардейцев не изменилось. Никому из росгвардейцев в черных шлемах неизвестно, что подкрепление, если оно вдруг потребуется, не придет — на акцию вывели весь доступный личный состав. Люди

стоят, вглядываются друг в друга. Время от времени над Столешниковым запускают речевку — кричат «Допускай», кричат «Собянина в отставку», кричат «Россия без Путина». После каждой речевки толпа аплодирует сама себе, аплодисменты похожи на хлопки выстрелов, на звук падающих камней, на шум из других времен и других пространств.

Охранники бутика Hermes убирают с улицы металлические урны — как будто моллюск прячется в раковину и сжимается там внутри.

В верхней части Столешникова зажигают файер. Зелено-голубое облако дыма летит в сторону бывшего Центрального партийного архива, укрывает Ленина, Маркса и Энгельса. В течение нескольких секунд «тяжелые» на парковке выглядят как персонажи фантастического фильма: космический десант землян высаживается на неизвестную планету. Затем дым рассеивается.

Невидимый человек из глубины тьмы — какой-нибудь полковник, страдающий лишним весом, диабетом и, возможно, обструктивной болезнью легких — отдает приказ. «Тяжелые» выстраиваются в боевой порядок и бегут в толпу. С небольшого возвышения они похожи на гигантского червя.

«Тяжелые» выхватывают из толпы людей по одному. Бьют по ногам и корпусу, два-три удара, человек падает и получает еще несколько, всего не больше шести. Люди лежат на асфальте, прижимают колени к груди, закрывают руками лицо — их берут, как мешки, за четыре конца, и уносят в автозак.

Задержания снимают десятки камер. Многие сразу транслируют в соцсети, в фейсбук, в инстаграм — сториз, прямые включения. Полицейские не скрывают лица, их фото разлетаются по соцсетям.

12.

Санжар и пацаны сидят на газоне возле бывшего Центрального партийного архива, ждут, когда люди разойдутся, чтобы приступить к уборке территории. Обычно митинги заканчиваются часа за два, редко когда за три — расходятся сами или всех вытесняет полиция. В этот раз затянулось.

Напротив церкви пятеро омонцов в черном выхватывают из толпы парня в белой футболке. Его валят на асфальт, начинают бить.

— Ты мне сейчас не поверишь, — говорит про себя Санжар, мысленно обращаясь к парню на асфальте, — но, вопреки распространенному мнению, резиновой дубинкой почти невозможно покалечить или тем более убить. Чтобы отбить почку, нужен сильный боковой удар, совмещенный с переломом ребер — эту травму легче нанести ногой в жесткой обуви, чем полуметровым куском резины. Дубинка оставляет гематомы в виде полосовидных кровоподтеков, в ряде случаев, сопряженных с поверхностными повреждениями кожи —ссадинами. Эти травмы относятся к категории легких и проходят в течение трех недель. Прямую и непосредственную опасность для жизни и здоровья несут удары по травмоопасным зонам (половые органы, лицо, область сердечной проекции), либо неоднократные удары по одному и тому же участку тела. Так что держись. Руками закрывайся.

Парня поднимают, несут в сторону ПАЗика.

— Сейчас нормально отпиздили, скажи, Санжар? — говорит узбек Шавкат.

— Да там пару раз попали всего, считай, не били, — отвечает другой, киргиз, приехал два месяца назад, только-только получил разрешение на работу, его имени Санжар не помнит.

Санжар молчит, смотрит на росгвардейцев, вспоминает, как били на площади раненного в ногу нефтяника — ползти он не мог, лежал и закрывался руками, потом и закрываться перестал, просто лежал.

Санжар вытягивает ноги, день теплый, как по-местному — этим, в шлемах, наверное, жарко.

Возле гранитной ограды Столешникова сидит человек в порванной футболке, расплзшихся по боковому шву джинсах и с разбитым лицом. С рук человека на асфальт капает кровь. Капли разделяются на фракции: сверху остается легкая, светлая, почти розовая, снизу — темная, уходящая в черный, похожая на нефть. Человек сидит и повторяет разбитыми губами: «Пора домой, пора домой!»

На сайте ОВД-Инфо сообщение о пятиста задержанных.

13.

Толпа уходит в сторону Петровки. Охрана бутиков рассматривает толпу сквозь щели приоткрытых дверей. Над Столешниковым — здание в форме башни, сверху здания по периметру расположены узкие окна-бойницы, из которых Кремль виден, как из заходящего на цель штурмовика. Там расположена редакция журнала Vogue, двумя этажами ниже, уже без вида на Кремль — редакция журнала Tatler. Интервью с наследницами похоронных империй и нефтяными принцессами. Целевая аудитория — клиенты бутиков в Столешникове.

Толпа идет мимо бутиков, толпа скандирует: «Россия без Путина».

Фотограф, модель и ассистент-японец прерывают съемку — в кадр попадает слишком много людей, толпа, руки, дым файера. Они втроем стоят возле витрины и смотрят на толпу. Фотограф прижимает к себе камеру, модель упирается в стену магазина ладонями, чтобы не касаться пыльного камня одеждой, — потом нужно все вернуть, как было. Несколько человек снимают их из толпы на айфон: на переднем плане в расфокусе силуэты людей, какой-то парень в надвинутой на глаза кепке что-то кричит, на заднем плане, в фокусе — две девушки и японец, они стоят у стены, у них стертые лица, в одной из девушек можно узнать известную блогерку, инфлюэнсера.

В толпе рядом с активистами идут парочки с колясками.

Акция продолжается шесть часов.

ОВД-Инфо пишет: в Москве задержано 800 человек. Цифра растет, как джек-пот лотереи.

14.

Когда на площади начали стрелять, Санжар сразу лег на асфальт — в ватной куртке и штанах было не холодно — и пополз. От одной тумбы к другой, в сторону переулка, пока не скатился в канаву у обочины.

Он смотрел из канавы, как люди бегут и падают на бегу.

В серо-бордовых ватных комбезах «Казмунайгаз» люди были похожи на ростовых кукол в торговых центрах — медвежат, котят, зайчат. В них было несложно попасть, даже на бегу из ПМ. А если остановиться и прицелиться, как в тире, то вообще легче легкого.

Люди подхватывали раненых, тащили в сторону. Получалось не у всех.

Ватные комбезы впитывают кровь, поэтому на площади долго было чисто — никаких свидетельств, нечего зачищать, приводить в порядок, не считая перевернутых динамиков и разломанных декораций.

За расстрельной командой шел спецназ со щитами и дубинками. Шли сперва строем, а потом рассыпались по площади, и побежали, группами, по трое или пятеро. Останавливались возле тех, кто лежал за тумбами, кто сидел на земле, кто прижимал к голове руки, кто притворялся

мертвым. Догоняли тех, кто бежал, сбивали с ног, били впятером, всемером. Били и бежали дальше, мимо комбинезонов «КазМунайГаз», мимо трупов.

15.

Все силы росгвардии и полиции стянуты к Тверской. За пределами зоны противостояния, ограниченной, с одной стороны, бульварным кольцом, а с другой — металлическими заборами в устьях переулков, пусто, ни одного полицейского.

«Медиазона» пишет: протестующие перекрыли Садовое кольцо.

Два гаишных форда стоят на проезжей части Садового, как реквизит для съемок фильма, внутри фордов сидят упитанные мужчины в фуражках с высокими тульями, на их лицах — беспомощность и страх. Они сидят в своих машинах, как в последней крепости, осажденной неприятелем.

Группа людей, человек двадцать или тридцать, идет через Садовое, как идет дождь или снег. До мужчин в фордах им нет никакого дела.

Подлетают два ментовских ГАЗа, из них выпрыгивают люди в черном, с дубинками и в шлемах. Они беспорядочно бегают по Садовому, ловят и бьют прохожих. Их действия фиксируют десятки камер, мобильных и видеорегистраторов.

Акция продолжается семь часов. Никто из ее участников не знает, победа это или поражение. Никто не знает, каков счет по очкам и назначат ли дополнительное время.

Проходит еще час.

Столешников и Тверская зачищены. В центре, внутри Бульварного кольца ходят группы людей по десять-пятнадцать человек. Некоторые из них за весь день не встретили ни одного полицейского. Люди кричат «Россия без Путина».

16.

День заканчивается. Люди, как шарики ртути, стекаются в район Трубной.

Приезжают менты и росгвардия. Вокруг Трубной становится темно от касок.

«Дождь» ведет трансляцию.

Трубная площадь заполнена людьми. Вдоль бульвара, возле Цирка, возле универмага «Цветной», возле элитного жилого комплекса «Легенды Цветного» стоят автозаки. Девять пентхаузов в «Легендах» принадлежат вице-мэру Москвы Бирюкову. Один — Наоми Кэмпбелл, его ей подарил русский олигарх Воронин.

Площадь окружена «тяжелыми» и росгвардией в черных шлемах. Черная пена медленно наполняет на площадь — это было бы хорошо видно с дрона.

Пена выпускает протуберанцы, рассекает толпу на части.

Людей с площади вырывают по одному, как морковь с грядки. Одних уводят под руки, других скручивают и ведут «ласточкой», третьих бьют, повалив на асфальт, и уносят в сторону ПАЗиков.

Счетчик на сайте ОВД-Инфо показывает тысячу задержанных.

Вскоре на площади остается несколько десятков человек, они взяты в плотное кольцо из черной пены. Бежать некуда, идти некуда. Их уводят по одному, сажают в ПАЗики, увозят в пустую летнюю Москву.

© Фото: Григорий Ярошенко

В объективе «Дождя» не остается никого, кроме черных шлемов. Камера показывает кусок асфальта, электроящик, несколько фонарей и несколько метров дороги, по которой проезжают редкие автомобили. Желтый свет, черное небо. Затем все гаснет.

Полицейские стоят в беспорядке несколько минут, потом перестраиваются в колонну по трое и уходят с площади прочь.

На счетчике ОВД-Инфо 1300 человек задержанных.

17.

Санжар с пацанами идут по Столешникову. Стемнело, включили фонари. В руке у Санжара метла и совок, сделанный из обрезанной баклажки «Шишкин лес». Они идут за ментами и подбирают, что осталось. Стаканчики, бутылки из-под воды, упаковки от конфет и батончиков, бумажные платочки, банановые шкурки, окурки, окурки, одноразовые предметы личного пользования. Сметают в совок, высыпают в картонный короб из-под стиралки Ariston. Короб стоит на самодельной тележке, одно колесико у нее заклинило, из-за этого тележка гремит на трещинах, грохочет по плитке.

Возле гранитной тумбы — полузасохшая лужица. Темная жидкость заполнила щели в плитке и застыла, густая и тяжелая, как нефть. Санжар достает телефон, чтобы сфоткать и отправить бригадиру. Нужна вода, шланг, не метлой же ее собирать, потом не отмоешь.

III. ЖЕРТВА (19 декабря)

0.

Начало декабря, кабинет в здании Следственного управления по ЦАО на Льва Толстого. Двое сотрудников — один сидит в кресле, второй стоит у него за спиной — смотрят на рабочем ноуте запись одного из летних московских митингов, сделанную с городской камеры наблюдения. Камера установлена на столбе в Столешниковом: в просвете улицы видно пересечение с Большой Дмитровкой, вдали справа — серый куб здания бывшего Центрального партийного архива. Переулок заполнен людьми: есть пары, родители с колясками, небольшие группы, просто люди — все идут в сторону Петровки. В верхнем левом углу кадра таймкод: 07-27-2019-SAT-14-35-000, бегут секунды, регистр переполняется, минута сменяет минуту.

— Останови, — говорит сотрудник за креслом. — Этого увеличь.

— В очках?

— В кепке. Этого, да.

Сотрудник в кресле двигает мышью, увеличивает изображение: на экране крупно появляется фигура человека в бейсболке, человек что-то кричит — у него широко открыт рот — руки над головой сжаты в кулаки. На левом предплечье татуировка: коктейль Молотова в бутылке из-под кока-колы.

Сотрудники переглядываются.

— Это премия, Серега, — говорит сотрудник за креслом.

Сотрудник в кресле ухмыляется.

1.

За Пашей приходят рано утром, когда он еще спит. Долго звонят в дверь. Паша просыпается, на ходу влезает в линялую худи «адидас», подворачивает растянутые рукава. Три дня назад тоже звонили — старый дом на задворках Цветного бульвара, трубы текут, высокий тощий старик-слесарь в камуфляжном комбинезоне и его подмастерье, круглый маслянистый казах, не успевают их латать. Паша открывает, не посмотрев в глазок.

У двери стоят четверо омоновцев с автоматами и двое в штатском, в стороне, на лестничной площадке — понятые.

— Павел Емельченко? Постановление об обыске, ознакомьтесь.

Человек в штатском протягивает бумаги. Воздух из подъезда холодит ноги, татуировка на левом предплечье — коктейль Молотова в бутылке из-под кока-колы — покрывается гусиной кожей. Паша успевает разобрать только слово «Постановление». Человек отбирает у него бумаги и проходит в квартиру как бы сквозь Пашу. За ним входят автоматчики и понятые.

В следующие четыре часа у Паши ищут запрещенное: перетряхивают книги, белье в ящиках, шарят в карманах одежды, отдельно на кухонном столе складывают всю технику, в том числе и два старых айфона, которые Паша хранит в нижнем ящике комода. Говорят: Одевайтесь, поедете с нами.

— Я могу позвонить? — спрашивает Паша.

— Потом позвонишь, — отвечает человек в штатском. — Времени нет.

Пашин телефон лежит на столе, в пластиковом пакете.

— А адвокат? — спрашивает Паша.

Один из омоновцев с хрюкающим звуком втягивает носоглоткой воздух, как будто хочет харкнуть на пол. Паша смотрит на него, омоновец смотрит на Пашу, Паша отводит глаза.

Омоновцы стоят в комнате, пока Паша одевается. Он ищет среди разворошенной одежды штаны, футболку, свитер, носки.

— Давай на выход, — говорит человек в штатском.

— Можно, я зубную щетку возьму? — спрашивает Паша.

— Не понадобится, — отвечает человек в штатском.

В ментовском «Фокусе» Пашу сажают на заднее сиденье между двумя омоновцами. Они в зимней форме одежды и бронежилетах, автоматы омоновцы ставят между ног, стволами вверх. Паша зажат их телами. Головы тел смотрят вперед, не поворачиваясь в сторону Паши, как будто нет никакого Паши, а так, недоразумение, случайный кусок реальности.

Камера, установленная на торпедо «Фокуса», записывает: на неровностях дороги голова задержанного раскачивается из стороны в сторону, как у спящего. Временами это напоминает кадр из клипа Gabriel&Dresden Tracking treasure down.

К утру следующего дня Пашу доставляют в Замоскворецкий районный суд, где его приговаривают к четырнадцати суткам ареста за нарушение закона о митингах. В качестве доказательства обвинение приводит запись с камеры CCTV, на которой видно лицо Паши и можно разобрать татуировку на предплечье.

— С таким партактом, — говорит Паше назначенный адвокат, — мог и по-взрослому уехать, по уголовке, за массовые беспорядки с применением взрывчатых веществ.

2.

Спецприемник, в который Пашу отправляют отбывать административный арест, расположен на Юге Москвы. Это двухэтажное желто-белое здание, окруженное забором. Со стороны спецприемник похож на школу или детский сад. Он спрятан в тихом проезде между двумя оживленными шоссе. До ближайших жилых домов — панельных свечек, построенных в конце семидесятых, — метров двести. Свечки повернуты к спецприемнику балконами. Одни балконы застеклены и обшиты изнутри вагонкой, как сторожки у въезда на коммерческую парковку, другие — голые, потрепанные непогодой, как и сами дома. Голые балконы выглядят сиротливо, как будто в них живут пожизненные арестанты, которых охраняют обитатели балконов, обшитых вагонкой.

Если сравнивать с настоящей тюрьмой, то спецприемник больше похож на изолятор инфекционной больницы. В камере на пять человек арестанты целыми днями читают книги, играют в нарды, кто-то спит. Из тюремного здесь очко дальняка, над которым всегда горит лампочка, скользкие одноразовые простыни вместо постельного белья, жесткие деревянные шконки и серая стальная дверь с откидывающейся «кормушкой». В углу под потолком камера — за арестованными наблюдает подвижный глаз с электрическим приводом. Кипятильники запрещены, попить чаю нельзя, выходить из камеры нельзя, один раз в день в камеру приносят ведро и тряпку, и тогда можно помыть полы.

В спецприемнике пахнет тюрьмой. Пахнет застывшими на шконках телами. Пахнет вялой перистальтикой и душем раз в неделю. Пахнет одной и той же едой, проходящей через тела арестантов. Одинаковым становится и запах экскрементов: все срут одним и тем же, плохо переваренной сечкой с маргарином. Никаких других запахов Паша не чувствует уже на четвертый день.

Без движения и белковой пищи его тело начинает отекает и пухнуть. Хуй по утрам лежит, сжавшись, как будто к административному аресту приговорили и его тоже.

В камере спецприемника есть книги, их приносят арестантам в передачах. Есть Достоевский, есть детективы и фантастика. Есть даже «Гольый завтрак» Берроуза. Паша читает, чтобы заснуть. Когда сознание начинает путаться, Паша кладет книгу под подушку и проваливается в сон на два-три часа. Прочитанное он не запоминает, книги проходят насквозь, как сечка, оставляя после себя только слой жира.

Джабраила забрали за драку прямо со стройки — он злится, что в спецприемник не пропускают нормальную еду, отбирают передачи. Он звонит раз в день своим, ему рассказывают: мандарины не пропустили, потому что могут чачей накачать, сыр не пропустили, потому что домашний, в пакете, а не в заводской упаковке. Со злости Джабраил задирает Пашу.

— Ты чего зачуханный такой? Болеешь, что ли? Есть у тебя кто-нибудь? Пожрать тебе могут принести?

— У меня нет никого, — говорит Паша.

— На чем попал?

— За митинги.

— Политический! — Джабраил кивает, как будто даже с уважением. — А передачи где? Вашим обычно заносят хорошо. Пожрать, там, одежду.

— Я не знаю никого, — отвечает Паша. — Меня по записи с камер нашли. Увезли в отделение, на следующий день в суд, я даже в фейсбук написать не успел.

— Суки, — Джабраил поворачивается к камере и кричит в нее по-аварски.

Пять раз в сутки Джабраил идет на дальняк, делать тахарат — омовение перед намазом. Он плещет себе воду на руки и энергично, как будто стирает прилипшую декабрьскую глину, трет руками уши, лицо, голову, шею, руки, ноги до колен. Потом возвращается, расстилает на полу коврик, вытертый и тонкий, встает на него, поднимает руки к лицу и читает молитву. Молится Джабраил недолго, по упрощенной программе: один поясной поклон и два земных, потом встает. Пока он молится, Паша старается не смотреть в его сторону, лежит на шконке, отвернувшись к стене.

Один раз в день арестованных выводят на прогулку в длинный и узкий двор спецприемника — пространство три на двадцать метров, сверху накрытое решеткой из арматуры. Всего в спецприемнике пять камер, гуляют их обитатели по очереди. Окна камер выходят во двор, и на них тоже решетки. Во дворе Джабраил подходит к одному из окон, за которым ждут прогулку братья-мусульмане. Они беседуют, смеются, иногда начинают говорить громче обычного, и тогда конвойный мент кричит им: «Разговаривать запрещено!» Джабраил неспешно завершает беседу и отходит от зарешеченного окна.

На восьмой день в камеру, где сидят Паша и Джабраил приводят нового арестанта. Это крупный немолодой человек, с редкими белесыми и как будто мокрыми волосами на голове и небольшими серыми глазами на круглом лице. На плече у него большая набитая вещами сумка из пластика.

— Доброго дня, — говорит он и подходит к одной из пустых шконок. Ставит на пол сумку, достает из нее белое постельное белье, и быстрым движением натягивает пододеяльник на тощее тюремное одеяло. Джабраил и Паша молча смотрят. Они спят в одежде с длинными рукавами, потому что голое одеяло оставляет на коже красные пятна.

Мужчина раскладывает на шконке разворошенные во время досмотра вещи: белье, смену одежды, теплые носки, полотенце, пачку влажных салфеток, зубную щетку в пластиковом чехле, зубную пасту, две бутылки воды, три крупных яблока, маленький радиоприемник на батарейках. Он аккуратно складывает одежду, прячет ее обратно в сумку, а полотенце с пастой и щеткой кладет в изножье койки. Сам ложится поверх свежестеленного и включает приемник. В камере звучит женский голос — ведущая новостей рассказывает про строительство нефтепровода «Северный поток» и про забастовку рабочих во Франции.

Джабраил подходит и садится на шконку рядом.

— У тебя это откуда? — спрашивает он у мужчины, обводя подбородком его вещи.

— Это? — дружелюбно переспрашивает тот. — Жена собрала. Я на десять дней сюда, не жить же мне, как зверю. Вот она мне и собрала. У тебя жена есть?

Мужчина смотрит на Джабраила как будто с улыбкой. Джабраил молчит. Жены у него нет. По ночам Джабраил дрожит под голым тюремным одеялом, Паша знает об этом, потому что шконка под Джабраилом ритмично скрипит.

Выпуск новостей заканчивается, после отбивки начинает петь Алла Пугачева.

Проходит двое суток.

Монитор наблюдения в комнате дежурного. В левом верхнем углу кадра — таймкод: 14-12-2019-SAT-15-57-000, бегут секунды, регистр переполняется, минута сменяет минуту. Один из трех арестованных поднимается с койки и идет за дверку дальняка. Он снимает обувь, подворачивает рукава до локтя и штанины до колена. Набирает в ладони немного воды из-под крана, и поочередно умывает лицо, уши, голову. Движения привычные, быстрые.

Арестованный выходит из-за дверцы, расстилает на полу коврик, поворачивается лицом на восток и начинает читать молитву. В это же время второй мужчина — крупный, с редкими белыми волосами — спускается с верхнего яруса койки и тоже идет на дальняк. Заходит за дверку, микрофон камеры регистрирует громкий кишечный звук. Через три минуты, когда молящийся сидит, распластавшись в земном поклоне, второй мужчина возвращается и, проходя мимо, наступает ногой на край коврика.

В следующую секунду молящийся арестант поднимается и бросается на второго мужчину с кулаками. Это хорошо видно на мониторе в помещении охраны — он целит в лицо, кидает «двойку», но не попадает: второй мужчина уворачивается и закрывается руками.

В помещение открывается дверь, вбегают трое сотрудников спецприемника. Они наносят напавшему с десяток ударов резиновыми дубинками по плечам, в районе почек и спины. Когда тот падает, ему заводят руки за спину, фиксируют и выносят из камеры. Коврик для намаза и шлепанцы рядом с ним остаются лежать на темном дощатом полу.

Проходят еще сутки. На мониторе — то же помещение. В левом верхнем углу — таймкод: 15-12-2019-SUN-21-50-000. Двое арестованных: Паша и крупный мужчина с белыми волосами лежат на своих шконках и разговаривают. Их беседу хорошо слышно в комнате дежурного, фоном играет радио «Дача».

— Тебе сколько лет, Паш? — спрашивает мужчина.

— Тридцать, — отвечает Паша.

— Заканчивал бы ты с этой херней, Паш. Не мальчик уже ведь.

— В смысле, с херней?

— В смысле, с херней. С митингами. Они только жить мешают. Ты вот зачем туда ходишь?

— Ну вообще за свободу.

— Свобода, Паш, это вот, — Мужчина обводит рукой свою шконку, застеленную белоснежным постельным бельем. — Жить, как хочется. Это свобода. Возьми вот яблочко. Антоновка, с дачи. Погрызешь хоть.

— Но мы же в тюрьме, — усмехается Паша. — Вы же арестованный.

— Арестованный. Но я за синьку, а тебе пятно на биографию. И потом, что, в тюрьме не жизнь?

— Не знаю. Жизнь, наверное.

— Конечно, жизнь. И жить надо хорошо, Паш. Здесь, там, везде. А плохо жить — нахуй. Поймешь это — все у тебя будет. Не поймешь — так и будешь по спецприемникам сечку жрать.

Свет в помещении гаснет, остается гореть только лампочка на дальняке. Она освещает умывальник с латунным краном, раковину на двух кронштейнах, кафельные стены, очко.

3.

Из спецприемника Паша выходит утром в четверг.

У ворот синего забора стоят люди, человек пятнадцать — встречаются освобождающихся арестантов. Они моложе Паши или одного с ним возраста. Они громко разговаривают, смеются и аплодируют, когда из ворот выходит новый свободный человек. Паше тоже аплодируют, хотя он никого не знает по имени — только напротив ворот на глиняной скользкой обочине, на глинистом холмике возле зелено-бурых гаражей, из которого торчит щетина вечнозеленой газонной травы канада грин, курят трое со смутно знакомыми лицами.

— Вы как считаете, — задает Паше вопрос человек с наклейкой «Дождя» на микрофоне, — тюрьма может остановить молодых людей, которые сегодня составляют основу протестного движения, от того, чтобы выходить за свои права, или только подогреет их активность?

От человека с наклейкой пахнет приятными духами, деревом, кожей, дымом, перцем.

— Я не знаю, — отвечает Паша. — Это же не тюрьма, это спецприемник, для арестованных по административке. Там люди за синьку сидят.

— Спасибо, — человек с наклейкой «Дождя» отворачивается от Паши и идет к воротам, там там снова начинают аплодировать.

Несмотря на середину декабря, идет дождь. С деревьев капает. На обочинах лежит бурая листва, в колеях вдоль асфальта блестит вода, в небе галлюциногенной фрактальной сеткой растянуты голые ветви ясеней и лип.

Паша идет к автобусной остановке.

В автобусе перед Пашей сидит девушка в ярком пальто с принтом американского художника Лихтенштейна. От нее приятно пахнет, даже не духами, а ванной, только что вымытым телом, чистотой — сладко и цветочно. У Паши встает хуй. «Неуплата штрафа в двухмесячный срок, — говорит записанный механический голос, — влечет наложение штрафа в двойном размере, обязательные работы или административный арест». Автобус подъезжает к остановке «Школа». Девушка выходит, цветочный запах выходит вместе с ней. Хуй в штанах у Паши опадает.

4.

Дома, прямо в прихожей, Паша снимает с себя тюремную одежду — куртку, линялую худи «аидас», футболку, тренировочные штаны, носки, трусы.

В квартире холодно. Дверцы шкафов открыты, повсюду еще с обыска, как куски остывшей блевотины после пьянки, валяются книги, распотрошенная пачка презервативов, рецепт на антибиотики, диплом МПГУ, зарядки для телефона, ручки, смятая одежда. Из открытого окна пахнет уличной пылью, на подоконнике лежит пыльный треугольник, Паша проводит по нему пальцем — на пальце остается серый след в форме полумесяца.

Паша полчаса стоит под горячим душем. Когда он выходит, от тюремных вещей по квартире уже расплылся тюремный запах — пахнет сечкой с килькой, дальномером в камере, банкой с окурками в углу прогулочного дворика.

На полу лежит раскрытый посередине альбом фотографа Терри Ричардсона издательства Taschen. Голый Паша поднимает его, листает. Он смотрит на голого Терри Ричардсона, который фотографирует голых моделей на пляже, на Терри Ричардсона, который фотографирует моделей, засовывая им палец в рот, на моделей Терри Ричардсона, которые держат в зубах сумки Sisley. У моделей по лицу размазана тушь и помада. У Паши снова встает хуй. Он берет хуй в руку и начинает драть. Он быстро кончает на тюремную одежду, немного спермы попадает на стену и течет вниз, как желтый гной. Паша поднимает с пола футболку с потемневшими за две недели подмышками, вытирает об нее руку и снова идет в душ. Из душа он выходит, когда за окном окончательно темнеет.

Паша садится на кровать. В окно красно-белым светит рекламный щит Росбанка. Раз в минуту щит гаснет на несколько секунд — в эти секунды в глазах Паши отражается гирлянда на елке в окне напротив. Камера конфискованного ноутбука могла бы зафиксировать это отражение.

Паша сидит на своем продавленном диване, голый и голодный. В спецприемнике голод его не беспокоил, там все его чувства как будто втянулись внутрь, как моллюск в раковину, а сейчас они возвращаются. Продавленный диван впивается в бедра, как деревянные нары.

Паша встает с дивана, когда голод начинает жечь желудок.

Он поднимает с пола выброшенные из шкафа во время обыска трусы, отряхивает с них пыль, надевает, ищет и натягивает штаны, футболку, свитер, носки вразнобой — большинство его вещей темные, черные или темно-серые, и похожие одна на другую. Возле шкафа в прихожей лежат ботинки, которые он не надевал восемь лет. Это рыжие ботинки из толстой свиной кожи, тяжелые, под тимберы, но не тимберы, гораздо дешевле. На ботинках, по подошве и выше, на сантиметр над строчкой засохла черная грязь. В этих ботинках Паша был на первом в своей жизни несогласованном митинге, на Чистых прудах, после выборов в думу в 2011 году. Его так и называли, «Митинг грязных ботинок».

Паша почти не помнит, что было на этом митинге: начало декабря, дождь еще шел, было тепло и гнилостно, как сейчас, темно, какая-то трибуна, много людей под пятьдесят и старше, которых потом как будто смыло из жизни, утащило в забитые грязью отверстия ливневой канализации. «Верните выборы», кричали они восемь лет назад на Чистых. Прошло восемь лет — и все по-прежнему, «верните выборы».

Паша берет ботинки, собирает с пола перепачканную спермой тюремную одежду, заталкивает все это в синий баул ИКЕА, обувает черные кроссовки и выходит из дома. Надо купить еды и выпить.

Камера видеонаблюдения установлена на автоматическом шлагбауме, который перегораживает въезд во двор. Камера соединена с пультом вневедомственной охраны. На мониторе в комнате наблюдения видно, как человек с баулом ИКЕА на плече направляется к мусорным бакам. В левом верхнем углу монитора — таймкод: 12-19-2019-ТНУ-16-30-000, бегут секунды, регистр переполняется, минута сменяет минуту. Человек на экране оглядывается по сторонам, вокруг никого. Человек сбрасывает с плеча сумку и быстрым шагом уходит со двора. Через две минуты к мусорным бакам подходит мужчина в сине-оранжевом форменном комбинезоне ГБУ «Жилищник» — комбинезон ему велик, в нем мужчина похож на ростовую куклу на фудкорте торгового центра. Мужчина пинает сумку ногой, затем наклоняется и запускает внутрь руку по локоть. Он достает из сумки пару ботинок и с ними в руках покидает наблюдаемую территорию, удаляется в сторону жилых домов.

Паша идет на бульвар. По дороге он останавливается, смотрит в бледно-серое московское небо — в низких тучах отражается свет города — на фоне неба черной сетью сплетены ветви разросшегося ясеня. Паша говорит сам себе:

— Плохо жить — нахуй.

И идет дальше.

5.

Впереди через дорогу в мазутной московской мгле, в мокром облаке мелкого декабрьского дождя светится здание Центрального рынка.

Рынок украсили к Новому году — добавили огней, накидали там и тут световых пятен.

Воздух вокруг рынка пахнет горящими углями, шипящим на углях мясным соком, зирой и тмином, китайским лимонником, алкоголем и духами.

У входа стоят и курят мужчины в кожаных куртках с меховыми воротниками. На правой руке у одного из них блестит серебряное кольцо с черным камнем и выгравированной шахадой. Мужчины оглядывают входящих, смотрят и на Пашу, как будто оценивают его, проверяют, какой он масти, достоин ли войти, не слишком ли просто одет, не остался ли на его теле запах тюрьмы.

Паша проходит мимо них, глубоко задвинув в карманы куртки отяжелевшие кулаки.

Внутри бьет в нос и глаза хорошая жизнь. Множество людей, незнакомых и красивых женщин, ухоженные, почти съедобные тела, анонимные, лишённые имен, статей, суток ареста. Тела, которым все равно, как он здесь оказался, тела, которые существуют только для наслаждения.

«Плохо жить — нахуй», — повторяет губами Паша. Сверху, на втором ярусе здания — бар, зеленые бутылки на полках, над стойкой свисают прозрачными плодами винные бокалы. Паша поднимается по выложенным бурой плиткой ступеням лестницы, протискивается сквозь очередь в туалет — недовольная очередь девушка дергает за ручку в двери кабинки. Пашу тошнит от голода — он слушает свою тошноту, как сигнал пробуждающейся жизни.

Паша подходит к стойке, просит красного. Бармен наливает из бутылки и протягивает Паше тяжелый бокал из толстого дешевого стекла. Паша делает большой глоток, густой и вязущий, во рту у него — вкус подгнивших ягод и старого кожаного ремня. Пустота в животе становится гулкой.

— Емельченко! — зовет сзади женский голос.

Паша оборачивается.

— Емельченко! Паша! Ты как? Я видела в новостях. Тебя выпустили?

Паша кивает. У женщины красивая грудь в вырезе короткого зеленого платья.

— Не узнаешь?

Женщина показывает в улыбке крупные белые зубы.

— Я Лена. Помнишь? Две тысячи седьмой.

— Лена, — говорит Паша. — Конечно. Из Солнцево.

— Из Тропарево.

— Точно.

Паша вспоминает: длинная ночь в январе, длинный дом на Юго-Западе Москвы. Много пьяных людей в квартире с евроремонтом и холодильником в цвет стен, пакет с травой в кармане, неловкий момент: он, кажется, читал стихи. Когда кончилось вино, Лена попросила его сходить вниз, в магазин, у него не было денег, и она пошла с ним. Он нес бутылки — красное испанское, хотели три, но взяли пять — в охапке, как котят. Котята позвякивали, в лифте он ее поцеловал.

— Где ты теперь?

— Вышла замуж, у нас двое детей, живем в ЭлЭй, муж адвокат, авторское право, — там своя атмосфера, в двух словах не расскажешь.

— А здесь что делаешь?

— Квартиру продаю.

— Ту самую, в Солнцево?

— В Тропарево. Как ты попал в эту тюрьму? Я тебя сразу узнала, когда увидела на «Дожде», ты не изменился.

— Выпьешь со мной?

— Ой, я за рулем.

— Ну по бокалу можно же.

Камера в баре направлена на стол. За столом мужчина и женщина в коротком зеленом платье. Сигнал с камеры идет в комнату охраны, в комнате — два охранника, один смотрит в монитор, второй

пишет сообщение в своем мобильном. В левом верхнем углу монитора — таймкод: 12-19-2019-ТНУ-18-12-000, бегут секунды, регистр переполняется, минута сменяет минуту. Срабатывает система распознавания лиц, загорается предупреждающая надпись, уровень опасности — желтый. Охранник у монитора толкает охранника с телефоном локтем в бок. Двое в баре разговаривают и пьют вино. Мужчина наклоняется к женщине через стол, что-то говорит ей на ухо, она смотрит на него, улыбается, он берет ее за руку, они поднимаются и идут в сторону туалета. Обычно так не бывает, но именно в этот момент в туалет нет очереди. Камера возле туалета показывает, как мужчина и женщина заходят в кабинку вместе. Охранники переглядываются, один усмехается, второй кивает подбородком: иди разбирайся, Михалыч. Михалыч встает и идет разбираться. На Михалыче черный костюм — им выдают, дешевый, летом в нем жарко, воняют подмышки — и туфли с тупыми квадратными носами. Михалыч подходит к двери кабинки, оглядывается по сторонам, кашляет, стучит.

Через минуту дверь открывается, там этот и она, в зеленом платье, она вытирает руки бумажным полотенцем, они выходят.

6.

— Он так на нас смотрел, — говорит Лена по дороге к парковке, — я ждала, что он сейчас нас схватит, а ты ему такой: тихо, дядя. И он сразу назад! Ты как настоящий уголовник!

— Я не настоящий уголовник. Я даже не в настоящей тюрьме был, так, в спецприемнике. У меня даже преступление не настоящее.

Лена улыбается.

— Но теперь все хорошо? По-настоящему?

На Лене черная шуба выше колена, шуба открывает красивые ноги. Короткое зеленое платье под шубой открывает немного красивой груди.

— По-настоящему, — говорит Паша.

— Что делаешь на Новый год? Я знаю, ужасный вопрос.

— А уже скоро?

— Через двенадцать дней. Потерял счет?

— Двенадцать? С ума сойти. Без понятия. Что-нибудь придумаю.

— Обещай, что все будет хорошо. Что будешь жить хорошо.

Фары выезжающих с верхнего яруса парковки автомобилей освещают ее ноги в черных колготках, черную шубу выше колена, короткое зеленое платье, в ярком свете на фоне грязно-белой стены она похожа на модели из съемки Терри Ричардсона.

Паша протягивает руку, берет Лену за лицо, большим пальцем проводит ей по губам, размазывает помаду по ее щеке.

— Спасибо, — говорит Паша.

— Обещаю, — говорит Паша.

Они стоят друг напротив друга еще несколько секунд, потом Лена садится в свою машину и заводит двигатель. Перед тем, как уехать, она достает салфетку, вытирает губы, глядя в зеркало заднего вида.

Когда она уезжает, Паша слизывает ее помаду со своего большого пальца. Вкус ее рта в его рту смешивается со вкусом вина. В лифте яркий свет, тихо играет Let it Snow в исполнении Дина Мартина.

7.

Из подземной парковки Паша выходит на Рождественский бульвар. Ему не хочется домой — к развороченным обыском вещам, как будто снова в не настоящую тюрьму. Паша шагает вверх

по Рождественскому, вдоль монастырских стен. Вопреки Дину Мартину, снега на улице нет. Вокруг светятся украшения из дюралайта: дюралайт на деревьях, дюралайт в витринах, на зданиях и фасадах домов.

На Сретенском из-под земли бьют разноцветные лучи городской подсветки, голые деревья попеременно окрашиваются в карминный, в травянисто-зеленый, в горчичный. Между деревьями, как музейные экспонаты — тусклые фонари. На столбах фонарей можно разобрать черные камеры наблюдения, камеры направлены в разные стороны, на фоне подсвеченного воздуха силуэты камер напоминают двуглавых орлов. Напротив одной из камер на скамейке сидит немолодой пьяный человек, он дремлет, из его рук свешивается пластиковый пакет, отчего кажется, что человек просит милостыню.

Впереди ярко светит площадь Мясницких ворот, за ней — черная дыра Чистых. Паша вспоминает старые ботинки, запах тюремных вещей, как текла по желтой стене капля спермы, похожая на гной. Паша сворачивает с бульвара в Милютинский. По пустынному переулку идти приятно, внутри с каждым шагом распрямляется пружина, которая две недели стягивалась, сжималась в прогулочном дворике, накрытом ржавой решеткой и низким небом.

Электрический свет из окон кафе отражается в сыром асфальте — асфальт тоже начинает светиться, от поверхности поднимается фосфоресцирующий пар. Паша проходит дворами, огибая бело-красные стрелы шлагбаумов, на Малую Лубянку, прогулка взбодрила его, он думает: выйду на Кузнецкий, оттуда на Неглинную — и домой. Он думает: не буду сегодня убираться, лягу так, а завтра с утра начну жить хорошо. Он думает: потому что плохо жить — нахуй.

За углом слышны хлопки, как будто рвутся петарды. Паша смотрит вверх, где должна появиться вспышка салюта, но ничего не видит, кроме бледно-серого московского неба.

На стенах зданий впереди — отсветы красного и синего. «Двенадцать дней до нового года, — думает Паша. — Почти две недели, а у них уже сраная дискотека».

Он огибает угол тяжелого серого здания.

Там идет перестрелка.

На улице много людей с оружием, люди прячутся за бетонными блоками, за будками парковщиков, за машинами. Люди с оружием охотятся на стрелка, который пришел к зданию на Лубянке и вроде бы уже кого-то убил, точной информации нет, количество жертв неизвестно. Весь район оцеплен, но про один из переулков забыли — по нему и так нет движения, он навсегда перегороден вбитой на метр в асфальт стальной трубой. Из этого переулка и выходит Паша.

Камера наружного наблюдения установлена на фасаде управления экономической безопасности ФСБ, она фиксирует происходящее, транслируя картинку на монитор в комендатуре. В левом верхнем углу монитора — таймкод: 12-19-2019-ТНУ-19-15-000, бегут секунды, регистр переполняется, минута сменяет минуту.

Ту же картинку, но с другой точки — из окна этажом выше — наблюдают через экран одиннадцатого айфона сотрудники управления экономической безопасности. На улице темно, в темноте мелькают всполохи, похожие на искры, раздаются хлопки, видно, как в освещенном углу между колоннами падает человек — это убитый стрелок.

— Все, вальнули убудка, — радуется один из сотрудников.

— Все, да? — спрашивает второй.

— Вальнули пидора, — говорит третий.

— Вон, под козырьком? — уточняет четвертый.

— За колонной, да, — подтверждает пятый.

Паша стоит напротив парковки, в тени здания, и оглядывается по сторонам. Справа к нему бежит человек, когда человек приближается на десять метров, Паша видит у него в руках укороченный автомат, как в текстах репера Фейса. На бегу человек наводит автомат на Пашу, что-то кричит.

Паша бежит через парковку — впереди козырек подъезда, колонны, темнота, ему нужно туда. Сзади что-то трещит, «петарды», думает Паша, «двенадцать дней», думает Паша, «сраная дискотека», думает Паша.

Сотрудники Пограничной службы ФСБ стоят у окна в другом здании, чуть сбоку от здания Управления экономической безопасности. Они тоже наблюдают за происходящим через экраны своих айфонов. Им хорошо видно, как через несколько секунд после убийства стрелка, с противоположной стороны улицы, справа, из темноты выбегает мужчина в черной одежде, за ним другой, потом они видят сноп искр, слышат хлопки, первый мужчина падает, как будто споткнувшись о бордюр парковки.

Пули ложатся в цель. Паша падает, вытянув руки, навзничь, на лицо, и когда его тело касается асфальта, он уже мертв.

— По ходу, он не один что ли? — спрашивает один из сотрудников управления экономической безопасности, когда стрельба, стихнув на несколько секунд, начинается с новой силой.

— В кого сейчас стреляют? — спрашивает другой сотрудник.

— Смотри, смотри, падает! — кричит женщина-сотрудник Пограничной службы. Она облокотилась локтями на подоконник, чтобы не дрожал телефон в руках, узкая юбка-карандаш обтягивает ее зад и верх бедер, мужчина-сотрудник стоит немного позади, он смотрит в окно, за которым оперативник ФСБ только что застрелил Пашу, и на свою коллегу в узкой юбке, на коллегу смотреть приятнее, правой рукой через тонкую ткань брючного кармана сотрудник трогает себя за член.

© Текст: Кирилл Куталов

МОЯ Италия

Переводы и стихи

Евгений Солонович

Окончив в 1956 году московский «Ин-яз» и получив свободное распределение, я некоторое время работал переводчиком с итальянскими делегациями и одновременно делал первые шаги в литературном переводе. Общение с носителями языка не только обогатило мой институтский итальянский, но и положило начало моей итальянской библиотеке: на вопрос новых знакомых, что мне прислать из Италии, я отвечал: книги поэтов.

За годы, прошедшие с той далекой поры, я перевел тысячи и тысячи поэтических строк, принадлежащих Данте, Петрарке, Ариосто, классикам итальянского барокко, римскому поэту XIX века Джузеппе Джоакино Белли, открытому для Европы Гоголем, а также поэтам XX века, включая нобелевских лауреатов Эудженио Монтале и Сальваторе Квазимодо, не говоря уже о представителях следующего поколения. Мои переводы отмечены рядом престижных литературных премий Италии, включая Государственную премию, а также российскими премиями «Венец», «Мастер» и др. Мой скромный вклад в распространение итальянской культуры за пределами Италии снискал мне и государственную награду этой страны – орден Звезды итальянской солидарности.

Когда меня спрашивали, пишу ли я стихи, я пожимал плечами, как бы предлагая вопрошающим ответить на этот вопрос за меня. Стихи я долгое время не столько писал, сколько пописывал, но решил заявить о себе как о поэте только в 2012 году, опубликовав подборку стихотворений в журнале «Октябрь». Затем последовали публикации в «Дружбе народов», «Новом мире» и том же «Октябре», а в 2018 году вышла первая моя книга «Между нынче и когда-то».

Любопытно, что ее рецензент поэт Аркадий Штыпель обратил внимание на почти полное отсутствие в ней стихов об Италии: «... казалось бы, у человека, влюбленного в итальянскую поэзию, неоднократно и, надо полагать, не наскоро гостившего в этой прекрасной стране, должно быть немало стихов, посвященных Италии» – писал Штыпель и был прав. Итальянские сюжеты в моих стихах появились позже, и часть этих стихов представлена ниже.

Рис. Валерия Сировского. Фрагмент

Эудженио Монтале

(1896–1981)

* * *

Зло за свою держалось непреложность:
то вдруг ручей, задушенный до хрипа,
то выброшенная на берег рыба,
то мертвый лист, то загнанная лошадь.

Добра не знал я, не считая чуда,
являемого как бы ненароком
то в сонной статуе, то в облаке далеко,
то в птице, звавшей улететь отсюда.

* * *

Я корм на подоконнике рассыпал
для завтрашнего раннего концерта,
свет погасил и жду, когда усну.
И вот уже я вижу: на помост
выходят тени тех – великих, малых, –
кого я знал при жизни. Выбираю
мучительно, кого бы я вернул
и не вернул сюда. Они все те же,
не изменились: наше разложенье
гораздо очевиднее. Мы сделали
все – лучше некуда, – чтобы ухудшить мир.

Сальваторе Квазимодо

(1901–1968)

Цвет дождя и железа

Ты говорила: молчание, одиночество,
смерть,
как говорят: любовь, жизнь.
Это были промежуточные слова.
И ветер поднимался каждое утро,
и время цвета дождя и железа
проносилось над камнями,
над нашим замкнутым жужжанием
проклятых.
До правды еще далеко.
Так скажи, человек, расплющенный
на кресте,
и ты – с окровавленными руками,

как я отвечу на все вопросы?
Сейчас, до того, как другое безмолвие
ворвется в глаза, до того, как поднимется
новый ветер и снова ржа расцветет.

Некому доносчику

В моем городе есть доносчик,
он пишет стихи о любви.
Его ноги переступают вдоль витрин –
тротуаров надежд.
В былые времена ты шаркал
по лицам убитых тобою,
тех, кого ставили к стенке
по твоему слову – тайному и учтивому,
достойному манускриптов первых
стихотворцев.
Доносчики не смеют писать стихи,
ты это знаешь, и пить за здоровье друзей,
и взывать к чьему-либо сердцу.
Земля стремительна, нет у тебя корней,
мне известно имя твое – с севера ты
или с юга.
Ты боишься лишиться звания человека.
Но это было предрешено, как растоптанное
знамя
или лошадь с распоротым брюхом.
Ты пишешь стихи о любви, говоришь
о мечтах –
врагах боли.
Э, нет, подземные силы!
Вы или кто там еще? В судный день
тень доносчика оставьте болтаться
в путях ожившего паука.

Джорджо Капрони

(1912–1990)

Май

Под майским небом долги вечера
и пахнет сеном лунный свет, в котором
веселье разлилось далеким хором
трактирных бдений, и на смех щедра
пора влюбленных парочек, пора
сияющей весны, под чьим напором

открыты двери и душа просторам.
О месяц май! Зеленый ворс ковра —
трава лугов под ветерком лоснится
теплом, и мягкий свет разлит окрест,
и новой радостью сияют лица,
согреты взор застенчивый и жест
надеждою, что, обещая сбыться,
волнением будоражит кровь невест.

Джованни Джудичи (1924 — 2011)

Расовые преследования

Рыжеватый, в теле, белолицый,
с наружностью вроде бы чужака,
с тремя волосинками на подбородке —
господин, облаченный в черное,
на моторной лодке.

«С этого не соскрести ярлыка», —
хихикнул в чиновничьей компании
самый шустрый, и остальные, наверняка
спокойные за свое арийское происхождение,
подняли глаза, обратили внимание.

Они, не раздумывая, заключали пари:
можно ли еврея узнать по внешности.
Что ни говори, а наукой времени
как пренебречь?
Но тогда о пасторе или священнике
в отпуске шла, очевидно, речь.

Человек в такую жару в подобном наряде,
в широкополой фетровой шляпе, предмет
спора,
отличался от обсуждающих его персону —
агнец, заяц из папье-маше,
на которого спущена свора.

Евгений Солонович

Переводы Монтале

Понимая, что вряд ли, навряд
все твои разгадаю загадки,

вновь и вновь возвращаюсь назад,
за спиной оставляя закладки.

Принимаю на тайной волне
неподатливые шифровки,
адресованные и мне,
да, да, да, говорю без рисовки.

Где другой прикусил бы губу,
бормочу: та-та-та, та-та-та,
ложный след то и дело беру
или против течения гребу,
незадачливый взломщик метафор,
нарушитель волшебных табу.

За тебя против зла ополчаюсь,
за тебя объясняюсь в любви,
третьим лишним в гондоле качаюсь
с Беатриче твоей визави.

Пробиваясь к тебе наугад,
твой поверенный, твой переводчик,
я ловлю твой прощающий взгляд
сквозь туман герметических строчек.

Памяти Андреа Камиллери¹

Время неумолимо. К потерям потери
прибавляет.
Не стало вчера Камиллери,
и за новое дело, как это ни странно,
не возьмется уже комиссар Монтальбано,
итальянский Мегрэ,
а точнее сицилийский,
съевший в разные годы собаку на сыске,
чем конец положил преступлениям
несчетным,
а себе гарантировал место в почетном
карауле.

Памяти Клауса

Клаудии, Франческе и Катерине

С Клаусом мы говорили по-итальянски
(он — с немецким акцентом, я — с никаким
почти)

© Фото: Григорий Ярошенко

то на серьезные темы, то просто точили
лясы,
спрашивали друг друга: а почему бы нам
не зайти
в бар к Витторио выпить по кружке пива?
Клаус любил с пеной, в отличие от меня,
мне вспоминалось: Требуйте после отстоя
долива... -
память не прохудилась, советские штампы
храня.
Попрощавшись — «Чао, Витторио», —
мы шли на виа Мальпиги
есть приготовленный Клаусом знаменитый
его гуляш,
в доме на виа Мальпиги голодом не морили
гостя и не жалели спиртного — пили бывало
аж
слишком, зато в подпитии как мы с Клаусом
пели
...на пыльных тропинках останутся...
например...
наши следы... — мы столько советских песен
успели
вдвоем перепеть! (Клаус был родом из ГДР.)
Франческа и Катерина, Клауса с Клаудией
дочки,
в четыре слушали уха, как мы дружно поем.
Незабываемые денечки.
Без Клауса хуже поется.
Пелось лучше вдвоем.

* * *

«Фонтаны Рима»² в бесконечном миге
прощанья с Римом. «До свиданья, Рим,
Арриведерчи, Рома», — говорим
и добавляем, — ты неповторим,
неповторим, как музыка Респиги.

«...good bye, au revoir...», — звучит в припеве
известной песни, и, рабы примет,
подобным нам романтикам вослед
свой скромный вклад мы вносим
в дождь монет,
над достопамятным фонтаном Треви.

Монеты наши тонут с перемешкой
чужих, не наших, и, достигнув дна,
ложатся мирно вверх орлом одна,
другой иная участь суждена —
в незримой глубине лечь кверху решкой,
что в том и в этом случае для нас —
вернуться в Вечный город верный шанс.

ФИШАНО

Антонелле д'Амелия

В городке итальянском Фишано
с ночью день колокольня мешала,
час на четверти строго деля,
пели птицы на райском наречьи,
сны озвучивая человечьи,
своего удовольствия ддя.

Настоящее с прошлым сближая,
можно выпить вина урожая
года позакакого забыл,
пей, никто не осудит, но проще
прогуляться по склону до рощи -
вот и памяти пособил,

возложил непростую заботу
на нее — не сбиваться со счету,
взяв на время над временем власть,
протереть запотевшую линзу,
над печалью пройти по карнизу —
светлой, так что легко не упасть.

Итальянскому другу спасибо,
за Фишано, за музыку, ибо
где-то рядом, за майским углом,
благодарность за дружбу венчали
песни скрипки и виолончели
о далеком и близком былом.

Примечания

- ¹ Итальянский писатель (1925-2019), автор популярных детективных романов о Комиссаре Монтальбано.
- ² Симфоническая поэма Отторино Респиги (1879-1936)

© Текст, переводы и стихи: Евгений Солонович.

Фэймоус энд рич

Артур Гранд

Четверо ухоженных людей в костюмах и с перечеркнутыми черным маркером глазами сидят, улыбаясь, в небрежных позах. Двое мужчин и две женщины. Под ними — солдаты, ползущие по грязи в атаку, а может, наоборот, возвращающиеся на исходные позиции. Famous and reach. Так называется этот фотоколлаж. Я отправляю его в утробу памяти новенького белого айпэда и иду дальше бродить по музею. Гаджет мне подарили, даже не мне, а моей маме, я не знаю толком, что это за модная вещица, но мне нравится, что фэймоус энд рич одними из первых провалились в него. Черт бы их побрал этих фэймоус энд рич, думаю я, уже начиная прозревать в себе слонтяя-анархиста, слонтяя, поскольку настоящие анархисты не слоняются по барселонским музеям современного искусства с новенькими айпэдами в поисках антикапиталистических высказываний; но все же анархиста, ибо ну а как же иначе.

Я сделал еще несколько фото: оторванная от тела рука держит бутылку пепси, из которой вырывается пламя, как из нефтяного танкера, а вот девушка, раздвинув ноги и засунув палец в промежность, лежит на ощетинившимся тигре, а еще какой-то старец зеленого цвета, похожий на перебравшего даоса, сидит в позе лотоса, а на лбу его блестит пятно крови. Последний образ смутный, а вот первые два — фэймоус энд рич. Вот же суки, кипячусь я, расстреливая их айпэдом.

Выхожу из музея, готический квартал растоплен солнцем, каталонцы лениво пожевывают обеденную сиесту, а туристы скачут по узким улочкам, будто взбесившиеся кенгуру, будто бояться, что кто-то невидимый и неведомый вот-вот перечеркнет черным маркером солнце или их собственные глаза, решив, что все они фэймоус энд рич.

Я покупаю кофе на вынос, иду в квартал Раваль, мекку готического квартала. Моя цель — центр современной культуры Барселоны, сисисибби, если артикулировать его аббревиатуру. Что там за выставка, я не знаю, более того, я не уверен, что там вообще проходят выставки, открыт он или закрыт. Я просто иду в сисисибби, наугад, он находится совсем рядом, кофе в одной руке, айпэд в другой, в груди — ненависть к фэймоус энд рич. Захожу. Тихо и пусто. Робко показываю охраннику журналистский бейдж, ему явно по хрен, ведь на губах еще обсыхает фиеста, он указывает мне рукой на лестницу, ведущую на второй этаж.

Все-таки какая-то выставка, озираюсь я и достаю айпэд. Какие-то стенды, книги, письма, фотографии, приглушенный свет, все подписи даже не на испанском, а каталонском языке. Экспозиция явно посвящена одному человеку, вероятно, писателю, его фото повсюду. Я приглядываюсь. На меня чаще всего смотрит человек средних лет, очки, курчавые волосы, иногда он с сигаретой, иногда без, в свитере, в кожаной куртке, он похож на интеллектуала, но есть в его чертах лица что-то еще, не знаю, что-то доверительное или обескураживающее или даже дьявольское, в общем, я не знаю, что именно, но он мне определенно нравится. Пробежав глазами тексты и не поняв ни слова, я мотаю головой и записываю в заметки имя — Roberto Bolano.

Имя мне ни о чем не говорит, вероятно какой-то местный автор, я шагаю по Барсе и уже почти забываю о безмолвном писателе из сисибии, к тому же меня занимает уже совсем другое, жгучие граффити, облизывающие стены, некоторые из них явно революционного толка, айпэд работает на всю катушку, тыдыщ, la anarquí es sexu, черные буквы пляшут на красном фоне, слюнтяй доволен находкой, ха-ха, лето, отпуск, новенький айпэд, анархия сексуальна, держитесь, фэймоус энд рич. Уже много позже я влюблюсь по уши в прозу безмолвного писателя из сисибии, охренею от нее настолько, что мне будет казаться, что он это я, а я это он, будто я не книги его читаю, а смотрю свои сны, записанные чужой рукой, словно бы он мой брат, нет, скорее, призрак, реальный и нереальный одновременно, присутствующий где-то далеко и отсутствующий рядом; позднее я узнаю, что Боланьо был подлинным анархистом, ну или троцкистом, или инфрареалистом, называйте, как хотите, но именно он всю жизнь воевал с любым истеблишментом, песочил Октавио Паса, когда тот упивался своим звездным статусом в авторитарном Мехико, призывал всех выходить на дороги, бродяжничать, уподобляться герильям, вагабундствовал сам, писал ошеломительные тексты, стихи и прозу, в которых яростно атаковал тех самых фэймоус энд рич, которых я презирал, вооружившись айпэдом.

Все это будет много позднее, а пока я иду по растрескавшейся от собственной значимости Барселоне, модерн, готика, море, парки, кава, паэлья, фигелья, тут, кажется, есть все, чтобы летний день не заканчивался никогда. Захожу в квартиру своей приятельницы Иры, у которой остановился. Ну что, как твой культпоход, спрашивает она. Я достаю айпэд и показываю ей четверых человек, сидящих на солдатах, граффити, но ей это не особенно интересно, ну фэймоус энд рич и чего, да ничего в общем-то, пожимаю я плечами и захожу в свой инстаграм, установленный за несколько дней до поездки. У моих идеологически заряженных фото по два-три лайка, я еще не въезжаю в эту соцсеть и думаю, много это или мало. Кстати, а ты знаешь, кто такой, ща, момент, там все на каталонском было, ничего не понятно, кто такой Роберто Боланьо. Нет, отвечает Ира, я лезу в гугл. Проглядываю википедию о нем, вроде серьезный писатель, захожу на флибусту и читаю названия, «Чилийский ноктюрн» пока пропустим, «Третий Рейх», хм, любопытно, роман, это не сейчас, сборник рассказов «Шлюхи-убийцы», о, фи-гасе, то, что надо. Сажусь читать.

Рассказ «Шлюхи-убийцы» написан от лица барселонской проститутки, пригласившей фанатного фаната к себе домой. Она трахается с парнем по имени Макс, хотя он и не Макс, а затем убивает его. Сюжетец, конечно, тот еще, или так себе, даже не знаю, но ритм, какой-то неистовый ритм, поэтичный, inferнальный, а еще футбол, это ж кайф, я обожаю футбол, хотя Макс выглядит довольно комично, но и трагично, умереть от ножа незнакомой проститутки, везунчик, а Боланьо-то в теме, Макс из банды, фирмы, жаргон футбольных хулиганов, и все это раскачивается в обморочном ритме, некоторые предложения бесконечны, как сие-ста, а еще фраза «Но ощущение потерянности, словно меня натрахиивает ангел», или вот «По-

рой все комнаты кажутся одной и той же комнатой, разоренной временем», да, мне все это определенно нравится.

Наступает вечер, теплый, воздух кажется подслащенным марокканским чаем, мы с Ирой выходим из подъезда и подходим к каменной стене возле дома. Если подтянуться на носках, то вдалеке видно море, синее, над ним гранатовый закат, сине-гранатовый горизонт выглядит так, будто кто-то перевернул флаг «Барселоны». Мы идем в готический квартал в поисках бара. Заходим в какое-то бразильское заведение, шелестит босанова, улыбочивый могучий официант разносит по столам кайпирины и кашасы. Кажется, я впервые тогда попробовал ключую бразильскую водку и коктейль на ее основе, охотно смешивал, наслаждаясь отпуском, дружелюбным городом; на мне белые шорты, на столе лежит белый айпэд, уно кашаса пор фавор, уно кайпирина пор фавор, какие же твари эти, фэймоус энд рич, говорю я, анархия сексуальна, смеюсь я, шот, коктейль, шот, коктейль, вот к какому выводу я пришел, Барселона это охренеть, глубокомысленно заявляю я. Мне хватит, говорит Ира, я домой, добраться до моего дома очень просто, сядешь на автобус, он всю ночь ходит, остановка сразу за Рамблой, только будь аккуратней на Рамбле, там по ночам выходят проститутки и обирают туристов, будь бдителен, мой друг. Бдительность — мое второе я, все нормуль, зову официанта и растворяюсь в напитках, босанове, синем гранате; я был сегодня в одном музее, затем в другом, видел в Равале дом-граффити в пять этажей, у меня белые шорты, в них лежат евро, немного, но они шелестят, как португальский язык, а еще этот писатель из сисисибии, Боланьо, странный и жестокий, почему же эта славная шлюха убила того придурка, они даже не были знакомы, он даже не фэймоус энд рич, обычный фанат, это странно, очень странно, еще одну порцию пор фавор.

Я слегка покачиваюсь, или даже не слегка, выхожу из бара и врезаюсь в ночь, душистую расхристанную ночь, обтянувшую город. Иду по Рамбле, многолюдной, отовсюду льется музыка, стерильная попса, туристов здесь, как кашасы в Рио, до хрена здесь попсы и туристов, кошмарная бесконечная широкая улица. Ко мне подходит темнокожая полненькая девица, кристально белые зубы, улыбка, ола, я Джейн. А я Педро!

Стоп, стоп, стоп, это шлюха. ШЛЮХА. УБИЙЦА. Я трезвею, точнее мне кажется, что трезвею, прячу айпэд в рюкзак, делаю суровое лицо, фиг его знает, может, этот Боланьо и не выдумывал ничего, может, тут так заведено, шлюхи убивают тех, кого не знают. Фак, я же тоже футбол люблю, маза фака, так полмира футбол любит, всех убивать теперь что ли. Рассказ Боланьо каким-то образом вибрирует во мне, словно меня натрахиивает коварный ангел, но ведь ангелы не бывают коварными, они исключительно благородные существа, и если уж кого-то и натрахиивают, то исключительно нежно.

Педро, ну куда ты идешь, давай поговорим. Откуда ты, Педро, смеется полненькая чертовка. Я из серьезной страны, зловеще отвечаю я, из очень серьезной, я из России. И я мафия. О, мафия, классно, кул, всегда хотела познакомиться с мафией, а где ты живешь, мафия. Вот же обученная стерва, думаю я, улыбочка, белые зубы, а сама же убийца. Ну или воровка, я сжимаю кушоры в карманах.

Стараюсь быть убедительным и небрежным, видишь ли Джейн, говорю я, ты не на того напала, окей, я не мафия, я не фэймоус энд рич, а живу я прямо здесь, вот на этой брусчатке, у меня нет жилья. Ха-ха, кул, классно, кричит она, давай прям здесь. И ложится на дорогу.

Хренажсебе, вот это девчонка, она мне даже уже немного нравится, только есть один нюанс, она убийца.

Джейн, говорю, я за себя не отвечаю, я маньяк, я ведь могу и убить.

О, кул, тогда режь меня здесь, радостно отвечает она и проводит рукой по своему горлу.

Вообще крэзи. Ненормальная какая-то. То есть это даже по-своему прикольно, но и стремно как-то. Коварный ангел или кто там, хватит меня натрахать, дай дойти спокойно до конца Рамблы и сесть в автобус.

Ускоряю шаг, быстрее, еще быстрее, я бегу. Бегу от каталонской проститутки, полненькой белозубой Джейн, удираю от убийцы, или воровки, или обычной проститутки, лечу, как обезумевшая куропатка. Оборачиваюсь, ну ясен пень, бежит за мной. Или уже отстает? Я бегу, как ямайский спринтер, автобус, впрыгиваю, сажусь на место.

Автобус трогается, в салоне кроме меня находятся еще несколько аккуратных пожилых каталонков, их седовласый вид меня почему-то успокаивает, центр все дальше, горящих вывесок все меньше, я вспоминаю Джейн и начинаю смеяться, это же слюнтяйское приключение, ну какая она убийца, зарабатывает деньги, находчивая, некрасивая, что-то перемкнуло в моей голове, убийцы сидят в костюмах, ухоженные, их лица перечеркнуты черным маркером, сами они белые, обычно они почему-то белые, а ноги их обычно упираются в головы солдат, которые то ли атакуют, то ли сдают позиции, убийцы всегда безликие, точнее у них есть лица, но они лишены запоминающихся черт, в их глазах нет ни одиночества, ни страха, боль им недоступна, их не натраховал никто кроме их самих; Боляньо написал об отчаянии, глухом женском отчаянии, сверкнувшим ножом по горлу несчастного Макса, но дело не в Максе, нет никакого Макса, а отчаяние есть, оно есть даже в этом щедром дородном городе, в этом каталонском ослепительном лете, в этих пожилых женщинах, что сидят напротив меня и обсуждают своих мужей, отчаяние есть в полненькой некрасивой проститутке Джейн, вынужденной бегать за подвыпившими туристами, за фэймоус энд рич, и все, что может сделать Джейн — скрывать свое отчаяние за широкой белозубой улыбкой. Ну какая же она убийца. Хотя хрен ее знает, хрен ее знает.

© Текст: Артур Гранд

Рисунок: Обри Бердслей

стихи

Марианна Грубер

1. Я БОЛТАЮСЬ

Я болта-
Ты болта-
Мы болтаемся
Рыбки на крючке
Спиной к спине
(глаза отвернув)
Я гляжу на восток
Ты смотришь на запад
Кто разбирает
Наши сплетенные
Руки.
Пятки потверже прижми
Спиною к спине
Я чувствую ты чувствуешь
мою лопатку
кожей своей
и локтями
Как это впилося
В гортань
Позже
Они скажут:
Вот гордецы
Вот упрямцы
Борцы
Но я скажу
Ты скажешь
Потому что веревка
Горло стянула

Марианна Грубер
австрийская писательница,
Произведения Грубер переведены
на множество европейских
языков, в том числе, на русский,
её общественная деятельность
в качестве Председателя
Венского Литературного
Общества сыграла важную роль
в сближении и интеграции
русской и австрийской культур.

Перевод с немецкого Владимира Колязина

Как спрут.
 О немота.
 Позже скажут
 Они
 Да если бы мы их и
 К столбу
 Привязали
 Ни слова они б не сказали.
 Но я говорю
 Ты говоришь
 Потому что рыболовный крючок
 В глотке застрял
 И язык
 Наш совсем
 Придушил.

(1972)

2. МЫ ЖИВЕМ

Мы живем в сети
 Электронные рыбки
 В море
 Бесконечного прогресса,
 Без конца ширящегося пространства.
 В сети барахтаются чувства и смыслы
 Словно на берегу
 Задохнувшаяся макрель
 Где же ты?

Ты говоришь,
 Рядом якобы море
 И ты на берегу сидишь ...

И что ты обо мне мечтаешь.
 (2007)

3. МАТЬ

Мой фиолетовый,
 Чернотой томящий вечер
 Тихо зовет тебя.

И порой я слышу тебя.
 Ты идешь по комнате,
 По следу
 За следами
 Что были когда-то твоими,
 Проверяешь как стоит торшер
 И апельсиновую корку
 Кладешь на язык.

4. МОЕ ДЕТСТВО

Как детство я свое хотела
 Соединить с твоим в одну цепочку жизнь,
 Но такого никогда она не знала.
 Песен, фей,
 Папоротником заросших лесов,
 Без подвала, без дня, в который
 волшебная палочка
 В руках героя замерла
 И ночей, лишенных страха.
 Корову, что нашу жизнь спасла
 Когда летели над селом гранаты,
 Ты знать не должен.

Да, это было детство
 Ненастоящее было оно, ты говоришь,
 В декабре, в мае, прошлого года.
 С обращенными в прошлое плечами
 здесь мы стоим.
 Нам говорят,
 Оно пришло к нам из будущего,
 Чтобы домой вернуть нас, в смерть.

(1998)

5. ПОСВЯЩЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИЦЕ АСЕ ДЖЕБАР

Пространство меж языками двумя
 Далече от ядра, что пламенеет
 Там, где сухоей живет
 И мысли к лучу света

Протягивают руки,
 Он вечно где-нибудь,
 Но не меж нами
 Свой фокус выбирает.
 (1995)

6. СМЕРТЬ ЭЛЕКТРЫ

Я собирала камни
 В поющие кувшины,
 Увявшие листья вплетала
 В твои опавшие волосы.
 Я: разодранная между ступицей и спицей
 Словно колючка словно капанье слов
 Из повисшей руки.
 Судьба моя траур
 В двуколке надежды,
 Судьба моя распятой быть
 Как дверь на ветру,
 судьба моя пыль
 От паденья созвездий.
 Судьба моя слезы —
 Но еще: моя смерть.

(1969)

7. АНГЕЛЫ

Они приходят ночью Распределяют
 Мечты,
 Те что хранят
 Бессонными глазами.
 Вздыхают и будят сонь
 — сам восход и свет
 От гибели спасая
 Поутру угасают
 Хитонов краски,
 Что в них они парят
 И с неба сходят
 Мой ангел сходит
 При свете дня.

(2005)

8. КОГДА НА НЕБО Я ГЛЯЖУ

Когда на небо я гляжу,
 Заборов кучу вижу между мной и им,
 И гору облаков,
 Что солнце закрывает мне от глаз,
 Ты говоришь:
 Смотри, светлеет же, светлеет,
 В то время как здесь в моей норе
 Ночь за ночью растет все шире шире
 Какая-то гнойная рана.
 Как домик наш красив,
 Ты говоришь,
 Но ничего такого я не вижу,
 Я живу не в тех стенах, что ты
 Ночь мой кров
 И все, что чувствую я,
 Плоть от плоти ее.
 Гнездышко она свила,
 Когда не знаю.
 Однажды утром осталась навсегда,
 И гостьей стала и вширь растеклась.
 Теперь я гостья в ней.
 И лишь один, последний шаг
 Еще чего-то ведает о свете.

(2005)

Из цикла стихов о войне

9. И ПОТРЕБУЮТ СНОВА

И потребуют снова
 Что вынести неспособен никто
 Сначала война
 А потом расплата
 ... сын не вернется домой,
 Отец в могилу ляжет,
 Сестра окажется бесплодной
 После удара кулака,
 С распоротым животом
 Сгниет на солнце брат.

Сед волос сед
Блеклый как будущее наше.
Не плачет больше мать.
Лежит в саду на травке мячик,
Противотанковая мина рядом.
Месть! мина прошипела.
Взлетит на воздух тот, кто меня коснется.
(1990/91)

**10.
ОНИ БАРАБАНЯТ СНОВА**

Они барабанят снова
В подвалах своих,
Сомкнуты губы люты глаза
Тех что живот дыхания
Лишают.
Завтра они придут
В дом к тебе
Почта принесет старый счет
И поздно будет тебе думать о том
Как оплатить.
(2000)

11.

Корова, что жизнь нам спасла,
Когда над селом сноп гранат пролетел, -
Землянка, которую выкопала мать, -
И перебежки от двери к двери,
И поиск приюта со страху –
Все это было не так уж давно
И все же это было.
Теперь за братскими могилами они
снова в погоне.
Год спустя
Чуть позже быть может
Там лягут другие,
Погоню снова начнут другие.
Война за войной
И нет ей конца.
(1991/92)

**12.
КУКОЛКА (на диалекте)**

Вконец меня умотала,
Ей-богу, кукла,
Умаяли меня твои уроки.
Мне показала ты
Как соль вкусна,
как жжет,
Коль по щекам слеза
Стекает прямо в рот,
В тот миг, когда
глотать ты собрался.
Кто как не ты
мне показала,
Что такое слезы.
И ты права,
Коль на себя я погляжу,
Коль посужу,
– а что стряслось,
Ты никому не причинила зла.
Прихорошилась
И скрылась за углом...
Ну и вали себе,
Чтоб больше не видела я тебя,
И не оглядывайся,
Потому что твои глаза
Я больше видеть не хочу
Я не могу
Не должен...
В твоё лицо я не хочу смотреть
Что было когда-то,
Тебе просто так не разрушить...
Пошла ты вон, чистюля, с глаз долой,
Исчезни, ну кукла,
Кууууколка моя!

**13.
СВОБОДА 1968**

1.
Сопротивленье птиц.
Под призьреньем сокола
На каменистом склоне

Городские партизаны булыжников гром.
Со вчерашнего дня солнце кружит
Над полем тенистым
И собирает
Ласточек
Поздние стаи
Наказаны уши как
Первое предупрежденье.
Надежда порабощенных безродна.

Генеральная забастовка молчанья.
Бесшумно
Удирает,
Пригибается
Лес,
Проступают очертания гор.
Мы обращаемся в бегство
– оно избегает нас –
И улыбаемся, и смеемся
Нижним уголком рта.
А дважды оглохшие уши
Покоя не знают со времени вечных
ночей.

Порабощенные вновь берутся за цепи,
Восстание птиц
Касается лишь
Притихшей луны.

2.
Ребенок мой пискнул
Каракатицы
высунули головы из гнезд,
Гнездо, гнёзда загнездить,
Головы к гнездам простерты,
Ребенок мой пискнул.
Вчера был день
золоченных лампионов
Мы вольных каракатиц
Повесили сушиться
А птиц отправили учиться плавать
У-у Трах Трах
Трах!
Нас оккупировали пионеры дают нашим
улицам новые имена

Протесты стихли,
Детские клубы устраивают пышные
приемы
По красному ковру катится самолет
Катится прикатился окрыленно,
Руль роллер благородного металла
Но не: укатанный
Вечно это: кататься
Покататься на танках
Пискливое дитя довольно было.

**3.
Время каркать**

Пустое небо.
С крыши черное крыло
Стучит по сердцу солнца
Бегство стучит о камень
Темных лап
Поднимает рывком
бьет в барабан
красный туман
застывший туман
клубок
за клубком клубится
к родине по имени нигде

Бездыханность.
И не молчит
Жрет крики
Из тысячи ушей
И оглушает их насмерть.

Улицы уж больше не шумят
Будто улья
Закоченели мертвые сосуды

На черном солнце
Преломляется городища Тюрьма
В сплошной час карканья.
1968

© Текст: Марианна Грубер
© Перевод: Владимир Колязин

© Фото: Григорий Яроцкий

Эльмау

рассказ

Александр Иличевский

писатель, лауреат премии «Большая книга»

Оказавшись в незнакомом городе, открывал местные полицейские сводки, среди которых выискивал упоминание площади, парка или сквера, где когда-то были взяты с поличным барыги. Прямиком туда и направлялся при первой возможности.

Вот почему в Лейпциге, в котором оказался в сумерках накануне, его уже успели удивить три места. Томаскирхе, где Бах, пятый евангелист, каждую неделю выдавал в космос по кантате. Мемориал сожженной в 1938-м синагоги, на фундаменте которой под открытым небом теперь стояла сотня бронзовых стульев. И, конечно, вокзал, куда они примчались на скоростном с Михаэлем: гигантский ампирный портал подъездных путей, настолько огромный, что казалось, будто он помещался не столько в пространстве, сколько в воображении.

В Лейпциг писатель и переводчик приехали из Вены. А до того он прилетел в Мюнхен, от туда вместе в Берлин, дальше были Зальцбург, Дрезден... И впереди маячил Инсбрук. Оттуда его напоследок должны были забросить в Шлосс-Эльмау, замок-отель со спа среди снегов и лыжной вокруг замерзшего горного озера.

Три дня в Эльмау — это было интересно, это он предвкушал. Замок основали поклонницы баварского короля Людвига, утонувшего в озере покровителя искусств. Хижина короля располагалась выше в горах, в ней монарх, оставив внизу свиту, любил в уединении покуривать опиум, глядя в заснеженную горную пропасть, куда погружалось солнце.

А еще в Эльмау должна была прибыть из Гамбурга русоволосая красавица с нефритовыми зрачками, с которой он познакомился год назад на своем вечере. Тогда они на следующий день рванули на Северное море, на границу с Данией. Там беспрестанно дул ветер, зашвыривавший слова обратно в рот, и на безлюдных пляжах стояли плетеные купальные будки, в которых они целовались, поглядывая на морскую пустыню, на растертую нордом стальную зыбь. Цело-

вались молча, потому что и так все было ясно. С тех пор они состояли в переписке. Но он ничего не узнал о ней, кроме того, что она — медсестра в хосписе.

В Инсбрук писатель должен был вылететь уже без переводчика. На встречи в промо-туре с каждым разом приходило все больше людей. Михаэль перешептывался с организаторами, сообщавшими, сколько было продано билетов. В Вене читатели уже просто ломались. Михаэль про-бормотал на ухо: «Сто сорок». Не избалованный и двадцатью слушателями, писатель кивнул.

Проснувшись в Лейпциге и заглянув в гугл-карты, он уже через десять минут знал, что в трехстах метрах от отеля в сквере у Музея искусств может разжиться тем, что нужно. Вскоре, преодолев небольшой парк и площадь, он протянул мальчишке-сирийцу свои пятьдесят евро.

Разговевшись из кулака тут же в сквере, на ветру, жадно вытягивавшем вместе с ним джойнт, он зашел в привокзальный «Макдональдс». Там он встретил этого же замерзшего, с синими губами, пацана, впившегося в гамбургер. Они переглянулись. Набывчившийся мальчишка с хлопком вытянул остатки кока-колы, а он поторопился подойти к кассе для заказа.

На следующий день, выйдя из такси, он обнялся с Михаэлем, через мгновение зашагавшим к дальнему терминалу, и переложил из кармана на край урны оставшийся кусочек, завернутый в папиросную бумажку: вдруг не пропадет и кому-то пригодится.

В Инсбруке его встречал в аэропорту придворный водитель, а в лобби замка уже ждали. Он сразу увидел ее — такую долгую, нога на ногу, отвесно сидевшую на оттоманке над чашкой кофе.

Дальше они почти бежали по сводчатым замковым коридорам, умудряясь на лету целоваться. Дальше были два дня прогулок в горах и две ночи, в течение которых они говорили только о том, что вокруг и сейчас, ни слова о прошлом, ни слова о будущем. Это был их молчаливый уговор. Лишь однажды она обмолвилась о себе. Встала покурить у открытого окна в пол, переминаясь

на захрустевшей ледком лужице, набежавшей днем с карниза, посмотрела на освещенные луной лесистые склоны... и засмеялась.

Он подошел к ней.

«Ничего особенного. Просто вспомнила... Просто вспомнила. Мне было тринадцать, когда мы эмигрировали в Германию. Мать скоро вышла замуж за немца. Он был добрым пьяницей. Все время дул пиво и, когда напивался, орал на нас, что мы ни черта не понимаем по-немецки».

Утром они прошли в последний раз вокруг озера. Снежный накат поскрипывал под подошвами. Проезжали навстречу сани, запряженные заиндевевшей лошадкой, подрагивавшей бубенцами. Лес, засыпанный ночным снегопадом, поднимался и высился по склонам причудливыми, как в оперных декорациях, фигурами... Все было залито светом, перемежаемым набегающими ключьями облаков.

Возвращаясь из аэропорта, снова запрещал себе думать. Была ли когда-либо замужем? Есть ли дети? Или у нее счастливая семья? Эти знания были лишними.

Вечером, после выступления, он отправился в сауну. В отеле этом имелось установление, они прочитали о нем в брошюре, лежавшей на прикроватной тумбочке: «No eyes' contact, please». Да, никто из постояльцев не посмел за все время посмотреть ему в глаза.

Сначала он зашел в хаммам, пропал в мраморной пещере в клубах пара, как пропадали утром в облаках горные вершины, когда они гуляли вокруг озера. Затем в сауне столкнулся с целой компанией. Один из, рослый, атлетически поджарый парень, породистый, как почти все постояльцы, о которых он уже успел подумать: «Аристократы», — то и дело косился на него. Это показалось забавным, и он нырнул в бассейн, выплыл в канал, шедший кругом сауны под открытым небом, чтобы перевернуться на спину, всматриваясь в близкие горные звезды.

Когда вернулся, когда вышел в предбанник, где компания разместилась в креслах, о чем-то оживленно говоря, давешний парень вдруг порывисто подошел к нему. «Скажите, — спросил он, указывая на шестиконечную звезду на цепочке на его груди, — из какой вы страны?». «Из Израиля». «Мне не нравится, что вы из Израиля. Я думал, в Шлосс-Эльмау никогда не будет человека из Израиля».

Писатель ничего не ответил. Он вернулся в сауну и сидел в ней до тех пор, пока ему не захотелось снова нырнуть, снова выплыть под звезды. Он так и сделал, а потом вышел в раздевалку, где никого уже не было.

Перед тем как уснуть, он стоял у открытого окна, курил и допивал Lafroaig, ополовиненный с ней накануне. Под ногами хрустывал лёд, а над головой призрачно белели горные склоны, на которые когда-то посматривал знаменитый король.

© Текст: Александр Иличевский

стихи и эссе

Клаус Мерц (Klaus Merz)

швейцарский поэт, прозаик, драматург,
лауреат многих литературных премий

Перевод с немецкого Владимира Колязина

НАТЮРМОРТ

За спиной капитана той яхты восседает
Смерть в Венеции. Он тычет
Вилкой в тарелку с плодами
Пучины морской Тык-тык

А еще добродушная публика
За столами. И тут же
Неразлучная тройка Трилистник
Мафии местной

На прилавке торчат готовые к бою
Пять толстых пальцев
Владельца.

ЭСПРЕССО

Шальное желанье
Стать орнаментом
На мягкой обивке
Углового рокайля кофейни

Крошки круассана сгрудились
В кучке у газетной стойки

Ломаю новейшую мировую
Историю через колено

И к миру (на века)
Всех призываю.

В ПОЕЗДЕ ВРЕМЕНИ

Достойное путешествие
Больше не гарантируется
Констатирует спутник

В огромном как дом вагоне
Летим мы сквозь время, с шептунами
В ушах, прилежно, согнувшись дугой

А за спиной потемкинских
Пассажиров разлетается
Вселенная вдребезги

ГЕРАКЛИТ

Мгновение все выглядело так
Как будто бы листья
на пустые кроны
Вернулись.

Но люди шли невозмутимо
Своею дорогой. Сегодня так рано
Стемнело, волосы знай себе растут.
Меж тем пописать бы тут.

В ГРИНЦИНГ

Попастся на удочку
Хойригера проще
Чем дома вино попивать. Весело
Множеству искушений
Мы предаемся: как
Лилии на поле широком.
Как у побережья песок.
И так вечно.

БОНСАЙ

Волна Хокуся
Копна поседевшая
У него надо лбом.
Несет он, стиснув в руках
Цветущую финиковую
Пальмочку мимо.

ГАРДЕРОБ

Увидел рубашку свою
Повисшей на крючке.
И совсем перестал
Бояться.

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Верные друзья, говорю я
Костяшкам своим

Глажу шкурку свою
Чествую чрево:

Обвить хочу я горячо
Ветвями древа своего

Ту, к которой так сильно
Сердце рвется.

ИЗ КРИПТОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Я хочу быть вашим издателем, заявил
весь одетый в черное человек и положил
молодой поэтессе руки на колено.
Кончиком перчатки она подняла его палец
выше и велела:

Пошел вон!
Прополощи свой носовой платок в
океане!

Трахни ведро!

Вскоре последовал ряд литературных
чтений по Соединенным Штатам:

Стихи в кампусе
Моя поза лотоса на выключенных
радиаторах
Конезавод эпигонов

Издатель принял участие в написании
стихов (читатели аплодировали, большей
частью в четыре руки). Так они вместе
создали собрание сочинений.

ЦИРК

Год клонится
К закату. Мы за предел
Пустого тысячелетия
Выходим

Еще чуть-чуть побалансируем
На краюшке его, направо поцелуй
Налево, пусть вольтижеры
Пóтом обольются

И лишь сейчас смекнем
(как нас *учил Г.Б.^{1*}*)
Что арена гораздо старше чем
Этот мир.

СВЕТ

Посвящается С.

Есть речи
Которые лечат

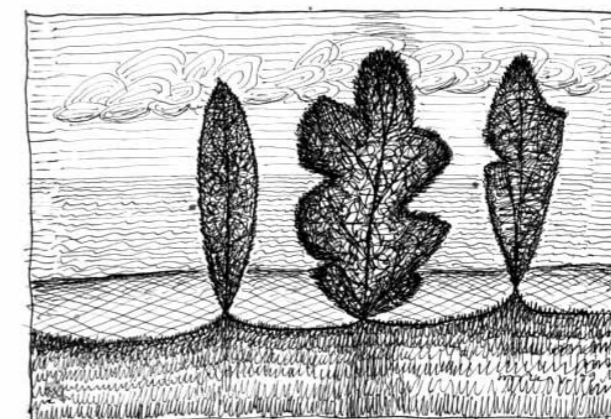
И дни
Что воздуха легче.

На свете есть голос
Его узнаю я еще до того

Как он окликнет меня
Далече

¹ Г.Б., *Герман Бургер* (1942–1989), известный швейцарский поэт и романист, друг Клауса Мерца

Из цикла «Память образов»

ЧТО ЗА РЕБЕНОК.

К картине Иеронима Босха
«Маленький Христос с ходунками»

«Мы видим не то, что мы видим. Мы видим то, что мы есть», прочел я несколько лет назад, кажется, у Пессоа. Когда я впервые натолкнулся на картину Иеронима Босха «Маленький Христос с ходунками», мне было приблизительно тридцать лет, совсем еще молодой человек и отец, приблизительно такого же возраста как сам художник, когда он начал работать над небольшой картиной. Я чуть ли не прошел мимо незаметного портретика, стоявшего на своего рода мольберте в боковой галерее Историко-художественного музея и повернутого ко мне передней стороной несения Иисусом креста с сопровождающим солдатом и чер-

ню. Для визита в Естественно-исторический музей на противоположной стороне парка в эту пору дня и года было уже поздно, поскольку здание в те годы еще не всегда было полностью электрифицировано. Но и в освещенные картинные залы художественного музея уже, как мне показалось, проникла ночь, сквозь которую это крохотный ребенок пробирался к моим глазам. Ему и Питеру Брейгелю я первым всегда отвечаю реверансы, как только приезжаю в Вену.

Итак, кем был я, тот, которого я тут увидел — ребенок? Ребенок, шествующий сквозь ночь, голышом, с ходунком в руках. Его левая рука направляет повозочку, держится за повозочку. Находящийся в опасности ребенок в возрасте собственного сына, собственной, чуть постарше дочери, которую я только что прижимал к сердцу, вполне обыкновенное человеческое дитя среди всех младенцев Христовых и трубящих ангелов в других залах. Да, это человек в пути, в образе ребенка, целых пять столетий, с серьезным видом и воодушевленный дорогой, которой он должен идти. Босиком. Такой уязвимый. И странно безо всякого испуга. С волшебным прутиком в руке, дабы играть и шаг за шагом шествовать в небо, обмахиваться словно веером, зажигать свет. А может быть, он может использовать посох как оружие, чтобы поразить дракона, ловить рыбу, разить дичь, врага. И его повозка — это его конь, его троянский конь, его многоколесный снаряд, бульдозер, кран. Его помощник для дома престарелых. А еще я прочел маленькую картину как медальон, который носят рядом с сердцем, видел ребенка с волоском на ветру, целым и невредимым, и выпорхнувшим из времени. Рассматривал, как драгоценную миниатюру и изображение Девы Марии, вделанное в согревающее багряное основание. Оно тревожит, несет печать холодной планетарной ночи, через которую пролегал путь мальчонки.

А еще меня очень удивило то, что этот босховский ребенок определенно избежал бездонного «Сада земных наслаждений» или опередил его, и что он явно игнорировал босховский «Корабль дураков»,

одним словом, мир, который со своими гротескными созданиями бесцельно качается на морских волнах. Команда этого судна состоит ведь из одних сумасшедших, они жрут, спорят, бражничают и поют, рядом находятся и представители духовного сана. Самые смелые из них пытаются взобраться на мачту, чтобы добраться до развешенных там кусков жаркого. Но ни один из них не пытается взобраться на верхушку мачты, где восседала бы мудрость в образе совы. Среди христианских аллегорий ночная птица должна также служить символом духовной слепоты, греховности и обольщения злом.

Так или иначе, в то время как в Италии эпохи Ренессанса грядет пир красоты дальнего мира и безграничного космоса, разума познающего себя человека, Иероним Босх на севере Альп с визионерской мощью проливает свет на мрачные и причудливые бездны по ту сторону жизнелюбивого гуманизма и комическую сторону нашего человеческого существования. И поскольку одной доброй веры давно уже недостаточно для объяснения мира, и сомнения в разуме рода человеческого не остаются необоснованными (уже и тогда), в аллегориях и видениях художника жестокая ирония занимает такое большое место.

Потому эта маленькая, тихая, нетипичная картина великого фантазера Босха кажется мне нежным омражением глубокой южной вере, я бы сказал, омражением счастливо удавшемуся возрождению человека изнутри самого себя. По человеческой мерке.

Принявшись в эти дни искать в «Книге непокоя» Пессоа точную цитату, я натолкнулся у него на совсем другую запись от 24 марта 1930 года: «Я велик так, как то, что я вижу».

КОЛЫХАЯСЬ В ЛЕСУ КАК НА ВОЛНАХ

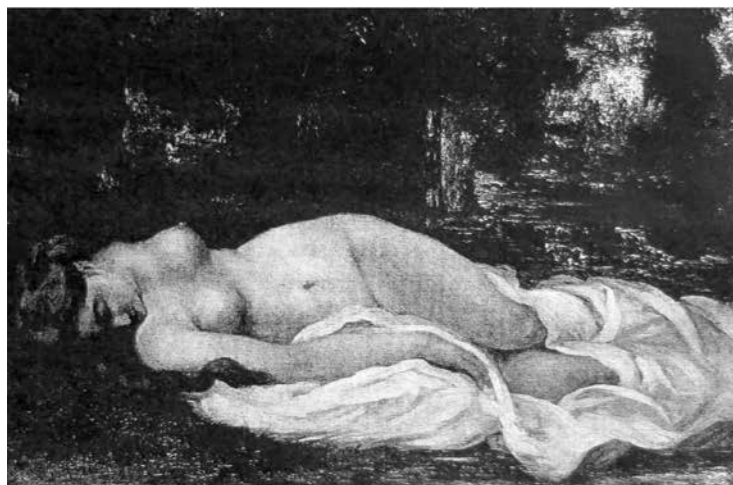
К картине Гюстава Курбе «Обнаженная спящая в лесу»

Сквозь плотную крышу листьев струится свет. Словно бы сквозь бор просыпались звездные галеры, рассыпаны по лесу остатки серебра и золота как знак смирения и богобоязненности. Этот неосязаемый «монетный дождь» принадлежит к роскоши прогулки, неспособной сравниться ни с каким походом на биржу. И мы чувствуем себя уже почти как в сказке, если бы здесь перед нами не лежало большое

ухоженное женское тело, словно нет ничего более само собой разумеющегося как лежать где угодно в лесу голой.

В противоположность пористости его окружения тело обладает чуть ли не свойствами мрамора, одновременно, оно излучает тепло и современную телесность. Во всяком случае, перед нами никакой не мертвец, эта красивая женщина просто спит. Молодая и несокрушимая, и голая. Контур ее тела, верхняя часть которого слегка повернута вперед по отношению к плоскости картины, описывает чувствен-

ную кривую в пространстве лесного воздуха, почти колышась. В то же время кажется, словно Густав Курбе свою модель всего лишь с небесного ложа вместе с зеленым занавесом, на котором он однажды уже изобразил спящую в той же позе, перенес в лес, где она сейчас лежит перед нами и продолжает спать — с 1866 года.

Конечно, от такого ведь с охотой не откажешься. И все же прошедшая огонь и воду поклонница искусства, любой добросовестный

созерцатель искусства и прохожий должны сначала по-настоящему представить себе невыразимый страх, смущение, лихорадочное вспоминание номера скорой помощи и срочное желание бегства от такого срама. Порывы, с достаточной уверенностью предшествующие в похожих ситуациях необычному восторгу или даже сексуальному возбуждению. Ибо в как мы бы, беспорочные, повели себя, окажись вдруг эта обнаженная женщина у наших ног? Нет, не Венера, не Офелия и не Психея, не какая-то сошедшая с небес богиня, а вполне настоящая женщина. В связи с этим непроизвольно вспоминаешь комичное высказывание Курбе, согласно которому он, реалист до мозга костей, никогда в жизни не рисовал ангела, поскольку он никогда не видел его в лицо. Тем лучше, стало быть, что остается белое покрывало, на которое он уложил нашу женщину, несколько подтянув его вверх к роскошным бедрам. И, быть может, теперь-то настало время воскурить фимиам доброму старому искусству, позволяющему человеку пережить, выстрадать и испытать так много в таком малом пространстве.

Картина Густава Курбе имеет размер 46,5 x 61 см, за ее вариантом заглавия «Спящая нимфа» прячется официальное название «Обнаженная спящая в лесу», нежно поощряющее тем самым ее наготу. Художник, как это он часто делает в своих поздних ню, позволяет своей модели вздремнуть. Себе же — как и нам, зрителям и зрительницам — тем самым он гарантирует как бы между прочим спасительное отсутствие многозначительного или слишком понятного взгляда.

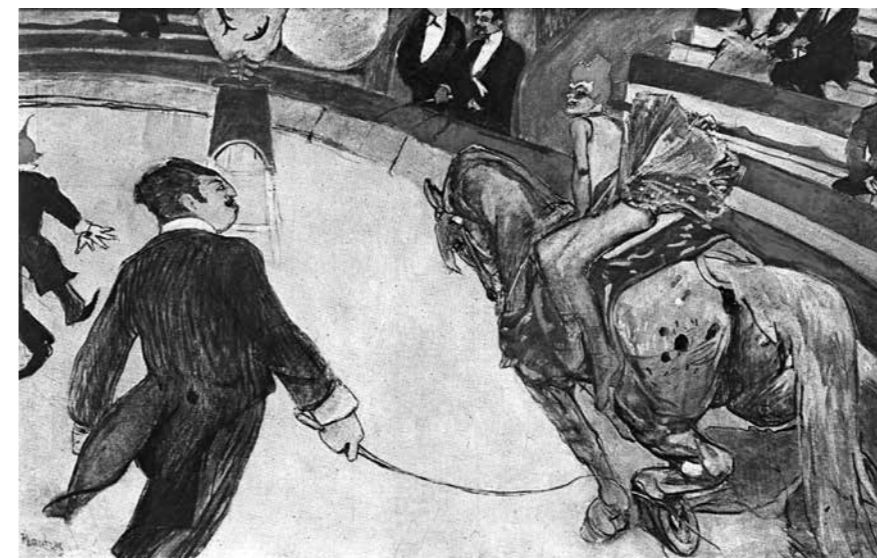
В то время как студия женской натуры «Венера и Психея» Курбе была отвергнута жюри салона еще в 1864 году как «непристойная», впоследствии художник приобрел славу мастера женского ню. Как признанный мастер картин, где море и волны, которые мне часто напоминают его «колышущиеся» женские ню, Курбе извлек огромную выгоду от конъюнктуры своей эротической живописи, написав для рынка большое количество портретов лежащих моделей, среди них знаменитую картину «Женщина с попугаем», которая сегодня висит в Нью-Йорке. Однако, в то время как опытный мастер позволял своим грациозным моделям «поспать» во время работы, сам он со всей своей сноровкой никогда не терял живого и неподкупного взгляда на своих визави, даже в случае с нашими спящими «В гамаке».

С КАФКОЙ В ПАРИЖЕ

К «Наезднице в Цирке Фернандо»

Анри Тулуз-Лотрека

Если бы какую-нибудь хилую, чахоточную наездницу на кляче месяцами без перерыва гонял бичом перед неумолимой публикой по кругу манежа безжалостный хозяин, то это, несомненно, было бы началом микрорассказа Франца Кафки «На галерке». И наездница должна бы теперь, посылая воздушные поцелуи, покачивая корпусом, скакать галопом под шатром. И если бы эта игра под непрерывный гул оркестра и вентиляторов так и продолжалась в открывающемся все дальше туманном будущем под замирающее и вновь нарастающее хлопанье ладоней, которые на самом-то деле совсем не ладони, а паровые молоты, это все еще был бы Франц Кафка; измученной наезднице можно было

бы еще помочь, если бы, может быть, какой-нибудь молодой галерочный зритель, как полагает автор в своем рассказе, метнулся бы вниз по длинной лестнице через все ярусы, ринулся на манеж, крикнул бы «Стойте!» сквозь фанфары всегда подлаживающегося оркестра¹. Но тогда все это еще не было бы всей историей до конца.

¹ Мерц буквально цитирует здесь и далее фрагменты микрорассказа Франца Кафки, обыгрывая его по-своему (фрагменты даются в переводе С. Апта). Если бы какую-нибудь хилую, чахоточную наездницу на кляче месяцами без перерыва гонял бичом перед неумолимой публикой по кругу манежа безжалостный хозяин, заставляя ее вертеться на лошади, посылая воздушные поцелуи, покачивать корпусом, и если бы эта игра под непрерывный гул оркестра и вентиляторов так и продолжалась в открывающемся все дальше туманном будущем под замирающее и вновь нарастающее хлопанье ладоней, которые на самом-то деле совсем не ладони, а паровые молоты, — тогда, может быть, какой-нибудь молодой галерочный зритель метнулся бы вниз по длинной лестнице через все ярусы, ринулся на манеж, крикнул бы «Стойте!» сквозь фанфары всегда подлаживающегося оркестра.

Но поскольку это не так, а красивая дама, белая и румяная, влетает сквозь занавес, который распаивают перед ней гордые униформисты, а директор, преданно ища ее взгляда, так и льнет к ней покорным животным, заботливо подсаживая ее на сивога в яблоках, словно она — его любимица внучка, отправляющаяся в опасное путешествие; никак не может решиться дать знак бичом; наконец, преодолевая себя, щелкает им, бежит с открытым ртом рядом с лошадей, следит в оба за прыжками наездницы, не может надивиться ее мастерству, пытается предостеречь ее английскими возгласами, яростно призывает держащих обручи конюхов быть предельно внимательными; перед большим салто-мортале закидывает, вздев руки, умолкнуть оркестр; наконец снимает малышку с дрожащей лошади, целует в обе щеки и не может удовлетвориться никакими овациями публики, а сама наездница, поддерживаемая им, вытянувшись на цыпочках, в клубах пыли, с распростертыми руками, с запрокинутой головкой, хочет разделить свое счастье со всем цирком, — поскольку это так, галерочный зритель кладет лицо на барьер и, утопая в заключительном марше, как в тяжелом сне, плачет, сам не зная того. (Пер. С. Апта)

И был бы не «весь» Кафка, который насмерть испуганной убегающей мышке как нарочно на другой стороне подсовывает преследующую ее кошку, только затем, чтобы изменить направление бега.

Но мы имеем здесь дело с наездницей в парижском цирке Фернандо: запечатленная маслом Анри Тулуз-Лотреком, гонимая бичом вдоль манежа лютым дрессировщиком, который владеет сценой и задает ей тон своим бычьим диктатом — и который, как художник и остальной персонал, само собой разумеется, давно мертв. На картине, которая сегодня висит в Чикаго, длинный нервный шнурок плетки своим перекрученным ворсистым концом все время опасно покусывает в пах тяжелого, выдрессированного коня. Голые ноги наездницы вовсе не выглядят натренированными от быстрой езды, это выдают нам поза и взгляд молодой женщины. Дрессировщик, бич, лошадь, пачка наездницы и шатающийся клоун на левом краю картины — в движении, напротив, словно статуи стоически застыли униформисты у входа на манеж. И немногочисленная публика в прочном, красно-белом полукружии манежа молчит.

С удовольствием представляю я себе, рассматривая картину, как за спиной белого горбатого клоуна, по всей вероятности, притворяющегося эквилибристом, сидит мальчик, зовут его Франц. Для пятилетнего ребенка это первый поход в цирк, который он не забудет на протяжении всей своей жизни. Мы пишем 1888-ой год, когда молодой Тулуз-Лотрек рисует маленького зрителя, приехавшего из далекой Праги, потом, однако, снова спрячет его за белой, не поддающейся определению, ареной, поскольку лихорадочно возбужденный мальчик на верхнем краю картины мог бы слишком сильно смягчить представленную глазам зрителя безжалостность.

Но вполне можно предположить, что Кафка никогда в своей жизни не был в Париже, не говоря уже о том, что ходил в цирк, но написал «На галерке» на основании ранней репродукции «Наездницы» Лотрека. То есть не благодаря посещению цирка, а благодаря яркому живописному символу Анри Лотрека, который Кафка во второй половине своего рассказа истолковывает совершенно по-другому и тем самым, как это присуще «полезному» искусству, значительно расширяет взгляд на наш собственный манеж и мир.

И поскольку (в действительности) это так, писатель фиксирует свое внимание на том, что директор преданно ищет взгляда наездницы, так и льнет к ней покорным животным, заботливо подсаживая ее на сивого в яблоках, словно она — его любимица внучка, отправляющаяся в опасное путешествие, бежит с открытым ртом рядом с лошадью, яростно призывает держащих обручи конюхов быть предельно внимательными, наконец снимает малышку с дрожащей лошади, целует в обе щеки и не может удовлетвориться никакими овациями публики, — поскольку так и есть, говорит Кафка, то галерочный зритель кладет лицо на барьер и, утопая в заключительном марше, как в тяжелом сне, плачет, сам не зная того.

Или же он теперь, так сказать, как сомнамбула, вспоминает рассказ Роберта Вальзера «Овация», о котором известно, что Франц Кафка знал его и своим собственным рассказом «На галерее» выразил преклонение перед старшим коллегой, которому, кто знает, «Наездница» французского художника тоже была известна и высоко им ценима. Так что нам, галерочным зрителям, читательницам и поклонникам Франца Кафки, Роберта Вальзера и Анри Тулуз-Лотрека, теперь становится значительно легче на сердце из-за столь деликатного переплетения и прекрасных мыслей, что мы, если все пойдет на лад, по меньшей мере в области искусства окажемся способны чему-то научиться друг у друга — и положить друг на друга.

© Текст: Клаус Мерц
© Перевод: Владимир Колязин

к 1600-летию юбилею Венеции

Рашковский Евгений Борисович, советский и российский востоковед, религиовед, переводчик, историк науки и образования, русской философской мысли, доктор исторических наук.

Лев Лосев

***

*Где воздух «розоват от черепицы»,
где львы крылаты, между тем как птицы
предпочитают по брусчатке пьяницы,
как немцы или японцы, выступать;
где кошки могут плавать, стены плакать,
где солнце, золота с утра наляпать
успев и окунув в лагуну локоть
луча, решает, что пора купать, —
ты там застрял, остался, растворился,
перед кофейней в кресле развалился
и затянулся, замер, раздвоился,
уплыл колечком дыма, и — вообще
поди поймай, когда ты там повсюду —
то звонко тронешь чайную посуду
церквей, то ветром пробежишь по саду,
невозвращенец, человек в плаще,
зека в побеге, выход в зазеркалье
нашел — пускай хватаются за колья, —
исчез на перекрестке параллелей,
не оставляя на воде следа,
там обернулся ты буксиром утлым,
туч перламутром над каналом мутным,
кофейным запахом воскресным утром,
где воскресенье завтра и всегда.*

*Стихотворение
к 1600-летию юбилею Венеции*

SERENISSIMA¹

*Что только в жизни не случится? —
На острова, в сырой туман
бежали в страхе италийцы
от лангобардов и славян.*

*Какие муки не напрасны?
Какие надобны пути,
чтобы Республикою Ясной
среди Вселенной процвести?..*

*... Со всех широт большого света
к подножью Маркова столна
на тархтящем “vaporetto”²
спешит народная толпа.*

*Мы просто странники да гости
вчерашним варварам под стать.
Но варварскую спесь — отбросьте,
коль остается пожелать,*

*чтоб солнце вечное сияло,
чтоб волочился легкий дым
по малахитовым каналам
под южным небом голубым.*

1996

¹ Serenissima Repubblica — Светлейшая Республика — официальное наименование донаполеоновской Венеции.

² Буквально — «пароходик». Основной внутригородской общественный транспорт в Венеции.

Акеарель: Катя Марголис

**“Сцены
с места
казни”
или
«казнить нельзя ...
помиловать»**

Пьеса в 20 сценах
(1984 г.)

Перевод с английского Александра
Сергиевского

Фото с выставки BODY WORLDS. Игорь Пронин

От переводчика

ГОВАРД БАРКЕР — ведущий британский драматург, автор десятков театральных, телевизионных и радиопьес. Создатель «театра катастроф», как ещё в 70-ых годах XX века окрестила его драматургию современная критика.

Отличительная черта пьес Баркера — обилие насилия, в них специально педалируется исчерпанность привычных форм социально-культурного бытия, зачастую — подчёркнутая публицистичность. Действие строится на контрастах, коллизии подчёркнуто драматичны. Вместе с тем драматургу не чужды и характерные для британского театра традиции социально-психологической драмы и комедии, в которых царствует гротеск, шарж, карикатура. Имеются у него и пьесы на исторические темы, в том числе и соотнесенные с современностью. В таких драмах (а точнее трагикомедиях) ставится проблема выбора в условиях исторического и политического насилия. В них Баркер делает заявку на обновление жанра исторической драмы, характерной формой которого становится у него своего рода политический балаган, своего рода «действие» ряженных...

«Сцены с места казни» — одна из самых известных пьес Говарда Баркера. И наиболее «доступная», — как окрестила её британская критика в 2012 году, отозвавшись на очередную её постановку (в лондонском National Theatre). Сам же автор как-то заметил, что она «очень легко нравится зрителям». По иронии судьбы, к тому времени Баркер уже далеко отошёл как от социальной тематики, так и от психологической достоверности в изображении персонажей (а именно эти два качества составляют характерные особенности «Сцен», опубликованных в 1990 году), достаточно ощутило шагнув с тех пор в сторону классического абсурдизма. Образцом для него стала греческая трагедия (отсюда и мнение, впервые высказанное им ещё в конце прошлого века, в книге «Arguments for a Theatre», о том, что именно этот жанр драматургии есть высшее достижение театра, поскольку только трагедия, как он выразился, «освобождает язык»).

Вместе с тем Баркер не отказался от приверженности одному из давних базовых принципов своей эстетики: «Я пишу, как говорится, с чистого листа, не зная заранее, что именно я хочу тем самым сказать публике. И мне безразлично, будет она слушать меня или нет».

В итоге, перед нами пьеса для театра, который «не воспроизводит реальную жизнь и не руководствуется никакой идеологией». Хотя, замечу в скобках, это звучит большим преувеличением в приложении к данному тексту — в нём вполне отчётливо воплощены принципы, свойственные ранней эстетике драматурга: в том числе, главенствует проблема взаимодействия художника и власти, а характеры персонажей (вплоть до второстепенных) выписаны с завидным мастерством.

Александр Сергиевский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Галактия, художница
 Карпета, художник
 Урджентино, Дож Венеции
 Суфичи, адмирал
 Ривера, арт-критик
 Остенсбиле, кардинал
 Продо, ветеран
 Альбом для эскизов
 (в роли «ведущего»)
 Супорта, дочь Галактии
 Дементия, дочь Галактии
 Сордо, художник

Пастачо, прокурор
 Чиновник
 (сотрудник администрации)
 Заключение
 (в соседней камере)
 Тюремщик
 Лазанья, художник
 Первый матрос
 Второй матрос
 Третий матрос
 Рабочие
 Один из присутствующих
 (на отпевании в церкви).

Место действия — Венеция

сцена первая

(Мастерская Галактии. Ей позирует обнаженный Карпета).

Альбом. Альбом, лежащий на коленях венецианской художницы Галактии, дает представление как об её искусстве в целом, так и о частностях, которым ей приходится уделять особое внимание. Вот, к примеру, листы с зарисовками парусов красными мелками вперемешку с набросками одного и того же обнаженного мужского тела... Там на полях, где она практикуется в изображении предметов, связанных с морским делом, запечатлены его руки, ноги, глаза — всё это следы навязчивой мысли, сопутствующей формальному освоению технических деталей сюжета в заказанной картине.

Галактия. Тела мертвецов качаются на воде жопами кверху. Они ненавидят живых, вот и повернулись к ним вверх дном — пусть любуются их ягодицами. На мой взгляд, в этом виновата власть. Их глаза вглядываются в толщу воды — туда, где скоро будут покоиться их тела. Когда сражение закончилось, поверхность воды покрылась множеством мужских задниц, они с укором покачиваются на волнах среди обломков — стаи задниц на закате дня... Вот тебе и весь смысл картины, без всяких слов. Седалище, ведь оно тоже с характером. Твое, например, свидетельствует о доброте и бесхарактерности.

Карпета. Я уйду от жены, обещаю...

Галактия. Нет, ты не бросишь её никогда. Я поняла это сразу, как только начала делать эскиз.

И кто мой самый надёжный свидетель? Твоя уютная задница. Она не сдвинется с места...

Карпета. Послушай, Галактия, меня это бесит.

Галактия. Даже так?!

Карпета. Да, меня это бесит, и...

Галактия. Ну, это жалкое и ущербное чувство. Даже не чувство, а просто реакция задетого самолюбия. Не стоит так возмущаться, лучше ненавидеть. Не двигайся!

Карпета. Ты противная, эгоистичная баба. Хуже всех, с кем меня угораздило спутаться. Высокомерная, тщеславная, да и не такая уж красивая, кстати.

Галактия. Опять ты дёргаешься...

Карпета. А мне без разницы! Мне до этого дела нет! У меня...

Галактия. Ты испортишь мне набросок...

Карпета. У меня тоже есть чувство собственного достоинства, не меньше, чем у тебя, и я не собираюсь лежать здесь и слушать, как ты мешаешь меня с дерьмом. Ты выжала меня, как лимон. Я устал от тебя, а моя работа...

Галактия. Интересно, какая работа?

Карпета. Да, я перестал работать.

Галактия. Послушай, ты сам отлично знаешь, что только выиграл, забросив свою работу. Потому что влюбился в меня. Ты восемь раз написал своего «Христа на цветущем лугу»! Отвлекись уже, пусть народ поостынет.

Карпета. Ты меня презираешь!

Галактия. Возможно. А теперь поцелуй меня, я теряю голову от твоих поцелуев.

Карпета. А вот и не поцелую.

Галактия (обнимает его). Ну пожалуйста, твои губы сводят меня с ума.

Карпета. Не буду. Ты же меня презираешь. Как ты можешь меня любить?

Галактия. Сама не знаю, но в этом что-то есть.

Карпета. Где мои панталоны?

Галактия. Карпета, я тебя обожаю!

Карпета. Всё равно я лучше рисую, чем ты.

Галактия. Да...

Карпета. И не спорь со мной.

Галактия. Я согласна. Ты что, не слышал?

Карпета. А «Христа на цветущем лугу» я нарисовал восемь раз не потому, что не способен ни на что другое, а потому что во мне живет страсть к совершенству. Я хочу, чтобы мой «Христос» был лучшим в Италии! Вот моя цель, но такому цинику, как ты, этого не понять...

Галактия. Нет...

Карпета. Потому что ты тщеславна и беспринципна...

Галактия. Ясное дело...

Карпета. Ты никогда не возьмешься за благородный сюжет, потому что, как все женщины, руководствуешься самыми примитивными чувствами и к тому же хватаешь без разбора все эти дорожные заказы, которые распределяет правительство, потому что ты...

Галактия. Что я?

Карпета. Потому что ты...

Галактия. Ну, что?

Карпета. Лезешь во все дыры.

Галактия. Я лезу?

Карпета. Ладно, давай не будем оскорблять друг друга.

Галактия. А может, я просто верю в себя.

Карпета. Ты переходишь «на личности».

Галактия. Нет, это ты...

Карпета. Хватит! Я не хочу спорить с тобой... и я устал.

Галактия. Тогда пошел вон отсюда! Убирайся из моей мастерской...

Карпета. Вот и договорились, старушка Галактия.

Галактия. Ну, и лицемер! От твоего лицемерия меня с души воротит! Испортил мне настроение... Иди отсюда...

Карпета. Как только я получу обратно свои панталоны...

Галактия. Обойдешься. Убирайся.

(Входит Продо).

Продо. Сеньора Галактия?

Карпета. Отдай мои...

Галактия. Нет! Попроси жену, пусть она сошьет тебе новые... Так и вижу, как она, стоя на коленях, делает стежок за стежком, стежок за стежком и белыми зубками откусывает нитку...

Карпета. Так не может дальше продолжаться...

Галактия *(не слушая его, рисует воображаемую картину)*. Раз — вдевает нитку в иголку, два — откусывает нитку, раз — вдевает, два — откусывает...

Продо. Сеньора Галактия?

Галактия *(не замечая Продо)*. Ненавижу тебя! Ты отравляешь мне жизнь...

(Пауза. Хлопает дверь).

У меня голова кругом идет... Я ничего не соображаю, мысли наползают одна на другую, как льдины, когда их гонит тёплое течение... Остались лишь обрывки идей. Сорок лет я пытаюсь сложить их воедино... Я всегда выглядела старше своих лет, а из-за тебя мне запросто можно накинуть еще десяток... Но я не позволю себе расклеиться. Я должна взять себя в руки, должна. И возьму!.. А ты кто такой? Что тебе здесь надо?

Продо. Меня зовут Продо. Тот, у которого из головы торчит стрела от арбалета.

Галактия. Ах да.

Продо. Прийти в два вы сказали.

Галактия. Да...

Продо. Сейчас как раз два.

Галактия. Да...

Продо. Я пунктуален, потому что востребован. Когда нет спроса, зачем торопиться? Я буду вам очень признателен, если мы сразу приступим к делу. В полчетвертого мне надо быть у шотландского патологоанатома.

Галактия. Хорошо.

Продо. Я беру семь долларов, если только смотреть и ничего не трогать. Ещё у меня есть рана, через которую видны кишки, и на руке трещина от локтя до запястья, но это так, если Вы вдруг дополнительно заинтересуетесь. Заглянуть в кишечник — два доллара, а рука бесплатно. Просто чудо, что я жив. Перед вами ходячее доказательство живой солидарности и стойкости христианского государства. Могу продолжать?

Галактия. Будь так добр.

Продо. Позвольте, я сниму шляпу. Вы готовы?

(Пауза).

(Снимает шляпу) Опа! Наконечник застрял в самом центре мозга, но никакие функции организма при этом не повреждены. Конечно, порой бывает больно, при этом алкоголь может вызвать потерю зрения. В моменты умственного напряжения древко стрелы заметно подергивается. Извольте задать мне какую-нибудь арифметическую задачу, и сами в этом убедитесь.

Галактия. Потрясающе!

Продо. Ну, спрашивайте.

Галактия. Двенадцать плюс пять.

Продо. Нет, нет, задайте потруднее.

Галактия. Семь помножить на одиннадцать.

Продо. Семью одиннадцать... будет...

Галактия. Она дергается!..

Продо. ...семьдесят семь! Не существует другого зарегистрированного свидетельства, что человек с подобным повреждением мозга может находиться в полном сознании. Хотите заглянуть в живот?

Галактия. Почему бы и нет? Уж заодно...

Продо. Хотя женщинам это обычно не дозволяется.

Галактия. Постарайся не думать обо мне как о женщине. Считай, что перед тобой просто художник.

Продо. Так и буду думать. Вы готовы? Спускаю штаны. Расстегиваю ремень...

Галактия. Боже правый!..

Продо. Держитесь. Не падайте в обморок.

Галактия. Всё нормально.

Продо. Вы наблюдаете, как происходит процесс переваривания пищи под названием «перистальтика», то есть движение непереваренной пищи. Удержание кишок внутри тазовой полости несколько проблематично в условиях отсутствия значительной части мышц живота.

Галактия. А как с опорожнением кишечника?

Продо. Могу показать. Но тогда с вас девять долларов.

Галактия. Тебя это огорчает?

Продо. Что меня огорчает?

Галактия. Что ты превратился в ходячий экспонат?

Продо. Бог дал мне жизнь. Отправил меня на битву. По Его воле в меня угодила эта стрела, и Он же по своей великой милости превратил мои раны во благо для меня... Девять долларов, будьте любезны.

Галактия. Спускать штаны для всеобщего обозрения в гостиных богачей... *(Дает денег.)*

Продо. Благодарю.

Галактия. Скандальная знаменитость. Как клещ — присосался к их грязному любопытству... Дрожь пробирает от таких демонстраций.

Продо. Вам нужна расписка?

Галактия. А о сражении что ты можешь рассказать?

Продо. Об этом я не распространяюсь. Благодарю вас. Вот доллар сдачи.

Галактия. Брось, мне понравились твои раны... И все-таки расскажи, как ты их заработал.

Продо. «Хирургическая газета» скоро опубликует мой трактат об этом. Кроме того, мой портрет помещен на спичечных коробках, один из них я оставляю вам на память. Надеюсь, мои раны вас не разочаровали, и вы остались довольны.

Галактия. Твоя боль станет частью моей картины, вот увидишь.

Продо. Ох, черт возьми, дождь пошел.

Галактия. Вся эта мясорубка, в которую ты попал...

Продо. Как тут поскорее дойти до моста Риальто?

Галактия. Твой гнев, твое горе...

Продо. Позвольте откланяться. Благодарю вас.

Галактия. ИДИОТ.

(Пауза).

Продо. Простите?..

Галактия. Как ты пытаешься впихнуть кишки обратно в живот, а из головы торчит кусок стрелы... ИДИОТ.

Продо. Простите, но я...

Галактия. Я рисую морское сражение, Продо. Сражение, которое превратило тебя из человека в обезьяну. Это холст площадью тысяча квадратных футов. Огромная поверхность, которую надо заполнить. Заполнить шумом. Шумом, который вы производите — все вы, изувеченные, изрубленные в куски люди... Я должна найти новый оттенок красного для моря этой крови. Красный цвет, который имеет запах... Не уходи, Продо, держи кишки в ...

Продо. Что за женщина? Кто вы такая?

Галактия. Акушерка для таких как ты. Помогаю вам докопаться до правды. Вот там я тебя и нарисую — в два человеческих роста, недобитого, полумертвого... Хватит уже, будь самим собой и прекрати лицемерить, иначе до правды не докопаться...

Продо. Не верю, у вас глаза, как у сумасшедшей...

Галактия. Хочешь увильнуть? А ну стой, где стоишь!

Продо. Я боюсь.

Галактия. Боишься? Меня? Почему?

Продо. Беда пришла от...

Галактия. Напротив...

Продо. Вы разрушили...

Галактия. Что именно? *(Пауза).* Что?

Продо. МОЕ ПЕРЕМИРИЕ С ЖИЗНЬЮ.

Галактия. Послушай. Послушай и посмотри на меня. Вглядись в мое лицо. Что это за лицо, по-твоему? Смотри как следует, это нормальное, доброе лицо, как ты считаешь?

Продо. Обычное лицо, как у всех...

Галактия. Нет, не как у всех, а хорошее, честное лицо великодушного и щедрого человека.

Продо. Да.

Галактия. Именно такое, я это точно знаю, и ты тоже. Я знаю свое лицо, много раз его рисовала. Я не красавица, да и не была ею, даже если бы...

Продо *(насмешливо).* Это уж точно...

Галактия. А почему? Потому что я не доверяю красоте. Она искусственна и всегда лжет, а моему лицу можно верить: перед тобой женщина, у которой нет большого жизненного опыта, я не испытала ничего особенного, но зато я — натура цельная, в отличие от тебя... Зато я кое-что поняла в жизни, и должна сказать, что так и не смогла примириться с ней, и никогда

не смогу, потому что это невозможно! Те, кто утверждает обратное, либо насилуют свою совесть, либо предпочли унять боль, бесконечно повторяя избитые истины, вроде тех, что и ты повторяешь как попугай... Посмотри, наконец, на себя! КТО СОТВОРИЛ С ТОБОЙ ТАКОЕ И ЗА ЧТО? Моя картина изобличит тех, кто глядя на неё — по сути, издевается над тобой...

(Продо рыдает).

Ну, ну, перестань, не стоит отчаиваться, держи себя в руках...

Продо. Кошмары...

Галактия. Конечно... еще бы...

Продо. Вниз со шкотов... Руки и ноги, руки и ноги...

Галактия. Продолжай...

Продо. Кости летят..., обломки костей... и весел... и снова кости, кости...

Галактия. Еще, еще...

Продо. Сверху куски мяса падают... валятся... дождь из мяса... льется мясо... мясо... И этот грохот не дает мне спать!..

Галактия. Ох, мой бедный клоун, я выведу наружу истоки твоих кошмаров, вот увидишь!

Продо. Верните мне мой покой...

Галактия. Скажи, а во имя чего вы все сражались, Продо?

Продо. Не мучайте меня.

Галактия. Так за что вы воевали?

Продо. За свободу, конечно.

Галактия. Свобода...

Продо. Славу...

Галактия. Слава...

Продо. И торжество великой Республики, дабы повергнуть и унижить язычника-турка!

Галактия. Ого, смотри-ка, стрела и впрямь дергается! Туда-сюда, туда-сюда...

Продо. НЕТ!

Галактия. Вместе с оперением, вот это да!

Продо. НЕТ!

Галактия. Смешной человек, ну что ты упираешься?

Продо. ЧТО ВАМ ОТ МЕНЯ НАДО, СИНЬОРА?

(Пауза).

Галактия. Спасибо, что пришел.

Продо. Вынули из меня...

Галактия. Альбом, где мой альбом?! Куда я его...

Продо. Кошмары моей...

Галактия. Положи его на место и...

Продо. НЕСЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

Галактия. До свидания.

Альбом. В левой верхней части холста — небо; в просвет между грозowymi облаками прорвался луч солнца, его свет заливает все пространство картины, в том числе и под рухнувшими мачтами; эта диагональ служит центром притяжения взгляда, **который** затем логично переходит к рассмотрению неровной плоскости: на ней изображены основные события сражения, и далее — уже по горизонтали...

сцена вторая

(Интерьер венецианского дворца. Дож рассматривает эскиз).

Урджентино. Не вижу здесь своего брата.

(Пауза).

Галактия. Как так?

Урджентино. Вижу, конечно, но речь не об этом. Ясное дело, я его вижу, но он совсем не так должен быть представлен на картине. Я люблю своего брата, и мне бы хотелось, чтобы ему уделено было больше места. Он адмирал, а занимает так мало места. Незаслуженно мало.

Галактия. Четырнадцать футов в высоту, по-вашему, недостаточно?

(Пауза).

Урджентино. Послушайте, я надеюсь, мы сможем стать друзьями.

Галактия. И я того же мнения.

Урджентино. Я люблю дружить со всеми. Это моя слабость. Но если мы хотим стать друзьями, нам нужно понимать друг друга. Вы художник, я политик, и у каждого из нас свои маленькие странности, свой способ выразиться, и так далее, от чего каждому из нас не хотелось бы отказываться. Тем не менее, в данном случае, я предлагаю всё же закрыть нашу маленькую ярмарку тщеславия и сосредоточиться на фактах. Так вот, мой брат — адмирал флота, но на этой картине он представлен, скажем так, недостаточно полновесно. Посмотрите-ка, вам нравится мой камзол? Дамасское полотно уникальной расцветки.

Галактия. Тончайшая работа.

Урджентино. Совершенно верно. Я придаю большое значение тому, как я одет.

Галактия. И меня это восхищает в мужчинах.

Урджентино. Неужели? Ну, тогда мы споемся! Я горжусь тем, что у меня хороший вкус, и он распространяется также на живопись. Вы знаете, что Карпета чуть не получил этот заказ? Кардиналы из Комиссии по изобразительному искусству все как один были за него.

Галактия. Неужели?

Урджентино. Мне пришлось с ними повозиться. Я им объяснил, что он выдохся. Вы согласны с этим? От его таланта следа не осталось.

Галактия. Ему всего лишь тридцать пять.

Урджентино. Не имеет значения! Главное, он кончился как художник. Послушайте, я знаю, что художники ненавидят друг друга и, хотя расточают друг другу похвалы на публике, на деле терпеть не могут своих собратьев.

Галактия. Я бы не утверждала это столь категорично. На самом деле это не совсем так...

Урджентино. Да, конечно, я понимаю, но ведь если коснуться существа вопроса, то и Вы...

Галактия. Нет.

Урджентино. Вы никогда не признаетесь в этом, и мне это нравится. Ну, хорошо, допустим! Синьора, знаете, почему я решил поставить на вас? Потому что от ваших картин разит. Мышцы, суставы, голени — чуешь, чем они пахнут, чувствуешь, как они напряжены, слышишь, как они трещат. Вы не прячете их под одеждой. От их трения исходит хруст, даже в поцелуях ощущается работа мышц. Так что, как видите, глаз у меня намётан. Мало того, что я вижу, я ещё и чую, чем пахнут полотна, а они пахнут потом. Надеюсь, вы не обиделись? Я обожаю живопись.

Галактия. Нисколько. Мне приятны ваши похвалы.

Урджентино. Вот и отлично! Однако, дело в том, что работу будет принимать Государственная комиссия. Мы платим вам большие деньги. Мы, то есть Республика Венеция, ставим на вас, Галактия. Понимаете? Империя с одной стороны и художник — с другой. Величие, слава, они манят, это такая притягательная сила — но при этом они ко многому обязывают... Попробуйте виноград, он с Крита, мы положили там две тысячи солдат, но зато у нас теперь есть свой виноград. Ничтожный, по сути, клочок земли. Но так делается история.

Галактия. И что вы этим хотите сказать?

Урджентино. Что Вам поручено изобразить не частное событие. Холст, длиной сто футов! Холст такого размера не является просто картиной, он представляет собой общественно значимое явление.

Галактия. Прекрасно понимаю, иначе бы не согласилась.

Урджентино. Вот и отлично! Вижу, амбиций вам не занимать. Прекрасно... Но это требует смены оптики, я бы так выразился. Фигура моего брата на картине дана достаточно крупно, но там ли вы ее поместили, где следовало? Именно это я и имел в виду, когда заметил, что не вижу его. Так что чувства юмора, как видите, у меня не отнять!

Галактия. Безусловно.

Урджентино. Вот и отлично!

Галактия. У меня его тоже хватает...

Урджентино. Вне всякого сомнения, синьора, иначе бы вы не поместили фигуру адмирала флота практически на заднем плане. Несмотря на размеры, она не занимает на картине надлежащего доминирующего положения. Остроумно, конечно, с вашей стороны, но меня не проведешь, как видите. Посему давайте перейдем к делу. Вы не против?

Галактия. Вам не нравится композиция?

Урджентино. Синьора Галактия, как вы могли заподозрить такое? Вы же художник! Я лишь напомнил вам о некоторых приоритетах. Большой художник должен, прежде всего, иметь чувство ответственности, иначе манера письма, цветовая гамма и прочие стилистические изыски — как бы совершенны они ни были — не принесут ему признания.

Галактия. Я пишу Битву при Лепанто. И пишу так, чтобы любой, кто смотрит на эту картину, ощущал бы себя *внутри* — участником сражения и вздрагивал от боли, как если бы ему самому стрела впиалась прямо в глаз...

Урджентино. Великолепно!

Галактия. Чтобы дети задрожали от грохота, с которым сталкиваются корабли, и прижались к своим родителям...

Урджентино. Потрясающе!

Галактия. Чтобы от этого грохота зрители смотрели на картину, зажимая уши, а отойдя от неё, искали на одежде пятна крови или куски мозгов...

Урджентино. Грандиозно! Видите, в вас кипят страсти, вы удивительная женщина!

Галактия. Я заставлю их задохнуться и побледнеть от ужаса!

Урджентино. Да, конечно! Но при этом также преисполниться *гордости*.

Галактия. *Гордости?!*

Урджентино. Великое искусство всегда прославляет! Прославляет! Для того оно и существует! Вы любите Венецию, синьора Галактия?

Галактия. Я венецианка.

Урджентино. Значит, венецианка, но...

Галактия. Я же сказала: венецианка.

Урджентино. Вот и прославьте Венецию. Полагаю, я все сказал. Приносите следующий эскиз, и поскорее.

сцена третья

(Арсенал, заброшенная казарма).

Супорта. Как здесь холодно!

Галактия. Надень перчатки.

Супорта. Рисовать в перчатках?

Галактия. Думай о работе — забудешь о холоде. Так или иначе, зима не вечна.

Дементия. Здесь воняет.

Галактия. Чем?

Дементия. Мужиками. Так воняют только мужики.

Галактия. Конечно. Это же бывшая казарма.

Дементия. Жуткая вонь.

Галактия. Совершенно естественный запах, если вспомнить, кого мы рисуем. Если рисуешь солдат, надо пожить среди них.

Дементия. Ненавижу сюда приходить. Стоит надеть яркий шарф, тут же обзовут проституткой.

Галактия. Надень черный.

Дементия. С какой стати я должна носить черное? Я не вдова.

Галактия. Я сама выбрала это место. Мне предлагали разные помещения, даже музей. Но кому нужен музей? Жить и работать надо среди тех, кого рисуешь. Вглядываться в их лица, наблюдать, как они двигаются. А если вам неинтересно, так и будете вечно расписывать ткани. Я с детства старалась приучить вас работать глазами, учила видеть, а не просто смотреть. Идите сюда! Взгляните в окно!

Супорта. Не хочу я туда лезть.

Галактия. Нет, вы только посмотрите! Посмотрите, как они шагают, эти солдаты! Разве это обычная походка? Конечно, нет... Посмотрите, как двигаются их бедра, а что они вытворяют своими задницами... Бедра и ляжки, крепкие ягодички и перекошенные лица. Солдаты, когда они не на грани жизни и смерти...

(Пауза). Полюбуйтесь же на это зрелище! И хватит думать, что каждый встречный только и мечтает, как бы вас трахнуть.

Дементия. К тебе-то они не пристают, ты женщина пожилая!

Галактия. Ладно, вижу, что мы не споемся, но вот вам просторное помещение и сто футов чистого холста!

Дементия. Как они двигаются, с каким важным видом... Но как воняет у них между ног.

Галактия. Не понимаю, что тебя так пугает? Я вроде совсем не так тебя воспитывала.

Дементия. Да не пугает...

Галактия. В семь я научилась целоваться, в двенадцать родила...

Супорта. Ну, начинается...

Галактия. А к пятнадцати сменила двенадцать любовников...

Дементия. Ради бога, мать...

Галактия. И при этом ничего не понимала в любви, пока не встретила Карпету, абсолютно ничего! Теперь-то, в свои сорок шесть, я это осознала... Но Карпета — человек бесхарактерный. Какая жалость...

Рабочий. Синьора!

Супорта. Они закончили монтировать леса.

Дементия. И света здесь маловато...

Галактия. Уже полдень.

Дементия. А все равно темно.

Галактия. Художники вечно жалуются на недостаток освещения, но я могу работать и при свечах.

Дементия. Темно, воняет, и я...

Галактия. Слушай, если хочешь отказаться от этой работы, можешь отчаливать. Возвращайся домой к детям...

Дементия. Перестань, я только говорю, что...

Галактия. Иди, иди...

Дементия. Почему ты всегда должна...

Рабочий *(входя).* Готово, синьора...

Галактия. На кухню, к своим засранцам-детям, семейным ужинам и стирке... Давай, вперед!

Дементия. Ну, почему она всегда...

Галактия. Многие хотели бы... Что?.. Что ты там сказал?

Рабочий. Леса поставлены.

(Пауза).

Галактия. Посмотрим.

(Пауза).

Нет, не так. Потому что не дослушал меня!

Рабочий. Вы ж сами сказали: три яруса...

Галактия. Да, три, но...

Рабочий. Ну и вот, как вы и...

Галактия. За кого вы меня принимаете? Я вам что, обезьяна, чтобы лазать по...

Рабочий. Да кто сказал, шо вы обезьяна? Я не говорил такого...

Галактия. Там придется работать стоя, ты это...

Рабочий. Сами сказали...

Альбом. В альбоме пятой дочери Галактии, художницы-декоратора Супорты, есть эскиз, выполненный красным мелком и изображающий мать, которая сидит, расставив колени, с открытым ртом и отвисшей нижней губой: это она ругается с рабочими, в пустом помещении казармы лишь несколько табуретов и смонтированные леса у стены...

сцена четвертая

(Мастерская Галактии).

Галактия. Тебе нравится мое тело, Карпета? Скажи, что да, хотя кожа огрубела, а соски потемнели, стали цвета созревшего перца. И сама я прямо «расцвела», глянь: по плечам пошли белые

пятна, на ляжках — голубые вены, на щеках — красные. Неужто я тебе нравлюсь такой? Живот, в котором ворочались все мои дети, обвис, а пупок торчит непристойно, как язык. Но язык! Он-то тебе нравится, надеюсь? Работает без остановки! Неужто я тебя вымотала? О, и вправду обессилен, надо же!

(Пауза).

Я хочу показать, как режут плоть, отрезают её по кускам, словно дыню, швыряя огрызки в воздух. Сама я такого не видела, просто вообразила, как это выглядит, но фантазия заменяет нам реальность. Дож велел принести ему новый эскиз, и Адмирал на нём должен быть представлен во всем своём блеске. Что ж, я его представляю. Он у меня *ответит* за все. А на лице — полное *равнодушие*. Нет, не сейчас! Отстань! почему ты всегда начинаешь лапать меня, как только мне надо подумать? Что-то не так? Тебе не нравится, когда я думаю? Вот ты ласкаешь мне грудь, а сам... Подожди, я должна подумать... Вынь палец... Что тебе не нравится? (Пауза). Что? (Пауза). Да, ладно, ты...

Карпета. Ты променяла меня.

Галактия. На что?

Карпета. На свою картину.

Галактия. Ерунда.

Карпета. Нет, не ерунда. Ты обо мне не думаешь.

Галактия. Совсем наоборот, я всё время думаю о тебе...

Карпет. Нет, не всё время!

Галактия. Ты прав, не всё. Ведь я...

Карпета. Вот видишь! Не всё время!

Галактия. Господи... О господи, Карпета...

(Карпета рыдает).

Карпета. Рядом с тобой...я опять становлюсь ребенком. ..

Галактия. Понимаю....

Карпета. Хочется прижаться к тебе... Жалкий слабак...

Галактия. Нет, нельзя быть такой чувственной. Я мечтаю избавиться от того дара, которым наградила меня мать, а, может, отец, — от этой страсти обладать и принадлежать. Она бросает меня в объятия мерзавцев, а им лишь бы поиметь кого. Впрочем, я люблю это примитивное ночное соитие. Ты бы мог ограничиться этим? Иметь меня только ночью? Какое наслаждение отдаваться в постели! Но не забывай, я еще и художник, и от этого никуда не деться. Ну, не дуйся, сейчас не время латать наши отношения и потакать твоей ранимости. Ведь на самом деле, это просто грубость... Ладно, проехали.

Карпета. Не грубость, а инстинкт собственника...

Галактия. Пусть так, ты говоришь, что это...

Карпета. *Не грубость!*

Галактия. Хорошо, хорошо ...

Карпета. Моя любовь унижает меня, вот что я скажу.

Галактия. Слушай, Карпета, а как тебе удаётся вызывать сострадание своими картинами? Ведь никакого другого чувства они не вызывают. Мне бы такое даже в голову не пришло.

Карпета. Не думаю, что у тебя получится.

Галактия. Это почему?

Карпета. Потому что ты сама лишена этого чувства. Поэтому и не сможешь вызвать его у других.

Галактия. Кончай язвить.

Карпета. И не думаю. Ты сама — насильница, вот и картины твои полны насилия. И еще презрение у тебя хорошо получается. Да, да, презрение. Но сострадание, жалость — на это ты не способна.

Галактия. Что значит «не способна»?

Карпета. Тебе не повезло: если бы ты могла вызывать сострадание, тебя поддержала бы Церковь; если бы поставила целью прославить нашу победу, на твоей стороне оказалось бы государство, а так ты не угодишь никому из них.

Галактия. Знаешь, что я думаю? У тебя отлично получается хвалить самого себя. Молодец! Однако умение вызывать жалость не свидетельствует об истинном таланте и на деле означает поражение: признание в отсутствии любви и страсти. Нет того внутреннего огня, который должен гореть в душе настоящего художника. Или — если тебе так больше нравится — это подтверждение собственного бессилия. Бессилия перед лицом реальности. Чем жалеть мертвых, не лучше ли обратить внимание на тех, кто виновен в их гибели? Я имею в виду тех, на картине. Обличить их и тем самым призвать к ответу? Жизнь — это огромная лужа слез, в ней топчутся мерзавцы в своих грязных сапогах. И хотя тебе удастся вызывать сострадание, ты принял этот мир таким, как он есть. А в итоге, получается, что ты любишь раны Христа. По-твоему, страдание должно вызывать сексуальное чувство? Вот почему во всех твоих Распятиях есть какая-то червоточина. Да, Церкви они нравятся, епископы буквально млеют от них и не скупятся на похвалы, но, по сути, Карпета, это грязные картины. И вообще, будь ты нормальным мужиком, ты бы выбрал женщину помоложе.

сцена пятая

(В помещении казармы).

Альбом. Рисуем турка.

Галактия. Я прочесала весь город в поисках настоящего турка. Бесполезно, и вот, откопала албанца. Думаю, вполне сойдет.

Дементия. Этот албанец так и впился в меня взглядом. Скажи ему, чтобы перестал глазеть.

Галактия. Он торгует ананасами на Сан Марко... Нет, ты только посмотри какие глаза!

Дементия. Не испытываю ни малейшего желания.

Галактия. Идеальной формы голова. Круглая, как шар, настоящая мужская голова.

Дементия. То и дело почесывается и не спускает с меня глаз. СИДИ СМИРНО!

Галактия. Поначалу я думала нарисовать его уже убитым, с раскинутыми руками, как он летит вниз головой с палубы турецкого корабля. Но потом подумала, что тогда никто не увидит выражения его лица... ХВАТИТ! НЕ ОТВЛЕКАЙ МОЮ ДОЧЬ! Поэтому я изменила композицию, и теперь он молит о пощаде прямо у ног адмирала. Но с таким выражением лица, что сразу ясно: он знает, что будет убит прямо тут, на палубе. Таким образом, я сумею показать, как злодей превращается в жертву, а победа тем самым будет поставлена под сомнение. Но даже сейчас, когда картина еще не закончена, я почти уверена, что они ее возненавидят.

Супорта. Можно, я скажу?

Галактия. Ну...

Супорта. Я твоя дочь, и тебя люблю.

Галактия. Так...

Г

Супорта. Кроме того, я художник, и достаточно взрослая, чтобы не подлизываться к тебе.

Галактия. Так..

Супорта. И я знаю, не хуже тебя, что ты — лучший художник Венеции.

Галактия (*оторвавшись от работы*). Думаю, ты замечала: когда хотят облить тебя грязью или как-то унижить, для начала заявляют, что не собираются тебе льстить. И так, что у тебя на уме?

Супорта. Умеешь же ты все перевернуть с ног на голову.

Галактия. Да ну?

Супорта. Во всем за тобой должно быть последнее слово. Тебе обязательно надо что-то кому-то доказать: что ты умнее всех или остроумнее всех, да мало ли что. А я хочу серьезно поговорить.

Галактия. Извини. Слушаю тебя.

Супорта. Ты — лучший художник Венеции, а тебя используют или, наоборот, уличают в блудстве. Важно, что ты им поперёк горла, и будь ты хоть собственным антиподом, стыдливой ханжой, суровой недотрогой или фригидной на все сто, всегда найдётся возможность использовать это против тебя, потому что ты несравненна и к тому же — женщина.

Галактия. К чему ты ведешь, Супорта? Вступление комплиментарно, дальше некуда, но что следует за ним...

Супорта. Твою работу будет оценивать Правительственная комиссия, и она непременно догадается о твоих истинных намерениях. Вот почему я боюсь, что ее не примут.

(Пауза).

Галактия. Не примут?

Супорта. Да. Потому что этой картиной ты их оскорбляешь, а когда людям нанесено оскорбление, они теряют способность оценить истинное качество произведения — обида ослепляет.

Дементия. Я чувствую, меня тут просто пожирают глазами. Выйду на минутку, смешать краски. Не отвлекайся, албанская таракашка!

(Выходит).

Галактия. Продолжай.

Супорта. Сделай для них то, что они от тебя ждут, и заслужишь их любовь, они станут торговаться тобой. После чего художницам здесь не придется больше воевать с предрассудками, потому что за них это сделаешь ты, и победишь. Мне кажется, что на тебе лежит ответственность — не перед государством, а перед его женщинами. Уметь воплощать свои чувства на холсте — в этом твоя сила, прекрасно, но дай и другим такую же возможность... Ты так изобразила этого турка...это их непременно оскорбит.

Галактия. Ты хочешь, чтобы я писала, как мужчина?

Супорта. Нет..

Галактия. Не нет, а да. Ты предпочла бы, чтобы я писала, как художник-мужчины?

Супорта. Вовсе нет. Кто из них способен писать, как ты? Или может похвастаться такой же силой, энергией и творческим горением? Никто.

Галактия. И никто из них никогда не выказывал ненависти к убийствам. Ты предлагаешь мне быть ответственной, а на самом деле хочешь, чтобы я прославила эту бойню.

Супорта. Я о тебе беспокоюсь.

Галактия. Неужели?

Супорта. Я думаю о том, как же несправедлива жизнь, о том, что вместо подарков получаешь от неё сплошные тумачи. Только представь, как они обрушатся на тебя, обвинят в издеватель-

стве над жертвами, скажут: «Эта женщина презирает то, что нам дорого...». А вдруг, ты и впрямь самонадеяна, не думала об этом?

Галактия. Это я-то самонадеяна?

Супорта. Всё шутишь, а...

Галактия. Послушай, Супорта. Работа над картиной требует от художника абсолютной уверенности в себе. Разве не она позволяет ему изображать мир, а потом швырять ему в лицо свое создание. Как без неё состязаться с природой, даже в изображении цветка, а уж тем более — с самим Господом Богом, пытаюсь исправлять нравы. Искусство живописи всегда самовосхваление, и если тебе это не нравится, бросай это дело. А теперь — о главном. Я и впредь буду общаться с властью, поскольку вынуждена делать это. Если будет очень надо, смогу и задницу до жу вылизать. Потому что он и есть власть. Я не полная идиотка, и хочу есть и пить, так же, как и ты. МУСТАФА, Я ВСЕ ВИЖУ! Посмотри на него, ему не сидится на месте, когда Дементия выходит: ёрзает, что твой хорек в штанах...

Супорта. Ты несправима, гнешь свое...

Галактия. А вот и она, глянь-ка, вот это груди, а?!

Дементия. Прекрати поощрять его!

Галактия. Что они вытворяют, его глаза! Да уж — экземпляр!

Супорта. Он НЕВЫНОСИМ.

(Пауза).

Галактия. Турок знает, что его ждет: убьют. Как он догадался? А это написано на лице адмирала: в его глазах нет жалости. Не лицо, а маска...

сцена шестая

(В помещении Адмиралтейства).

Альбом. Адмирал позирует.

(Бьют часы).

Первый эскиз.

(Пауза).

Суфичи. Вам нравится мое лицо?

Галактия. Вопрос в лоб.

Суфичи. Я люблю вопросы по существу. Предпочитаю сразу переходить к делу.

Галактия. Обычно формулируют иначе: например, спрашивают: «Мое лицо трудно рисовать?»

(Пауза).

Отвечаю откровенно: да, трудно.

Суфичи. Мои портреты всегда мне льстили.

Галактия. То есть?

Суфичи. Не осмеливались изобразить меня таким, каков я есть на самом деле.

Галактия. И какой же вы на самом деле? Признавайтесь.

Альбом. Адмирал Атлантики, Адмирал Двух Морей, Повелитель Ближних и Дальних Стихий изображен во весь рост: он стоит, опираясь о борт и, подперев кулаком щеку, меланхолично вглядывается во что-то, что находится не слишком далеко от него. набросок сделан красным мелком. Победитель при Лепанто, высокий лоб которого выдает в нем древнюю аристо-

кратическую породу, изображен в штатском, с выражением усталости от забот, свойственных его официальному положению. Одним словом, перед нами портрет...

Суфичи. ...садовника-гомосексуала.

Галактия. Издеваетесь.

Суфичи. А вот Гарачи, тот догадался, на его портрете меня выдают пальцы рук, которые лежат на мордах моих собачек. И никакое облачение этому не помеха...

Галактия. Гарачи -художник поверхностный.

Суфичи. Моя нагота просвечивала сквозь всю экипировку, а навесил он на меня — о-го-го сколько... Хотя, признаться, руки у него получаются просто неподражаемо. Вы не согласны?

Галактия. Терпеть не могу Гарачи.

Суфичи. Руки неопровержимо свидетельствовали: этот вояка предпочитает живую плоть. Но кто обращает внимание на руки?..

Галактия. Смотрят на то, на что укажет художник — где центр композиции. А руки у меня получаются лучше, чем у Гарачи, сами увидите. На них обязательно обратят внимание: увидят и руку художника, и руки убитых, и руки по локоть в крови — руки и только руки... Может ли быть что-то более заслуживающее сострадания, чем руки, лишенные своих владельцев? Куда уж красноречивее! Именно это, прежде всего, и вызовет сострадание. Впрочем, мой любовник говорит, что мои картины на это не способны. Но, согласитесь, «Распятие» — единственный сюжет, вызывающий к состраданию. Рука — вот место встречи, где человек касается другого, будь то мужчина или женщина, рука — символ дружбы, доверия, любви. Во время сражения они сыплются с неба — на головы своих владельцев, и эти несчастные, обезумев от боли, размахивают тем, что от них осталось, не так ли? Конвульсии кровавых обрубков. Должна признаться, я не ожидала найти в вас натуру тонкую и изысканную, и это меня бесит... Не получается. Нет это все не то...

Суфичи. По-моему, я сижу неподвижно?

Галактия. Даже слишком, и еще у вас такой напыщенный и величественный вид... сразу видно, что вы — человек с огромным чувством собственного достоинства. Я не видела вас на параде победы, я на них не хожу. Я видела вас только на портрете Гарачи и решила, что он просто льстит вам. Но вот, я прихожу сюда с альбомом и карандашами, и мои представления разбиваются вдребезги, так что можете передать ему: он сделал отличный портрет. У вас самое страдающее лицо из всех, что мне встречались... Вот ведь тупица, разве не ясно, что жизнь полна исключений, а я упустила это из виду. Не верь глазам своим, как говорится, и не ленись перепроверить первое впечатление, а я поленилась, вот они и не совпали. Ну ничего, лишнее доказательство, что надо копать ещё глубже.

(Вырывает страницу с наброском).

Начинаем с нуля.

Суфичи. Из окна видны корабли нашего флота. Видите?

Галактия. Да, вижу.

Суфичи. Стоят на якоре. Вам нравятся наши корабли? Они должны вас вдохновлять. Что скажете?

Галактия. Я рисовала их две недели подряд.

Суфичи. И что же? Они вам нравятся?

Галактия. Торговые, когда заходят в гавань, особенно при попутном ветре, пожалуй, да.

Суфичи. А боевые?

Галактия. Нет.

Суфичи. Почему же тогда Правительственная комиссия поручила именно вам, синьора, написать «Битву при Лепанто»?

Галактия. Потому что я умею то, на что не способны другие: я — реалист, пишу то, что было. Иначе никто и никогда ничего не поймёт.

Суфичи. Что ж, полагаю, они сделали правильный выбор.

Галактия. Ох, не будьте столь щедрым, когда сидите здесь, забыв обо всём на свете, устремив взгляд своих серых глаз на империю...

(Пауза).

Суфичи. Вы мной недовольны?

Галактия. Серые глаза без намека на сомнение, лишь легкое подрагивание век — отзвук постельных драм...

(Пауза).

Суфичи. Продолжайте...

(Пауза).

Подрагивание век, говорите?

(Пауза).

Продолжайте, я не обижусь...

Галактия *(резко меняя тему)*. Порой приходится признать, что бюрократы бывают правы. Вот и на этот раз, несмотря на всю здешнюю коррупцию, они выбрали художника, который способен СКАЗАТЬ ПРАВДУ. А там, да поможет нам Бог... представляю, какой вой поднимут музеи, набитые мертвечиной.

Суфичи. Значит, мои веки...

Галактия. Не знаю, как относиться к нашей Республике, заслуживает ли Венеция добрых слов или нет, ведь я не политик...

Суфичи. Я тоже. Так что насчет моих...?

Галактия. Стоит прикоснуться к политике, и слова непременно расходятся с делом.

Суфичи. Будьте добры...

(Пауза).

Галактия. Я нутром её чую. Либо одно, либо другое. И если я рисую страдающую плоть и раны, то это и есть плоть и раны, а не повод для всякого рода стилистических изысков. Живое мясо. Страдающая плоть. А вы что представляете, когда режете мясо?

(Пауза).

Суфичи. Мне представляется, для человека искусства вы слишком прямолинейны.

Галактия. Хотите сказать «откровенна»? Художник и должен быть, как вы выражаетесь, прямолинеен» в своих работах. Сохранять это — вот в чём вся сложность.

Суфичи. И еще он должен быть понятным. Что не значит быть примитивным. Иными словами, учитывать, что есть вещи, копать в которых не следует. И это осознанный выбор.

Галактия. К примеру, адмирал любит бегать среди цветов в чём мать родила. Мне это известно.

Суфичи. Я имею в виду справедливую войну и войну несправедливую.

Галактия *(с сарказмом)*. Хотите загнать меня в угол...

Суфичи. Издеваетесь? Сами мне рта не даёте раскрыть, опровергаете каждое моё слово, да ещё с такой уверенностью в собственной правоте, что у меня нет возможности оспорить ваше мнение. Замечаете дрожание век и в то же время боитесь этого, потому что боитесь прикоснуться к иной правде. Смотрите на меня, но не видите. Мне о вас лучше отзывались.

**Г а л а к т и я (бормочет) КАКАЯ ТОНКАЯ ДУШЕВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ... КАКАЯ ПОТРЕ-
САЮЩАЯ ЧВАНЛИВОСТЬ.** Не смотреть на оружие, только на пальцы. Не на меч, на веки.
Не думать о крови, думать о ягодицах в цветнике.

(Пауза).

Прошу прощения. Не то.

У р д ж е н т и н о (входя). Извините за вторжение! Так сказать, «со свиным рылом да в калаш-
ный ряд».

С у ф и ч и. Нам нечем особо похвастаться. Топчемся на месте...

У р д ж е н т и н о. По дороге в Казначейство, кого, как вы думаете, я встречаю у моста Доре? Са-
му Джину Риверу, звезду нашей критики, поэта, человека, как никто, тонко чувствующего ис-
кусство. И тотчас решаю: дела подождут, заглянем лучше в Адмиралтейство, узнаем, как там
идёт работа!

Р и в е р а. Именно так все и было.

У р д ж е н т и н о. Джина, обратите внимание на ее альбом, вон он валяется на полу — сколько там
эскизов, и все цветные! Поднимите же! Можно ей взглянуть?

Г а л а к т и я. Не возражаю.

У р д ж е н т и н о. Критики обязаны быть в курсе процесса. А кто из них имеет такую возможность?
Никто! Вместо этого они, как мухи, слетаются на уже законченное полотно, не имея ни малей-
шего представления о том, как работает художник! Кстати, синьора, эти последние наброски —
просто выше всяких похвал, сплошное совершенство. Поскорее переносите всё на холст. Засим
не будем больше вас отвлекать. Вот теперь мой брат изображен в надлежащем масштабе.

Г а л а к т и я. Я рада.

У р д ж е н т и н о. Возьмите альбом, Джина, потрогайте его, принюхайтесь — какой запах! Я на-
стоящий фетишист, когда речь касается искусства, уж вы простите мне мои детские восторги!

Р и в е р а. Композиция вашей картины просто изумительна, позволю себе заметить, синьора.

Г а л а к т и я. Вы правы, я стараюсь сохранять свою индивидуальность.

Р и в е р а. Индивидуальность нельзя наработать — она либо есть, либо ее нет, вы согласны?

Г а л а к т и я. Наоборот, индивидуальность, в такой же степени, как и всё остальное — результат
упорной работы. Приходится попотеть.

Р и в е р а. Разве не вдохновением её формирует? Неужели совершенство — результат труда?

У р д ж е н т и н о. Обрати внимание, Суфичи! Мы присутствуем при споре двух самых удивитель-
ных женщин Венеции, притом, что обе — извращенки и разведенки!

Р и в е р а. Это вы развелись, а не я.

У р д ж е н т и н о. Парадоксально что отношения между вами оставляют желать лучшего. Просто
нелепо! Художник и критик, вы так зависите друг от друга, и при этом терпеть не можете одна
другую!

Р и в е р а. Критик всегда испытывает страх перед художником и завидует его таланту. К тому же
он стыдится своего ремесла, считает его неполноценным и в глубине души прекрасно понима-
ет, что оно менее значимо, поскольку описывает словами то, что изобразил художник. Отсюда
стремление унижить.

У р д ж е н т и н о. Ну, это вы описали нам плохого критика, но есть же и достойные профессио-
налы.

Р и в е р а. Без сомнения.

С у ф и ч и. Синьоре Галаксии все утро не дается мое лицо.

У р д ж е н т и н о. Что же в нем такого особенного? Очень даже симпатичное лицо!

© Grigory Yaroshenko. ROMA. 2005

© Фото: Григорий Ярошенко

Г а л а к т и я. Согласна.

У р д ж е н т и н о. Что меня восхищает в моем брате, так это его милосердие победителя, добротель и презрение к славе...

С у ф и ч и. Заткнись.

У р д ж е н т и н о. Ладно, не буду. Предоставляю Вам самой, синьора, домыслить остальное. Но на картине он должен быть тем, кем является: гением тактики. Не забывайте, что пишете портрет великого полководца.

Р и в е р а. Как же она сделает это? Изобразит его с компасом в руке?

У р д ж е н т и н о. Именно.

Р и в е р а. В гуще сражения?

У р д ж е н т и н о. Почему нет?

Р и в е р а. Потому что она — реалист!

У р д ж е н т и н о. Ну, хорошо, допустим, хотя я не разбираюсь в этих терминах.

Р и в е р а. Это значит, что она изображает только то, что было на самом деле.

С у ф и ч и. Послушайте, никакого «на самом деле» не существует, можете вы это понять? Есть только мнения по поводу того, что и как было. Точно так же, как не существует никакого смысла в понятии человека — вообще или в частности: существуют не отдельные люди, а лишь наши представления о них. *(Пауза).*

У р д ж е н т и н о. Превосходно сказано! Я буду время от времени заглядывать к Вам в мастерскую. Настоящий меценат должен иногда демонстрировать свои пристрастия.

Г а л а к т и я. Как правило, я никого не приглашаю сюда.

У р д ж е н т и н о. Строго говоря, я не простой посетитель. Да и заказ не частный. Ваша кисть должна славить победу и торжество народа Венеции, не так ли?.. Что ж, мы получили удовольствие, пора и честь знать

(Пауза).

Прислушайтесь! Слышите, как наша армада рассекает волны, как ветер рвёт паруса, как они трепещут — какой потрясающий звук! Тот самый, который баюкал Одиссея на палубе его корабля, пока он спал в окружении грязных матросов. Я три года прослужил во флоте, верно, Цезаре?

С у ф и ч и. Да...

У р д ж е н т и н о. Он подтверждает. А это кое-что да значит. Ну, я-то провалился по всем статьям, зато Цезаре — выше всяких похвал. Увы, у нас разные матери. Ну, все, Джина, уходим, не будем больше путаться под ногами у нашего Мастера.

Р и в е р а. И все-таки как вы намерены изобразить великого человека, синьора?

Г а л а к т и я. Еще не знаю...Какая я вам «синьора». Хотя, по каким канонам пишутся подобные портреты, мне прекрасно известно.

Р и в е р а. Каноны само собой, конечно...

(У р д ж е н т и н о и Ривера выходят).

Г а л а к т и я. Продолжим?

(Пауза).

Или нет?

(Пауза).

Вы намерены молчать?

(Пауза).

Что ж, как хотите...

сцена седьмая

(В церкви. Идет отпевание).

К а р п е т а. Тебе лучше держаться подальше от меня.

Г а л а к т и я. Подальше?

К а р п е т а. На людях.

Г а л а к т и я. Что с тобой?

К а р п е т а. Ш-ш-ш.

Г а л а к т и я. Что-то я не пойму. Если я с тобой сплю, не вижу причин, почему...

К а р п е т а. Ш-ш-ш.

Г а л а к т и я. ВСЕ ЗНАЮТ, ЧТО МЫ...

К а р п е т а. Прекрати, пожалуйста, всё-таки мы на похоронах, и это наш коллега!
(Пауза).

Г а л а к т и я. Он бы не возражал. Потому что, как и ты, не спал со своей женой.

К а р п е т а. Буду очень тебе признателен, если...

Г а л а к т и я. Забавно, почему-то именно на похоронах меня тянет спариваться...

К а р п е т а. Перестань, пожалуйста...

Г а л а к т и я. Или проще — трахаться.

К а р п е т а. Ещё слово, и я от тебя отодвинусь.

Г а л а к т и я. Знаешь, как делают животные, на чистом инстинкте...

К а р п е т а. Я лучше отойду.

Г а л а к т и я. Стой на месте.

К а р п е т а. Ты оскорбляешь моё ...

Г а л а к т и я. Я не закончила...

К а р п е т а. Отпусти руку, мне ...

Г а л а к т и я. Ладно, иди!

(Хор голосов присутствующих).

К а р п е т а. Не ходи за мной ...

Г а л а к т и я. Знаешь, чего я терпеть не могу?

К а р п е т а. Не знаю и ...

Г а л а к т и я. Как ты ведёшь себя на людях. Меня тошнит от этого. Думаешь, так надо, потому что пишешь сюжеты из Библии?

К а р п е т а *(обращаясь к рядом стоящему).* Извините ...

Г а л а к т и я. Кого ты хочешь надуть? Задирая свой нос, а глаза...

К а р п е т а *(к нему же).* Прошу прощения, простите ...

Г а л а к т и я. Я понимаю, что ты хочешь угодить своему патрону, но Фарини-то терпеть этого не мог, так же, как и я.

К а р п е т а. Так захотела его жена. Чтобы вся церемония «как у людей»!

Г а л а к т и я. Ещё бы! Она его ненавидела.

К а р п е т а. Чушь.

Г а л а к т и я. Не могла достать его при жизни, зато теперь ...

К а р п е т а. Ш-ш-ш ...

Г а л а к т и я. ...достала его на похоронах... Привет, Сордо...

Один из присутствующих. Ш-ш-ш ...

Галактия. Представь себе, что старик всё это видит и слышит! Вот так мы бесчестим покойников, и, хотя он был неверующим ...

Один из присутствующих. Замолчите!

Галактия. Недаром его допрашивала инквизиция...

Один из присутствующих. Ерунда.

Галактия. В тысяча пятьсот ...

Один из присутствующих. Ерунда.

Галактия. Хватит повторять одно и то же. Он был большим художником, но не держался веры в Бога, я-то знаю, он и меня научил тому же.

Сордо. Неправда.

Галактия. Разве?

Сордо. Неправда, что он ...

Галактия. Хорошо, согласна: он не был большим художником, всего лишь художником средней руки, и Бога терпеть не мог. Нет возражений? Сегодня я к нему благосклонна, ведь он уже мёртв.

Сордо. Ты пьяна.

Галактия. О Боже!..

Сордо. Напилась, и ...

Галактия. Ну, почему стоит сказать слово правды, как сразу в ответ: «ты напилась»?! Или «сдвинулась умом»?! В своё время Фарини запихнули в дурдом: он говорил, что Папа не в состоянии сам себе шнурки завязать ...

(Голоса протеста).

Именно так и было! Впрочем, потом он отрёкся от этих слов ...

(Голоса протеста усиливаются).

Пойду-ка я на свежий воздух... От запаха смерти здесь нечем дышать... И где же мой сожитель? А, вот он... Вы только посмотрите на это лицо вылитый Иисус — как на его хвалёных картинах. А всего полчаса назад его рот ...

(Крики протестующих)

Ладно, ухожу, ухожу!

(Дверь захлопывается. Уличные шумы).

Вот и умер художник со своим собственным голосом, когда-то он был талантлив, но купился на похвалы и растерял всё, что имел...А вспоминал об этом, только когда напивался до чёртиков и валялся в канавах с такими же алкашами. Тёплый, добрый и бесхарактерный, никакой. И ещё неисправимый врун. Начинал врать, едва касался кистью холста... Ничтожные работы, паршивые холсты, намалёванные тяп-ляп, как курица лапой... Позорный старый блядун.

Карпета. Лучше бы ты воздержалась.

Галактия. От чего?

Карпета. Незачем высовываться.

Галактия. Вот, значит, как ты это называешь?

Карпета. Да.

Галактия. А я-то хотела заклать свою смерть.

Карпета. Ерунда! Зачем ты...

Галактия. Они её почитают, потому что... Послушай...

Карпета. ЗАЧЕМ ТЫ?...ЗАЧЕМ?

Галактия. Не знаю... Не знаю... Мне плохо, вот и ломаю комедию...

(Пауза).

А сейчас мне надо работать.

Карпета. Пойдём ко мне. Жена ...

Галактия. Я поручила Деменции, пока меня нет, дописать рукав на одежде гребца, надо пойти проверить.

Карпета. Жена ушла в ...

(Пауза).

Галактия. Твоя жена, значит ...

(Негромко смеётся)

Карпета. Пойдём же ...

Галактия. ОТСТАНЬ.

(Пауза).

Карпета. По-твоему, нормально тыкать в меня пальцем на людях, ругаться и сквернословить в церкви, а когда я ...

Галактия. Ну и ...

Карпета. Когда я хочу знать, что...

Галактия. Абсолютная ...

Карпета. Что я ...

Галактия. ЭГОИСТКА, ЧУДОВИЩЕ В ЮБКЕ.

(Пауза).

И точка.

сцена восьмая

(В пустой казарме).

Альбом. Лессировка мёртвых тел. Трупы и тела умирающих от ран занимают треть поверхности холста, размером 600 на 66 квадратных футов (это не совсем то соотношение, зафиксированное на предварительном эскизе, который утвердила Правительственная комиссия): они в беспорядке раскинуты на палубах и вдоль бортов кораблей. Повисли даже на вёслах. Их лица искажены от непереносимой боли. За счёт использованного автором приёма обратной перспективы, руки и ноги — а зачастую лишь их обрубки — протянутые навстречу зрителям, производят шокирующий эффект и вряд ли способны вызвать положительные эмоции...

Галактия. Кто там? Эй, отвечайте же, кто... Послушайте, я просто спрашиваю и ...

Ривера. Так поздно, и ещё за работой, синьора?

Галактия. Почему-то все норовят прийти в самое неподходящее время.

Ривера. Ба, свечи... И красками пахнет, как ладаном в церкви...

Галактия. Разве?

Ривера. Женщина здесь, и совсем одна...

Галактия. Если не считать пары сотен морячков в соседних казармах.

Ривера. Вы устроились там наверху, как курица на насесте... подвернув юбки... враскорячку... грудь нараспашку... Впрочем, ночи душны. Я бы не смогла даже поднести кисть к холсту, с ме-

ня и так пот льётся градом. А вы, синьора, не потеете? В такую жару даже краски плавятся. Смотрите, у вас щека запачкана умброй.

Галактия. Это не умбра, а сиена.

Ривера. Я завернула сюда прямо из церкви. Вы любите там бывать? Только и слышно, что женские причитания: «Боже, помоги забеременеть!», «Господи, не дай забеременеть!» Одни и те же мольбы, одни и те же откровения на исповеди, и я подумала: надо навестить Галактию. Прихожу и застаю вас на лесах, в работе, с закатанными как у маляра рукавами. Просто великолепно... Дож ужасно расстроен. По-моему, я вам уже говорила?

Галактия. Да.

Ривера. Значит, знаете?

Галактия. Да. Он регулярно тут появляется. И ему явно не по себе. Бойтся увидеть что-нибудь из того, как оно было на самом деле. Вот и лазит вверх-вниз по лесам и высматривает... И каждый раз у него портится настроение.

(Пауза).

Да, нелёгкая это работа — сидеть на месте дождя.

Ривера. Вы, похоже, не интересуетесь политикой?

Галактия. Нет.

Ривера. Тогда позвольте немного вас просветить. Если, конечно, тем самым не отвлеку от работы...

Галактия. Отвлечете, конечно.

Ривера. И всё же попробую.

(Пауза).

Дело в том, что у нас, людей искусства, слишком многое зависит от высшей власти, иными словами, от дождя, который — в нашем случае — и есть эта высшая власть. Он нам благоволит — всем нам: художникам, поэтам, скульпторам... Понятно, что он — дилетант, к тому же основательный пошляк, хотя, впрочем, творческим личностям, вроде вас, любой «покровитель искусств» вряд ли способен угодить. Художникам он особенно благоволит, хотя его вкус опошляется чем дальше, тем больше. Увы, но такова реальность. Однако...

Галактия. Всё. Отвлекли окончательно.

(Пауза).

Ривера. Прошу прощения. Теперь — по сути. Кресло под нашим дождем в любой момент готово закачаться, стоит ему оступиться, даже по самому мелкому поводу. Этим тут же воспользуются его враги, и он будет вынужден уйти на покой.

Галактия. Дожди приходят и уходят...

Ривера. К сожалению, все не так просто.

Галактия. Неужели?

Ривера. При нём сложилась атмосфера, которая поощряет работу художника, когда приветствуются все виды искусства: живопись, поэзия, скульптура. Именно поэтому удалось доверить столь неординарному мастеру, как Вы, задачу необычайной важности — воплотить на холсте величайший триумф в истории Венеции.

Галактия. Что именно воплотить?

Ривера. Величайший триумф венецианской...

Галактия. По-моему, Вы ошибаетесь: в контракте, который я подписала — к сожалению, я его здесь не держу и не могу показать — так вот, там чётко прописана тема картины: «Битва при Лепанто», и больше ни слова: о триумфе речь не идет. Триумф — по поводу чего?

Ривера. Дож очень рискует, доверив вам столь ответственную работу. Унижая его, вы льете воду на мельницу его врагов, они только и ждут повода, чтобы сместить его с должности. А если это случится, у власти окажется совсем другой человек, и кто бы он ни был — всё уже будет иначе, потому что никто из возможных кандидатов ни на йоту не...

Галактия. Вы ведь арт-критик, не так ли?

Ривера. Да. И у меня должен быть предмет для критики.

(Пауза).

Галактия. Вот вам предмет: посмотрите на этого умирающего от ран, они — итог величайшего триумфа Венецианской республики...

Ривера. ВСЕ НЕ ТАК ПРОСТО, КАК КАЖЕТСЯ.

(Пауза).

Я ни в коем случае не пытаюсь влиять на художественные задачи, которые вы решаете, я лишь...

Галактия. Обрывки мышц, свисающие с костей, довольно трудно увязать с вашими...

Ривера. Язык мой — враг мой, синьора, но такова горькая правда.

(Пауза).

А мне у вас тут нравится... Свечи горят... Я подпишусь под каждым своим словом. Посмотрите на меня: я — женщина без изъянов, одета по последней моде, кожа белая-белая, такую ещё поискать, одним словом, идеал женщины, да и только. Занята тем, что хожу по выставкам, галереям и мастерским, как и положено образцовому критику. Но моя профессия, на деле — занятие очень жестокое. Я бы даже сказала: убийственное, — рву в клочки репутации, режу по живому, перекрываю кислород. Хотя я стараюсь сохранять приличия, но в своих собственных интересах разрушаю карьеры, а зачастую и жизни... Я — убийца, понятно? Доброй ночи.

(Уходит).

Галактия. Иногда спрашиваешь себя: ради чего ты здесь сидишь, под потолком, ночи напролёт, на этих шатких дощечках? Мошкара лезет в глаза, вьется, как безумная, вокруг свечей, застит свет... Но говоришь себе: кто-то должен стать голосом всех этих мертвецов!.. Не из сочувствия к их страданиям, нет, я не об этом... Отсюда у меня поперет отвращение — неподдельное, животное отвращение, и кровью, кровью писать...

Голоса изнутри картины. Мертвецы... Мертвецы...

Галактия. Адмирал этот — просто лицемер. Какое, на хрен, смирение...

Голоса изнутри картины. Мертвецы... Мертвецы...

Галактия. ТОЖЕ МНЕ, БИНОМ НЬЮТОНА. ЧИСТАЯ КЛИНИКА. Сплющенные мошонки и вонючие промежности...

Голоса изнутри картины. Мертвецы... Мертвецы...

Галактия. Солдаты не чувствует лжи в своих словах, они тупо повторяют заповеди государственной пропаганды, как стая псов, лающих по команде таких же вонючих мудаков.

Голоса изнутри картины. МЕРТВЕЦЫ! МЕРТВЕЦЫ!

Галактия. Художник, работающий на государство, выполняет приказ и, рисуя мудаков, убивает в себе всё живое.

Голоса изнутри картины. МЕРТВЕЦЫ! МЕРТВЕЦЫ!

(Пауза. Входят три пьяных матроса).

Первый матрос. Ого! Баба на лестнице...

Второй матрос. Кто знает, где моя койка?

Галактия. Флотским вход запрещён, будьте добры...

Первый матрос. Опа!

(Пауза).

Баба под потолком...

Галактия. Осторожно, горшки с красками сшибете...

Второй матрос. Ну, и где же моя койка?

Галактия. Осторожно!.. Ты сшиб их, болван!

Второй матрос. Виноват, я ищу свою...

Третий матрос. И хтой-то у нас тут болван?

Второй матрос. Не видать нигде...

Галактия. Кто ваш командир?

Второй матрос. Вот стол, а койки нет...

Третий матрос. И хтой-то у нас тут болван?

Галактия. Вы ошиблись дверью, это не казарма, а...

Первый матрос. Ого!

Галактия. ... моя мастерская, я...

Первый матрос. Опа!

(Пауза).

Второй матрос. Чо?

(Пауза).

Господи Иисусе!

Альбом. На одном из листов изображены трое матросов в разных позах и в разных точках композиции: рты разинуты, руки безвольно опущены. У одного в руке бутылка, но, похоже, он забыл о её существовании, наблюдая происходящее, и полностью протрезвел...

(Звон от осколков упавшей и разбившейся бутылки).

Третий матрос. Б-БЕЙ!

Первый матрос. Кинжалы! Мушкеты! К оружию!

Второй матрос. БАТА-КУ! БАТА-КУ!

Первый матрос. С нами Бог и Республика! Ура!

Галактия. НЕ ТРОНЬТЕ КАРТИНУ!

Второй матрос. Огонь! Огонь!

Первый матрос. Гляди на ей...

Третий матрос. НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ!

Первый матрос. Глянь на ейную жопу!

(Матросы буянят в пьяном угаре, перепутав явь с происходящим на картине).

Второй матрос. Подрежь её!

Галактия. Осторожно, там поднос ...

(Падают и разбиваются бутылки).

Первый матрос. Руби педерасов!

Третий матрос. Б-БЕЙ! Р-РЕЖЬ!

Галактия. ОСТОРОЖНО! ЭТО ПАЛИТРА, ИДИОТЫ!

(Они опрокидывает стол, на пол падает все, что на нем стояло и лежало).

Второй матрос. Кровь за кровь!

Первый матрос. Попался!]

Третий матрос. ААА-ГЫЫ!

Галактия. ПОШЛИ ВОН! ПОШЛИ ОТСЮДА, УРОДЫ!

Первый матрос. Оо! Она мне вдарила!

Галактия. ВОН ОТСЮДА!

(С криками и руганью двое матросов убегают. Пауза).

А ты?

Второй матрос. Я думал... Я думал...

Галактия. Посмотри, что какой бардак вы тут устроили!.. Как можно работать, когда вы... когда люди вроде вас... а ну, смотри!

Второй матрос. Я думал, я...

Галактия. Ты знаешь, сколько это все стоит? А?

Второй матрос. Я думал...

Галактия. Только за одну унция вот этого я заплатила двадцать долларов, ты хоть...

Второй матрос. Пойду и...

Галактия. Кретины, я...

Второй матрос. Мне поплохело...

(Пауза).

Галактия. Сядь и успокойся.

Второй матрос. Синьора, мне поплохело...

(Пауза).

Галактия. Зачем ты столько выпил? Из-за того, что... от всех тут только половинки остались... из-за того, что...

Второй матрос. Нет, не из-за выпивки...

(Пауза).

Из-за картины.

(Пауза).

Смерть ведь так выглядит, верно? На войне?

(Пауза).

Галактия. Да, так. Хотя я никогда там не была, но думаю, что именно так.

Второй матрос. Согласен.

(Пауза).

Галактия. Сиди и не шевелись, я тебя нарисую...

Альбом. Молодой матрос поражен увиденным.

(Пауза).

Ни на одном из предварительных эскизов этого молодого матроса нет. При более пристальном рассмотрении холста, можно понять, что его фигура была добавлена позже. Он прижимается к одной из пушек, в ужасе глядя на то, что творится перед ним. Это единственный из двухсот персонажей, не включённый в водоворот насилия и смерти. Портрет выполнен в полупрозрачных тонах, в такой манере пишут религиозные сюжеты. на религиозные темы, и резко контрастирует с выражением полного равнодушия на лице адмирала Суфичи, чья фигура расположена прямо напротив. Их разделяет лишь груды мёртвых тел, вываливающихся за пределы картины в её нижнем левом углу. С противоположной, правой, стороны — в точке, образующей одну из вершин треугольной композиции, — отдельно от всех, располагается фигура человека с древком стрелы в голове: понимая, что случилось, он в ужасе заткнул уши, качаясь из стороны в сторону вместе со своим веслом, как бы приглашая зрителей разделить его страстное желание оказаться в этот момент где-нибудь в другом месте...

сцена девятая

(В коридоре Дворца Дожей).

Чиновник. Синьор Карпета?

Карпета. Да.

Чиновник. Присядьте, пожалуйста. Эскизы с вами?

Карпета. Конечно. Вот в этой папке.

Чиновник. Так много?

Карпета. У меня всегда много заказов.

Чиновник. Что ж, подождите здесь.

Сордо (*входя*). Карпета! И ты здесь?

Карпета. Само собой.

Сордо. Знакомые все лица! Все те же халтурщики...

Карпета. Не стоит так шутить, а то сам поверишь в это.

Сордо. А я и без того в этом уверен! Типичный халтурщик, такой же, как и ты.

Карпета. Я вам не ровня. И у меня нет ни малейшего желания...

Сордо. Может, желания у тебя и нет, старина, но...

Карпета. Послушай, Сордо, это просто возмутительно! Меня бесит твоё отношение к искусству: если пропало желание заниматься им всерьёз, смени профессию...

Сордо. Прекрасно сказано! Что ты им принёс на этот раз? Ещё одного «Христа на цветущем лугу»?.. Ладно, не обижайся. Я же прекрасно понимаю: ты разыгрываешь этот спектакль с той же целью, что и я, когда публично поношу нашу братию. Но тебе труднее держаться на плаву — они держат нос по ветру и выбирают в зависимости от спроса.

Карпета. От какого спроса?

Сордо. К религии, по крайней мере, он отношения не имеет.

Карпета. Не понял...

Сордо. Ладно, не парься. Сиди тут и жди...

Чиновник (*входя*). Синьор Карпета!

Сордо. Всё же мы должны держаться вместе и хоть изредка общаться.

Карпета. Да...

Сордо. На словах-то мы тут все — одна «школа», а на деле встречаемся только на похоронах... Хороша «школа»!

Чиновник. Синьор Карпета!

сцена десятая

(Зал во дворце. Дверь закрывается).

Остенсбиле. Спасибо, что принесли эскизы.

Карпета. О, я...

Остенсбиле. Их так много.

Карпета. Извините.

Урджентино. Надо сказать, синьор Карпета, нам хорошо известны ваши таланты.

Карпета. Благодарю.

Урджентино. Синьор Карпета, если вы думаете, что глава Совета не разбирается в течениях в современной живописи, то вы ошибаетесь. Синьоры, перед нами автор картин «Христос на цветущем лугу».

Карпета. Я очень рад, что...

Урджентино. Это — кардинал Остенсбиле. Ему тоже знакомы ваши полотна.

Остенсбиле. Одно из них висит у меня дома.

Урджентино. Слышали? У кардинала есть ваша картина. Итак, вы находитесь среди почитателей Вашего таланта.

Карпета. У меня есть также несколько рисунков на светские темы, которые вы можете...

Урджентино. Как вам известно, кардинал занимает должность Государственного секретаря в области образования, в связи с чем он — как и я — с особым вниманием следит за работой синьоры Галаксии и очень обеспокоен тем, во что она выливается. Про себя я не говорю... Присядьте, пожалуйста. И позвольте вам заметить, что я не считаю потерянным время, которое трачу на знакомство с искусством. Ибо искусство — это частное мнение, всегда было и есть. А что, как не уверенность в истинности своего мнения, составляет сущность власти как таковой? Частное мнение, и только оно, лежит в основе любой власти, не так ли?

Мы только что беседовали здесь с Сордо. По нашему мнению, он исчерпал себя как художник. Вы согласны?

Карпета. Ему всего тридцать семь...

Урджентино. Не имеет значения. Талант может иссякнуть в любом возрасте.

Карпета. Возможно.

Остенсбиле. Художники лишь делают вид, что между ними царят мир и согласие, а на деле они терпеть друг друга не могут. Насколько близко вы знаете Галактию?

Карпета. Я знаком с ней.

Остенсбиле. Я спрашиваю о другом: насколько хорошо вы её знаете?

Карпета. Достаточно хорошо.

Урджентино. Говорят, вы спите с ней, и достаточно регулярно.

Карпета. Вот как?

Остенсбиле. Возможно, это не так. К тому же, полагаю, спать с кем-либо не всегда означает хорошо знать того, с кем спишь. Более того, осмелюсь предположить, что многие постельные союзы вообще не состоялись бы, узнай партнёры друг друга по-настоящему. Впрочем, случается и так, что, проспавши в одной постели лет десять, в одно прекрасное утро обнаруживают, что им и сказать-то друг другу нечего...

Карпета. Моя связь с Галактией... она была... носила довольно поверхностный характер, то есть была как бы необязательной...

Остенсбиле. Понимаю...

(Пауза).

Урджентино. Видите ли, я глубоко уважаю синьору Галактию как художника и как женщину.

Карпета. Я тоже. Мне кажется, она...

Урджентино. Не перебивайте.

Карпета. Простите.

Урджентино. Глубоко уважаю. Как художник она находится в расцвете своего таланта... и всех прочих способностей. Как метеор, несется по своей орбите, освещая все вокруг, преодо-

левая любые препятствия, под которыми я разумею посторонние влияния, влияния талантов, более крупных, чем её, и руководствуясь только своими желаниями. Благодаря настойчивости и, возможно, с помощью свойственной ей развращенности, она добилась того, что ей стали подражать, иными словами, в её лице мы имеем блестящий талант. Поэтому, посоветовавшись, мы с кардиналом решили, что не имеем права упустить эту возможность, что Венеция просто обязана привлечь к работе жемчужину такой величины. Ибо для учреждения, руководящего искусством, то есть для нас, циничных бюрократов от искусства, любящих выставить напоказ свой изысканный вкус, упустить такую крупную рыбу, не предложив ей крупный заказ, стало бы непростительной ошибкой. Не примите это за шутку, я говорю совершенно серьёзно, что мы не позволяем себе разбрасываться талантами подобной величины.

Остенсбиле. По той же причине мы хотим сохранить при себе и ваш талант.

Урджентино. В том числе. Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему мы привлекли её к такой ответственной работе. Талант — это редкость, и дорогого стоит, хотя зачастую он взрывоопасен. Скажите, что с ней происходит? Уж не сошла ли она с ума?

(Пауза).

Карпета. Вы спрашиваете, не сошла ли она... Она... Да, немного... она... настаивает, чтобы я ушёл от жены. И... так далее. Что это, если не род помешательства...

Урджентино. Выходит, так и есть? Я должен был бы догадаться, что причиной тому — ваша жена. А может, она просто любит вас?

Карпета. Любит, говорите... что ж, она...

Урджентино. Да, любит, и больше, чем вы того заслуживаете... Я наблюдаю, как продвигается её работа над полотном «Битва при Лепанто». Оно становится все хуже, но не с точки зрения мастерства. Нравственное содержание этой картины становится всё ужаснее. Поэтому ответьте мне откровенно: насколько она нравственна?

Карпета. Галактия? Нравственна? Не думаю. Скорее, можно... Нет, лучше прямо сказать: она безнравственна.

(Пауза).

Остенсбиле. Синьор Карпета, сколько времени вам потребуется, чтобы написать картину на холсте размером три тысячи квадратных футов?

(Пауза).

Карпета. Месяц.

Урджентино. Послушайте, просто глупо...

Карпета. Нет, я не об этом... Я хочу сказать...

Урджентино. Оставим амбиции в покое, когда дело идёт...

Остенсбиле. Дайте ему закончить.

Карпета. Я хочу сказать, что мог бы написать холст такого размера за месяц, но только он...

Урджентино. Только он, чёрт возьми, не будет... или будет?

Карпета. Достаточно... достаточно высокого качества.

Урджентино. Успокойтесь. Я вижу, что вы человек предусмотрительный. Это вселяет надежду.

Карпета. При соответствующем сюжете и... с достаточным количеством помощников, я полагаю, что мог бы управиться за семь недель...

Остенсбиле. Вижу, что синьора Галактия не была с нами предельно откровенной.

Карпета. Нет, нет, она...

Остенсбиле. Она что?

Карпета. Поступила по-своему.

Остенсбиле. Вот я и говорю! И это понятно — в определённых обстоятельствах, но не в данном случае, когда речь идёт о деле государственной важности...

Карпета. Надо ещё подумать о...

(Пауза).

Остенсбиле. О чем?

(Пауза).

О чем ещё следует продумать?

Карпета. О том, что... требуется в данных обстоятельствах.

Урджентино. Что ж, действительно... Вы можете приступить к работе прямо сегодня?

Карпета. Могу.

Остенсбиле. То, как вы изобразили Христа, я хочу сказать, та благородная манера письма, в которой подан Его образ... производит сильнейшее впечатление на наших воинов.

Карпета. Я понимаю...

Остенсбиле. Сражение само по себе не есть благодатное событие... но при сложившихся исторических обстоятельствах оно является олицетворением великой жертвы, высшей формой самопожертвования. И служит той же священной цели... как и Крестная смерть Господа нашего...

Карпета. Я понимаю...

Остенсбиле. А наши воины... не были просто принесены в жертву, но отдали свои жизни, сражаясь за Веру и Отечество!

Урджентино. Вот именно. Но при этом держитесь своих художественных принципов. Ведь это будет ваша картина!

Остенсбиле. Конечно, ваша!

Урджентино. Поздравляем! Отныне ваше имя будет значиться в пантеоне великих художников Венеции. Да будет так!

Карпета. Благодарю вас. Таким образом, мне предоставлена уникальная возможность...

Урджентино. Чуть позже получите и материальное подтверждение нашим договорённостям.

Карпета. Не беспокойтесь, пожалуйста. Ведь теперь у меня будет уникальная возможность реализовать свои самые смелые планы и в то же время...

Урджентино. До свидания!

Карпета. Ещё раз благодарю за...

Урджентино. Оставьте здесь эскизы.

(Карпета уходит. Дверь за ним закрывается. Пауза).

Интуиция порой даёт блестящие результаты, интересно, почему?.. Полагаю, через семь недель мы будем иметь лучшее, на что способен синьор Карпета. Хотя тому, что мы получим в итоге, вряд ли найдётся место в ряду великих творений. Хотите взять что-нибудь из этих эскизов? *(Просматривает оставленные Карпетой листы).*

Неплохо... вот это, к примеру... Ого, глядите-ка! Клянусь, это наша обнажённая мастерица!

Остенсбиле. Кстати, как же насчёт неё?

Урджентино. Ведь она его любит... Да, великая женщина... и без ума от такого ничтожества.

Остенсбиле. И что же нам делать?

Урджентино. С ней, вы имеете в виду?

Остенсбиле. Мы не можем не отреагировать на эту провокацию и промолчать перед лицом расчётливого и откровенного очернительства нашей истории.

Урджентино. Без сомнения.

Остенсбиле. Ведь и она ждёт от нас того же. Иначе мы её разочаруем...

Урджентино. И тогда она нас возненавидит.

Остенсбиле. Значит, мы должны ответить адекватно её ожиданиям.

(Пауза).

Урджентино. Тюрьма?

Остенсбиле. Вы думаете?

Урджентино. Думаю, что непродолжительное заключение — именно то, чего ждет от нас эта несчастная и безрассудная женщина.

Остенсбиле. Абсолютно с вами согласен.

Урджентино. Утверждается. Тем самым мы поступим согласно нашим принципам и оправдаем её ожидания.

сцена одиннадцатая

(В казарме).

Галактия. Ну, вот и всё. Картина готова.

(Пауза).

Карпета. Правда?

(Пауза).

Галактия. Картина завершена, и ты будешь первым, кто её увидит. Знаешь, я никогда ещё не показывала только что законченные картины моим мужчинам. Кроме отца, конечно, ведь он был моим первым учителем. И ты будешь первым, понимаешь?

Карпета. Ещё бы?!

Галактия. Это потому, что я люблю тебя. Слышишь, Карпета?

Карпета. Слышу, конечно *(в сторону)*. Не знаю более изощрённой пытки, чем быть объектом страсти, которую перестал разделять.

Галактия. Поцелуй меня!

Карпета *(в сторону)*. Вот до чего доводит чувственность — она прожигает тебя насквозь.

Галактия. Ну, поцелуй же... Я жду...

Карпета *(в сторону)*. В ней бурлит животная страсть... того гляди, взвояет. И по глазам видно...

Галактия. Целуй же, целуй...

Карпета. Неужели ты её закончила? По-моему, я не заслужил...

Галактия. Не дури!

Карпета. Нет, правда, я не чувствую, что заслужил...

Галактия. Не будь таким... Что с тобой сегодня? «Я не заслужил»...О чем ты?

Карпета. Только о...чести...

Галактия. Успокойся. А то испортишь мне настроение! Встань вон там. Вот так. А теперь закрой глаза, а я открою ставни. Стой на месте, не двигайся! Так, открываю, открываю, а ты жди... глаза не открывай! Стой спокойно! Не оборачивайся! ...Я прямо робею, никогда ещё так не волновалась...не предавала этому значения, а сейчас... Всё... вот... да будет свет! Какой яркий...

(Открывает последний ставень).

А теперь... ещё немножко...

(Пауза).

Можешь открыть... Ну, как?

(Пауза).

Карпета!

(Пауза).

Ну, что?.. Ты плачешь... Неужели?! Ты плачешь, любимый! Она тебе нравится? Говори, не молчи!

(Карпета рыдает).

Значит, она и вправду настолько хороша, что ты не смог...

(Карпета продолжает рыдать в голос).

О, мой единственный, мой несравненный!

(Стук молотков по дереву).

сцена двенадцатая

(Спустя несколько часов. Из мастерской выносят все, что там есть).

Супорта. Прямо какой-то водопад человеческого мяса. И в то же время — лучшее из всего, что ты написала. Однако, прости за откровенность, я больше не хочу, чтобы моё имя связывали с твоим — в смысле работы, конечно.

Галактия. Отлично тебя понимаю.

Супорта. Нет, подожди, мать, это ещё не всё. Пожалуйста...

Галактия. Я знаю, что ты хочешь сказать.

Супорта. ПОЧЕМУ ТЫ НИКОГДА НЕ ДАЁШЬ МНЕ ДОГОВОРИТЬ?

(Пауза).

Хотя это и лучшая твоя картина, я не могу согласиться с тем, что ты...

Галактия. Замолчи! Меня нисколько не задевает, что ты не хочешь со мной работать, поскольку...

Супорта. Ну, почему ты...

Галактия. Поскольку я заранее это предвидела и...

Супорта. ПОЧЕМУ ТЕБЯ НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ЗАДЕВАЕТ?! Ты вечно делаешь вид, что заранее все предвидела. Мы двадцать лет работаем вместе, и вот я ухожу, а тебе на это наплевать!

(Пауза).

Галактия. Тоже мне, секрет Полишенеля! Ясно как день, что тебе претит всё, что я делаю.

Супорта. Тебя радуют чужие неудачи.

Галактия. Наверно, ты права. Я всегда заранее их предвижу. И это меня вдохновляет. К чёрту толерантность... Послушай, Супорта, ты художник-декоратор, и тебе не понять, что меня ведёт. Когда ты поняла, к чему я стремлюсь в своей последней картине, то решила откреститься от меня и вообще исчезнуть с горизонта, и это понятно. Меня давно не интересует, что и как ты делаешь как художник. У тебя всё блестит. Но не со всеми тканями можно так работать.

Супорта. По-моему, ты... мне больно об этом говорить... слегка спятила.

Галактия. Ясное дело... Об этом болтают все, кому не лень... Пойду помогу им снять картину со стены — надо проследить, иначе...

Супорта. Я не бросаю тебя, я только хочу сказать...

Галактия *(рабочим)*. СТОЙТЕ. ПОДОЖДИТЕ МЕНЯ.

(*вновь Супорте*). Да я не в претензии. Открой свою мастерскую и малюй картинки к свадьбам.

Супорта. Тебе бы только поиздеваться...

Галактия. Прекрати! У меня нет времени выслушивать твои жалобы, они для меня ничего не значат... Господи, если бы мы обладали даром входить в положение друг друга! Я выпишу тебе чек за твои труды...

(*Рабочим*). **ОСТАНОВИТЕСЬ! НЕ ТАК! ЭТО ВАМ НЕ КОВЕР!**

(*Суппорте*). Они погрузят её на баржу и по воде доставят на место. Она поплывет под брезентом как бомба, которую тайно перевозят к месту будущего взрыва... Потом выгрузят на берег и отнесут в цитадель власти. И она посеет ветер в их мозгах и не оставит камня на камне от их привычных представлений. А я буду наказана за эту орущую правду, потому что туда ей хода нет... Вот почему Карпета разрыдался, как ребёнок.

сцена тринадцатая

(*Зал во Дворце Дожей*).

Урджентино. Висит. Ещё не в раме, но уже на стене. Прямо в галерее.

Суфичи. Пойдём скорей, мне не терпится её увидеть.

Урджентино. Не спеши! Не спеши. Сначала допей.

(*Пауза*).

Я же говорю: допей сначала.

(*Пауза*).

С картинами всегда так: наступает момент, когда никакие поправки уже не могут повлиять на конечный результат.

Суфичи. Значит, это не то, на что ты...

Урджентино. Не то, на что Венеция...

(*Пауза*).

Суфичи. Ах вот как...

(*Пауза*).

Урджентино. А причиной, насколько я понимаю, является не что иное, как психическое расстройство — именно оно и помешало автору создать полотно, соответствующее ожиданиям заказчика.

(*Пауза*).

Суфичи. Это...

Урджентино. Это слегка..., а вернее сказать, ни с чем подобным я до сих пор не сталкивался.

Суфичи. Понимаю. А я... я...

Урджентино. Конечно, ты там представлен. Да ещё как, но...

Суфичи. Я хочу её увидеть.

Урджентино. Не спеши...

Суфичи. Я хочу на неё посмотреть.

(*Пауза*).

Урджентино. Отлично. Искусство — это поле такой деятельности, результат которой зависит исключительно от того, что у художника на уме: либо он разумен от природы

или, по крайней мере, стремится к этому, либо... у меня есть ещё кое-кто на заметке, поэтому не имеет значения, что она там сотворила... В общем, не стесняйся — сблевани, и дело с концом.

(*Пауза*).

Сблюй и забудь, если...

Суфичи. ЗАТКНИСЬ.

(*Пауза*).

Посмотри на мои руки, там, на картине... это руки подлеца. Мои руки совсем не такие.

Урджентино. Конечно, нет.

Суфичи. Посмотри на них, посмотри...

Урджентино. Смотрю.

Суфичи. ПОСМОТРИ ЖЕ!

Урджентино. ДА СМОТРЮ, СМОТРЮ!

Суфичи. Они не похожи на мои, правда?

Урджентино. Конечно, это не...

Суфичи. Невзирая на возраст, руки у меня ещё реально красивые, а ногти совсем не похожи на эти когти, которые она мне пририсовала!

Урджентино. Послушай, Чезаре...

Суфичи. Посмотри, разве они похожи на когти?!

Урджентино. Да успокойся же ты! Того гляди, слуги сбегутся...

Суфичи. Зачем заставляешь меня позировать целых три раза? Срисовала бы эти когти с какого-нибудь зверя...

Урджентино. Чезаре...

Суфичи. ...из любой энциклопедии, и дело с концом!

Урджентино. Никогда не видел тебя в таком возбуждении...

Суфичи. Да, да, представь себе, я в диком возбуждении!

Урджентино. Что ж, для этого есть основания, но...

Суфичи. И совсем не из тщеславия, я им не страдаю, а просто потому, что это очевидная ложь...

Урджентино. Конечно, вранье...

Суфичи. И поскольку это ложь, а я...

Урджентино. Терпеть её не можешь, мне это прекрасно известно.

Суфичи. А лицо...

Урджентино. Лицо — хуже...

Суфичи. Хотя в принципе, я похож на себя.

Урджентино. Вовсе нет, очень приблизительное сходство...

Суфичи. ... но при этом — сколько презрения вложила она в это сходство!

Урджентино. Послушай, мы не знаем...

Суфичи. Именно, презрения! Достаточно сравнить с портретом, который сделал Гарачи — на фоне цветущего сада, чтобы увидеть...

Урджентино. Здесь мы имеем дело с другим жанром, хотя, конечно...

Суфичи. Я только хочу сказать, что Гарачи прекрасно передал мой внутренний облик, а эта... Извини, что я так разъярился, но...

Урджентино. Да нет, я понимаю...

Суфичи. Я редко раздражаюсь, но она просто никуда не годится как художник, ей нельзя доверять такие темы, ведь она, по сути, совершенно расчетливо оскорбила и меня, и вообще всех тех,

кто героически отдали свою жизнь... вот, скажи, что значат все эти тела... они повсюду... а эти жуткие... я, конечно, не художник, но всё было совсем не так!

сцена четырнадцатая

(Помещение).

У р д ж е н т и н о. Как Вы себя чувствуете?

(Пауза).

Вижу, Вам не слишком уютно здесь?

Г а л а к т и я. Не слишком.

(Пауза).

Точнее: и да, и нет.

(Пауза).

У р д ж е н т и н о. В каком смысле?

Г а л а к т и я. Тут вполне комфортно — и в то же время как-то жутковато...

У р д ж е н т и н о. Восхитительное сочетание.

(Пауза).

Г а л а к т и я. Прежде всего, я...

У р д ж е н т и н о. Заткнись!

Г а л а к т и я. Я готова возместить до последнего пенса сумму аванса, который...

У р д ж е н т и н о. Заткнись, я сказал! Я видел эскиз, где ты изображена с голыми сиськами.

Г а л а к т и я. И что? Какое это имеет отношение...

У р д ж е н т и н о. Заткнись же!

Г а л а к т и я. Не вижу, какое отношение все это...

У р д ж е н т и н о. ЗАТКНИСЬ!

(Пауза).

Здесь мой

дворец. Моё царство-государство. У тебя своё, а здесь — моё. Повторяю: у меня есть рисунок, на котором ты изображена с голыми сиськами. Вот он, смотри, лежит на столе. И что прикажешь с ним делать?

(Пауза).

Конечно, мы, правители и бюрократы, не похожи на вас, людей искусства, но держать нас за дураков — непростительная ошибка. А причина тому — непомерное тщеславие, свойственное вашему брату. Оно ведёт прямо на виселицу.

Г а л а к т и я. Беру на себя всю ответственность...

У р д ж е н т и н о. ДА ПЛЕВАТЬ МНЕ, БЕРЁШЬ ТЫ ЕЁ НА СЕБЯ ИЛИ НЕТ!

(Пауза).

Знаешь, о чём свидетельствуют эти твои слова: «Беру на себя всю ответственность»? Только о твоём высокомерии! Ну, что ты выпятила свою лошадиную челюсть? Сидишь тут на подушке с гербом Венеции, упиваясь своей исключительностью, и не испытываешь страха... КАК Я ЭТО НЕНАВИЖУ! Надеюсь, это унижение пойдёт тебе только на пользу. И не смотри на меня так! Опусть глаза... Как, по-твоему, называется то, что ты в итоге представила нам? Сейчас здесь соберутся члены Приёмной комиссия, и что они подумают? Что своей картиной ты оскорбила каждого из них, и более того — нанесла оскорбление нашей Республике. Она тебе

не нравится? Если так, то это — акт государственной измены, и не говори мне, что ты не думала об этом.

Г а л а к т и я. Да как-то не очень.

У р д ж е н т и н о. Не очень? Если так, тогда о чём ты...

Г а л а к т и я. О ТОМ, О ЧЁМ ВОПИЕТ КРОВЬ.

(Пауза).

У р д ж е н т и н о. Видишь тот мост? С одной стороны, перед ним расстелен ковёр, на противоположной — лежит камень. С этой стороны — подушки, с другой — солома. Здесь в домах — окна, там — дома без окон, там полная темнота. Тут смеются и веселятся, на той стороне — плачут. Тебе знаком этот мост?

(Гул приближающихся голосов).

Г а л а к т и я. Это Мост Вздохов.

У р д ж е н т и н о. Упоительно, признаюсь тебе, сидя на этих парчовых подушках, представлять, как твои голые сиськи бьются о холодные стены тамошнего подземелья.

(Входят члены Комиссии).

Г а л а к т и я. Я горжусь собой. Потому что ни разу не изменила себе. А все эти художники, чьи картины развешены тут по стенам, себя потеряли — это все не они, это какие-то другие люди...

Ч и н о в н и к. Садитесь, пожалуйста.

Г а л а к т и я. Я готова полностью вернуть Венецианской Республике деньги, которые были мне выплачены за...

Ч и н о в н и к. Соблюдайте тишину и садитесь.

Г а л а к т и я. Я хочу сделать заявление...

О с т е н с и б и л е. Оно нам ни к чему...

Г а л а к т и я. Но почему я не могу сделать заявление?

Ч и н о в н и к. Ваше имя Анна Галактия, проживающая по адресу...

Г а л а к т и я. Вам отлично известно, как меня зовут и где я живу, иначе меня не пригласили бы сюда.

Ч и н о в н и к. Вы являетесь автором картины «Битва при Лепанто», которая висит там напротив окна?

Г а л а к т и я. Конечно, это ... но в чём, собственно...

О с т е н с и б и л е. Я полагаю, достаточно. Спасибо.

(Пауза).

Синьора, мы не понимаем, что изображено на вашей картине.

Г а л а к т и я. На ней изображено морское сражение.

О с т е н с и б и л е. Нет, это бойня, морская бойня.

Г а л а к т и я. Любое сражение — бойня.

О с т е н с и б и л е. О, нет! Война — это продолжение политики иными средствами.

Г а л а к т и я. Вот я и демонстрирую эти «иные» средства, то есть насилие.

О с т е н с и б и л е. Но не его результаты. Что противоречит исторической правде. У битвы при Лепанто была цель! Добиться свободы мореплавания и защитить христианскую веру. Почему же этого нет на вашей картине?

Г а л а к т и я. Да как всё это изобразить?!

О с т е н с и б и л е. Демонстрируя средствами живописи достоинство участников — тех, кто сражался с нашей стороны.

П а с т а ч о. Каковы ваши идейные установки?

Галактия. Я — художник, а не ...
Остенсбиле. О нет! Вам не удастся отделаться общими словами: «инстинкт художника», «чувственность» и так далее...
Галактия. Почему?
Остенсбиле. Потому что это нечестно, всё равно что хлопнуть дверью и поставить точку в нашем разговоре. Не так ли?
Галактия. Я писала смерть, потому что ничего, кроме неё я там не видела.
Пастачо. Значит, вы отобразили лишь одну сторону происходящего и тем самым признали только часть правды в ущерб другой?
Галактия. Да. Другую я не принимаю, она мне отвратительна, но я демонстрирую её плоды.
Пастачо. Иными словами, вы заранее исключили её из рассмотрения?
Галактия. Что именно я исключила?
Пастачо. Величие и благородство целей этого сражения?
Галактия. Не вижу там никакого величия.
Остенсбиле. То есть, вы не признаете, что действия государства благотворны для Венеции?
Галактия. Я... я полагала, что если ...
Остенабиле. Итак, вы со всей очевидностью отрицание их. Доказательством чему служит и образ адмирала: он изображен как человек в высшей степени черствый.
Галактия. Черствый?
Остенсбиле. А как ещё это называется?
Галактия. Слова не моё дело.
Остенсбиле. Зато моё. И я произношу это слово вместо вас: «черствый».
Пастачо. Синьора, мы хотим понять контекст, заглянуть глубже, чем позволяет изображённое вами на поверхности холста. Мы должны понять, что хотел сказать художник. По-вашему, можно ограничиться рассмотрением чисто художественной стороны изображения: мазок, цветовая гамма, колорит и тому подобное... Слов нет, всё это прекрасно, на этом поле вы вне конкуренции. Но за гранью очевидного мы с вами находимся в равном положении. Итак, о чем говорит ваша картина, какую цель вы перед собой ставили? Со своей стороны, мы полагаем, что этой картиной вы нанесли оскорбление Венецианской Республике. Желаете возразить?
(Пауза). Г а л а к т и я.
 и я. Что вы хотите со мной сделать?
Пастачо. Хотите возразить?
Галактия. Нет, не хочу.
Пастачо. Почему?
Галактия. Потому что в любом случае ваше мнение весит больше.
Пастачо. Откуда вы знаете? Сначала выскажите собственную точку зрения.
Галактия. Я всё равно не смогу доказать свою правоту, а доставлять вам удовольствие мне не хочется. Если моя территория — поверхность картины, а всё остальное — поле вашей деятельности, то на нем я точно проиграю. В искусстве спора — вы мастера. А я ненавижу споры... Что вы собираетесь со мной сделать?
Остенсбиле. Никогда не слышал о художнике, который не захотел спорить, отстаивая своё мнение. Все они обожают доказывать, что они гении. Почему вы отказываетесь? Защищайтесь, не надо нас раздражать.
Галактия. Вот видите, вы уже победили.
Остенсбиле *(с горечью).* НЕ В ПОБЕДЕ ДЕЛО...

Галактия. Тогда повесьте картину на улице.
Остенсбиле. Ни в коем случае.
Галактия. Почему?
Остенсбиле. Потому, девушка, что существует такое понятие, как общественная мораль!
Пастачо. Повесьте эту картину на улице, надо же такое придумать?!
Остенсбиле. Вот вам крик души художника! Вой развратной твари! Г
 а л а к т и я. Ах, вот оно что?! Наконец-то хоть кусочек правды... Душитель свободы!
Остенсбиле. Безответственность вашего поведения — только поза так называемого свободного художника в погоне за так называемой свободой самовыражения. Взгляните на себя: как вы одеты? Это платье, стиранное бог знает когда...
Галактия *(с удивлением).* Почём Вам знать, когда...
Остенсбиле. А груди... Вы явно не привыкли носить лифчик...Они так и трепыхаются под платьем...
Галактия. Да как он...
Остенсбиле. Расчёт на то, что мы спешим все на БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ПРИСУЩУЮ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ НАТУРАМ. Но нас не проведешь на мякине!
(Пауза).
 Вы — враг Республики. Вы хотите разрушить её единство и военную мощь. Пройдёт время, и вам придётся это признать. Я презираю художников и всю вашу богему, вместе взятую, и поэтому полностью соответствую месту, которое занимаю в данной комиссии. Я презирают их настолько, насколько люблю само искусство, что позволяет мне с полной ответственностью заявить: рукой автора этой картины водил сам дьявол... И никак иначе!
Галактия. Значит, меня посадят? Ведь вы не можете допустить, чтобы кто-либо публично сказал, как это сделала я, что единственный плод вашей политики — вот эти грязные, вонючие и волосатые задницы трупов, плывущих по воде посреди корабельных обломков... Поэтому со мной надо разделаться.
(Пауза).
 Не так ли?
(Звук захлопнутой двери тюремной камеры).

сцена пятнадцатая

(Тюремная камера).

Галактия. Здесь нет света! Дайте хоть свечку!
Тюремщик. Не положено.
Галактия. Ясное дело! Свечку ей подай... Ишь чего захотела! Скажешь ещё красок подать... Никакого снисхождения!
Заклочённый. Заткнись!
Галактия. Кто-то сказал «заткнись»? Голос из преисподней... КАК ТУТ ВОНЯЕТ. Могли бы хоть солону поменять...Небось и насрано, вряд ли я тут первая...Хотя, вроде, нет. Ладно...
Заклочённый. Заткнись же!
Галактия. Сам заткнись! Или смени квартиру, если тебя раздражает мой голос!.. Смотри-ка, здесь, оказывается, не так темно, как мне показалось поначалу... Даже забавно. Как будто все

окрашено чёрным, а на самом деле не так: чёрный — отсутствие света, а тут не то... Получается, мы сидим под каналом, что ли?.. Ой, что это? (вскрикивает в испуге) До чего это я дотронулась? Господи, я...

З а к л ю ч ё н н ы й. Ты сидишь тут всего две минуты, а...

Г а л а к т и я. Заткнись, голос из преисподней!

З а к л ю ч ё н н ы й. Только две минуты.

Г а л а к т и я. Ясное дело, сидеть в этом... испытание не из лёгких, но я ничего другого и не ждала.

Меня не особо удивляет вся эта гадость на полу, так и должно быть, и я... Ого!

(Смех из соседней камеры).

Смейся, смейся, я и не рассчитывала, что моим соседом окажется какой-нибудь умник.

З а к л ю ч ё н н ы й. Откуда тебе известно, кто я?

Г а л а к т и я. Если бы ты меня сейчас видел...вся в грязи, как свинья в хлеву... Вот что бывает с правдоискателями. Но я не удивляюсь, примерно этого я и ожидала, к такому и готовилась... Никто ко мне не придёт, а если придёт, то будет врать в глаза... ЧТО, впрочем, и НЕУДИВИТЕЛЬНО... Сколько я уже здесь?.. В темноте не поймёшь... За правду наказывают, и в этом — единственное доказательство, что ты её высказала... Интересно, а пытаться меня будут? А как же? Это было бы нелогично... В результате я сойду с ума, и меня прикончат где-нибудь в тёмном уголке...Они ведь ненавидят правду и вырывают её с корнем, едва почувствуют её запах, что ЕСТЕСТВЕННО, ПОТОМУ ЧТО ПРАВДА — ШТУКА ОПАСНАЯ... Тому, кто будет меня мучить, я скажу: «Я ПОНИМАЮ, ЧТО ВАМИ РУКОВОДИТ: ОНА ДЛЯ ВАС НЕВЫНОСИМА. Я так скажу, и за это меня будут мучить ещё больше... Интересно, когда я буду кричать, дож услышит мои крики?.. Какое у тебя лицо? Судя по голосу, у тебя должен быть большой нос.

З а к л ю ч ё н н ы й. Верно, большой.

Г а л а к т и я. Неужели?!

З а к л ю ч ё н н ы й. Правда, я не видел своего лица уже семь лет.

Г а л а к т и я. Знамо дело, зеркала тут у нас нет. Впрочем, и без него можно польстить своему тщеславию — вплести в волосы вонючую солому, припудриться собственным дерьмом... Я была неопрятной сучкой, в краске с головы до пят, хотя иногда всё же позволяла себе появиться на людях во всём чистом, — в разных, там, юбках да кофточках — опрыскаться духами, в общем, так, как принято... И всё равно что-то всегда было не так: то голову забуду помыть, то являюсь с грязными ногтями или ноги не вымою... Я скучаю по своему любовнику, а у тебя вообще отняли и любовь, и детей... Впрочем, наказание на это и РАССЧИТАНО: когда не хватает физической близости, всего, к чему привык, простых вещей, которые можно потрогать и что защищает от...К ТО-НИБУДЬ ДАЙТЕ СВЕТ!

(Пауза).

З а к л ю ч ё н н ы й. Успокойся, тебе ещё долго тут сидеть. Успокойся и старайся себя сохранить.

Г а л а к т и я. Постараюсь.

З а к л ю ч ё н н ы й. А если начнёшь кричать и протестовать, лишишься последних сил, а это единственное, на что можно рассчитывать в нашем безнадежном положении... Стань бессловесной тварью, наподобие крота в норе или рыбы в пруду.

Г а л а к т и я. Понимаю.

З а к л ю ч ё н н ы й. Усмири своё сердце.

Г а л а к т и я. Постараюсь.

З а к л ю ч ё н н ы й. Просто лежи и жди. Проспи эту долгую зиму своей обиды...

Г а л а к т и я. Ну, спасибо, я...

З а к л ю ч ё н н ы й. А гнев свой попридержи до лучших времен. Обычно тюрьма — шумное место, но тут выживают только молчуны. Шумливых столько вынесли отсюда вперёд ногами...

сцена шестнадцатая

(Мастерская Карпеты в Венеции).

У р д ж е н т и н о. Остенсбиле намерен предъявить ей обвинение в шпионаже в пользу турецкого султана. Он любит побеждать в спорах, а она отказалась спорить с ним, он рассвирепел, вот и говорит теперь, что она турчанка. Но она ведь не мусульманка, верно? Не перевариваю это экзальтированное миссионерство по любому поводу, присущее клирикам. А поскольку она, ясное дело, никакая не шпионка, то её будут пытаться, чтобы вырвать признание. Лично я, кроме как гнусностью, назвать это не могу. Пытки, подкуп свидетелей — всё это просто омерзительно и во многом объясняется его безбрачием. Подумать только, пытки, какой ужас! По-моему, туда стоить добавить немного красного, там, куда падают лучи заходящего солнца, да, да, именно туда... или, может быть, лучше оранжевый... как вы считаете?

К а р п е т а. Лучше оранжевый.

У р д ж е н т и н о. Вы правы, она больна. Терпеть не могу расхожие определения, но вам-то это известно лучше, чем кому бы то ни было... Не кажется ли вам, что позе вон того воина неплохо бы придать больше торжественности?

К а р п е т а. Этому?

У р д ж е н т и н о. Да, да, тому, который держит знамя — на его лице я что-то не вижу особой радости.

К а р п е т а. Он ранен стрелой в...

У р д ж е н т и н о. Конечно, но ведь он — знаменосец, вы же не будете возражать? А знаменосец должен в любых обстоятельствах воплощать собой радость грядущей победы и выглядеть образцом для всех других воинов. И вообще, смотрю я на вашу картину и, простите, не вижу, что победа будет за нами...

К а р п е т а. Я сделал все, как вы...

У р д ж е н т и н о. Конечно, сделали, я понимаю...

К а р п е т а. К тому же за столь короткое время...

У р д ж е н т и н о. Вы превзошли самого себя, это очевидно, и, в конечном счёте, за столь короткое время... кстати, трубачи выглядят слегка... Вы знакомы с творчеством Рафаэля?

К а р п е т а. Естественно.

У р д ж е н т и н о. Так вот, он бы...

К а р п е т а. Извините, но я больше так не могу.

У р д ж е н т и н о. Надо бы поэнергичней, что ли...Как вы сказали?

(Пауза).

К а р п е т а. Я больше так не могу.

(Пауза).

У р д ж е н т и н о. Не глупите.

К а р п е т а. Я...

У р д ж е н т и н о. Перестаньте и послушайте...

Карпета. Эти постоянные замечания и ...

Урджентино. Не кипятитесь. Вы перевозбудились, это понятно: ответственность, которую вы на себя взвалили...

Карпета. Дело не в ...

Урджентино. Именно в этом, и ...

Карпета. Я ХОЧУ УВИДЕТЬ ГАЛАКТИЮ.

(Пауза).

Урджентино. Зачем?

Карпета. Я люблю её.

Урджентино. Вы ...

Карпета. Я ХОЧУ ЕЁ ВИДЕТЬ.

(Пауза).

Урджентино. Я многим рискую, поручив вам эту работу ...

Карпета. Знаю. И я ...

Урджентино. Рисковал многим, когда сначала выбрал её, а теперь рискую, назначив вас.

Карпета. Извините, я ...

Урджентино. КАК ЖЕ МНЕ НАДОЕЛО ВОЗИТЬСЯ СО ВСЕМИ ВАМИ.

(Пауза).

Вы не говорили, что любите её, сказали, что ...

Карпета. Помню. Я ...

Урджентино. Что это была лишь ...

Карпета. Помню.

Урджентино. Любовная интрижка.

Карпета. Я хотел ...

Урджентино. ХОРОШО, НО ТОЛЬКО КОГДА ЗАКОНЧИТЕ, ... к тому же, это зависит не от меня, а от Госкомитета по общественному образованию, куда вы должны подать соответствующее прошение... там решат...

Карпета. Но ведь вы — дож...

Урджентино. Да, дож я, но ...

Карпета. Вы имеете возможность...

Урджентино. МЫ ЖИВЁМ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СТРАНЕ!

Ривера *(входя)*. Добрый день.

Урджентино. Терпеть вас всех не могу.

Ривера. О чём вы?

Урджентино. Лучше бы я не видел ваших картин! Это все ваша вина.

Ривера. Моя?

Урджентино. Да, и ваша, в том числе. Ведь это вы, Ривера, воспользовавшись моей мягкостью, втянули меня во все эти бессмысленные склоки между людьми, помешанными на самолюбованием. Они не в состоянии постичь смысл государственного управления! И теперь я обречен благоволить им, входить в их положение... одни, видите ли, влюблены, другие облечены особой миссией, у тех болит голова, у других менструация ... В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЭТО НЕ СПРАВЕДЛИВО.

(Пауза).

Иногда я думаю: лучше бы мне быть с ними грубым и черствым.

Ривера. Нет, нет ...

Урджентино. Именно так: быть грубым и бесчувственным, послать солдат выкинуть из их мастерских все эти рояли-клавесины, подрамники, холсты и прочую дребедень ... Увидеть собственными глазами, как они вылетают из окон, падают на землю и разбиваются вдребезги! Но я этого не делаю, правда? Подавляю в себе такое желание, и поэтому чувствую себя долбаным размазнёй.

(Обернувшись к Карпете).

Если не закончите в срок, отправлю вас к ней... Там у вас будет много свободного времени... заделаете детей, прямо на соломе!

(Обращаясь к Ривере).

Подойдите, Джина. Идите сюда!

(Вместе отходят в сторону).

Не могу вам передать, до чего я расстроен. Дошёл до прямых угроз своим любимцам. Помогите мне, скажите, что им не хватает человечности, а то я начинаю сомневаться, в своих способностях разбираться ...

(Переходят на шепот).

Что вы думаете о его картине? Скажите мне, это ...

Ривера. Да.

Урджентино. Неужели дерьмо?

Ривера. Дерьмо.

Урджентино. Правда? Теперь вижу... Так я и знал! О, Господи!

Ривера. Сядьте.

Урджентино. Уведите меня отсюда... Выведите на свежий воздух... Здесь пахнет красками... Я так любил бывать в мастерских, а теперь меня от них тошнит... Типичный халтурщик, да ещё и трус.

Ривера. Неправда...

Урджентино. Нет, халтурщик. К тому же он не прислушивался к тому, что я ему ...

Ривера. Напротив, прислушивался, и даже слишком.

Урджентино. И ещё у него отсутствует воображение... Ну, что я теперь, по-вашему, должен делать?

Ривера. Он очень крепкий художник, специалист в религиозной тематике, но баталист из него, увы, никудышный.

Урджентино. Зачем же тогда он согласился? Самозванец!

Ривера. В принципе, поручая второстепенным мастерам проекты, с которыми они не способны справиться, мы тем самым принижаем высокое искусство, хотя, конечно, льстим их самолюбие...

Урджентино. И что в итоге мне делать?

Ривера. Прежде всего, успокоиться.

Урджентино. Не могу, меня трясёт от бешенства!

(Пауза).

Итак?

Ривера. Я видела картину Галактии.

Урджентино. Остенсбиле хочет сжечь её!

Ривера. Конечно. Но не сделает этого. А спрячет её в подвал. Теперь послушайте меня. Скажу вам как эксперт и верная сторонница вашей партии, разделяющая её цели: в искусстве ничто не является тем, чем кажется на первый взгляд, хотя легко может быть объявлено чем угод-

но. Искусство всегда зависимо, даже если художник заявляет о своей полной независимости от всех и вся. Смысл картины всегда можно изменить, тем более, когда её автора уже нет в живых.

сцена семнадцатая

(Тюремная камера. С грохотом захлопывается её дверь. Пауза).

Карпета. Галактия! Ты где? Галактия?

(Слышно, как кто-то чем-то твердым царапает на стене).

Где тут свет?

(Кто-то явно двигается в темноте).

Галактия. Тебе приходилось работать в полной темноте?

(Перестаёт царапать).

На самом деле не так уж и темно. Просто мы придаем слишком большое значение освещению. Но понятие света относительно. Теперь я думаю, что дневной свет в некотором смысле — излишество.

Карпета. Где ты? Я...

Галактия. Какой же ты неловкий, ухитрился заблудиться в трёх соснах. А ведь тебе ничего не стоит найти меня по запаху...

Карпета. Я... я...

Галактия. Так пахнет, не помню уж какой фрукт... Ты должен его помнить... Я тут — как барсучиха в своей норе... Не бойся, посмотри, мне удалось нарисовать человека осколком гранита на гранитной стене. Это твой портрет. Естественно, он монохромный, кроме того, при таком освещении цвета вообще не различимы. В тюрьме всё неразлично: что тебе обед, что ужин, что зловоние — ничего никогда не меняется. Эта стена исписана теми, кто сидел тут раньше... Первые три месяца я не видела, что на ней написано, но...

Карпета. Три месяца? О чем ты говоришь? Ты находишься здесь гораздо меньше.

Галактия. Потом начинаешь их различать строчки, потом читаешь и осознаешь, какие это сокровища: там и автобиографии, и истории любви, и исповеди... А я была первой, кто оставил там свой рисунок. Художница должна оставить о себе память, украсив эти стены, свидетели пыток и мучений...

Карпета. Послушай, Дож...

Галактия. Дож? А, наш добрый дож!

Карпета. Дал мне письмо...

Галактия. Добренький дождик! Послушай...

Карпета. Нет, это ты послушай...

Галактия. ПОСЛУШАЙ МЕНЯ.

(Шепотом, торопливо).

Представляешь, у меня возобновились месячные... в этой сырой берлоге, в моём-то возрасте... Вот это сюрприз! Иди сюда... удели мне пару минут...

Карпета. Ты меня не слушаешь...

Галактия. Я хочу заделать ребёнка, беременные не подлежат казни... Я снова протекаю, в этой глухой дыре... Иди же сюда...

Карпета. Послушай, я...

Галактия. Иди скорее, пока сюда никто...

Карпета. Дело не... я не...

Галактия *(с сарказмом)*. Медлишь... А ведь когда-то времени даром не терял.

Карпета. Я всё ещё не вижу, тебя. И вообще, дело...

Галактия. Что всё это значит? Я хочу ошентиться прямо тут, в этой норе, на соломе... Не будем откладывать, приступай!

Карпета. Нет.

Галактия. Тогда зачем ты пришёл? Не смейся, я серьёзно спрашиваю. «Битву» уже сожгли?

Карпета. Нет.

Галактия. ВРЁШЬ! Ясное дело, сожгли, а тебя прислали принести мне пепел.

Карпета. Её не сожгли...

Галактия. Конечно, сожгли. Просто не могли иначе. Её существование для них невыносимо, так же, как и моё, ведь я — Галактия, которая бросила им правду в лицо... А ты мне врешь!

Тюремщик *(входя)*. На выход!

(Пауза).

Галактия. Что?

(Пауза).

Что он сказал?

Тюремщик. Я сказал: выходи!

(Пауза).

Галактия. Как это?

Тюремщик. Две минуты на сборы...

Галактия. ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ? ЗДЕСЬ ПРИСТАНИЩЕ ПРАВДОЛЮБЦЕВ...

Карпета. Ты свободна. Вот приказ, посмотри...

Галактия *(выхватывая у него бумагу)*. Покажи...

Карпета. Подписанный...

Галактия. НИЧЕГО НЕ ВИЖУ... ПРИ ТАКОМ ОСВЕЩЕНИИ НИЧЕГО...

(Скомкав лист).

МЕНЯ НЕЛЬЗЯ ВЫПУСТИТЬ НА СВОБОДУ! НЕ МОГЛИ ОНИ ОТДАТЬ ТАКОЙ ПРИКАЗ, Я ДЛЯ НИХ СЛИШКОМ ОПАСНА!

Заклочённый. Эй, обрати внимание на...

Галактия. Я СВОБОДНА!

Заклочённый. Извини, что не проявляю радости по этому поводу. Я сижу здесь семь лет, и мне обидно, когда кто-то выходит на свободу, меня это страшно достаёт... Так что радуйся, но без лишнего шума.

Галактия *(негромко)*. В чём твоя вина? За что пропадаешь в этой норе, как иголка в стоге сена?

Заклочённый. Да ни за что. Поэтому никогда отсюда не выйду.

(Пауза).

Галактия. Я тебя нарисую и докажу, что ты ни в чём не виноват.

Заклочённый. Сделай одолжение...

Галактия. ВОТ ОНА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИМПЕРСКОГО СУДА!

Заклочённый. Будь так добра...

Галактия. Я ОБНАРОДУЮ ПРАВДУ И ВЕРНУСЬ!

Т ю р е м щ и к. Проваливай, да поживей, безмозглая сучка!

Г а л а к т и я. Не прибирайся тут, я скоро вернусь!

(Спотыкается, рыдает).

Держи меня, держи... О свет, свет!

сцена восемнадцатая

(Выставочный зал в одном из общественных зданий. Идёт демонстрация очередной картины из коллекции шедевров Национального достояния)

(Приглушённый гул голосов толпа зрителей).

У р д ж е н т и н о. Лишится такого полотна, как это, было бы непростительной ошибкой, особенно учитывая ведущую роль Венеции в области развития и сохранения современного искусства. Мы стали бы посмешищем даже в глазах варваров, наших соседей. Заглядывая далеко вперёд, мы ничего не отвергаем и, таким образом, демонстрируем наше величие: ведь то, что считается оскорбительным сегодня, завтра наверняка придётся ко двору. Да, мы насильно забиваем себе в глотку эту картину, но уж если мы её проглотили и переварили, то в итоге признаем: корм пошёл в коня!

О с т е н с и б и л е. И какую же идею она несёт?

У р д ж е н т и н о. Кардинал, такая сосредоточенность на определённом аргументе делает честь вашим наставникам-иезуитам, но сейчас оставьте вашу манеру рубить с плеча. Все эти бессмысленные гонения на еретиков, чуть что — на костёр... При всём уважении, я этого не выношу.

(Приглушённый ропот голосов в толпе).

Продо. Спасибо, благодарю! Да, это я... во весь рост... благодарю вас... точно такая стрела... и как похож! Обратите внимание на этот обломок стрелы, который я сохраняю в себе, во славу Родины моей... Вот он, я, вон там... как живой, — думаю, вы согласитесь... Спасибо... Обратите внимание, как я дрожу в патриотическом экстазе...

С о р д о. Полный успех.

Л а з а н ь я. Имеешь в виду: у народа? Что ж, у него она пользуется популярностью...

С о р д о. Я хочу сказать: людям нравится её картина.

Л а з а н ь я. Конечно.

С о р д о. Они прозвали её «Шлюшкина мечь». Галактия меняла мужчин, как перчатки... Посмотри-ка на этих мертвецов: они смахивают на Карпету.

Л а з а н ь я. А тот — вылитый ты: у которого стрела торчит в горле...

С о р д о. А этот — копия Берточи: ну тот, что летит с борта в воду... один в один!

Л а з а н ь я. Если бы автором этого батального полотна был мужчина, все это можно было бы расценить как обличение войны. Но поскольку картину написала женщина, блядству которой нет равных на всей территории Лагуны, то сие, по моему мнению, подталкивает нас к иной интерпретации.

С о р д о. Да, манера слишком агрессивная. Мы с тобой написали бы посдержанней, не так в лоб. И вообще, женщины хотят доказать, что они не хуже нас, мужчин, вот почему их живописи присущ особый, чересчур агрессивный стиль письма, что далеко не то же самое, что художественная экспрессии. Согласен?

Л а з а н ь я. Безусловно. Грубо и непристойно.

С о р д о. Ты прав. Она из кожи лезет, чтобы доказать своё сходство с нами, а не со своими товаркам-рисовальщицам букетов и всякими там вышивальщицами. Но в итоге, кроме режущей глаз назойливости, ее живопись мало чем может похвастаться.

С о р д о. Впрочем, школа у неё неплохая...

Л а з а н ь я. Школа есть, согласен, но на одной школе далеко не уедешь, так же, как и на выпячивании из раза в раз своей индивидуальности.

Сордо *(обижено).* И, тем не менее, она им нравится...

Л а з а н ь я. А вот и Карпета! Мы тут с Джулио как раз гадаем, ты ли изображен вон там, с отрубленной головой... «Мечь шлюшки» как-никак. Зубы, по крайней мере, очень похожи на твои.

К а р п е т а. Не думаю, что это хоть что-то значит.

С о р д о. Шутка!

К а р п е т а. То, что ты или кто другой...

С о р д о. Да ладно тебе.

К а р п е т а. Эта картина общественно значима, и вы не имеете права её бесчестить!

(Пауза).

Меня всякий раз тошнит, когда одни мои коллеги-художники за глаза издеваются над другими. Такое ощущение, что слышишь, как клацкают челюсти, обсасывая косточки очередной жертвы... Всё, не могу тут больше оставаться...

(Шум и голоса толпы, потом тишина).

сцена девятнадцатая

(Мастерская Галактии).

Р и в е р а *(входя).* Можно?

(Пауза).

Можно я войду? Тут так темно, я... Ой...

Г а л а к т и я. Я отказалась от света.

Р и в е р а. Можно, я хотя бы раздвину...

Г а л а к т и я. Не надо.

Р и в е р а. Хорошо, не буду. А вы-то сами где?

Г а л а к т и я. В своей норе как в тюрюге.

(Пауза).

Р и в е р а. Мне жаль, если...

Г а л а к т и я. Жаль? Только и всего?! ВЫ — ЛГУНЬЯ. ВЫ ПОДДАКИВАЛИ И ВРАЛИ. Потом вытащили меня, ПОДЛИЗЫВАЯ И ЛАКАЯ, ЗАЛИЗЫВАЕТЕ КИЛОМЕТРЫ БОЛИ.

Р и в е р а. Никто не собирался оставлять вас там надолго. Они хотели преподать вам урок и...

Г а л а к т и я. ЯВИЛАСЬ РАЗВЕЯТЬ МОИ СТРАХИ. БЕССТЫЖАЯ МАКЛЕРША!

(Пауза).

В эти лживые времена ещё остались слова, способные передать сущность зла и мерзости, и самое подлое из них — ПОСРЕДНИК!

Р и в е р а. Уверяю вас, речь шла только о неделе...

Г а л а к т и я. МАКЛЕРША!

Р и в е р а. Верно...

(Пауза).

С вами ужасно трудно иметь дело. Я совершенно искренне полагала, что вашей целью было выставить картину... Простите, если я ошибалась. Но тогда... я вас не понимаю.

Г а л а к т и я. Я не стремлюсь к тому, чтобы меня понимали. Разве вы не видите? О жалкий, благонамеренный умишко! Всегда на стороне сильного... К черту понимание!..

Р и в е р а. Народ толпами стекается на презентацию. На Сан Марко просто столпотворение. В дверях давка, все хотят увидетьвашу картину.

Г а л а к т и я. Неужто в казармах ликуют? Или в доках бунтуют?-

Р и в е р а. О чём вы?

Г а л а к т и я. Не слышу криков... впрочем, ведь окна закрыты...

Р и в е р а. В своём предисловии к каталогу я пишу об анатомии тел на картине... Многие говорят, что они выглядят как живые. Такова степень реализма, они...

(Пауза).

Послушайте, моё дело рассуждать об искусстве, и ваше искусство я спасла. Вставайте.

Г а л а к т и я. Карпета приходил. С узелком... Мой любовник. Он ушёл от жены...

Р и в е р а. Вставайте же! Слышите?

Г а л а к т и я. С узелком... стоит в дверях, а я думаю: ты мне больше не нужен...

сцена двадцатая

(Выставочный зал).

П р о д о. Вон там, справа, это я. Посмотрите, вот этот самый кусок стрелы у меня в голове...

Да здравствует тот, кто поставил мою недееспособность на службу Отечеству и изгнал безбожников//басурманов из вод нашего моря!..

Г а л а к т и я. Как дела, Продо?

П р о д о. Синьора Галактия!..

Г а л а к т и я. Ш-ш-ш...

П р о д о (вполголоса). Синьора, зима уже близко, и с ней — вот что посылает мне Господь!

Г а л а к т и я. Голод не оставляет выбора...//Живот подведёт, и не то запоёшь... Что говорят о моей картине? Тебе это лучше знать, чем любому критику. Небось, ругают почём зря?

П р о д о. К сожалению, не знаю — по распоряжению сторожа, меня поставили здесь, у самого входа, и я слышу только то, что говорят люди, которые ещё не видели вашу картину. Надо слушать, что они говорят, когда выходят, а то вначале скажут одно, а через тридцать метров, при выходе — другое. Некоторые входят с каталогами, но большинство-то вообще не умеют читать... отсюда слышно только, как они охают да ахают, а те, которые грамотные, бормочут что-то и перешептываются. Вот и выбирайте... А теперь извините...

(С нафосом). Вот мой портрет — на нём я изображён в момент ранения при исполнении служебного долга перед Родиной.

Г а л а к т и я (смешавшись с толпой перешептывающихся зрителей, обращается к одному из них). Что скажете?

М у ж ч и н а. Это вы мне?

Г а л а к т и я. Да. Что вы думаете об этой картине?

(Пауза).

Она непохожа на другие или...

(Пауза).

Или наоборот?

(Пауза).

Вы прибыли издалека, чтобы...

М у ж ч и н а. Из Пьяве.

Г а л а к т и я. Из Пьяве? Надо же, никогда там не была! Это ведь совсем не близко... Простите, что пристаю к вам с вопросами... Не надо звать охрану... МНЕ ОТ ВАС НИЧЕГО НЕ НАДО.

Я только...

(Пауза).

Я художник, это моя картина. Понимаете? Я только...

(Пауза).

Нет, нет, я не сумасшедшая. Не смотрите на меня так, будто я не в себе... Я РЕШИТЕЛЬНО ОТКАЗЫВАЮСЬ СЧИТАТЬ СЕБЯ СУМАШЕДШЕЙ. Я ТОЛЬКО...

(Пауза).

Он взял меня за руки... взял мои руки в свои...

У р д ж е н т и н о (входя). Галактия пришла не для того, чтобы насладиться успехом своей картины, а потому что она восхищается вами, всеми, кто пришёл сюда! Перед входом — не меньше пятидесяти человек ждут не дождутся, пока до них дойдёт очередь. Я только что столкнулся с человеком, который вернулся сюда уже седьмой раз! Спросите его сами, вон он стоит перед картиной, опустился на колени и плачет. Посмотрите на него, Галактия, вы исторгли из его души потоки слёз, и эти слёзы — результат работы его солдафонского воображения! Чувствуете свою власть? Она превосходит мою. Я тоже могу довести человека до слёз, но только применив насилие. Вы же... не смотрите на меня с таким негодованием... Через сто лет никто уже не будет рыдать перед этой картиной: на смену эмоциям придёт уважение, их место займёт признание — результат ума холодных размышлений... Так что, Галактия, пожинайте плоды своей особой власти! Величие нашего народа состоит в том, чтобы воплотить средствами искусства не торжество очередной победы, а ту великую цену, которую он за неё заплатил. Мой брат согласен с этим: всё же он — человек дальновидный, как и полагается настоящему адмиралу! Вам удалось обнажить его нутро, но он вам за это только признателен... и восхищается вами а руки... а руки не в счёт! Отобедаете с нами? Я не позволю себе упустить шанс увидеть за столом очередную знаменитость.

(Пауза).

Г а л а к т и я. Согласна.

КОНЕЦ

Перевёл с английского Александр Сергиевский (Рим, 2020)

Источник: *Scenes from an Execution, by Howard Barker. Oberon Books, London, 2016.*

© Текст: Говард Баркер

© Перевод: Александр Сергиевский

ГЕНИЙ ИНЖЕНЕРА КОНСТРУКТОРА БОМБА, ВСЕЛЕННАЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

К 100-летию А.Д. Сахарова

БОРИС АЛЬТШУЛЕР

Эта статья в значительной мере основана на юбилейной книге [1], но с учетом острых событий сегодняшнего дня. Потому что при внимательном рассмотрении видно, насколько актуален сегодня Сахаров-политик в последний год его жизни, в 1989-м.

Почему его имя столь значимо? Как могло случиться что научный сотрудник стал главным экспертом по ядерным вооружениям, для всех сменявших друг друга на протяжении 40 лет лидеров СССР, а потом — по ядерному разоружению, по вопросам стратегической ядерной безопасности. Как он сам как-то пошутил, имея ввиду «верхний этаж власти»: «Я не на верхнем этаже. Я рядом с верхним этажом,

по ту сторону окна». Рассекреченные ныне документы КГБ СССР и Политбюро ЦК КПСС говорят о том, что все документы и предложения Сахарова, включая и те, что доносились из ссылки, читались на самом высоком уровне советского Олимпа власти, а многие из них определили политику руководства СССР.

Но по порядку.

А.Д. Сахаров (21.05.1921 — 14.12.1989) родился в Москве, 17 лет (март 1950 г. — 10 июля 1968 г.) работал в ядерном центре «Арзамас-16» в г. Сарове. Предки — по матери дворяне древних русских родов с небольшой примесью греческой крови, по отцу — священники. Отец, Дмитрий Иванович Сахаров, — физик, педагог, автор знаменитых учебников. Еще будучи школьником, Андрей под руко-

водством отца ставил домашние физические опыты, мастерил различные установки. Потом физфак МГУ: три года до войны и год по ускоренной программе в эвакуации в Ашхабаде. Как вспоминают однокурсники Сахарова, был приказ студентов старших курсов физфака на фронт не призывать, дать возможность доучиться; стране были нужны специалисты.

После окончания университета Сахарову, как одному из лучших студентов, настойчиво предлагали пойти в аспирантуру, но он отказался. Затем почти три года работы на патронном заводе в Ульяновске, где он сконструировал несколько приборов электромагнитного контроля качества выпускаемых заводом патронов и снарядов и в заводской лаборатории познакомился со своей первой женой Клавдией Алексеевной Вихиревой (1919-1969).

В конце 1944 г. Сахаров получил приглашение от И.Е. Тамма поступить в аспирантуру в Отделе теоретической физики ФИАНа. За три года аспирантуры он написал несколько научных работ и защитил кандидатскую диссертацию. Но в начале 1948 года вышло Постановление Правительства, из-за которого ему пришлось надолго отложить фундаментальную науку и снова заняться «патронами», но теперь совсем другими, чем в Ульяновске.

Водородные бомбы и Кремль: 1948-1968

Постановление это касалось водородной бомбы, схему которой, полученную разведкой, в течение двух лет безуспешно пытался реализовать Я.Б. Зельдович с коллегами. Правительство решило создать в ряде институтов, включая ФИАН, группы поддержки Зельдовича. В ФИАНе эту секретную группу возглавил И.Е. Тамм, в нее вошли пять человек, включая А.Д. Сахарова и В.Л. Гинзбурга. Уже через два месяца Сахаров предложил принципиально иную, чем американская, схему водородной бомбы, получившую название «Слойка» («1-я идея» в классификации Сахарова). Вскоре схему Сахарова существенно дополнил Гинзбург («2-я идея»). Через некоторое время предложенное группой Тамма направление работ было одобрено Постановлением Правительства.

Матвей Рабинович (приятель по аспирантуре Теоротдела ФИАНа) **вспоминал в книге:**

«Однажды он рассказывал мне: *«Получается такая ситуация. Меня часто приглашают в Кремль, на заседание. Оно длится обычно часов до четырех утра, потом все участники идут к своим легковым машинам, а у меня машины нет, и никто не знает, что машины нет, я этого никому не говорю. И нужно от Кремля добираться до Октябрьского поля — а это километров двенадцать, а то и пятнадцать».* И он, если не схватит такси, пешком шагает домой.»

С этого времени Сахаров стал для Кремля особо значимым специалистом. «Слойка» была успешно испытана 12 августа 1953 г. Сахаров получил за нее свою первую Звезду Героя. Вскоре по инициативе И.В. Курчатова 32-летний Сахаров стал академиком АН СССР. А в октябре, когда Сахаров был в командировке в Москве, их Министр попросил его изложить дальнейшие пути усовершенствования термоядерных зарядов, повышения их мощности. Сахаров вспоминает, что, наверно, это было нескромно с его стороны, но И.В. Курчатов и Ю.Б. Харитон были в отпуске, посоветоваться ему было не с кем, и он тут же в Министерстве написал краткую «докладную записку», о которой попросил Министр. Через три недели его приглашают на заседание Политбюро — с участием тех советских полубогов, которых страна всегда видела на портретах. И принимаются два секретных постановления — по бомбам и по их ракетам-носителям. Сахаров пишет, что ракеты, выведшие в космос первый спутник (1957 г.) и Юрия Гагарина (1961 г.), разрабатывались под параметры (вес, габариты) термоядерного заряда, заданные в его «докладной записке».

Однако названный Сахаровым в этой «докладной» способ усовершенствования «Слойки» оказался тупиковым. В результате у теоретиков «объекта» возникла «3-я идея», позволяющая конструировать бомбы неограниченной мощности (по тому же пути независимо шли и американцы: конструкция Теллера-Улама). Эта советская бомба была успешно испытана 22 ноября 1955 г., Сахаров получил за нее 2-ю Звезду Героя.

10 июля 1961 г. — Хрущев собирает в Кремле атомщиков и объявляет о возобновлении ядерных испытаний — после 2,5 летнего добровольного моратория СССР и США. Сахаров пишет и передает ему по рядам записку, в которой возражает против такого решения. На банкете после совещания Хрущев раздражается получасовой гневной речью в адрес Сахарова. Позже, уже будучи в отставке, Хрущев напишет в воспоминаниях, что Сахаров — «нравственный кристалл» среди ученых.

30 октября 1961 года по поручению Хрущева на Новой Земле взорвана крупнейшая в истории 50-мегатонная водородная бомба. В январе 1962 г. Сахаров получает в Кремле свою 3-ю Звезду Героя, его сажаят между Хрущевым и Брежневым — тосты, поцелуи, конфликт 10 июля предыдущего года забыты.

Летом 1964 г. — снова конфликт с Хрущевым, теперь из-за Лысенко. Сахаров пишет Хрущеву подробное письмо о губительной роли лысенковщины для советской биологической науки. 4 октября 1964 г. — бескровный государственный переворот, Хрущева отправляют в отставку. Среди обвинений, предъявленных ему М.А. Сусловым на заседании Политбюро: «Две недели не показывал членам Политбюро письма Сахарова».

И все эти годы ставший после Н.С. Хрущева лидером СССР Л.И. Брежнев не раз высказывал свое уважение к Сахарову. Можно сказать, что Брежнев преклонялся перед ним, что объясняет многие удивительные вещи, случившиеся в последующие годы. И все эти годы письма Сахарова к руководителям государства всегда передавались им лично в руки и читались ими.

Кратко о мирных делах. В 1950 г. Сахаров предложил и потом разработал с И.Е. Таммом идею магнитного удержания плазмы в целях получения управляемой термоядерной реакции, то есть «получения неисчерпаемой энергии из океанской воды». Перспективы эти настолько экономически заманчивы, что сегодня на разработку подобных установок тратятся миллиарды евро (проект ИТЭР — 19 млрд. евро). Также в 1960-е гг. Сахаров написал ряд ставших классическими работ, посвященных объяснению структуры Вселенной.

«Отойти от края термоядерной пропасти» и права человека: 1968-1988.

В первой главе «Угроза термоядерной войны» знаменитой статьи 1968 года «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» Сахаров описывает страшные последствия такой войны, говорит, что *«уже сейчас накоплено достаточно зарядов для многократного уничтожения всего человечества»* и в завершение этого раздела пишет: *«Каждое разумное существо, оказавшись на краю пропасти, сначала старается отойти от этого края, а уж потом думает об удовлетворении всех остальных потребностей. Для человечества отойти от края пропасти — это значит преодолеть разобщенность.»*

И этот призыв Сахарова был услышан. Согласно ныне рассекреченным документам КГБ СССР и Политбюро ЦК КПСС, эта распространенная в самиздате и в конце мая 1968 года представленная в ЦК КПСС Председателем КГБ Юрием Андроповым, статья, а на деле объемная брошюра, Сахарова была изучена Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым и по его поручению другими членами Политбюро. И что самое удивительное — предложения «Размышлений» Сахарова в сфере ядерной безопасности и смягчения международной напряженности стали приоритетами внешней политики СССР в последующие годы. Отсюда Договор СССР-США мая 1972 года об ограничении развития систем противоракетной обороны, отсюда в целом политика разрядки и ее апогей — созванное по инициативе СССР Хельсинкское совещание 35 государств (все страны Европы плюс США и Канада) с его Заключительным Актом от 1 сентября 1975 года и «Третьей корзиной» этого Акта — обязательствами стран-подписантов по соблюдению прав человека.

На практике, в реальной жизни всё было, мягко говоря, не столь оптимистично, как сказано выше («разрядка», «третья корзина» Хельсинкского Акта...). Военно-политический и партийно-идеологический блоки советского Олимпа власти — эти консервативные и сверх влиятельные «башни Кремля» игнорировали все названные позитивные по-

литические начинания, а репрессии 1977-1978 года в отношении членов Московской и республиканских Хельсинкских групп наглядно и целенаправленно продемонстрировали всему миру, что подпись под Хельсинским Актом лидера СССР Леонида Брежнева ничего не стоит.

Также в 1970-е годы в СССР были приняты на вооружение ракетные комплексы средней дальности (РСД) «Пионер» (по классификации НАТО SS-20 — «гроза Европы») с мобильным грунтовым стартом, каждый оснащен ракетой с тремя разделяющимися термоядерными зарядами индивидуального наведения, дальность до 5500 км., полетное время несколько минут. К 1983 году на вооружении советской армии состояли РСД SS-20 с 1374 термоядерными боеголовками, каждая способна уничтожить Париж, Берлин или Лондон.

На вооружении армий стран НАТО в то время находились американские мобильные «однозарядные» «Першинги-1» и другие ракеты малой дальности (РМД) Англии и Франции. Таких ядерных РМД у СССР тоже было немало.

Сахаров хорошо понимал, что без реальных внутренних реформ в СССР никакое смягчение международной напряженности невозможно. Отсюда тезис о неразрывной связи международной безопасности и соблюдения прав человека, отраженный и в названии его Нобелевской лекции «Мир, прогресс и права человека» (1975 г.).

И вот в апреле 1985 года Михаил Горбачев объявил перестройку с ее невероятной гласностью. Сахаров жил и действовал в первые 5 лет (1985-1989) бурной «перестроечной» 7-летки. С его именем прямо связаны первые два чуда перестройки: освобождение политзаключенных в 1987-1988 годах и договор СССР и США о ликвидации термоядерных ракет средней и малой дальности декабря 1987 года. Интересно, что многие пункты программы «перестройки» совпадают с пунктами адресованной Леониду Брежневу «Памятной записки» 1972 г. или книги Сахарова «О стране и мире» 1975 г. Андрей Дмитриевич отмечает это в «Воспоминаниях»: «(Дополнение 1988 г. Очень интересно читать эти пункты через 13 лет, в 3-й год “перестройки”. Некоторые из них вошли в число официальных лозунгов пере-

стройки. О включении большинства других мы можем только мечтать)». Очевидно, что там — наверху читали и изучали Сахарова.

Сахаров понимал, насколько опасно то, что тогда называлось «торможением перестройки».

Некоторые его выступления того времени звучат более чем современно. Потому что те корыстные силы, которые крушили надежды перестройки, в полной мере присутствуют в России сегодня.

Уникальность Сахарова в том, что он угадывал, чувствовал ключевые моменты и не упускал исторический шанс, и действовал, сознавая, что завтра может быть поздно, что трясина затянет — «как всегда» (вспомним незабвенного Виктора Степановича Черномырдина: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»). Целеустремленность, творческая энергия, напор, с которыми Андрей Дмитриевич в этот период стремился не упустить исторический шанс и «сконструировать» в нашей стране стабильный и ответственный перед гражданами демократический способ государственного управления, — важный урок для нас всех и, по-моему, на все времена.

Сахаров уже в «Размышлениях» сформулировал четкие предложения по либерализации — демократизации — гуманизации внутренней политики СССР. Сделать это было нетрудно, поскольку «пилотный опыт» такого рода был налицо: «Размышления» писались в первой половине 1968 года, в период расцвета «Пражской весны» — попытки построения в Чехословакии «социализма с человеческим лицом». А подавление этой «весны» советскими танками 21 августа 1968 года стало демонстрацией созданной в СССР тоталитарной формы социализма. К великому сожалению, современная Россия с ее силовым зажимом оппозиции и критики начальства все больше приближается к той неэффективной и нежизнеспособной форме государственного устройства.

О монополизме в государственном управлении

Сахаров считал, что автократические государства, в отличие от демократий, в принципе не способны

системно решать проблему транзита власти, замены первого лица. **А.Д. Сахаров :**

«По действующей Конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, практически ничем не ограниченной личной властью. Сосредоточение такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек — инициатор перестройки. В частности, возможно закулисное давление. А если когда-нибудь это будет кто-то другой?». (Из программного выступления на заключительном заседании I Съезда Народных Депутатов, 9 июня 1989 г.).

Отсюда дворцовые перевороты, удушение царя подушками, отсюда катастрофические революции и распады государств. Отсюда опасная непредсказуемость и нестабильность таких систем. И сегодня мы опять наступаем на те же «грабли» монополии государственной исполнительной власти. А о «стабильном треножнике» (взаимно уравновешивающие исполнительная, законодательная и судебная власти), о сильном демократическом местном самоуправлении мы можем, как всегда, только мечтать.

И обратим внимание на слова Сахарова «возможно закулисное давление». Та же мысль — в известной парадигме «короля играет свита». Сахаров понимал, насколько всё там непросто — в Кремле «под ковром». И поэтому никогда, в самых своих критических выступлениях не переходил на личности лидеров, не тыкал пальцем. Мудрый был человек.

А.Д. Сахаров говорил там же на 1-м съезде:

«Товарищи депутаты, на вас сейчас — именно сейчас! — ложится огромная историческая ответственность. Необходимы политические решения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических, национальных проблем...».

Очень актуально это звучит сегодня, когда принимаются законы, встраивающие местное самоуправление в вертикаль государственной исполнительной власти — при отстранении населения от принятия решений по насущным для граждан вопросам.

В новой редакции статьи 131 Конституции РФ записано: «Органы государственной власти могут

участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц органов местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом» (п. 1.1. Ст. 131 Конституции РФ 2020 года). Уместно отметить, что эта новая формулировка статьи 131 вступает в противоречие со статьей 12 той же Конституции РФ, гласящей: «Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

Между тем, именно зависящая от местных избирателей, вынужденная учитывать интересы людей местная власть — основа демократического строя во всех развитых странах. И как тут не вспомнить земскую реформу местного самоуправления Императора Александра II, которая была последовательно проведена и до сих пор эффективно работает в единственной провинции бывшей Российской империи — Финляндии, стране с ничтожными, в сравнении с Россией, природными ресурсами и самым высоким в мире уровнем жизни.

О монополизме в правоохранительной сфере

А.Д. Сахаров (из проекта выступления на II Съезде народных депутатов; проект написан утром 14 декабря 1989 г., вечером того же дня Андрей Дмитриевич скончался):

«Реально в нашей жизни подозреваемый или обвиняемый находится в чрезвычайно тяжелых условиях давления следствия. У всех на памяти многочисленные случаи самооговоров, взятия вины на себя из-за пресс-камер, избиений, шантажа и угроз. У всех на памяти смертные приговоры невиновным, приведенные в исполнение не только в республиках, но и в Москве.».

Монополизм следственных органов, отсутствие эффективных судебного контроля и прокурорского надзора за следствием ФСБ России, Следственного комитета России и МВД России стало бедой для всех: нарушения законности при дознании и предвари-

тельном следствии, вплоть до получения признательных показаний с применением пыток, удушение силовиками бизнеса, фабрикация дел «для галочки», наград и «по заказу». Всё это остается безнаказанным, а суды штампуют обвинительные приговоры. Об этом в декабре 2019 года на встрече Президента России Владимира Путина с Советом по правам человека говорил Генри Резник, и его высокопрофессиональные предложения в январе 2020 года официально стали Поручениями Президента Российской Федерации. И вот 10 декабря 2020 года на следующей встрече Совета по правам человека с Президентом разговор о том же, но за год ситуация только усугубилась.

А.Д. Сахаров (из выступления на I Съезде Народных Депутатов, 9 июня 1989 г.):

«Съезд должен, по моему мнению, принять постановление, содержащее принципы правового государства. К этим принципам относятся: свобода слова и информации, возможность судебного оспаривания гражданами и общественными организациями действий и решений всех органов власти и должностных лиц в ходе независимого разбирательства, демократизация судебной и следственной процедур (допуск адвоката с начала следствия, суд присяжных, следствие должно быть выведено из ведения прокуратуры: ее единственная задача — следить за исполнением Закона). Я призываю пересмотреть законы о митингах и демонстрациях, о применении внутренних войск».

Что касается драконовских законов о митингах и демонстрациях октября 1988 года, то о них много говорится в «Воспоминаниях» Сахарова, включая эпизод января 1989 года на встрече Горбачева с интеллигенцией — страстное выступление на эту тему нашего замечательного писателя Виктора Астафьева и, как это часто бывало, уклончивая, не по существу дела реакция Михаила Горбачева.

А если вернуться к следствию, то обращаю внимание на слова Сахарова: «Следствие должно быть выведено из ведения прокуратуры». И ведь это было сделано в 2006 году с созданием Следственного Комитета России! Такое разделение следствия и про-

кураторы можно было только приветствовать, была надежда, что прокуратура займется, наконец, своими прямыми обязанностями — надзором за соблюдением законности при следствии. Но вот беда — законодатель лишил прокуратуру такого права. Кто-то очень сильный пролоббировал этот законодательный абсурд. Результат — то беззаконие правоохранителей, которое стало нашими буднями.

В упомянутых выше предложениях Генри Резника декабря 2019 года говорилось и о расширении подсудности суда присяжных, и о необходимости учреждения института следственных судей, призванных наблюдать за законностью предварительного следствия. Но и в этом случае, по-видимому, кто-то очень сильный (силовики все-таки!) сумел вставить палки в колеса и притормозить исполнение соответствующих поручений Президента Российской Федерации.

А.Д. Сахаров говорил: *«Без демократического движения снизу перестройка невозможна, и бояться этого нельзя».* И в этом, может быть, главный урок Сахарова. Думаю, что если бы не неожиданная смерть Сахарова 14 декабря 1989 года, то новейшая история нашей страны была бы совсем другой. Но верно замечено, что у истории нет сослагательного наклонения. Эта очевидная истина касается прошлого, того, что уже произошло. Что же касается будущего — того, что потом станет историей, сошлюсь на слова Сахарова: *«будущее непредсказуемо и не определено, оно творится всеми нами — шаг за шагом в нашем бесконечно сложном взаимодействии».*

17.04.2021

Борис Альтшулер

*Председатель Правления РОО «Право ребенка»,
Член Московской Хельсинкской группы,
Старший научный сотрудник Отделения теоретической физики Физического института
им. П.Н. Лебедева РАН.*

Был знаком с А.Д. Сахаровым в 1968-1989 гг., много написал о нем после его смерти.

© Текст: Борис Альтшулер

НЕПРОТИВЛЕНИЕ СОВЕСТИ

ЮРИЙ КРОХИН

**От скорости века в сонности
Живем мы, в живых не значась...
Непротивление совести —
Удобнейшее из чудачеств!**

Александр Галич

В пору работы над книгой и телевизионным фильмом о поэте-диссиденте Вадиме Делоне (в фильме «Дуэль Вадима Делоне» я фигурировал как автор сценария, одновременно заканчивал книгу о нем), я записывал кое-что для себя.

Эта хроника представляется мне и сегодня интересной: она — о встречах с неординарными людьми, с теми, кого принято называть диссидентами, правозащитниками, и о ком в нынешней России практически не вспоминают. Однако именно узники совести могли бы стать нравственной основой перестройки. Об этом рассуждал в 90-м году Феликс Светов, участник правозащитного движения. «Поразительно, что общество прошло и до сих пор проходит мимо четвертьвековой жертвы, подарившей ему нравственную силу, начав демократизацию страны с белого листа». Слова эти актуальны и сегодня.

* * *

По-разному сложились их судьбы. Большинство моих собеседников уже нет в живых. Давно нет с нами Александра Гинзбурга и Ларисы Богораз. Восемь лет назад ушла Наталья Горбаневская. В октябре 2019 года в Кембридже скончался Владимир Буковский (зигзаг фортуны: похоронен борец с коммунистической тиранией на лондонском Хайгейтском кладбище, неподалеку от могилы Маркса) Той же осенью не стало Сергея Шарова-Делоне... Некоторые из них, оказавшись в вынужденной эмиграции, адаптировались, нашли себе применение, работу, дожили до крушения Советского Союза, смогли приезжать на родину. Гинзбург и Горбаневская продолжали журналистскую стезю. Буковский закончил Кингс-колледж в Кембридже по специальности «нейрофизиология» и несколько лет работал в Стэнфорде, США, встречался с крупнейшими политиками — Маргарет Тэтчер, Джимми Картером и пр. Напи-

сал книги — «И возвращается ветер», «Московский процесс» и др. Писатель Владимир Максимов основал и на протяжении 18 лет редактировал лучший литературный журнал русского Зарубежья «Континент». Фатима Салказанова, журналистка высшей пробы, стала «золотым голосом» радио «Свобода». Поэтесса и переводчица Наталья Горбаневская удостоилась звания почетного доктора Люблинского университета имени Марии Кюри-Склодовской. В США живет Павел Литвинов, в Париже — Виктор Файнберг...

В лагерях погибли Анатолий Марченко и Юрий Галансков. В состоянии глубокого отчаяния свели счеты с жизнью Илья Габай и Анатолий Якобсон. В изгнании окончили свои дни Петр Григоренко и Андрей Амальрик, Александр Есенин-Вольпин и Валерий Чалидзе. Сергей Шаров-Делоне подхватил знамя двоюродного брата Вадима, участвовал в правозащитном движении в России...

Александра (для друзей — Алика) Гинзбург с сочувствием и улыбкой называли *трижды эск Советского Союза*. Сам он говорил: «когда сидишь достойно, то, как правило, сидишь и легко». О своих злоключениях вспоминал не иначе как с юмором. Когда мы снимали его в Париже для фильма о Вадиме Делоне, Алик заметил: «Заранее должен предупредить, что свидетель из меня не очень хороший. Моя поделница Вера Лашкова, вспоминая что-нибудь интересное, что происходило в Москве, обязательно добавляет: «А Гинзбург в это время сидел...»

...В 1960 году 23-летнего Александра Гинзбурга упрятали за решетку за выпуск трех номеров поэтического сборника «Синтаксис». Никакой крамолы, по сути, там не было — всего-то напечатали неопубликованные стихи Б. Окуджавы, Б. Ахмадулиной, И. Бродского и других поэтов. Два года он провел в лагерях Коми АССР. В 1964 году КГБ предпринял еще одну попытку засадить Гинзбурга по 70-й статье УК РСФСР. Но дело о «хранении антисоветской литературы» развалилось.

В феврале 1966 года в Москве судят Ю. Даниэля и А. Синявского. Александр Гинзбург отправляет письмо председателю Совета Министров СССР Алексею Косыгину.

«Я обращаюсь к Вам, — писал Гинзбург, — как к главе Правительства, по вопросу, который горячо волнует меня уже несколько месяцев. 5 декабря, в День Конституции, я убедился, что не только я, но и еще сотни людей обеспокоены судьбами арестованных в сентябре органами КГБ писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Арест Синявского и Даниэля поднимает целый ряд вопросов, решение которых относится к сфере деятельности главы Правительства.

Синявский и Даниэль, которым предъявляется обвинение в том, что они печатались за рубежом, ...могут быть привлечены к суду по ст. 70 УК РСФСР об антисоветской пропаганде. Что же такое антисоветская пропаганда на 49-м году существования советской власти? Я ставлю этот вопрос потому, что сам дважды привлекался по этой статье, и оба раза следствие сводилось к тому, чтобы убедить меня, что мои действия направлены против советской власти. К концу первого следствия (в 1960-61 гг.) я был готов согласиться с этим, так как советская власть в трактовке следователя... выглядела лишь машиной насилия над личностью...

Время сейчас, конечно, не сталинское, но и сегодня КГБ является серьезным тормозом на пути развития общественных форм жизни. Последний пример тому — «участие» сотрудников госбезопасности в мирной демонстрации 5 декабря на Пушкинской площади. Попытки развернуть лозунг с требованием гласности по делу Синявского и Даниэля или лозунг «Уважайте Конституцию», попытки сказать то же самое... вслух неизменно кончались скручиванием рук и увозом в ближайшее отделение милиции или штаб народной дружины... Если же смотреть глубже, то как, если не вмешательством в общественную жизнь, можно назвать арест Синявского и Даниэля и уже трехмесячное содержание их под стражей?

...Меня можно привлечь и осудить и за пользование иностранными источниками информации (я слушаю зарубежное радио, так как о деле Синявского и Даниэля в нашей стране до сих пор ничего не напечатано), и за знакомство с книгами этих авторов и одобрение их, и за участие в демонстрации 5 декабря, если кому-нибудь придет в голову назвать

ее антисоветской, и за высказывание вслух того, о чем я пишу в этом письме. В 37, 49 и даже 61 годах сажали и не за такое. Но я люблю свою страну и не хочу, чтобы очередные непроконтролированные действия КГБ легли пятном на ее репутацию. Я люблю русскую литературу и не хочу, чтобы еще два ее представителя отправились под конвоем валить лес...»

Свое письмо Алик подписал так: А. Гинзбург, редактор журнала «Синтаксис». Надо ли говорить, что ответа Косыгина он не дождался. Зато этим посланием и распространенной в самиздате «Белой книгой», сборником материалов по делу двух литераторов, подписал себе приговор.

Они вовсе не были фанатиками или аскетами. Просто вели себя как свободные люди в несвободной стране. Они были молоды, талантливы; как и все нормальные люди влюблялись, женились, рожали детей. Случалось, разводились. Любили повеселиться в дружеской компании, выпить. Поэт Наташа Горбаневская, первый редактор самиздатской «Хроники текущих событий», вспоминая одну тайную встречу представителей Демократического движения на подмосковной даче, юмористически заметила: то ли сходка была под видом пьянки, то ли пьянка под видом сходки...

Летом 1969 года надзиратели мордовского лагеря принесли Александру Гинзбургу, которого звали в зоне «народный умелец», починить служебный магнитофон. Оказалось, впрочем, что поломки никакой и не было, просто весь аппарат был забит тараканами. «Народный умелец» быстро справился с насекомыми и переставил на запись. Тогда почти прямо на глазах у надзирателей и были записаны две пленки. На первой — Юлий Даниэль читал переводы Кнута Скуениекса (латышского поэта, сидевшего в соседней зоне), на второй — политзаключенные разных национальностей рассказывали о положении в советских лагерях и обращались за помощью к мировой общественности. Обе передачи издевательски кончались так: «На этом мы заканчиваем нашу передачу из политического лагеря № 17. Передача была организована по недосмотру администрации. Вел передачу Александр Гинзбург».

Впоследствии, рассказывая об этом в одном из своих московских телеинтервью, Гинзбург добавлял: «Наши надзиратели к этому времени уже привыкли слушать западное радио, вздрагивая иногда, когда вдруг звучали их фамилии. Но когда по «Голосу Америки» они услышали наши голоса, говорят, у начальника лагеря случился сердечный приступ».

Была голодовка, которую Алик держал, чтобы начальство разрешило его бракосочетание с Ариной Сергеевной Жолковской. И брак был заключен в зоне — под крики «горько!» друзей-сидельцев. А срок с ним *мотали* в одном лагере Юрий Галансков, Юлий Даниэль, Леонид Бородин и другие достойные люди.

Освободившись, Александр Гинзбург стал распорядителем Фонда помощи политзаключенным и их семьям, основанного Александром Солженицыным, членом Московской хельсинкской группы. Последовал третий срок. Гинзбург был серьезно болен. Под видом лечения пневмонии его кололи какими-то нейролептиками, и на суд вывели в таком состоянии, что он почти не мог говорить. На Западе началась кампания за освобождение Гинзбурга. Буковский уже был обменен, так что «практика» у компетентных органов имелась. А. Гинзбурга, Э. Кузнецова, В. Мороза и еще двоих заключенных привезли в Лефортово, а оттуда — в самолет и в США. Позже Гинзбург перебрался в Париж, где в газете «Русская мысль» заместителем главного редактора уже работала Арина Сергеевна. Вел рубрику «Вести с родины».

Осенью 99-го года мы собирались в командировку в Париж для съемок. Дверь парижской квартиры распахнул невысокий, худощавый человек с едва заметной седой бородкой. И сразу завязалась оживленная беседа. Заядлый книголюб и коллекционер, из каждой поездки в Москву Алик вез новинки литературы. Провожая его как-то в Шереметьево, я поразился тяжести чемодана. «Книги», — объяснил Алик. А в Париже знал наперечет все барахолки, где со страстью коллекционера приобретал новые экземпляры для своего собрания миниатюрных уютжков и колокольчиков.

Алик был из тех, кто скупно и неохотно говорит о себе, а драматические воспоминания обязательно снижает острым словом, шуткой, чтобы избежать

ноток пафоса. Ему, в отличие от некоторых представителей правозащитного движения, были присущи терпимость и снисходительность.

Мне кажется, его доброжелательность к людям происходила от умения понимать и прощать слабости, заблуждения. А может быть, как и Владимир Буковский, в последние годы он испытывал горечь от того, что отвага и все жуткие испытания правозащитников, их чистый идеализм оказались никому не нужны в нашем отечестве.

В последние годы Александр Ильич тяжело болел: сказывались последствия тюрем и лагерей. Но даже глядя на него, сильно исхудавшего, ослабевшего, не верилось в возможность печального исхода. И вот телефонный звонок, ужасное сообщение: Алика не стало. Ему было всего 66 лет.

* * *

Известному сатирику Дон-Аминадо принадлежит высказывание: лицо эмигранта — посмертная маска, снятая при жизни. Владимир Максимов в романе «Кочевание до смерти» дал еще более резкое определение: «Эмиграция — гетто для побежденных, загон для отступающих, анклав для банкротов». Суждения эти не вполне справедливы. Достаточно назвать наших соотечественников, прославивших себя (и Россию!) за границей. Антрепренер Сергей Дягилев, актер и режиссер Михаил Чехов, изобретатель Владимир Зворыкин, авиаконструктор Игорь Сикорский, художник Марк Шагал, литераторы Владимир Набоков и Иосиф Бродский, — можно вспомнить еще многих. Согласитесь: их участь оказалась счастливее, чем многих оставшихся в Советской России, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама, Сергея Королева и Андрея Туполева, Даниила Андреева и Соломона Михоэлса...

В «вегетарианские» 70-е годы все обставилось по-другому. В декабре 1976 из Владимирской тюрьмы в Лефортово был доставлен заключенный Владимир Буковский, приговоренный Мосгорсудом к 7 годам заключения и 5 годам ссылки. 18 декабря его самолетом (в наручниках, под конвоем спецгруппы «Альфа» — вот как боялась советская власть истощенного узника!) доставили в Цюрих, где состоялся

знаменитый обмен политзаключенными. Вадим Делоне, примчавшийся в Цюрих встретить друга и подельника, сочинил знаменитую частушку:

*Обменяли хулигана
на Луиса Корвалана.
Где найти такую б...
чтоб на Брежнева сменять?*

— Уехавшие раньше продолжали здесь делать очень многое, чтобы и мне помочь, и другим, кто в это время находился в тюрьмах, — вспоминал Владимир Константинович в 1999 году, когда мы беседовали с ним в Кембридже. — *Витя Файнберг создал организацию для борьбы с психиатрическими злоупотреблениями. Соответственно, они занимались и моим делом, коль оно было связано с карательной психиатрией. До 80-го года мы многое успели, а потом изменилась атмосфера, интерес к нашим проблемам стал исчезать на глазах. Произошла оккупация Афганистана, было уже не до прав человека. Мы создали Интернационал сопротивления в Париже, объединили все антикоммунистические движения. Вадику здесь совсем нечего было делать, не зная языков. Но свое он исполнил...*

Сам Владимир Буковский так оценивал факт своей высылки:

— Я приехал на Запад — меня как будто перевели из одного лагеря в другой. Для меня приспособление — нормальная ситуация. Если переводят в другой лагерь — быстро освоюсь. Выясни, где дают пайку, где сахар, куда не надо ходить и пр. Нормальный эзк реагирует на это мгновенно. Я освоился на Западе в пять минут...

Английский язык Буковский учил самостоятельно в тюрьме, и, конечно, с годами освоил вполне, сохранив лишь легкий славянский акцент. Он рассказал мне занятую историю написания книги «И возвращается ветер». Договор с издательством предусматривал предельно сжатый срок — четыре месяца. Приятель Буковского Уинстон Черчилль (внук бывшего премьера) предложил работать в его поместье в графстве Сассекс на юго-востоке Англии. Пишущей машинки с русским шрифтом, а тем более компьютера не было, и недавний эзк, лежа на полу, ночами писал, воскрешая в памяти имена, даты, под-

робности своей борьбы, арестов, отсидок. Рядом сидела и внимательно наблюдала за движением пера по бумаге кошка Генриэтта. После отъезда Буковского она пропала. А когда, спустя годы, он приехал в поместье, Генриэтта внезапно объявилась, словно узнав о визите гостя. Книга была написана — и надо заметить, с литературным блеском, — издана, переведена на многие языки, на гонорар был куплен дом в Кембридже, типичный английский кирпичный двухэтажный дом с небольшим садом, где обитал кот с характерным именем *Лутчист*...

Отправляясь в Кембридж на встречу с кумиром нашей молодости, я волновался, опасаясь увидеть человека мрачноватого, сосредоточенного, погруженного в невеселые воспоминания о тяжелых испытаниях в тюрьмах, лагерях и психушках, где провел более 10 лет. А оказался он необыкновенно веселым, великолепным рассказчиком, легким и приятным собеседником — при всей стойкости и непоколебимых демократических убеждениях. Застенчивость моя прошла, мы тут же перешли на «ты» и, ужиная в просторной столовой, хохотали, как хохотали бы, сидя за рюмкой в московской кухне...

Впрочем, свои взгляды на Демократические движение и современную Россию Буковский изложил мне еще до личного знакомства. Вот какая была к этому времени переписка.

«...О вашей просьбе что-то написать. Боюсь, мне будет очень трудно это сделать. Одной страничкой тут не отделаешься, а "исчерпать тему" мне не хватит упорства, да и времени займет слишком много — я пишу медленно и крайне неохотно. Быть может, было бы лучше написать предисловие (вступление? введение?)? Поймите меня правильно, у меня патологическая ненависть к писанию. Я даже письма пишу с большим трудом, через силу. Вот уже два года у меня контракт с французским издательством на новую книгу, и аванс уже прожил, а книгу так и не начал. Не могу себя заставить. Словом, это нереально, я только вас задержу. Поэтому предлагаю написать коротенькое предисловие, как бы рекомендацию читателю и т.п. Если вы согласны, то пришлите готовый манускрипт и я, анестезировав себя бутылкой коньяку, постараюсь выдать несколько параграфов...»

Увесистую стопку листов — рукопись книги о Вадиме Делоне — я тут же отправил в Кембридж. Вскоре Буковский сообщил:

“Посылаю вам обещанные документы ЦК, в которых упоминается Вадик.

...Нашел у вас несколько фактических ошибок, например, о месте захоронения Вадика — он не в Сент-Женевьев де Буа, а на Новом Венсенском кладбище. Точнее вам напишет Ира, я переслал ей вашу рукопись. Надеюсь, вы не возражаете?

Обещанное предисловие прилагаю. Разумеется, это черновой вариант, можно поправлять или дополнять”. (Секретные документы ЦК Буковский сканировал в Москве, будучи приглашен как эксперт на суд по делу КПСС.)

И, в конце концов, я обратился к Буковскому с новой просьбой — участвовать в нашем фильме. Без него никакой картины я себе не мыслил.

Владимир Константинович отвечал по электронной почте (по-английски), что идея снять документальную ленту о диссидентах не нова; в прошлом несколько кинематографистов, в том числе знакомые В.К. москвич Евгений Цимбал и екатеринбуржец Борис Евсеев, предпринимали попытки. Но никто не сумел добыть средства.

“Я думаю, вам следует контактировать с ними, — писал В. К., — потому что они сняли уже определенный метраж. Это будет полезно, если вам удастся найти спонсора. В принципе, конечно, я не имею возражений против такого проекта, но у меня есть свои обязательства”.

В это время кто-то из телевизионщиков (или документалистов) прислал Буковскому синопсис (аннотацию) предполагаемого фильма о диссидентах. Владимир Константинович решил, что автор — я, и написал мне, что сниматься в такого рода картинах он не хочет и не может.

“Хотел ответить на твое письмо раньше (прокомментировать твой синопсис), но был слишком загружен. По существу: я полагаю, что ты делаешь ошибку, относя нас всех вместе в одну категорию — “счастливую семью диссидентов”. Иоффе и Огурцов, с одной стороны, Ковалев и я — с другой. В то время как двое первых пытались организовать политическую борьбу против со-

ветского режима, мы занимались правами человека без каких-либо политических целей и программ. Я не собираюсь критиковать их, но хочу подчеркнуть основное различие между нами, которое само уже отвечает на твои вопросы. Мы не могли быть “счастливой семьей”, будучи столь по-разному ориентированы с самого начала. Кроме того, если первые два могут быть “обвинены” в том, что случилось позже (по крайней мере теоретически, отнюдь не в действительности), подобная критика в наш адрес смешна. Я не хотел реформировать советскую систему и никогда не предлагал никаких политических программ. Я протестовал, когда мои друзья оказывались в заключении за попытки воспользоваться конституционными правами, когда их, здоровых людей, упрятывали в психиатрические лечебницы.

Что произошло с крушением коммунизма? Если коммунизм не мог выжить без того, чтобы сажать нормальных людей в сумасшедшие дома, — это не моя проблема. Это их проблема. Если коммунистическая идеология и основные нравственные принципы оказались несовместимы, в этом надо винить Маркса и Ленина, но не меня. Никто не вправе предъявить мне претензию, что я вел себя аморально ради идеологической догмы, в которую никогда не верил и которой не обещал быть лояльным...

Пожалуйста, не пойми меня превратно. Я был рад видеть падение коммунизма, но как участник движения за права человека никогда не слышал похвал за это. Наша позиция была чисто защитная, мы не имели цели разрушить советскую политическую систему. Так что я могу честно ответить на любые упреки за настоящую ситуацию в России. Что я должен был, на ваш взгляд, сделать? Радоваться, видя моих друзей в тюрьмах и психушках за чтение самиздата?

Напротив, я могу обвинить их, советских людей, в том, что не следовали нашему примеру. Если бы они сделали это, сегодняшнее положение в России было бы совершенно иным. Начать с того, что советская система рухнула бы значительно раньше. Экономика страны оказалась бы менее расстроенной, а общество — более здоровым. И, кроме того, номенклатура не смогла бы сохра-

нить власть или “приватизировать” богатство страны в собственный карман. Мы могли бы создать подлинную демократию и рыночную экономику, а не фикцию...

Но, как они говорят, они были “не готовы” для этого. Это тоже моя вина? Я сделал все возможное, чтобы помочь им. Первый раз я смог приехать в СССР в апреле 1991 года, раньше нам приезжать не разрешали. И я вполне определенно сказал, что необходимо сделать, чтобы предотвратить развитие событий по наихудшему сценарию. Посмотри мои публикации в прессе того времени — в “Огоньке”, по телевидению и радио. Я призывал к всеобщей забастовке, к кампании гражданского неповиновения для того, чтобы заставить коммунизм отступить. И каков был ответ? Интеллигенция была разочарована моими предложениями. Меня открыто называли экстремистом, который жаждет конфронтации и крови (см. “Литературную газету”). “О, нет! — кричали они, — на улицы выйдут танки! Нам не нужны здесь такие “герои”, как Буковский. Все, чего он хочет, — баррикады”. Они были “все еще не готовы”. Я вернулся в Англию.

Танки все-таки пришли на улицы несколькими месяцами позже. И люди появились на баррикадах. Я приехал опять в Москву 25 августа и опять точно сказал, что должно быть сделано: трибунал наподобие Нюрнбергского. Все это документально подтверждается, мои интервью Российскому ТВ в сентябре 91-го легко найти. Но опять общество оказалось “не готово”. Вместо трибунала устроили слушания “по делу КПСС” в Конституционном Суде, ставшие фарсом. Я принял в них участие как эксперт в надежде превратить их в нечто более серьезное, но все напрасно. С 1996 года мне даже не позволено въезжать туда...

Я думаю, российское общество безнадежно, по крайней мере, я отказался от мысли пытаться сделать что-то. Вот почему мне не интересно сниматься в твоём фильме. Извини, Юрий, но слишком поздно. Мы ничем не можем помочь им”.

Недоразумение, в конце концов, разъяснилось. Планы снять ленту о Вадиме Делоне без каких-либо обращений к текущим российским делам, сделать

© Фото: Григорий Ярошенко

фильм-воспоминание Буковский воспринял благожелательно.

В 2000 году я привез кассету с фильмом и книгу в Париж, где на презентацию собралось немало наших соотечественников. Евгений Сидоров, тогда посол России в ЮНЕСКО, вспоминал об этом мероприятии (*Записки из-под полы. «Литературная газета» № 40. 6-12 октября 2004 г.*):

«По инициативе Алика Гинзбурга вечер памяти поэта Вадима Делоне в нашем парижском представительстве. Этот рано погибший юноша, вышедший в 68-м на Красную площадь вместе со своими товарищами в знак протеста против вторжения советских войск в Чехословакию, летел навстречу своей судьбе, как мотылек на свечу. «Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади я могу расплатиться годами лишения свободы». Так и получилось. Смотрели телевизионный фильм о Вадиме, была представлена хорошая книга о нём Ю. Крохина. Не люблю слов «диссидент», «инакомыслящий». Это именно те толпы, которые молчали, в том числе и аз грешный, были инакомыслящие, а единицы, подобные Вадиму Делоне, мыслили, по сути дела, верно, пусть и не в масштабах истории, но в пределах личной убеждённости и товарищеской этики...»

* * *

Послесловие к моей книге о Вадиме Делоне Владимир Константинович все-таки написал, и оно украсило вышедшую в 2001 году в издательстве «Аграф» документальную историю жизни его покойного друга.

Вадим Делоне был потомком француза-медика Пьера Делоне, оказавшегося с наполеоновской армией в России да так и осевшего здесь. С него началась ветвь русских Делоне, давшая России крупных ученых. А еще — поэта и вольнодумца Вадима Делоне (1947-1983). Выросший в московской профессорской семье, Вадим рано «заболел» поэзией, его первые стихотворные опыты благожелательно оценил Корней Чуковский. А несанкционированные поэтические чтения у памятника Маяковскому стали колыбелью свободомыслия московской молодежи; видимо, именно в ту пору познакомился Вадим с Владимиром Буковским, Юрием Галанско-

вым, Леонидом Губановым, Всеволодом Абдуловым. И потому не мог он не выйти 22 января 1967 года на демонстрацию на Пушкинской площади в защиту арестованных Гинзбурга, Галанскова, Лашковой и Добровольского.

*Поднимем над площадью наши плакаты,
Ведь нас вдохновляет свобода одна.
Владимир Буковский — три года на карте,
И вас, Делоне, ожидает тюрьма.*

Председатель КГБ В. Семичастный и генеральный прокурор СССР Р. Руденко сообщали в ЦК КПСС: Как докладывалось ранее, начиная с декабря 1965 года в Москве имели место неоднократные попытки организации разного рода сборищ и провокационных выступлений то в защиту Синявского и Даниэля, то «памяти жертв сталинизма», то с демагогическими требованиями пересмотра законов. В последнем случае 22 января с.г. аналогичное сборище состоялось на пл. Пушкина, где собралась группа лиц в количестве 15-20 человек с плакатами, содержащими требования об отмене отдельных статей УК РСФСР и освобождении из-под стражи задержанных до того органами КГБ наиболее активно проявивших себя распространителей антисоветских документов. ...С учетом изложенного в целях пресечения враждебной деятельности, за изготовление, распространение и передачу за границу антисоветской литературы, а также за организацию и активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, арестованы и привлечены к уголовной ответственности: Гинзбург А.И., Галансков Ю.Т., Буковский В.К., Делоне В.Н. ...

30 августа Мосгорсуд на Каланчевке рассмотрел обвинение по статье 190-3 УК РСФСР. Буковскому было «выписано» три года, Делоне и Кушев получили условные сроки...

Пропустим несколько страниц. Августовским днем 68-го, когда на весь мир прогремело известие, что войска Варшавского Договора оккупировали Чехословакию, Вадим двинулся к Юлию Киму, любимому другу, и первым делом спросил: **пошли ли они на площадь**. Скрывать было нечего, Ким попытался удержать парня. Но тот попрощался, обронив: «Старик, через три года увидимся...»

Наталья Горбаневская вспоминала: «Я подошла к Лобному месту со стороны ГУМа, с площади подошли Павел, Лариса, еще несколько человек. Начали бить часы. На каком-то из двенадцати ударов демонстрация началась. В несколько секунд были развернуты все четыре плаката и в одно и то же мгновение мы сели на тротуар...»

Набежавшие *штатские* орали: «Жидовские свиньи», избивали демонстрантов. Те не защищались. Их тащили к машинам. Семерка было доставлена в 50-е отделение милиции. Отпустили только Горбаневскую, у которой было двое маленьких детей. Вадим так описывал те времена:

*Я в метро опускаю пятак —
Двое в штатском идут по пятам.
Я за водкой стою в гастроном,
А они сторожат за углом.
Ну так что же, пускай будет суд,
Пусть года мои в лагере канут,
Меньше трех мне уже не дадут,
Ну а больше семи не натянут...*

Корней Чуковский записывал в дневнике: «Воскресенье, 13. Октябрь. Пришла к вечеру Таня (Т. М. Литвинова, мать Павла — Ю. К.) — с горящими глазами, почерневшая от горя. Одержимая. Может говорить только о процессе над Павликом, Делоне, Богораз и др. Восхищается их доблестью, подробно рассказывает о суде, который и в самом деле был далек от законности...»

И еще один документ. 12 октября Андропов, Щелоков и Руденко «в порядке информации» доносят в ЦК:

«9-11 октября судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда рассмотрела в открытом заседании уголовное дело по обвинению Богораз-Брухман Л. И., Литвинова П. М., Бабицкого К. И., Делоне В. Н. и Дремлюги В. А. и признала их виновными в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст.190-1 УК РСФСР), и групповых действиях, повлекших грубое нарушение общественного порядка и нормальной работы транспорта. Подсудимые...рассказали о факте сознательного участия в провокационной вылазке на Красной площади, од-

нако виновными себя не признали...Приговор суда был встречен с большим одобрением присутствующими в зале гражданами».

Уголовный лагерь в Тюмени, где Вадим достойно отбыл срок и потом описал свою жизнь за решеткой в романе «Портреты в колючей раме». Опять Москва, арест жены Ирины, — она активно участвовала в правозащитном движении; за ее спиной — девять месяцев в Лефортово и три с половиной месяца мордовских лагерей. Вынужденный отъезд на Запад.

«Только первые пять лет худо, — вспоминал Вадим, оценивая жизнь в эмиграции лагерной поговоркой, — а дальше все тяжелее и тяжелее...» Семь лет, что прожил Вадим до своей кончины в возрасте 35 лет в Париже, не прошли впустую. Пикеты, демонстрации, открытые письма ведущим европейским политикам в защиту политзаключенных в СССР, наконец, две книги, вышедшие уже после смерти Делоне, — «Стихи» и «Портреты в колючей раме» (удостоена премии имени В. Даля).

«Об этих делах теперь вспоминать не принято, — писал Владимир Буковский. — Одни считают, что слишком рано, другие — что слишком поздно. В общем, не модно. Да и мы не рвемся публично предаваться воспоминаниям. Ну не хотят знать — и ладно...Наш же долг — хранить память о тех, теперь уже кажущихся бесконечно далекими, временах и о наших друзьях, навечно оставшихся в той эпохе».

Как же прав оказался Владимир Константинович! И эпоха другая, и ему и его друзьям на смену пришли другие... Но все повторяется, как в дурном сне. И вспомнить их, поднимавших стаканы «за наше безнадежное дело», сегодня нелишне: у всех нас есть долг совести перед теми, чьим нравственным императивом было: жить не по лжи.

Москва, 2021, апрель

Юрий Крохин, литератор

© Текст: Юрий Крохин

«ЗАСТОЙ» И СЧАСТЬЕ

ЭССЕ

АЛЕКСЕЙ КОНАКОВ

Хорошо известна старая марксистская максима о том, что все на свете войны, так или иначе, имеют классовую природу, что вообще «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». С этой точки зрения и любые столкновения современных государств — будь то гонки вооружений, дипломатические демарши или прямые военные конфликты — только экстериоризируют, «проявляют» на внешнеполитическом уровне классовые антагонизмы, наличествующие внутри этих государств. Недавно опубликованная важная книга Мэтью Кляйна и Майкла Петтиса *Trade Wars Are Class Wars* именно таким образом объясняет и масштабную торговую войну, развернувшуюся в последние годы между США и Китаем, и общее усиление националистической и ура-патриотической риторики по всему миру (в том числе в странах Евросоюза)¹. Но потому и явное ухудшение отношений России с Западом, демонстративный «разрыв с Европой» («С Евросоюзом как с организацией отношений нет, вся инфраструктура этих отношений уничтожена односторонними решениями Брюсселя», — заявил 22 марта 2021 года Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров²) заставляют нас, среди прочего, задумываться о классовых напряжениях и социальных «разрывах» внутри самого российского обще-

ства — общества, чья поляризация по целому ряду вопросов политики, экономики, культуры и истории становится с каждым днем сильнее.

Одним из таких вопросов, вне всякого сомнения, является отношение российских граждан к «позднему» СССР. И если кому-то эта держава кажется «тюрьмой народов», пустым и голодным местом за «железным занавесом», зловещим примером, которому все усерднее пытается подражать путинская Россия, то для кого-то образ «позднего» СССР связывается с целым рядом выдающихся социальных гарантий и, в общем, с достаточно благополучной жизнью, счастливо избавленной от депрессивно-маниакальной динамики капитализма.

Впрочем, просоветскую идею о «благополучной жизни в СССР», как правило, успешно опровергают чисто экономическими аргументами: указывают на низкую производительность труда, на невысокие зарплаты, на посредственное качество товаров и услуг, на явления дефицита, а главное — на общее замедление, при Брежнев, Андропове и Черненко, темпов экономического роста. Так, например, согласно данным, приводимым Филипом Хэнсоном в известной работе *The Rise and Fall of the Soviet Economy*, рост внутреннего валового продукта (ВВП) СССР замедлялся на протяжении всех «длинных семидесятых» — с 4,7% в пе-

риод 1964–1973 гг. до 1,8% в 1973–1982 гг.; рост промышленности и сельского хозяйства снизился за это время на 2,9%, рост потребления — на 2,0%, инвестиций — на 3,4%³. И как можно восхищаться жизнью в стране, которая с каждым годом развивается все медленнее, производит и потребляет все меньше и в силу политической изоляции неизбежно отстает от остального мира?

На этот вопрос возможны разные ответы, и один из самых очевидных будет связан с указанием на неадекватность редукации качества человеческой жизни в том или ином обществе к сугубо экономическим показателям, — прежде всего, таким, как «рост ВВП». Собственно, о том, что ВВП «неверно оценивает нашу жизнь» дискутируют уже как минимум десять лет (после выхода в 2010 году громкого одноименного исследования Джозефа Стиглица, Амартии Сена и Жана-Поля Фитусси⁴). Что же, может быть, и в позднесоветской жизни, несмотря на замедление роста ВВП и стагнацию производства, присутствовало что-то, перевешивающее все экономические провалы? Может быть, есть доля правды в известном анекдоте про Адама и Еву, которые были советскими людьми — ибо чувствовали себя счастливыми без одежды, без крыши над головой и с одним яблоком на двоих? И, может быть, нам нужны какие-то иные критерии — которые позволят увидеть преимущества «позднего» СССР, ускользающие от исследователей при исчислении «национального богатства»?

Что, если мы попробуем вести речь не о «богатстве», но именно о «счастье»? Советские граждане эпохи «застоя» не были богаты — и это факт; но были ли они счастливы?

Одним из наиболее простых и удобных способов измерения счастья является *Happy Planet Index (HPI)*, разработанный в 2006 году британским Фондом Новой Экономики (как попытка «радикального отхода от нашей нынешней одержимости ВВП»⁵). Индекс полезен уже тем, что эффективно переворачивает устоявшиеся иерархии государств и заставляет нас по-новому задумываться над условиями и целями человеческого существования: если при ранжировании по ВВП впереди оказывается Западный мир, то при расчете *Happy Planet Index*

лидерами становятся такие страны как Коста-Рика, Вьетнам, Колумбия и Гватемала⁶. Для расчета индекса используются три параметра: удовлетворенность жизнью (*experienced wellbeing*), ожидаемая продолжительность жизни (*life expectancy*) и влияние на экологию (*ecological footprint*); первые два параметра увеличивают значение *HPI*, а последний, наоборот, уменьшает⁷. В таком случае для разговора о «счастье» советских людей нам нужно хотя бы приблизительно оценить изменение трех составляющих *Happy Planet Index* в эпоху «позднего» СССР.

Что же мы видим?

На всем протяжении «длинных семидесятых» ожидаемая продолжительность жизни в СССР плавно снижалась: с 70,5 лет в 1964 году до 67,5 лет в 1982 году⁸. Удовлетворенность жизнью, данная в ощущениях, тоже падала; «новый советский человек» становится пессимистом», — отмечал еще в 1980 году Джон Бушнел, основываясь на опросах, проведенных среди советской интеллигенции⁹; такому пессимизму способствовали и растущий, но не находящий должного удовлетворения консюмеризм советских граждан¹⁰, и постоянное (ввиду участвовавших зарубежных поездок) нелестное сравнение СССР со странами Восточной Европы¹¹, и общая утрата веры в построение Коммунизма, фактически дезавуированной в 1971 году заявлениями Брежнева о переходе к «развитому социализму»¹². Наконец, достаточно мощная и достаточно громоздкая позднесоветская экономика, унаследовавшая от сталинизма склонность к циклопическим проектам (Красноярская ГЭС, КамАЗ, БАМ и проч.), оказывала сильное воздействие на окружающую среду, апофеозом которого следует, вероятно, считать чернобыльскую катастрофу 1986 года. В совокупности такая динамика трех составляющих *Happy Planet Index* должна была постоянно уменьшать его величину, а советские люди должны были чувствовать себя все менее счастливыми: видимо, разговоры о «застое», «стагнации» и «удушливой» атмосфере в «позднем» СССР имели вполне конкретные основания.

Впрочем, цель нашего обращения к *HPI* заключается вовсе не в попытке доказать «несчаст-

ливость» граждан эпохи «застоя» — но, скорее, в попытке высветить и увязать воедино некоторые *идеологические и культурные тренды*, набиравшие силу именно в «длинные семидесятые» (и почти идеально совпадавшие с тремя параметрами *Happy Planet Index*).

Во-первых, следует обратить внимание на *возрастающий интерес населения СССР к экологической проблематике*. О том, что советская индустриализация может наносить значительный вред природе, широко заговорили еще в первой половине шестидесятых, во время общественной кампании против строительства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. В семидесятые годы начинают обсуждать резкое снижение уровня воды в Каспийском море, исчезновение речной рыбы в Волге, обмеление Арала. С середины семидесятых в СССР выходит экологический журнал «Человек и природа», официально издаются книги западных *экологов*¹³, публично обсуждаются доклады Римского *клуба*¹⁴, а в самиздате широко распространяются перепечатки книги Бориса Комарова «Уничтожение природы» с жуткими описаниями гибнущих рек и откровенными признаниями советских начальников («— Мы фактически уже проиграли Азов, Арал и, видимо, Каспий тоже, — сказал в частной беседе один из высоких чиновников Госплана *СССР*¹⁵). Обеспокоенность охраной окружающей среды нарастает медленно, но верно; активизация проекта переброски на юг сибирских рек в 1978 *году*¹⁶ и начало строительства огромной Ленинградской дамбы в 1980 году делают тему еще более острой, а после Чернобыля дискурс о защите окружающей среды приобретает выраженную апокалиптическую окраску: в популярных пересказах над БАМом ползет ядовитый смог, уничтожающий все живое; плодородный украинский чернозем по берегам осушенных лиманов засыхает в мертвый камень; сотни ядерных взрывов, используемых для соединения Печоры и Камы, распространяют губительную радиацию; в перекрытой дамбой Невской губе размножаются водоросли, выделяющие нервно-паралитические яды; а Черное море вот-вот должно загореться из-за выбросов скопившегося сероводорода. **Во-**

вторых, необходимо указать на *широкое увлечение советских людей нетрадиционной медициной и здоровым образом жизни*. В середине семидесятых годов причудливый советский ЗОЖ включает в себя и модные западные веяния (вроде бега трусцой по Артуру Лидьярду, голодания по Полю Брэггу и лечения витамином С по Лайнусу Полингу), и поиски продукта-панацеи (в качестве которого рассматривались и разнообразные травы, и овечье легендами мумиё, и полоскание рта подсолнечным маслом, и свежая *урина*¹⁷), и совершенно особую интерпретацию индийской йоги, изначально воспринимаемой в Советском Союзе как разновидность *физкультуры*¹⁸. Чуть позже к практикам оздоровления добавляются многочисленные эксперименты с дыханием (по Стрельниковой, по Гневушеву, по Бутейко) и с обливанием ледяной водой (согласно учению Порфирия *Иванова*¹⁹); становятся популярными методы Александра Микулина по выводу из организма «ядов и *шлаков*»²⁰ и идеи Федора Углова о категорическом отказе от *алкоголя*²¹. С наступлением восьмидесятых такая сосредоточенность на вопросах здоровья приведет к массовой моде на «целителей»: Валентин Диккуль разрабатывает особую гимнастику, Иван Кузнецов применяет «ипликаторы» собственного изготовления, Нинель Кулагина лечит исходящим от рук «жжением», Джунга Давиташвили использует «биополе», Аллен Чумак «заряжает воду», а Анатолий Кашпировский (до триумфальных телесеансов которого еще остается несколько лет) борется с энурезом у маленьких детей, настраивая им «внутренний будильник». **В-третьих**, стоит вспомнить о *поиске советскими гражданами грандиозных мировоззренческих систем*, альтернативных по отношению к «развитому социализму» и так никогда и не наступившему коммунизму. Столичная богема эпохи «застоя» изучает традиционализм по Рене Генону и Юлиусу *Эволе*²², среди научных работников Сибири растет популярность учения Николая и Елены Рерихов о «Живой Этике» (а также связанной с ней теософии Елены *Блаватской*²³), и почти любой человек что-то знает про кришнаитов и *буддистов*²⁴. В год вторжения советских войск в Чехословакию выходит статья Льва Гумилева

о *Шамбале*²⁵, в середине семидесятых в самиздате появляются первые переводы Карлоса *Кастанеды*²⁶, а в восьмидесятые практически все интересующиеся угадывают оккультную «космистскую» подкладку в трудах целого ряда ученых из официального советского канона: Константина Циолковского, Владимира Вернадского, Александра Чижевского. Все больший авторитет завоевывает и традиционное для России православие (имена отцов Александра Меня и Глеба Якунина известны очень многим), но в целом для духовных исканий семидесятых характерна именно «нетрадиционность» и чрезвычайная пестрота; «тогда хватались за Блаватскую, Федорова, Штайнера, йогу, тантру, за пасхальные яйца, кто за что, это было мерцание истины», — указывает Татьяна *Щербина*²⁷.

На три этих (кратко описанных и действительно могучих) культурных тренда эпохи «позднего СССР» зачастую обращается мало внимания; *вопрос о счастье*, поставленный с помощью странного инструмента *Happy Planet Index*, полезен именно тем, что помещает (вроде бы маргинальные) отношения советских людей с экологией, здоровьем и эзотерикой в самый центр сложной культурно-антропологической ситуации «развитого социализма». Важно здесь то, что эти отношения были, по сути, *отношениями сопротивления*; если политико-экономический режим «позднего социализма» работал на постоянное понижение индекса счастья, не умея обеспечить гражданам удовлетворенность жизнью, физическое здоровье и нормальную среду обитания, то сами эти граждане упорно боролись за счастье, на свой лад противостоя ухудшению каждого из трех параметров *Happy Planet Index*: добиваясь признания Байкала заповедной зоной, купаясь в ледяной воде для достижения «активного долголетия», находя глубокое личное удовлетворение в следовании правилам «Живой Этики».

Но если данные практики действительно были не чем иным, как средствами борьбы за счастье, если бурные дискуссии об альтернативной медицине, эзотерических учениях и возможных экологических катастрофах были причудливыми производными от мечты о счастливой жизни, то нам приходится сделать довольно необычный вывод. По всей ви-

димости, несмотря на отрицательную динамику *Happy Planet Index*, в «позднем» СССР проживало довольно много по-настоящему счастливых людей. Тонкость в том, что такой «по-настоящему счастливый советский человек» оказывается *натуральным фриком*. Это гражданин, который отважно спит на иппликаторе, бежит бодрой трусцой в шапке-петушке, рассказывает, восторженно цитируя Чижевского, о «космическом пульсе жизни» и бьет тревогу по поводу проекта, например, Катунской ГЭС, грозящей затопить луга волшебного женьшеня и закрыть навсегда «вход в Шамбалу». Чем важен для нас такой фрик? Вероятно, тем, что дополняет, углубляет, а в чем-то и корректирует общую картину «застойных» времен. В отечественной культуре давно существует стандартный образ советского «семидесятника» — трагического интеллектуала, мрачно оценивающего и реалии «развитого социализма» и свою собственную способность их преодолеть, отчасти пытающегося сопротивляться, отчасти плывущего по течению, но, несмотря на это, почти не имеющего шансов пережить даже дряхлого Брежнева (и смерти знаковых для эпохи «позднего социализма» фигур, случившиеся на самом излете брежневизма — Эвальда Ильенкова в 1979-м, Владимира Высоцкого в 1980-м, Евгения Харитонов в 1981-м — словно бы акцентируют эту заведомую обреченность). Сила и обаяние такого образа мешают нам осознать, что в семидесятые годы было довольно много и *совсем других* «семидесятников», что наряду с пламенными диссидентами, тихими конформистами и трагическими интеллектуалами существовал распространенный антропологический тип *оптимистичного чудака*, человека невероятно деятельного и, — благодаря индийским асанам, мистическим откровениям и ежегодным сплавам по Чусовой, — *абсолютно счастливого*.

Впрочем, ситуация такого «счастливого чудака» гораздо более сложна и интересна, чем может показаться на первый взгляд (на взгляд мрачного циника эпохи «застоя»).

Здесь нужно увидеть, что рядом с тремя описанными позднесоветскими трендами (забота об окружающей среде, о собственном долголетии

и об удовлетворенности жизнью) с завидной регулярностью возникал некий сторонний, *добавочный элемент*: русский национализм. Так, одними из главных проводников экологического дискурса в СССР в «длинные семидесятые» были писатели-деревенщики, прямо связывавшие советскую модернизацию с разрушением традиционного уклада русской жизни и с вырождением России как *таковой*²⁸. Художественной манифестацией подобных взглядов стала знаменитая повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой», изданная в 1976 году, хотя еще в начале шестидесятых деревенщик Сергей Залыгин активно участвовал в борьбе с проектом Нижне-Обской ГЭС²⁹. При этом, как указывает Анна Разуvalова, в период «позднего социализма» вопросы сохранения русской природы постоянно смыкались с вопросами сохранения традиционной русской архитектуры, старых церквей и монастырей (и, далее, сохранения «русской ментальности», «русского духа») ³⁰. Экологические активисты часто действовали бок о бок с активистами Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), одной из колыбелей русского национализма в СССР³¹ — ярким символом слияния дискурсов экологизма и национализма в критике советской индустриализации были популярные фотографии колокольни Никольского собора в Калязине, затопленной при строительстве Угличской ГЭС. Не меньшее количество связей существовало между русским национализмом и концепцией здорового образа жизни, которая за счет этого приобретала оттенок фронды. Скептическое отношение к официальной медицине, варьировавшееся от простого неверия в эффективность тех или иных лекарств до конспирологических теорий о том, что советская власть хочет уничтожить русский народ, питало в эпоху «застоя» целый спектр идей о преимуществах «народных средств» (будь то баня, чага, мед, зверобой или даже звон церковных колоколов, якобы истребляющий *вирусы*³²) и о возможности жизни, полностью исключающей обращение к врачам (за счет освоения оздоровительных практик голодания, закаливания, сыроедения и проч.). Особую роль в смыкании национализма и здорового образа жизни играло дви-

жение трезвенников, инициатором которого был Федор Углов — известный ленинградский хирург, поклонник рефлексотерапии и обливания ледяной водой, убежденный, что государство намеренно спаивает русских *людей*³³. В конце семидесятых годов идеи Углова были подхвачены в Новосибирске, где образовалось первое в СССР Добровольное Общество Трезвости (ДОТ)³⁴; показательно, что именно члены ДОТа составили чуть позднее костяк новосибирского отделения националистического Общества «Память»³⁵. Наконец, с идеалами русского национализма на удивление легко сочеталась позднесоветская эзотерика и паранаука. Можно вспомнить фигуры таких националистов, как писатель Леонид *Леонов*³⁶ (автор экологистского «Русского леса» и мистической «Пирамиды», патрон московской газеты «Социалистическая индустрия», где широко печатались статьи об экстрасенсорике и поисках НЛО), художник Илья Глазунов (участник ВООПИиКа и один из первых адептов «фолк-хистори», идеологизированных нарративов о том, что русские были древнейшим народом мира: «этруски — это *русские*»³⁷), экономист Борис Исаков (ближайший сподвижник Углова, член Общества «Память», для объяснения тайн телепатии и «биополя» разрабатывавший идеи «лептонного мироздания» и «кармического лептонного бумеранга»³⁸). Националистического сантима не чужды и две, пожалуй, самые знаменитые паранаучные теории, созданные в «длинные семидесятые»: полумистическая концепция Льва Гумилева о приходящих из космоса «пассионарных толчках» и рождении великорусского «суперэтноса», и ревизионистская «новая хронология» математика Анатолия Фоменко, радикально удлиняющая русскую историю, объявляющая Россию фактической ровесницей Древнего Египта и Древней Греции.

Странные отношения между советским экологизмом, ЗОЖем и эзотерикой с одной стороны и русским национализмом эпохи «застоя» с другой стороны можно было бы приблизительно описать, используя концепт *supplement*, введенный Жаком Деррида для подвешивания структуралистских идей тождества и *различия*³⁹. Подобно *supplement*у, русский национализм в «позднем» СССР очень по-

разному взаимодействует с элементами *Happy Planet Index*: иногда он выглядит необязательным «приложением» или почти произвольным «добавлением» к этим элементам, иногда кажется довольно существенным «дополнением», иногда начинает работать как критически важное «восполнение», а порой дело доходит до частичной «подмены» или даже до полной «замены» исходных составляющих *HPI*⁴⁰.

Но в силу каких причин происходят эти «добавления» и «подмены»? Почему «охрана природы» или «вывод шлаков и ядов» из организма постоянно «восполняются» вниманием к «русской идее»? Почему сугубо практическая и прагматическая «борьба за счастье» неизбежно приводит позднесоветских людей к идеологическим конструктам национализма?

Анализируя странное тяготение, существующее между элементами *Happy Planet Index* и национализмом, полезно отметить, что национализм (в отличие от социализма, монархизма и проч.) является *par excellence* *буржуазной идеологией* (исторически рождение национализма связывается с Великой французской революцией, с подъемом «третьего сословия», ведомого буржуазией). Однако и сама идея «счастья» (по крайней мере, в том виде, в котором ее выражает *Happy Planet Index*) тоже является *буржуазной*. И тогда заинтересованность граждан «позднего» СССР в сохранении природы, завоевании долголетия и обретении эзотерического «смысла жизни» есть не что иное, как примета грандиозной трансформации советского общества, следствие его постепенного (на всем протяжении «длинные семидесятые») превращения в общество консюмеристское и буржуазное. Вообще говоря, «счастье» может быть разным, но, кажется, человек эпохи «застоя» действительно понимал его в духе *Happy Planet Index* — как комфортную и по возможности долгую жизнь в благоприятных условиях. В течение многих лет брежневское Политбюро, упировавшее на международное спокойствие («мир во всем мире»), устойчивость трудовой иерархии («стабильность кадров»), вновь реабилитированную приватность (право на «частную жизнь») и удовлетворение по-

требительских нужд (внимание к «товарам группы Б»), воспитывало в советских гражданах истинно буржуазные черты. В известном смысле использование инструмента *HPI* позволяет нам *увидеть идеологию*, которая по-настоящему победила в «позднем» СССР — и этой идеологией был вовсе не ЗОЖ, не экологизм и не эзотерика; ей была *особая позднесоветская криптобуржуазность*. Закономерным следствием «дрейфа» в сторону буржуазных ценностей стала формулировка принципиально новой мечты — мечты о «простом человеческом счастье», включающем безопасную среду обитания, здоровое тело и тихие радости потребления.

Вряд ли стоит объяснять, как далеко идеал «счастливой жизни» лежал от идеалов раннего Советского государства, поднимавшего на щит качества солидарности, самопожертвования и выполнения «интернационального долга» в деле борьбы за мировую революцию. Настоящий «разрыв с Европой» *пролегал именно здесь*; в отличие от европейцев советский человек — в той мере, в какой он считался наследником героических коммунистов двадцатых годов — вообще не должен был соотносить себя с буржуазной идеей «счастья»; вместо этого в его репертуаре имелись героизм свершений, радость побед, энтузиазм покорителя вселенной, солидарность с угнетенными по всей планете, азарт строительства нового, и даже «мировой пожар в крови» и, порой, «головокружение от успехов». Вот почему советского человека нельзя называть «счастливым»; впрочем, потому же его нельзя называть и «несчастливым»; точнее всего было бы считать его «внесчастливым», то есть проживающим свою жизнь *помимо* концепции «счастья». Возможно, мрачный трагизм классических «семидесятников» был эффектом именно этой «внесчастливости»: с детства верившие в идеалы коммунизма, эти люди попросту отказывались включаться в массовую погоню за счастьем, характеризовавшую «застой».

И как раз буржуазность «мечты о счастье» приводила к тому, что ее коррелятом в поле политического оказывалась буржуазная же *идеология национализма* (в эпоху «застоя» проявлявшаяся в критике социалистического проекта

по трем основным направлениям, описанным выше). Для множества позднесоветских людей политическим рецептом достижения счастья стало строительство национального государства: России следует выйти из состава СССР, как это постулировал Валентин Распутин; следует перестать «кормить окраины», помогать другим странам, спонсировать мировую революцию: *на место широкой интернациональной солидарности должно прийти узкое национальное счастье.*

В заключение стоит отметить, что подобной позиции придерживается и почти все население современной России: оно желает именно счастья (*supplement'om* которого остается национализм — не только почвенники, но и либералы мыслят будущую счастливую Россию как национальное государство). В этом смысле все мы являемся полноценными наследниками старой мечты, которую можно назвать «застойной», а можно назвать «европейской».

Примечания

- 1 Matthew C. Klein, Michael Pettis. Trade Wars Are Class Wars: How Rising Inequality Distorts the Global Economy and Threatens International Peace. — Yale University Press, 2020.
- 2 <https://www.rbc.ru/politics/23/03/2021/60596d0c9a7947adc1bbb0ed>
- 3 Philip Hanson. The Rise and Fall of the Soviet Economy. An Economic History of the USSR from 1945. — Routledge, 2014. P. 133.
- 4 Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- 5 <https://neweconomics.org/2009/06/happy-planet-index-2-0>
- 6 <https://neweconomics.org/2012/06/happy-planet-index-2012-report>
- 7 <https://neweconomics.org/2012/06/happy-planet-index-2012-report>
- 8 Евгений Андреев. Ожидаемая продолжительность жизни 70 лет, или déjà vu отечественной демографии. // Демоскоп-Weekly, №487-488, 2011. <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0487/tema03.php>
- 9 Bushnell, John. The “New Soviet Man” Turns Pessimist./ Stephen F. Cohen, Alexander Rabinowitch and

- Robert Sharlet (eds). The Soviet Union Since Stalin. — London, Indiana University Press, 1980. Pp. 179-200.
- 10 Natalya Chernyshova. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. — Routledge, 2013.
  - 11 Bushnell. Op. cit. Pp. 191-194.
  - 12 Mark Sandle. Brezhnev and Developed Socialism: The Ideology of *Zastoi*? / Brezhnev Reconsidered. / Edited by Edwin Bacon and Mark Sandle. — Pilgrave Macmillan Ltd, 2002. P. 166.
  - 13 Парсон Р. Природа предьявляет счет. — М.: Прогресс, 1969. Эренфельд Д. Природа и люди. — М.: Мир, 1973.
  - 14 Месарович М.Д., Пестель Э. Человечество на поворотном пункте: Второй доклад Римского клуба — Москва, 1976.
  - 15 Борис Комаров. Уничтожение природы. Обострение экологического кризиса в СССР. — Франкфурт, Посев, 1978. С. 25.
  - 16 Дмитрий Воробьев. Когда государство спорит с собой: Дебаты о проекте «поворота рек». // Неприкосновенный запас, №2, 2006. <https://magazines.gorky.media/nz/2006/2/kogda-gosudarstvo-sporit-s-soboj-debaty-o-proekte-povorota-rek.html>
  - 17 Пример официальной критики таких увлечений: Тысяча и один рецепт как себе навредить. // Здоровье, №2, 1975.
  - 18 См. популярный фильм 1970 года «Индийские йоги — кто они?».
  - 19 Порфирий Иванов стал широко известным после статьи «Эксперимент длиною в полвека», опубликованной Сергеем Власовым в «Огоньке», 20.02.1982.
  - 20 Микулин А.А. Активное долголетие: (Моя система борьбы со старостью) — Москва: Физкультура и спорт, 1977.
  - 21 Углов Ф.Г., Дроздов И.Г. Живем ли мы свой век. — М.: Молодая гвардия, 1983.
  - 22 Марк Сэдживик. Наперекор современному миру. Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 367-372.
  - 23 Александр Панченко. XX век: новое религиозное воображение. // Новое литературное обозрение, №5, 2012. <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/dvadczatj-vek-novoe-religioznoe-voobrazhenie.html>
  - 24 Birgit Menzel. Occult and Esoteric Movements in Russia from the 1960s to the 1980s. // The New Age of Russia. Occult and esoteric demention. / Edited by Birgit

- Menzel, Michael Hagemester and Bernice Glatzer Rosenthal. — Verlag Otto Sagner, 2012. Pp. 175-178.
- 25 Лев Гумилев. Страна Шамбала в легенде и в истории. // Азия и Африка сегодня, №5, 1968.
  - 26 Menzel. Op. cit. P.180.
  - 27 Татьяна Щербина. Нефантазии Евгения Харитоновна. <http://os.colta.ru/literature/events/details/23177%20-%20shcherbina#shcherbina>
  - 28 Анна Разувалова. Писатели-«деревенщики». Литература и консервативная идеология 1970-х годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 274-419.
  - 29 Сергей Залыгин. Заметки, не нуждающиеся в сюжете. // Октябрь, №10, 2003. <https://magazines.gorky.media/october/2003/10/zametki-ne-nuzhdayu-shhiesya-v-syuzhete-2.html>
  - 30 Разувалова. Указ. соч. С. 286.
  - 31 Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. — М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 315-320.
  - 32 Известная гипотеза эколога Фаттея Шипунова, о которой упоминает, например, Михаил Зеликин в «Истории вечнозеленой жизни». https://kafedra-opu.ru/old_cite/INTERN/zelikin_new/index.html?alias=department/opu/old_cite/INTERN/zelikin_new/index.html
  - 33 Никита Аронов. Трезвые и злые. Огонек, №23, 16.06.2014. <https://www.kommersant.ru/doc/2489742>
  - 34 Исторический обзор движения за трезвость в СССР:

- <http://xn----9sdbmcoj0cdeujgdg6i.xn--p1ai/istoricheskie-materiali/g-i-tarchanov-istoriya-v-trezvennicheskogo-dvizheniya>
- 35 А.А. Фоменков. К вопросу об истории деятельности общества «Память» в Новосибирске и Ленинграде в период «перестройки». // Вестник Челябинского государственного университета, 2011, №12 (227). История. Вып. 45. С. 71.
  - 36 Митрохин. Указ. соч. С. 256-268.
  - 37 Илья Кукулин. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции. // Новое литературное обозрение, №3, 2017. <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/3/periodika-dlya-ittr-sovetskie-nauchno-populyarnye-zhurnaly-i-modelirovanie-interesov-pozdnesovetskoj-nauchno-tehnicheskoy-intelligenczii.html>
  - 38 Публичное обсуждение концепций Иксакова началось уже в постсоветское время. См., например: Иксаков Б.И. Лептонная концепция мироздания — синтез науки и религии. // Наука и религия, №3, 1992.
  - 39 Жак Деррида. О грамматологии. — М.: Ad Marginem, 2000.
  - 40 Используемый ряд понятий, примерно соответствующих термину *supplement*, предложен Натальей Автономовой. См.: Н. Автономова. Деррида и грамматология. / Деррида. Указ. соч. С. 29.

© Текст: Алексей Конаков

АЛЕКСЕЙ КОНАКОВ (1985 г.р.) — независимый исследователь позднесоветской культуры и литературы. Автор книги «Вторая внеаходимая: очерки неофициальной литературы СССР» (СПб: Транслит, 2017). Лауреат Премии Андрея Белого (2016). Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Александр СМОЛЯНСКИЙ

Реквием по мечте

*Александр Смолянский
Режиссер, переводчик.
Переводил и публиковал
Редьярда Киплинга, Оскара
Уайльда, Эдварда Лира, Исаака
Башевиса Зингера, Вуди Аллена,
Энтони Берджеса, Агату Кристи.
Режиссер и сценарист
документального кино. Соавтор
(с Евгением Цымбалом) фильмов
«В поисках потерянного рая»
(премия НИКА, 2016) и фильма
(Оскар», 2018), получивших
призы многих международных
фестивалей.
В последнее время Александр
работает над большим проектом
о тоталитаризме, его эссе —
потрясающая история одного
нацистского сооружения.*

Как тоталитарная власть покупает преданность и любовь, лишая людей свободы? Как люди соглашаются обменять ее на заманчивые обещания?

В 1941 году Эрих Фромм опубликовал свою знаменитую книгу «Бегство от свободы».

В ней он писал, что результатом сочетания цинизма и наивности современного человека становится боязнь принятия самостоятельных решений, что потеря собственной сущности влечет за собой конформизм: человек может быть уверен в себе лишь в том случае, если живет в соответствии с ожиданиями других, стремясь уйти в подчинение, чтобы спастись от неуверенности, даже ценой свободы. Фромм говорил о стремлении тоталитарной власти полностью овладеть человеком, превратить его в беспомощный объект своей воли, стать его абсолютным повелителем. Средства для этой цели — унижение и порабощение.

Однако, лишившийся свободы должен испытывать при этом благодарность и радость мечты о прекрасном будущем. Как же именно, отнимая свободу, подарить человеку радость и мечту?

Один из ответов на эти вопросы может дать прогулка по пляжу немецкого острова Рюген. С одной стороны от тебя студеной Балтика, с другой — ледяная монотонность монструозного шестизэтажного строения длиной в четыре километра.

В тридцатые годы новая власть строила здесь, в городке Прора, крупнейший в мире пансионат, настоящую оздоровительную машину, которая должна была пропускать через себя еженедельно по 20 000 счастливых курортников.

Гигантская надмирная сущность нечеловеческого масштаба до сих пор поражает и завораживает. Рюгенский Колосс стал символом соблазна невероятных обещаний нового режима, реализацией мечты маленького человека о красивой жизни, воплощением пропаганды, подлинным курортом XX века, который и сам стал веком пропаганды — не правды и не лжи, а иной, ускользающей реальности, в которой стерты границы между добром и злом, а мир становится прост и понятен.

Сразу после прихода к власти, национал-социалисты стали осуществлять свою программу тотального контроля не только над умами — надо было завоевать и сердца. Только в песне сердцу не хочется покоя, в жизни же от хорошего отдыха не отказываются.

Еще недавно Эрнст Буш пел для рабочих «Песню Единого Фронта», знакомую и каждому, кто жил в Советском Союзе:

Марш левой — два, три!

Марш левой — два, три!

Встань в ряды, товарищ, к нам,—
ты войдешь в наш Единый рабочий фронт,
потому что рабочий ты сам!

Но очень скоро слушатели Буша вошли в совсем другой рабочий фронт — 2 мая 1933 года были разогнаны профсоюзы, и через неделю на их месте возник Немецкий трудовой фронт (Deutsche Arbeitsfront, DAF), к которому перешло все имущество профсоюзов.

Возникла самая крупная и самая богатая организация Третьего Рейха. Главой ее стал Роберт Лей, подчинявшийся напрямую Гитлеру. На одном из заводских митингов Лей говорил: «Время, когда каждый мог выбрать, что ему делать, а что нет,

ушло в прошлое. Либеральные взгляды нам не интересны». По его словам, традиционные профсоюзы разъединяли трудящихся, противопоставляли хозяина и работника; цель же нового национал-социалистического профсоюза — объединять, быть отцом, учителем и лучшим другом всех трудящихся, заботиться о каждом, дарить людям силу и радость. Лей выражался четко: «Сила через радость! Это кратчайшая формула, которой я могу выразить мечту национал-социализма».

Мечта осуществилась в ноябре 1933 года, когда в рамках Трудового фронта была создана организация «Сила через радость» (Kraft durch Freude, KdF).

В KdF подсчитали, что в течение года средний немецкий работник трудится 2100 часов, 2920 часов спит и 3740 часов отдыхает. Правильной организацией досуга и культурного отдыха и должна была заняться KdF. Цель была знакомой — создание нового человека и новой бесклассовой народной общности — Volksgemeinschaft с правильным взглядом на мир — Weltanschauung. А для этого требовалась «диктатура воспитания» — Erziehungsdiktatur, предполагавшая «тотальную заботу» — totale Betreuung. Для объединения хозяина и работника, работника труда умственного и физического, был тоже придуман свой термин — Arbeiter der Stirn und der Faust (буквально, работники «лба и кулака»).

Социальная революция воплощалась на уровне языка. Слова меняли свое значение, даже взятый из электротехники невинный термин «аншлюс» (присоединение) пригодился при аннексии Австрии. Все стало великим и грандиозным, а самого национального лидера фельдмаршал Кейтель назвал «Величайшим полководцем всех времен» (Größter Feldherr aller Zeiten).

Но язык языком, а достижения реального национал-социализма были не самыми убедительными — после 1933 года продолжительность рабочей недели постоянно росла, рабочие нередко бастовали — в 1936 было 179 забастовок. С 1935 года все работающие обязаны были иметь трудовую книжку, с того же года каждому молодому мужчине предписывалось отработать

на государство шесть месяцев в году. В 1937 реальная зарплата была все еще ниже, чем в 1932. Были введены четырехлетние планы развития народного хозяйства.

Война представлялась неизбежной и объявлялась высшей доблестью. Зато в будущем, после победоносной войны, была обещана эра всеобщего благоденствия, заботы о детях и ветеранах, эра радостного труда и массового туризма. И Лей принялся воплощать это будущее, торопя его приход, соблазняя словами и делами.

Заботу об организации труда взял на себя отдел KdF, названный «Красота труда» (Amt fuer Schoenheit der Arbeit). Публиковались брошюры с указаниями, как лучше организовать рабочие столовые, библиотеки и туалеты; для рабочих было

построено 12 000 спортплощадок и 200 бассейнов. Оплачивалось это все работодателями. Лучшим фирмам присваивали звание «Образцового национал-социалистического предприятия».

И все же главной целью оставалась правильная организация тех самых 3740 часов отдыха. За эти часы и надо было завладеть мыслями, стереть случайные черты, поставить каждого в общий строй, дабы почувствовал счастье, что он этой силы частица, что общие даже слезы из глаз.

Лев Шестов писал: «Ничто не приносит миру столько вражды, самой ожесточенной, сколько идея единства». Но в этом и состоит цель подобных режимов, они не выживают без вражды и тотального контроля, в том числе и над тем, как подданные отдыхают, и что почитывают. Шестов был запрещен, как и другие сомнительные авторы, не только советские — Леонов, Ильф и Петров, Эренбург — но и Бокаччо с Мопассаном и Хемингуэем.

В программах KdF приняла участие четверть населения страны. Главный упор делался на однодневные походы и короткие поездки по Германии.

Одну из таких увеселительных поездок с горечью и иронией описывает Набоков в рассказе «Облако, озеро, башня». Обязательное совместное распевание бодрых песен по выданным текстам, совместная трапеза, коллективные игры, восхищение по указке, плановое удовольствие от «мероприятий» — все это вызывает отвращение героя, даже имя которого весьма условно. Однако, вырваться из этой фантазмагии оказывается невозможно. Так же и реальный человек не мог в те годы выкрикнуть вслед за героем рассказа: «Нам с вами больше не по пути. Я дальше не еду».

Новая власть мыслила масштабно и пошла на довольно радикальный по тем временам шаг, став одной из немногих стран, где был введен обязательный ежегодный оплачиваемый отпуск для всех. Впервые немецкий рабочий мог отправиться в путешествие за границу.

Специально для этого по заказу KdF построили девять круизных лайнеров — один из лучших назывался «Роберт Лей». Другим был злополучный «Вильгельм Гуслофф» — тот самый, который, эвакуируя беженцев в 1945 году, будет потоплен

подлодкой Александра Маринеско; погибнет почти десять тысяч человек, половина из них дети. Но случится это не скоро.

А пока KdF рекламирует круизы в Италию, Испанию, Норвегию, Данию; самое популярное направление — тур на Мадейру. Путевки предлагается с огромной скидкой — прежде рабочий о подобном не мог и помыслить. Каюты на всех кораблях небольшие, но каждая смотрит на море. За два года планировалось отправить в двухнедельное морское путешествие 14 миллионов трудящихся.

Пропагандистский эффект от организованных KdF поездок был огромный. Правда, особо не афишировалось, что среди их участников рабочих было только 3%, в основном передовиков производства.

Многие идеи национал-социалистов опередили свое время; идея массового туризма была именно такой. Очень скоро KdF превратилась в крупнейшую туристическую организацию Европы, ее девять морских лайнеров успели пройти расстояние от Земли до Луны и обратно.

Но настоящими хитами программы тотального отдыха KdF были проект народного автомобиля Volkswagen и пять исполинских профсоюзных здравниц, которые собирались воздвигнуть на балтийском побережье. Построить успели только одну — на острове Рюген, в Проре.

Мир был заморожен величием замыслов вставшей с колен Германии. Проект в Проре получил золотую медаль на Всемирной выставке в Париже 1937 года, где состязались два социализма — национальный и интернациональный. Среди прочих Гран-при получил архитектор Проры Клемент Клотц и советский архитектор Андрей Крячков — за проект стоквартирного дома. Через два года Международный олимпийский комитет наградил KdF олимпийским кубком.

В третью годовщину разгрома немецких профсоюзов, 2 мая 1936 года, на песчаном берегу Проры был заложен первый камень будущего комбината здоровья.

На крупнейшей стройке Германии трудились около 3000 рабочих. Строительные компании старались обогнать друг друга. Фирма Hochtief, един-

ственная использовавшая подъемный кран, была объявлена победителем национал-социалистического соревнования.

Замок мечты — и колосс пропаганды — воплощался в камень с небывалой скоростью. То, что замок строится на песке, и может оказаться воздушным, никто не предполагал. Денег не жалели, их хватало после конфискации профсоюзных фондов — на проект выделили 72 миллиона марок, сегодня это примерно миллиард евро.

Планировали на века, но с оглядкой на время — строили так, что даже когда Прорский Колосс превратится в руины, они должны поражать потомков своим величием, подобно римскому Колизею и египетским пирамидам. Идея называлась «эстетика руин» (Ruinenwert); Альберт Шпеер, главный архитектор Рейха, был одним из ее авторов; кстати, по такому же принципу строились спортивные объекты для берлинской олимпиады 1936 года.

Циклопический проект предусматривал восемь одинаковых полукилометровых корпусов на 10 000 номеров. Еженедельный заезд — 3000 человек. По сути, это тоже был гигантский корабль с директором-капитаном и номерами-каютами, также выходящими на море. Душевые и туалеты — общие на каждом этаже. В каждом номере — площадь 12 метров — две кровати, тумбочка, умывальник. И обязательный репродуктор.

Распорядок дня тоже как на корабле — подъем в 6-20, в 6-30 зарядка; потом завтрак в две смены, в одной из восьми столовых, на 1000 человек каждая; после завтрака — на пляж или, если с погодой не повезет, прогулка по бесконечному крытому коридору, где были предусмотрены кафе, магазины и парикмахерские; в 13 — обязательная лекция; в 13-30 — обязательный отдых; в 15 — обязательная политинформация. Ни времени, ни пространства для индивидуального отдыха.

Все предусмотрено, все предсказуемо и, главное — доступно: перемещение в мечту на неделю должно было стоить всего 20 рейхсмарок, четверть месячной зарплаты квалифицированного рабочего. Остальное доплачивала «Сила через радость». Заезд первых отдыхающих планировали на лето 1940 года.

Монументальный фасад, представляясь фасадом самого режима, был также и частью его фундамента, в основе которого, среди прочего — желание завоевать сердца с помощью показной отеческой заботы и демагогии — грандиозной и твердокаменной.

В то время возле многих крупных объектов уже строились бомбоубежища, но в Проре его не запланировали — возможно, сами чудовищные размеры этого монстра должны были отпугивать врага. Зато предусмотрели, что во время войны здравница станет лазаретом с тысячами палат.

Так и получилось — к началу войны исполинский объект полностью достроить не успели; рабочих и оставшиеся стройматериалы перебросили на строящийся неподалеку полигон Пенемюнде, где разрабатывали ракеты Фау.

Недостроенный санаторий превратился в военный госпиталь. Вместо отдыхающих громадные корпуса заполнили раненые. Сквозь глядевшие на восток окна по-прежнему были видны волны и небо, но это уже было, как писал поэт, небо крупных оптовых смертей.

Другой поэт тоже как будто предсказывал:

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...

Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

В 1943 сюда свозили беженцев из разбомбленного Гамбурга. Позже стали прибывать изгнанные из Восточной Пруссии.

Война закончилась, с ней закончилась и жизнь Роберта Лея, пойманного американцами — он повис на туалетной цепочке в своей нюрнбергской камере. Так же могла бы завершиться история полуразрушенного Прорского Колосса. Но сложилось иначе — он пригодился новым строителям светлого будущего.

Прора стала одним из крупнейших военных объектов ГДР и исчезла с карты страны. Сначала в пятом блоке располагались казармы советской армии; в конце сороковых два блока были разобраны и отправлены в СССР как военные трофеи. Часть здания перешла полицейскому резерву ГДР. В пятом блоке расквартировали элитный батальон

ВДВ. Четвертый блок использовался для отработки приемов уличного боя. Однажды в Проре даже симулировали взрыв атомной бомбы.

Тренировали здесь и военных из дружеских стран — Кубы, Никарагуа, Ливии, Ирака и Организации Освобождения Палестины. В одном из блоков оборудовали военный санаторий имени Вальтера Ульбрихта — с пионерским лагерем.

Неподалёку стройбатовцы построили порт для приема советских паромов с поездами на случай войны. В СССР даже выпустили марку в честь открытия паромной переправы Клайпеда-Рюген. Действовала здесь и другая переправа: за годы ГДР больше пяти тысяч человек пытались сбежать отсюда в Данию на надувных лодках и матрацах; но до острова Борнхольм добрались только девятьсот.

После объединения Германии военный объект опустел и начал быстро ветшать. Чтобы остановить разрушение, его решили продать частным инвесторам. Сейчас многокилометровое здание бывшего санатория, лазарета, казармы и полигона почти восстановлено, работы закончат в будущем году. Здесь планируется громадный комплекс для летнего отдыха.

Прорский Колосс был одним из главных героев нацистского мифа. Как и положено мифологическому герою, он оказался неуязвим, прошел через смерть, и вокрес во всем блеске новых отделочных материалов.

Статус исторического памятника заметно способствует продажам. По иронии судьбы, одного из крупнейших инвесторов зовут Ульрих Буш. Это сын того самого Эрнста Буша, который пел немецким рабочим: встань в ряды, товарищ, к нам.

Товарищи откликаются, и охотно встают в ряды покупателей летних апартаментов в одном из самых дорогих курортных комплексов Германии. Как и прежде, рабочих среди них не много. Не сбылись их мечты о красивой жизни, не сбылись обещания о всеобщем счастье. А казалось — счастье было так возможно, так близко.

История в очередной раз пошутила, сделав из марша Эрнста Буша реквием. Реквием по мечте.

© Текст: Александр Смолянский

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

ГЛЕБ СМИРНОВ

В гомеровской поэме о Троянской войне бессмертные боги Олимпа азартно втянуты в боевые действия, выступая либо на стороне ахейцев, либо троянцев. И только один Гермес не сочувствует ни тем, ни другим (разумеется, нейтрален и Аид, бог подземного мира и мёртвых, принимающий всех одинаково радушно))).

В западной культуре фигура Гермеса традиционно воспринимается как аналог поэту: как и он, поэты — вестники богов, подобно ему, они выполняют ту же непростую миссию: доставка посланий свыше и уход за словом.

В характере Гермеса, таком взбалмошном и изменчивом, есть много мудрого ребячества. Платон предостерегал: не трогайте поэта, ибо это чудо в перьях есть «существо лёгкое, крылатое и священное, *κοῖφον γὰρ χρῆμα ποιητής ἐστίν καὶ πτηνὸν καὶ ἱερόν*».

Подобно Гермесу, поэту пристало быть миротворцем или, когда невозможно, оставаться над схваткой, и заботиться о чистоте и рабочем состоянии крыльев.

Когда Англия в 1890 году решила готовиться к войне с Францией, общее воодушевление нарушил, кажется, один Оскар Уайльд, запротестовав: «с какой стати против Франции? Её проза абсолютно безукоризненна». В остроте Уайльда работала серьёзная исходная логика человека культуры, представителя народа избранного. Войну,

следуя этой логике, надо бы объявлять тем, кто коверкает и насилует Слово. Причём войну беспощадную. Такова единственная война, которую стоит затевать, навсегда переведа боевые действия на эти позиции, и весело сражаться за Логос.

«Все другие различия и противоположности бледнеют перед разделением ныне людей на друзей и врагов слова. Подлинно агнцы и козлища», — убеждал Мандельштам в 1921 году, и его правота остаётся в силе. На свете существует только два народа: небольшое братство Давидово, диаспора художников — и они, филистимляне-филистеры, бесчисленные полчища под водительством Голиафа.

Маленький subtilный арфист Давид побеждает гиганта Голиафа не физической силой, а силой разума, сноровкой, хитростью, духом Святым. Так стояли веками многие из Народа против этой силищи, — неповоротливого государства и засилья филистеров, снова и снова имея дело с неизменной адской смесью, состоящей из народа и его владык.

Есть и другая притча. Бывало, что иных из них, больших детей, брали во вражий полон, — так, кудрявый герой Самсон оказался-таки пленён филистимлянами, и даже ослеплён ими. Но он показал, на что способен, разрушив, пусть ценой жизни, их капище, собрание нечестивых, и сокрушил кумиров, во благо освобождения Народа своего и во утверждение святого имени Господня.

ГЛЕБ СМИРНОВ — теоретик искусства, живет в Венеции

Старинный английский поэт с трудом скрывает восхищение коллегой:

...Когда ж Самсон

Почувствовал колонны под рукою,
Он голову склонил как для молитвы
И на минуту в думы погрузился,
А после крикнул с поднятым челом:
«Владельцы филистимские, покорно,
На диво и на развлечение вам,
Я здесь исполнил всё, что мне велели.
Теперь свою вам силу покажу
Я на примере более наглядном,
И кто его увидит — содрогнётся».
Тут он напугал все мышцы, и пригнулся,
И с яростью бунтующих стихий,
Когда они приводят в трепет горы,
Опорные колонны стал качать,
Пока они не рухнули и кровля
С громовым треском вниз не полетела,
Обломками своими раздавив
И навсегда похоронив под ними
Вельмож, жрецов, воителей и женщин,
Красу и гордость знати филистимской.

Какой ужасный шум, всеправый боже!

Существуют только две касты, как хорошо донёс до нашего разумения Хлебников, — художники и они. «Сословия мы признаём только два — сословие “мы” и наши проклятые враги».

Мир раздвоен между двумя языками — языком Духа и языком косности, примитива и скверны. Идёт перманентная война между двумя языками, как некогда между кастой аристократии и простонародьем. Эта война разворачивается не между государствами или классами, а в смыслеловом пространстве ценностей. Духовная брань!

Народы, в лице государств, вечно воюют друг с другом, но новые духоборы должны бы стоять выше этого — хотя бы потому, что государство воюет и против них.

Эта война, тянущаяся испокон веков внутри каждой страны, в отличие от других войн оставляет за тобой свободный выбор, чьей стороне прися-

гать, на сей раз не в силу подданства той или иной державе, ведь не между государствами она ведётся. Собственно, вершится она внутри каждого человека. Вот единственная война, которая вправе называться священной.

Но если уж и выбирать себе метафизическое, мысленное подданство, то по нашему разумению, при всей фольклорной курьёзности всяких национальных традиций, альтернатив не так уж много. «Европейская культура для нас является культурой вообще», — слетело однажды с языка одного русского учёного. Бердяев разделял это мнение: «то лишь есть культура, что кровно связано с миром греко-римским, с античными истоками и с Церковью западной или восточной, получившей преемство от античной культуры. В строгом смысле слова, никакой другой культуры, кроме греко-римской, и быть не может». Согласился бы с этими вердиктами Мандельштам, для него «всечеловеческий» — кодовый эпитет средиземноморско-германской цивилизации.

Но будем называть вещи своими именами. Европа — давно не географическое понятие, а символ веры определённого рода людей — кредо, по которому свои узнают своих. И некая определённая сумма ценностей, в известном смысле ценностей религиозных. Блаженный Августин был безусловно прав, когда утверждал, что долговечнее любого самого стабильного государства может быть только общность, созданная на основе духовного единения. Европа в сущности и есть наш «Град Божий».

Пусть, якобы, Европа умерла, — тогда тем более да здравствует Европа. Она вошла в стадию весьма изоцированного потустороннего существования: её даже нельзя посетить лучше, нежели путём *mental travelling*. И это ей очень идёт, поскольку её уже не коснётся столь чуждая современность (правильнее сказать, современничанье).

Такова наша религия умирающего и воскресающего бога: умерев согласно писаниям, он воскресает и благополучно живёт в своей вечности. Мы все стали гражданами той единственной и вечно цветущей страны, нашей истинной отчизны, где мы — свои, и название её отныне даже не Ев-

ропа — а Элизиум теней. На елисейских широтах, в лучшем из миров наша обетованная земля, и её мы храним в душе:

Душа моя — Элизиум теней,

Что общего меж жизнью и тобою?

Меж вами, призраки минувших лучших дней,

И сей бесчувственной толпою?

Содружество людей искусства есть залог выживания европейской цивилизации, которая одним этим народом избранным и держится. В любом случае, другой цивилизации уже не бывать. Держаться вместе, адепты! И занимать круговую оборону.

По всей видимости, побеждает примитив. Если они победят, земля окончательно станет просто

«самой презренной из планет», как опасался Николай Кузанский. За врагом перевес в численности и боевой технике; силы его превосходящи, он напирает свиньёй. Но это ещё не значит, что решающая победа за ним. *Non prevalebunt!** Схватка отчаянна, но победа предрешена. Враг проиграет и будет посрамлён. Как осрамлялся он в истории всех цивилизаций. Где ты, нахрапистый? Он бесславно попан и сгинул, жирея и торжествуя при жизни, после — лопааясь в ничто. Слова, которые могли бы послужить эпиграфом к главной драме, которую пишет человечество, таковы:

Солнце духа, ах, беззакатно,
Не земле его побороть.

* не превозмогут

Примечания

...не трогайте поэта, ибо это чудо в перьях есть
«существо лёгкое, крылатое и священное

~ Платон, «Ион», 534b (380-е годы до н.э.). Для греков, по крайней мере для мудрейших из них, было очевидно, что служителями Бога являются поэты: «сам Бог через них подаёт нам голос». Обратим внимание, что Сократ вообще не упоминает среди служителей Бога жрецов-иерофантов.

Бенедетто Кроче в главе VI «Эстетики» (1902) говорит о неподсудности поэта, *l'inculpabilità dell'artista*. Будучи по своей функции «вестником богов», поэт располагает дипломатической неприкосновенностью, и судить его позволено только коллегам и только им, подобно тому как проштрафившиеся священники предстают перед судом церковным. Века показали, что поэту пристало алиби невиновности. Это вечный ребенок, хоть и играющий в очень сложные игры.

Неспроста во французском языке литератор значится как *homme de plume*, «человек пера», и в силу этого титула волен приписывать себе высочайшее происхождение. *La plume* — принадлежность существ крылатых. Это атрибут ангелов, и ангелы имеют в той же пропорции нечто от людей и нечто от пернатых, являясь посредниками между небом и землёй.

...Когда Англия в 1890 году решила готовиться к войне с Францией, общее воодушевление нарушил, кажется один Оскар Уайльд, запротестовав: «с какой стати против Франции? Её проза абсолютно безукоризненна»

— в оригинале: we will not war against France because her prose is quite perfect. ~ «Критик как художник» (1890). Сама Франция тоже умела проявлять подобное великодушие: когда в 1636 году,

в разгар войны с Испанией в тяжёлое для Франции время военных дебаклей вышла трагедия Корнеля «Сид», никто из завистников и критиков не стал обвинять автора, что тот прославляет врагов страны. Между тем Сид — испанский герой. Непосредственно вскоре после недавнего поражения Франции в войне с Германией 1871 года Жюль Массне начинает писать оперу «Вертер» по роману немецкого классика, а «Фауста» Гуно давали 166 раз в сложные времена франко-немецкой напряжённости и не прекращали ставить во время войны.

...«Все другие различия и противоположности бледнеют перед разделением ныне людей на друзьями и врагов слова. Подлинно агнцы и козлища»

— Осип Мандельштам, «Слово и культура: О поэзии. Разговор о Данте. Рецензии». М., 1987, с. 40. Кроме отсылки к Евангелию от Матфея (25:32), в этом обличении звучит отголосок грусти Сократа: «нет большей беды, чем *μισόλογοι*, ненавистники слова»...

...так, кудрявый герой Самсон оказался-таки пленён филистимлянами, и даже ослеплён ими

— цитируется поэма Мильтона «Самсон-борец» (1671). Пер. Ю. Корнеева. Символично презрительное оружие, которое выбрал Самсон для избиения филистимлян, — ослиная челюсть: «творил ты челюстью ослиной чудеса».

...«Сословия мы признаём только два — сословие “мы” и наши проклятые враги»

— этот неуживчивый, но верный взгляд Велимира Хлебникова на истинное разделение общества содержится в письме к Василию Каменскому (1909). Очевидно, здесь Хлебников имеет в виду чернь всех сословий.

...«Европейская культура для нас является культурой вообще»

~ Пётр Бицилли, «Место ренессанса в истории культуры». СПб, 1996, с. 193, срв. с. 167-9 (написано в 1934 году).

...«В строгом смысле слова, никакой другой культуры, кроме греко-римской, и быть не может»

— Николай Бердяев, «Смысл творчества», XIV (1916). Симптоматично, что античник Фаддей Францевич Зелинский выводил европейское христианство не из Торы, так и оставшейся для западного менталитета чем-то ориентально-экзотическим, а из привычной греко-римской культуры, которая и сыграла для христианства роль «ветхого завета». См. его «Религия элленизма» (1922).

...Душа моя — Элизиум теней,

Что общего меж жизнью и тобою?

— Фёдор Тютчев, «Душа моя, Элизиум теней» (1836). «Наша родина — не здесь», поётся у Вагнера в бесподобных «Wesendonck-Lieder» (1857). А где? Николоз Бараташвили локализует эту родину предметней: «я к звёздам неба в подданство впишусь» (1842). Филон Александрийский такого рода подданных-отщепенцев красиво называет «терапевтами»: существует «род терапевтов, постоянно приучавшихся к созерцанию ... они охвачены восторженным состоянием ... проводят жизнь за пределами городов, в рощах, либо ищут уединённые места, не вследствие какого-то закоренелого человеконенавистничества, а потому, что видят бесполезность и вредность общения с непохожими на них ... Род этот живёт повсюду». ~ «О жизни созерцательной», III, 3-21 (I в. н.э.). Пер. Н. Смирнова.

...Если они победят, земля окончательно станет просто «самой презренной из планет»

— кардинал Николай Кузанский придерживался в целом оптимистической точки зрения на нашу планету: «неверно, будто Земля — самая презренная и низменная из планет». ~ «Об учёном неведении», I, II, 12 (1440). Пер. С. Лопашёва.

...Солнце духа, ах, беззакатно

Не земле его побороть

— Николай Гумилёв, «Снова море» (1913).

© Текст: Глеб Смирнов

В СТОРОНУ И ВГЛУБЬ РЕАЛЬНОСТИ

АНДРЕЙ ПЛАХОВ

Мы будем рассматривать процессы внутри кинематографа и киноискусства последних двадцати лет сквозь призму самого авторитетного — Каннского фестиваля.

Мир вступил в 21-й век под знаменем постмодернизма и «конца истории». 1990-е годы были озаменованы триумфами в Каннах американского независимого кино — так называемых «неоварваров», или «новых диких». 1990-й стал годом Дэвида Линча («Дикие сердца»), 1991-й — братьев Коэнов («Бартон Финк»), 1994-й — Квентина Тарантино («Криминальное чтиво»).

Переломным стал год 1999-й. То ли дело в мистике цифр, но как будто стимулируемые символической датой в преддверии миллениума, представили на конкурс Каннского фестиваля свои новые работы Педро Альмодовар, Джим Джармуш, Дэвид Линч, Чен Кайгэ, Такеси Китано, Атом Эгоян, Питер Гринуэй, Леос Каракс, Майкл Уинтерботтом, Рауль Руис — самые модные режиссеры постмодернистских 1990-х. Многие из этих работ достойны называться лучшими в фильмографии их авторов.

Из всех этих живых классиков только Альмодовар был удостоен скромного приза «за режиссуру». Джармуш, Линч и остальные остались вообще без наград. А жюри во главе с радикаль-

ным режиссером-визионером Дэвидом Кроненбергом осыпало призами две ленты достаточно молодых и не слишком известных европейских авторов. Это были «Человечность» француза Брюно Дюмона и «Розетта» братьев-бельгийцев Люка и Жан-Пьера Дарденнов; последней досталась вождельная «Золотая пальмовая ветвь».

Эти режиссеры считались тогда периферийными, и им повезло, что они вообще попали в каннский конкурс. И вдруг маргиналы объявлены лидерами кинопроцесса! Кто-то счел такое решение эпатажем, капризом или даже актом зависти: мол, Кроненберг выбил из седла самых сильных конкурентов. На самом деле это была манифестация европейского «нового реализма». Герой «Человечности» — полицейский не от мира сего, он же современный Христос, берущий на себя вину за грехи человечества. Героиня «Розетты» — безработная пария, отвергнутая обществом. В обоих фильмах планка реализма была поднята на гораздо более высокий уровень жизнеподобия — идет ли речь об общественной, социальной или частной, интимной, сексуальной жизни.

Скандал 1999 года произошел на фоне и под влиянием короткого периода расцвета Догмы — кинематографического движения, инициированного Ларсом фон Триером. В его манифесте, датированном 1995-м годом, был заявлен программный отказ, с одной стороны, от заси-

ля техники, спецэффектов и драматургических штампов мейнстримовского кино, с другой — от авторского эгоцентризма и тщеславия арт-кино. Призрак Догмы (конечно, это название насквозь иронично) несколько лет бродил по планете. Она сыграла роль новейшей «новой волны» конца века, обратила кинематограф к реальности, отвергла отрететированную условность. Первым это сделал в середине столетия итальянский неореализм, потом французская «новая волна». Догма родилась значительно позднее — в ситуации исчерпанности постмодернистского опыта конца века. Она раскочертила лодку в застоявшейся воде. И быстро стала сдавать свои позиции. Почувствовав это, Триер в том же 1999 году официально объявил о том, что программа Догмы выполнена и дальнейшее развитие проекта прекращается. В 2000 году в Каннах он показал «Танцующую в темноте», демонстративно опровергнув все положения Догмы — и фильм, представляющий собой деконструкцию классического мюзикла, стал победителем фестиваля. Но дело было сделано — через провокативный опыт Догмы подготовлен возврат кино в лоно реализма, с приставками от соц- до порно-.

Ключевыми персонажами первого кинематографического десятилетия 21-го века стали братья Дарденны, вторично завоевавшие «Золотую пальмовую ветвь» за фильм «Дитя» (2005), а еще раньше показавшие в Каннах грандиозную картину «Сын» (2002). Действие «Сына» разыгрывается в столярной мастерской. И хотя в ней не делают гробов, сама мастерская подобна гробу, который сколотил главный герой, похоронив в нем свои чувства к убитому сыну-подростку. И теперь он, лысый подслеповатый столяр-перфекционист, приставлен профессиональным наставником к мальчишке-убийце. Месть кажется неотвратимой. На пятачке дровяного склада одновременно разыгрываются производственная, криминальная и психологическая драмы. Встречаются, чтобы отойти в сторону, уступив место притаившейся за ними притче. Библейский Иосиф, как известно, был плотником. Дерево и все, что из него мастерит человек, несомненно обладает душой; эта душа страдает и хра-

нит память о прежней жизни. В фильме Дарденнов люди подобны изувеченным, обрубленным деревьям или впивающимся в них железным гвоздям. Дарденны ни одного слова не говорят о Боге и морали, сохраняя пугающую верность прозаической столярной фактуре. Но чем дальше, тем больше сквозь реалистическую эстетику просвечивает силуэт метафизической Троицы: Отец, Сын, Святой Дух. Это действительно кино высокого реализма. И — одновременно с этим — символизма

В фильме «Дитя» все еще более прозаично. Дарденны погружают нас в жизнь и проблемы нового поколения люмпенов, избегая обычного греха такого рода фильмов — взгляда свысока и смакования чернушной экзотики. Когда у вора и его подружки рождается ребенок, первая мысль папаша — как бы его продать и на нем заработать. От мысли до дела — один шаг. Когда мать хватается малыша, дружок утешает: ерунда, через год родим другого. Однако цепь последовавших за продажей событий опутывает героя-балбеса и в конце концов приводит к тому, что в нем просыпается душа — орган, о существовании которого он не подозревал.

Если «Розетту» (хоть и несправедливо) уличали в соцреализме, то в дальнейшем своем творчестве Дарденны все больше движутся в сторону христианского гуманизма. После присуждения «Золотой пальмовой ветви» фильму «Дитя» французские газеты вышли с несколькими вариантами одного и того же заголовка — «Моральная пальма».

Дарденны способствовали повороту европейского, да и всего западного кино к реализму и этическим ценностям — вопреки жанровому стебу и узаконенному цинизму эпохи постмодерна. Этот поворот был подготовлен и с другой стороны — со стороны документального кино. Начало века ознаменовалось его стремительным подъемом, а символической вершиной стала победа в Каннах в 2004 году фильма «Фаренгейт 9/11 — разоблачительного памфлета о политике администрации Джорджа Буша и атмосфере исламофобии, охватившей западное общество после трагедии в Нью-Йорке 11 сентября».

Это был первый случай включения неигровой картины в конкурс главного фестиваля мира, после чего подобная практика стала нормой. Документальное кино новой формации по своей эмоциональности, чувственной интенсивности оказалось вполне конкурентоспособно с художественно-игровым. Для таких кинозрелищ, сносящих границы между видами и жанрами кинематографа, специалисты придумали термин «пост-док». И это разрушение границ неизбежно сопровождалось встречным движением игрового кино к документализму и реализму.

Следующей вехой стала победа в Каннах-2007 фильма Кристиана Мунжиу «4 месяца, 3 недели и 2 дня», снятого в двух скромных декорациях всего за 600 тысяч долларов. Это была одна из первых ласточек румынской «новой волны» — история двух студенток, одна из которых делает нелегальный аборт, совершая, согласно законам режима Чаушеску, страшное преступление. Действие происходит в середине 80-х годов прошлого века, и буквально каждая деталь безошибочно говорит о «золотой эпохе» социализма, причем так, что конкретика не умаляет универсальности звучания. Комната отеля, где намечена противозаконная операция, превращается в камеру моральных и физических пыток, в каком-то смысле — в образ всего соци-

алистического лагеря, где царит двойная мораль, жизнь человека почти ничего не значит, а служащего режима нельзя разжалобить, но можно подкупить за пачку «Кента».

И в дальнейшем новое румынское кино подтвердило свою серьезную художественную репутацию — уже в основном на современном материале. Режиссеры часто берут за основу сюжета локальный, малозначительный бытовой факт, иногда даже анекдот — и извлекают из него глубины потаенных смыслов. Румыны стали наследниками чехословацкой «новой волны», польского кино «морального беспокойства» и других восточно-европейских художественных традиций XX века. Как раз в Румынии таких сильных традиций не было, но, возможно, именно это помогло сформировать свежий взгляд на недавнее прошлое и найти ключ к современным реалиям.

Еще один каннский победитель первой декады 21-го века — «Класс» Лорана Канте (2008). Действие этого фильма замкнуто уроками французского, которые молодой учитель дает ученикам школы в пригороде Парижа. Состав класса, мягко говоря, мультикультурный, в нем практически нет белых лиц, а отношение учеников к учителю как представителю коренной нации более чем скептическое. Реальный конфликт культур, клас-

сов и поколений показан с юмором, тонкостью и драматизмом, не переходящими в мрачность и пессимизм.

Еще более показательно присуждение «Золотой пальмовой ветви» в 2013 году «Жизни Адели» Абделати́фа Кешиша. Этот фильм обстоятельно и в то же время легко рассказывает о жизни молодых людей: они учатся, выбирают профессию, ходят на протестные демонстрации, дискотеки, гей-парады, заводят мимолетные романы. На уроках литературы они обсуждают тонкости чувств героев Мариво и Шодерло де Лакло, а между собой — свою сексуальную жизнь, изъясняясь на грубом языке улицы. В центре — пятнадцатилетняя Адель, девчонка из простонародья, к которой всюду клеятся мальчишки, но она их отшивает одного за другим. Но вот Адель встречает Эмму — харизматичную молодую женщину с синими волосами, и между ними вспыхивает страсть. С той же обстоятельностью, как все остальное в этом фильме, выстраивается интимная линия: любовные сцены показаны с предельной откровенностью, полны настоящих эмоций и диковатой физиологичной красоты.

В фильме отразились едва ли не все главные реалии современной Европы: по-прежнему существующее социальное и культурное расслоение, внутренние противоречия в образовательной системе, трудное формирование мультиэтнического общества, парадоксы толерантности. Кешиш, француз тунисского происхождения, находит выразительные метафоры и образы для анализа этих проблем. Он сталкивает эротическую культуру классических французских пьес и романов с нравами сегодняшней улицы. Он прослеживает конфликты на личном и социальном уровне через кулинарные приоритеты: у одних — устрицы, у других — макароны.

Наконец, Кешиш отражает завоевания французской демократии в легализации сексуальных меньшинств. Эта область оказалась «горячей» и во Франции, и в России, и в силу диаметрально противоположных векторов политического развития стала лакмусовой бумажкой продвинутой демократии. Российские телеканалы комментировали победу «Адели» в Каннах чуть ли не как по-

литическую провокацию, направленную на разрушение устоев общества. И во Франции, разумеется, есть принципиальные противники однополых браков. Есть и еврофундаменталисты, и откровенные зоологические гомофобы, готовые объявить джихад тем, кто в другой упряжке. Но во французской культуре они не делают погоды. Все большее влияние приобретают левые движения: экологическое, феминистское, «желтые жилеты». В России же вторая декада 21-го века ознаменована бурным всплеском консерватизма и национализма, а левые, и вместе с ними и либеральные ценности оттеснены на периферию.

Возвращаясь на территорию кино и метящего ее фильмами-ориентирами Каннского фестиваля, мы обнаруживаем, что российских среди них немного. В том самом 1999-м году, который мы назвали переломным, одним из отмеченных (призом за сценарий) фильмов конкурса стал «Молох» Александра Сокурова. И более поздние работы этого автора показывали в Каннах, но они скорее демонстрировали самодвижение художника, чем формировали общий тренд. В каннских фестивальных программах были представлены в эти годы также картины Сергея Лозницы, Кирилла Серебренникова, Кантемира Балагова, но наиболее репрезентативен художественный опыт Андрея Звягинцева с его фильмами «Елена» (2011), «Левиафан» (2014), «Нелюбовь» (2017).

Вот они безошибочно вписываются в главный тренд — движение кино в сторону и вглубь реальности как на социальном, так и на интимно-человеческом уровне. Звягинцев ставит перед собой высокую художественную планку, постоянно работает над собственным стилем, продвигается от абстрактных мифологем к тайным пружинам социальных механизмов и человеческих поступков. Но именно это, а также то, что режиссер безжалостно исследует феномен российского жлобства, вызвало в его адрес множество нареканий на родине и сделало нежелательной персоной как для бюрократов Министерства культуры, так и для трясущихся от страха перед властью частных инвесторов. Приклеенный ему «патриотической об-

щественностью» ярлык «антироссийского режиссера» фактически перекрыл Андрею Звягинцеву все его проекты в России.

Подобная участь подстерегает и других авторов российской кинематографической «новой волны», которая не смогла адаптироваться к фактическому возрождению цензуры, выросшему частократно тематическим табу и запрету на использование ненормативной лексики. Движение к реальности, которое демонстрировали в начале своей карьеры Алексей Попогребский, Борис Хлебников, Наталья Мещанинова и другие представители молодой режиссуры, оказалось заторможено, если не остановлено. Можно сказать, что вектор развития новейшего российского кино направлен в прямо противоположном направлении, чем у их европейских коллег — не в сторону реальности, а прочь от нее. А те, кто все же пытается исследовать постсоветскую натуру и фактуру — как, скажем, Илья Хржановский в проекте «Дау», или Сергей Лозница — ищут продюсерской поддержки за пределами России, в то время как там их новейшие работы фактически запрещены.

На этом можно бы поставить точку. Но нельзя не добавить несколько слов о тенденциях самых последних лет, связанных с активизацией новейшей версии феминизма, гендерного и постколониального дискурсов, так называемой «новой этики». Эти движения призывают радикально пересмотреть и классическое искусство, и современную художественную практику. Например, методы кинематографического приближения к реальности и, в частности, воссоздания перед камерой сексуальной жизни в фильмах Абделати́фа Кешиша объявляются теперь в этом новом свете неприемлемыми и порочными.

Этот сюжет явно будет разворачиваться в предстоящем периоде 2020-х годов. Трудно быть пророком, но скорее всего попытки закопать реальность в очередные идеологические кандалы до конца не удадутся. И раньше или позднее опять произойдет ревизия методов и принципов, а неудобная для догматиков реальность будет снова в той или иной форме реабилитирована.

СОВРЕМЕННЫЕ КОМПОЗИТОРЫ — КТО ОНИ?

ДМИТРИЙ МАКАРОВ

Разве такую музыку еще сочиняют? А зачем? — примерно так отреагировал один мой знакомый, когда я восторженно делился впечатлениями от концерта, на котором исполнялись произведения, написанные довольно молодыми композиторами за последние десять, а может и меньше, лет. Там нашлось место и эксперименту, и перформансу, и синтезатору, но, по большей части, на сцене были все те же музыканты, выпускники консерватории, и звучали скрипки, альты, виолончели, и — куда без него — рояль. То есть звучало то, что для большинства относится к «классической музыке». Мы же назовем такую музыкой академической или серьезной (хотя сразу же возникает вопрос, какую музыку считать тогда несерьезной).

Каждый год московская, петербургская, казанская консерватории выпускают около двадцати дипломированных композиторов. Встречаются выпускники западных вузов и самоучки. Можно очень грубо предположить, что за тридцать постсоветских лет в полку сочинителей прибыло около тысячи авторов. И хотя, конечно, не все продолжают писать музыку, понятно, что современных композиторов у нас довольно много.

Опять же, кого называть современными? Мне кажется, что современна любая музыка, созданная за последние несколько лет. И в этом смысле на равных тридцатилетний экспериментатор Александр Хубеев и живой классик Александр Чай-

ковский, который в 75 лет не только пишет оперы и мюзиклы, но может составить не одну концертную программу исключительно из свежих сочинений. Много работают и по-прежнему востребованы Родион Щедрин, София Губайдулина, Леонид Десятников, Арво Пярт, Ефрем Подгайц, Эдуард Артемьев, Владимир Мартынов и другие мастера, чья музыка знакома даже тем, кто не слышал этих имен. Скажем, все смотрели советский анимационный фильм «Маугли» (1973), но не все обращали внимание, что его саундтрек — настоящая сюита Софии Губайдулиной. Пересмотрите, а вернее, переслушайте, например, сцену с дикими пчелами. Вы будете поражены! Кстати, уже десять лет София Асгатовна — патрон казанского фестиваля современной музыки Concordia. В прошлом году из-за коронавируса он не состоялся, но в этом, будем надеяться, все сложится иначе.

Однако в этом обзоре хочется обратить внимание читателя на тех, кому сегодня около сорока. То есть на тех авторов, которые уже успели громко заявить о себе, и кого, скорее всего, однажды назовут классиками. Их произведения играют и большие оркестры, и ансамбли современной музыки. Они пишут балеты и оперы, сочиняют музыку для спектаклей и фильмов. Их имена на слуху. Конечно, упомянуть всех невозможно, но пусть это будет своего рода путеводитель по пересеченной местности современной российской музыки.

***

Начнем с очевидного. По-прежнему, важнейшим пунктом на этой карте остается Московская консерватория, где композицию преподают такие гранды, как Владислав Тарнопольский и Александр Чайковский. Концерты их учеников — обычно замечательный повод оценить, что нового в нашей музыке. А выпускной экзамен для многих — единственный случай в жизни услышать свое сочинение на сцене легендарного Большого зала.

Среди учеников Александра Чайковского сегодня особенно заметен композитор Кузьма Бодров. Он родился в 1980 году в далеком киргизском городе Ош, где с детства играл на скрипке и попробовал свои силы в композиции. Этот путь привел его в Москву, где уже в первые годы учебы он написал ряд сочинений для тогда еще только начинавшего карьеру скрипача Никиты Борисоглебского. За концерт для скрипки с оркестром Бодров получил первую премию на конкурсе имени Шостаковича (2006). В психологически напряженной, порой даже тревожной музыке Кузьмы, которая,

хотя и весьма современна, но все же приятна уху, можно при желании услышать диалог композитора с гениями в диапазоне от Генделя до Малера и Шнитке. Академическая образованность, свободное владение всеми музыкальными формами, открытость к эксперименту привели Бодрова в театр. Он работал с Камой Гинкас в ТЮЗе, а позже стал автором музыки для многих спектаклей Дмитрия Крымова. В кино его музыка звучит, например, в фильмах Константина Хабенского «Собибор» (2018) и Павла Лунгина «Братство» (2019). В последнее время имя Кузьмы Бодрова часто встречается на афишах концертов Юрия Башмета, для которого он написал множество симфонических и камерных сочинений.

Из класса Александра Чайковского вышел и композитор Алексей Сюмак (род. в 1976 году), чья музыка регулярно исполняется на крупнейших международных фестивалях. Алексей — эстет и философ. Слушать или читать его рассуждения о музыке и европейской культуре — отдельное удовольствие. Его музыка, как он сам говорит, не стал-

© Фото: Григорий Ярошенко

квивает, а объединяет разные традиции. Он все время находится в поиске оригинальной формы. Наверное, поэтому во время исполнения одного произведения слушателю бывает как комфортно, так и почти неприятно. Для Сюмака огромное значение имеет литература. Он написал немало произведений (прежде всего, опер) на тексты Блока, Маяковского, Пауля Целана и, кстати, автора этой статьи. Алексей участвовал в нашумевшем проекте оперного сериала «в пяти вечерах и шести композиторах» «Сверлийцы» (Электротheater «Станиславский», 2015). А в последнее время композитор сотрудничает с дирижером Теодором Курентзисом, известным как необычными трактовками классики, так и интересом к новой музыке. Скажем, в 2016 году Курентзис поставил оперу Сюмака *Cantos* по мотивам произведения Эзры Паунда. Опера написана для скрипки соло, камерного хора и ударных. Причем сам композитор в интервью заявил, что изначально собирался написать скрипичный концерт.

Еще радикальнее эксперименты **Алексея Сысоева** (род. в 1972 году), который до обучения в консерватории закончил колледж импровизационной музыки и много лет выступал как джазовый пианист. Алексей любит участвовать в импровизациях, которые неподготовленному слушателю могут показаться почти какофонией. В них часто задействованы и привычные инструменты, и всевозможная электроника, и прочие «источники шума и звука». Однако стоит прислушаться и открыть для себя непрозрачную красоту произведений этого автора, исполнение которых хорошо бы не только слышать, но и видеть. Чего стоит хотя бы пьеса «Марсий» для флейты. Если помните, Марсий со своей тростниковой флейтой бросил вызов самому Аполлону и не только проиграл состязание, но и был наказан за дерзость: с него сняли кожу. В пьесе Сысоева флейтист издает гортанные выкрики, хрипы на вдохе и другие экспрессионистские звуки, что дает поразительное ощущение «музыки без кожи». Такие находки привлекли к Алексею театральные режиссеры — его музыка звучит в спектаклях Кирилла Серебренникова

(«Машина Мюллер»), Бориса Юхананова («Сверлийцы») и многих других. Перфоманс «Страсти по Мартену» Анны Абалихиной с музыкой Сысоева получил гран-при премии Сергея Курехина в 2019 году. Сценой для «Страстей» стал закрытый мартеновский цех Выксуновского завода (сам по себе — памятник эпохе!), а кульминацией этого грандиозного действия было кружение гигантских заводских кранов под вой сирен. Увидишь и услышишь — не забудешь.

Ровесник Алексея композитор **Сергей Невский** после окончания училища при Московской консерватории решил продолжить обучение в Дрезденской Высшей школе музыки и после многие годы прожил в Берлине. Неудивительно, что непростая для восприятия музыка Сергея в течение долгого периода чаще звучала на европейских фестивалях. Возвращение в Россию случилось, когда по приглашению Кирилла Серебренникова Невский стал куратором фестиваля «Платформа» (2011-2012). С Серебренниковым композитор сотрудничал и до этого в спектаклях «Человек-подушка», «Гамлет машина» и фильме «Юрьев день», продемонстрировав широкий диапазон возможностей. Многим москвичам запомнятся и спектакли оперы Невского «Франциск», за которую он получил премию «Золотая маска» (2012). На Новой сцене Большого театра прошло всего несколько спектаклей этой часовой оперы, в которой нашлось место и хору, и оркестру, и актерскому чтению, и чудовищным, усиленным микрофоном звукам, напоминавшим шуршание пенопласта. Эффект мороза по коже был обеспечен, но не таким ли и должно быть впечатление от попытки заглянуть за пределы мира живых? Отдельно хочется добавить, что Сергей Невский не только пишет произведения, которые исполняют по всему свету, но также взял на себя роль историка новой музыки. Его статьи анализируют ее, объясняют, предлагают исторический контекст. И тем самым помогают слушателю не потеряться и не оглохнуть в ее многообразной полифонии.

Сергей Невский вместе с Алексеем Сысоевым, как и упомянутый выше Алексей Сюмак, работал

в масштабном проекте Бориса Юхананова «Сверлийцы». Кроме них в этом оперном сериале свои эпизоды написали **Дмитрий Курляндский**, **Владимир Раннев** и **Борис Филановский**. «Сверлийцы» поставлены Юханановым в «Электротheater» по мотивам собственного фантастического романа о планете Сверлия, живущей одновременно в трех временах. Через два портала — Петербург и Венецию — Сверлия и Земля связаны друг с другом. «Сверлийцы», представленные в 2014-2015 годах, оказались своеобразным продолжением экспериментов «Платформы» Кирилла Серебренникова — и по синтезу разных искусств, и по привлечению современных композиторов для написания новой музыки. Музыкальные эксперименты авторов в сочетании с необычайно яркой сценографией Степана Лукьянова оказались востребованы и поняты даже той публикой, которая не слушает никакую академическую музыку — ни старую, ни новую.

Дмитрий Курляндский (род. в 1976 году) в этой плеяде замечателен не только тем, что он, несомненно, один из самых исполняемых сегодня наших композиторов, но и своим стремлением к объединению, а не только к поиску собственного языка и стиля. В 2005 году вместе с Борисом Филановским он основал объединение «СоМа» («Сопrotивление материала»). Был написан манифест: «Современная русская музыка — это мы». Возможно, «СоМа», скорее, оказалась не творческим объединением, а продюсерской компанией, которая выполнила необыкновенно важную миссию — в сотрудничестве с **Московским ансамблем современной музыки (МАСМ)** познакомила с тем, что пишут в наши дни в России, всю Европу. Это был своеобразный мост между мирами. Как замечательно сформулировал в своей статье Сергей Невский:

«Борис Гройс в «политике бессмертия» говорил, что любой по-настоящему интересный художник — это баланс импорта (заимствований) и экспорта (новых идей). И группа СоМа безусловно стала тем фактором, который вернул российской музыке равновесие экспортно-импортного баланса». Импортная составляющая здесь очень важна, ведь так вышло, что многие композиторы поколе-

ния сорока-пятидесятилетних оказались за рубежом. Прежде всего, в Германии.

В Германии сегодня работает и композитор **Валерий Воронов** (род. в 1970 году). Сын военного, он рос в разных городах — от Сахалина до Минска. С семьей с места на место кочевало и старое немецкое пианино, на котором он с 8 лет пробовал сочинять музыку. В одном из интервью Воронов отметил, что композиторы не пишут в стол и не сочиняют лежа на диване — «Идеи появляются в общении с инструментом и со звуком». Возможно, среди крупных авторов своего поколения Валерий менее известен в России, хотя в последние годы ряд его сочинений исполнял Юрий Башмет, обожающий играть новую музыку. Меньше других Валерий, который долго сочиняет, вынашивает свои вещи, работает и с театром. Хотя и здесь есть замечательные эксперименты. Поищите, например, в сети «Архитектон» — это небольшой спектакль на стихотворение Велимира Хлебникова «Сад» (2013) для чтеца с оркестром. Читает — абсолютно блестяще — неформал, рокер Микей Носорогов. В завораживающих симфонических поэмах Воронова есть удивительная медитативность, но нет однообразия. В 2021 году российские слушатели могли познакомиться с пьесой «Энигма» для оркестра и солирующего органетто — маленького ручного органа. Спасибо телевидению, полную версию гала-концерта открытия зимнего фестиваля Юрия Башмета в Сочи, где звучит «Энигма», каждый может найти в ютьюбе.

На фоне экспериментов, порой весьма радикальных, которыми увлечены многие композиторы старшего поколения, еще не перешагнувший сорокалетний рубеж **Илья Демуцкий** (род. в 1983) может показаться автором из какой-то другой, давно минувшей эпохи. Секрет этой замечательной иллюзии — в почти моцартовской легкости, с которой Илья создает огромные партитуры. Выпускник Петербургской консерватории, он продолжил образование в далеком Сан-Франциско, где учился, в том числе, у минималиста Джона Адамса (всем стоит познакомиться с его оперой

«Никсон в Китае»). Илья написал множество саундтреков к документальному кино. В том числе, к официальному фильму о Паралимпиаде в Сочи, который хвалил Путин. Тем неожиданнее было обнаружить, что параллельно Илья создал симфоническую поэму на текст последнего слова Марии АLEXИНОЙ в суде (дело Pussy Riot). Пожалуй, широкому слушателю Демуцкий стал известен благодаря двум балетным спектаклям Кирилла Се-ребренникова «Герой нашего времени» (премия «Золотая маска» за музыку) и «Нуреев». Балетный критик Татьяна Кузнецова тогда отметила, как прекрасно, что у нас появился балетный композитор. Очень жаль, что на этом фоне почти незаметной осталась его опера «Для черного квадрата» (2015), которую в год столетия шедевра Малевича и в его, шедевра, присутствии четыре вечера подряд исполняли в Третьяковской галерее.

Здесь хочется воздать должное еще одному композитору, который сочиняет «ласкающую слух» музыку, где нет места атональности, а есть изобретательность и красота. Это Павел Карманов (род. в 1970 году). Он появился на свет в Иркутской области, в музыкальную школу пошел в Новосибирске и там же, еще будучи ребенком, написал свои первые пьесы. Юного композитора заметил Дмитрий Кабалевский. И тогда семья решила переехать в Москву, где мог раскрыться талант сына. И он раскрылся. Музыка Карманова — подарок для исполнителя и слушателя: это свежие, светлые, импрессионистские произведения. Можно порекомендовать для первого знакомства пьесу для ансамбля «Семь минут до Рождества» или свежайший диск, выпущенный на «Мелодии», — «Музыка для Алексея Любимова». Эти сочинения будто продолжают традицию Арво Пярта и Владимира Мартынова. Но совсем с другой стороны откроется для вас Павел Карманов, если вы послушаете эстетскую рок-группу «Вежливый отказ» — там Павел с 2000 года играет на фортепиано и флейте.

ДМИТРИЙ МАКАРОВ — поэт, либреттист, ведущий передачи «Страшные сказки» на телеканале «Дождь». Регулярно выступает с лекциями о музыке и литературе.

Самый молодой композитор, о котором хотелось рассказать в этом обзоре — Настасья Хрущева (род. в 1987 году). Она родилась и живет в Петербурге, окончила в северной столице консерваторию и сейчас преподает в ней историю зарубежной музыки. Но что молодость? К 33 годам Настасья успела написать музыку к 25 спектаклям. И все это работы, которые были в центре внимания критиков и зрителей. Скажем «Что делать?» Могучего в БДТ или «Невский проспект» в Александринке (коллектив режиссеров во главе с Валерием Фокиным). Музыка Хрущевой — яркая, эффектная — часто становится самостоятельным персонажем спектакля. А порой им и является, как в постшекспировской монодраме «Магбет» (пишется именно так), которую композитор и ее музыканты в партнерстве с одним единственным актером — панком Алексеем Никоновым — впервые представили в переполненном Малом зале Петербургской филармонии десять лет назад. Запись есть в сети. А с 2014 года Настасья участвует в объединении ТРУ, где занята не только музыкой, но и перформансами, и текстами. А чтобы получить исчерпывающее представление о почти «говорящей» со зрителем, очень эмоциональной, чувственной музыке Настасьи Хрущевой, можно послушать ее пьесу для фортепиано и струнного оркестра «Медленно и неправильно».

***

Конечно, названными именами современная российская музыка не исчерпывается, но их будет достаточно для знакомства с блестящей плеядой новых композиторов (и их уже мечтает потеснить новое поколение). Разнообразие таково, что композитором фильма или спектакля может быть рок-звезда или диджей, освоивший специальные программы. Все это тоже музыка и, порой, очень хорошая! Однако хочется верить, что традиция сочинения академической, «серьезной» музыки, тоже продолжится.

© Текст: Дмитрий Макаров

Постперестроечная эмиграция из СССР и позднее из СНГ, так называемая четвертая волна, оказалась интересным социальным экспериментом, хотя мало кто ее рассматривает в этом ракурсе.

При всех национальных и культурных различиях, гомогенность советского народа выражалась в том, что все на территории огромного пространства учились по одним и тем же учебникам, читали одни и те же книги, большей частью отечественную классику, и раз в год смотрели одни и те же повторяющиеся отечественные фильмы и сериалы, современные и классику. Граждане разговаривали друг с другом цитатами из этих фильмов. О «западной культуре» огромная часть населения знала лишь понаслышке, с отставанием лет на двадцать.

Это понял даже мой девятилетний сын, когда мы переехали жить в Германию. Когда я потребовала, чтобы поменьше смотрел телевизор, он мне возразил: «Мне нужно наверстать все мультфильмы, которые мои одноклассники уже видели!» И вдруг занавес пал, у людей появилась возможность поехать по миру. Из закрытой зоны хлынул поток людей, жаждавших увидеть мир. Мир оказался огромным и разнообразным. «Мы не в рассеянии, мы в послании», — шутили эмигранты четвертой волны. Послание было бы интересным, если собрать впечатления «единого советского человека» от разных пазлов слона-запада, которые каждому из них удалось пощупать и сообщить: «запад — он такой».

Вадим Захаров и Мария Порудоминская

Светлана Мюллер

Илья Гордон

Борис Филановский

Наталья Пшеничникова,

Сергей Невский,

Александра Филоненко

Ольга Романова

Сергей Воронцов

Александр Дельфинов

В этом смысле эмигрировавшим в Берлин повезло больше остальных. Они оказались сразу в очень разнообразном и противоречивом городе. Различие это было обусловлено не только стеной, еще недавно жестко разделяющей город, но и разными районами Берлина, живущими своими непересекающимися жизнями. Эти разделения были обусловлены исторически: в одном из районов, Шарлоттенбурге, предпочитали селиться эмигранты из первой, послереволюционной, волны русских эмигрантов, и его до сих пор немцы между собой называют Шарлоттенград. Нойкёльн облюбовали арабские в основном эмигранты, и до сих пор там живут все члены, включая глав, так называемых этнических криминальных группировок. Кройцберг был частично турецким, частично богемным районом западного Берлина. После падения стены люди искусства начали постепенно перемещаться в богемный район восточного Берлина — Пренцлауер Берг. Жители Берлина сознательно выбирают себе районы, каждый на свой вкус. И районы сами по себе практически на каждый вкус. Выходцы из российской провинции, немцы-переселенцы, предпочитают окраинный район Марцан. Там типовые многоэтажки. Как сказала мне одна девушка: «Мы тут выросли и прекрасно знаем, что во всех домах проектировки одинаковые. Ты точно знаешь, как будет выглядеть однокомнатная, двух-трех и четырехкомнатная квартира, в которой ты поселишься. Можно смело выбирать только количество комнат». Даже IKEA придумала специальную планировку кухонной мебели для малогабаритных кухонь Марцана с низкими потолками. Во дворах этих домов можно встретить старушек в косынках на лавочках, обсуждающих проходящих жителей, 16-18-летних девушек уже с детьми в колясках, — все, как и сейчас в российской провинции. В Кройцберг едут за лучшей шавермой и турецкой кухней, в Пренцлауер Берг — за любимыми хипстерскими кафе и веганской кухней. Любители роскоши и вилл поселяются в Груневальде или Целлендорфе.

На вопрос, где ты живешь, берлинец называет не только город, но и название своего района. Каждый уверен, что его район самый лучший. До сих пор спорят меж собой, у кого больше всего интеллектуалов в районе. Во Фриденау всегда жили не просто представители творческой интеллигенции, но знаменитости. Там самая высокая плотность Нобелевских лауреатов: Гюнтер Грасс, Герта Мюллер и Светлана Алексиевич, когда она жила в Берлине. С другой стороны, в Шарлоттенбурге жили Марина Цветаева, Андрей Белый, и все-все-все, а сейчас живет Владимир Сорокин. Но и Пренцлауер Берг выбрали местом жительства писатель Владимир Каминер, часто описывающий район в своих книгах, композитор Сергей Невский, известные немецкие поэты и писатели.

Многие приезжали в Берлин, не зная немецкого языка. Но, в отличие от эмигрантов первой волны, знавших языки, более-менее легко находили работу или возможность заниматься творчеством. Сейчас в Берлине большая концентрация русскоязычных интеллектуалов и людей творчества. Кто-то из них приехал в конце 80-х, начале 90-х, да так и остался, кто-то приехал за последние 3-5 лет. Видимо, можно говорить уже о пятой волне эмиграции: среди них как те, кто нашел работу в Берлине и приехал работать, так и те, кто спасался от политических преследований в России. Все чувствуют себя вольготно в Берлине. Все нашли друзей и единомышленников среди коренного населения, ни у кого нет проблем с интеграцией. Но если хочется встретиться со своими соотечественниками и поговорить по-русски, обычно все собираются в «Панде», это такой клуб, где часто происходят выступления на русском, тут побывали многие известные российские деятели культуры и политики.

Мне удалось поговорить с некоторыми из жителей Берлина: художниками-супругами Марией Порудоминской и Вадимом Захаровым, Сергеем Воронцовым, композиторами Сергеем Невским и Борисом Филановским, вокалисткой Натальей Пшеничниковой, правозащитницей и писательницей Ольгой Романовой, директором «Русского театра» Ильей Гордоном, поэтом Александром Смирновым (Дельфиновым), директором «Панды» Светланой Мюллер.

■ ВАДИМ ЗАХАРОВ, МАРИЯ ПОРУДОМИНСКАЯ,

художники

В.З. активный участник московского неофициального искусства, один из ключевых персонажей московского концептуализма, лауреат Премии Кандинского (2009). Основал собственное издательство Pastor Zond Edition. В 2006 совместно с Екатериной Деготь составил т. н. «золотую книгу» Московского концептуализма, автор памятника Теодору Адорно во Франкфурте-на-Майне. Работает вместе с женой, Марией Порудоминской.

Вадим: В Германию, в Кельн, мы впервые приехали в 89-ом году. Чуть раньше у меня была выставка в галерее Петера Пакеша в Вене. И мой галерейщик познакомил меня с Софией Унгерс, дочкой Освальда Матиаса Унгерса, известного архитектора. У неё была молодая перспективная галерея в Кельне. София предложила мне сделать в её галерее персональную выставку. Я неоднократно выставлялся у неё и в последующие годы, пока она не закрыла галерею. Мы до сих пор с ней дружим. Вот так неожиданно началась наша жизнь в Германии, сначала в Кельне, потом в Берлине.

Мария: Приехали на пару месяцев и задержались на тридцать лет.

— Почему вы решили остаться?

Вадим: Тоже благодаря Софии Унгерс: она занималась моими делами и много нам помогала. И ещё невероятную роль в нашей судьбе сыграла доктор Элизабет цу Зальм Зальм, с которой мы познакомилась и подружились в Кельне. К сожалению, она умерла в прошлом году.

Мария: Она не имела никакого отношения к современному искусству и вообще к искусству. Она была просто удивительным, светлым и глубоким человеком, для всей нашей семьи очень близким. И поддерживала нас на каждом шагу. Поначалу в чужой стране приходилось очень непросто.

И без помощи Лизель нам было бы сложно справиться с проблемами самого разного рода.

Вадим: Она оказалась главным человеком для нас в Германии, обеспечила и жильем, и вниманием, и любовью... Мы прожили в ее доме в Кельне до 2016-го года.

Мария: Хочу уточнить: мы не принимали решения остаться в Германии. Начинаясь перестройка, открылись границы, и у нас были большие надежды, связанные с Россией. Надеялись жить на две страны, свободно передвигаться. Но художникам-неэмигрантам было довольно сложно каждый раз продлевать визы. Когда мы узнали от наших друзей, датских художников, что людям творческих профессий возможно получить вид на жительство в Германии, если они докажут, что могут себя сами обеспечивать, мы поняли, что это как раз подходящий вариант. Друзья из арт-мира помогли нам добиться такой визы. В это время Вадим большую часть времени проводил в поездках, на выставках, а нам с детьми надо было где-то бросить якорь. Дети росли, пошли в Кельне в детский сад, начали учить немецкий язык, потом пора было в школу. Ситуация так сложилась, что мы сделали выбор в пользу Германии.

Вадим: Ну да, 90-ые годы были для русского искусства невероятно активными, и Кельн был тогда центром современного искусства в Германии, я бы даже сказал, и в Европе. В Кельне были лучшие галереи, была ярмарка современного искусства, одна из важных в то время. В годы перестройки в Кельн начали приезжать русские художники трех поколений. Некоторые из наших друзей-художников тоже осели в Кельне, например, Иван Чуйков, Юрий Альберт, Григорий Берштейн. На выставки приезжали Кабаков, Булатов, Пивоваров, шестидесятники (Немухин, Штейнберг), «медгерменевты». В Кельне жили наши друзья — философ Борис Гройс и Наталья Никитина. И этот город стал очень важным в нашей жизни.

Мария: Да, жизнь в Кельне была невероятно насыщенной — мы интенсивно общались, принимали друзей, которые приезжали из России

на выставки или чтения. И у нас становилось всё больше и больше немецких друзей. В Кёльне, на небольшой чердачной мансарде, где мы жили с детьми, мы одновременно умудрялись работать и выпускать журнал «Пастор» (с 1992 по 2001). Создали маленькое домашнее издательство под названием «Pastor Zond Edition».

Вадим: Идея издания журнала была связана именно с тем, что в Кёльн приезжали многие русские художники, поэты, писатели. Помимо уже перечисленных — Володя Сорокин, Лева Рубинштейн, Дмитрий Александрович Пригов. И нам показалось, что это прекрасное место, чтобы издавать журнал не эмигрантский — эмигрантские журналы издавались и до нас, а это была попытка создать журнал, основывающийся на традициях московского концептуализма, самиздате, с лимитированным тиражом (30-50, 100 экземпляров), но на другой, немецкой территории. Это был эксперимент. Мы издали восемь тематических номеров (годы), где представлены все три поколения лучших советских художников. И Кабаков, и Чуйков, и Пригов, и Немухин, и Комар с Меламидом.

Мария: Андрей Монастырский, Игорь Шелковский, Борис Гройс, и многие другие — не только художники — давали материалы «Пастору». Это было уникальное для того времени издание.

Вадим: Кельн до какого-то времени стал центром и русского, и западного европейского искусства. Но в середине 90-х художественная сцена стала перемещаться в Берлин. А в Кёльне жизнь, связанная с современным искусством, стала постепенно разлаживаться.

Мария: Уже в 2010 мы стали подумывать о том, чтобы найти мастерскую в Берлине. Хотелось как-то в Берлине временно обосноваться, поработать, посмотреть, как работают другие художники. А жизнь сложилась так, что к 2016 году мы полностью переехали в Берлин.

Вадим: У нас с самого начала была идея устраивать в Берлине квартирные выставки, показы, чтения. Потом возникла идея организовать в нашей частной квартире выставочное пространство, которое мы назвали «Freehome».

Мария: Это не только квартира, это еще и мастерская!

Вадим: Да, правильно. Опыт квартирных выставок у нас достаточно большой ещё с конца 70-х — начала 80-х в Москве. Возникла идея создать пространство наподобие Апт-Арта у Никиты Алексеева. Называли его галереей, но это была квартира, абсолютно не коммерческое место. В Берлине же мы стали работать больше с западными художниками, с людьми, которые нас окружают здесь. Наш Freehome успешно просуществовал почти четыре года. Сделано было около 20 выставок, презентаций, чтений. По большей части это были групповые выставки. Но были и персональные — Ирен Зелёнки, Ярослава Шварцштайна, Владимира Сычёва, Эн Ноэль, Арнольда Дрейблата, Франциски и Бруно Мансиа, Руди Молачека. Это были мини-ретроспективы, очень интересный, неожиданный формат и абсолютно не коммерческий. И очень важно было объяснить этот формат западным людям, которые не понимали, искали за этим какую-то выгоду для нас.

Мария: Они не понимали, почему мы это делаем бесплатно, они не понимали, как мы пускаем людей в свое частное пространство. По сто с лишним человек за вечер.

Вадим: Было задействовано очень много людей. Концепция была новой, свежей. Берлин — один из центров современного искусства сегодня, где живут и работает множество интернациональных художников. Мы познакомились и стали общаться с интереснейшими художниками, и молодыми, и нашего поколения, и старше. Стали ходить по мастерским, я отбирал работы для выставок. «Freehome» начался с выставки молодой художницы Ирен Зелёнки. Мы быстро поняли, что заданный формат востребован — он был очень хорошо принят. При том, что вокруг в то время было около 400 галерей, профитные места — музеи.

Мария: Мы хотели в наших скромных частных стенах создать сильное и открытое творческое поле, и каждая выставка, каждый показ, каждая дискуссия должны были проводиться

на высоком профессиональном уровне. Вадим готовил каждую «ретроспективу» и каждую тематическую выставку как профессиональный куратор. Создавалось удивительное сочетание, когда всё сделано профессионально, дотошно — плакат, приглашение, развеска, подписи к работам, и это поражало людей, и одновременно уютная домашняя обстановка, где можно выпить чаю или вина, что-то съесть, пообщаться с интересными людьми и совершенно не напрягаться. Мне кажется, что вот это «Freehome». Но для нас это, конечно, была очень большая и напряженная работа. И удовольствие, радость одновременно.

Вадим: Да, атмосфера «Freehome» была свободная, отличалась от коммерческих галерей, и чем дальше, тем лучше люди это понимали. Но коронавирус, локдауны всю эту концепцию свели на нет. Сейчас нарушены надолго привычные принципы общения. Посмотрим, что будет дальше. Прошедший год со всеми его ограничениями дал мне возможность сосредоточиться на своих работах, а также серьезно заняться архивами (с начала 90-х я собирал архив московского концептуализма на западе). Кроме того, мы с Машей записали девять бесед о разных периодах, методах и стратегиях моего творчества, о некоторых аспектах соавторства. Все видеобеседы с примерами, иллюстрациями выложены на ютубе, и кто хочет, может их посмотреть. Они важны, потому что там идет речь о разнообразных аспектах творчества, которые мало обсуждаются.

<https://www.youtube.com/channel/UC-kWemNf4bnrJTZwcEIrVpw/videos>

■ СВЕТЛАНА МЮЛЛЕР, директор клуба «Панда»

— Как ты попала в Германию?

— Я как-то плавно, потихоньку сюда «попадала»: с детства учила немецкий и говорю на нём без акцента, потом, ещё в 89-ом, съездила по обмену и в восточную, и в западную Германию, потом ещё и ещё. Но уезжать из Петербурга не плани-

ровала совсем — в начале девяностых там было, скажем так, весьма увлекательно. Училась в Университете и параллельно работала в музыкальном клубе ТаМтаМ, основанном Сеовой Гаккелем. Но от судьбы не убежишь. Мой будущий муж, Миша Мюллер, приехал в Петербург на год, тоже по обмену, и пристрастился к дикому русскому андеграунду. Пришёл в ТаМтаМ и вдруг посреди концерта — ОМОН. В общем, знакомство было более чем романтическим. Но когда год закончился, и Мише пора было возвращаться в Берлин, я с ним ехать отказалась. И зря. Потому что через полтора месяца всё равно не выдержала и примчала в его крохотную Нойкёльнскую квартиру. С тех пор мы не расстаёмся.

— Как появилась «Панда»?

— Вообще-то «Панда» (теперь мы называемся PANDA platforma) аббревиатура: «PANDA Poetry. Arts. Dreams. Networking. Action.». Возникла она довольно спонтанно. На том же месте много лет находился русский театр, он принадлежал разным людям, менял собственников и названия

и постоянно находился в состоянии умирания. В 2009 Петя Горьев, певец, поэт и по совместительству айтишник, наш близкий друг, вместе с поэтом Александром Дельфиновым решили устроить клуб. Помещение поначалу использовалось получастным образом, но Петя полностью его финансировал, оплачивал аренду и всё необходимое очень много лет. Постепенно в «Панде» начала происходить какая-то жизнь, идеально

отражающая тогдашний Берлин — безбашенный, не вписывающийся ни в какие рамки, весёлый город, который все любят и по которому сейчас многие тоскуют. Потому что он исчезает на глазах. И на самом деле, это чудо, конечно, что в Панде живёт тот дух, который делал и делает Берлин Берлином. Поначалу она была очень русской, с русскоязычной тусовкой и контентом, в первую очередь. Отцы-основатели Петя и Дельфин устраивали там музыкальные концерты и поэтические чтения. И так получилось, что моя первая коллаборация с Пандой произошла именно тогда, в 2009 году. Я как раз привезла в Германию группу Пеп-Си и помню, как впервые писала им, тогда ещё не представляя, что мы подружимся.

Развитие «Панды» шло по синусоиде. Менялись партнеры, кто-то пытался открыть бар, например. Все это дело, естественно, не работало, потому что это совсем не барное место. Были периоды подъема и упадка и вечный страх, что все накроется медным тазом, но каким-то образом «Панда» всегда выживала. В 2013, кажется, году художники Дмитрий Врубель и Виктория Тимофеева, как мне рассказывал Петя Горьев, попросили повесить там свою знаменитую картину целующихся Брежнева с Хонеккером, потом возникли другие картины, потом они сделали там свое ателье и стали принимать своих гостей. В какой-то момент это было круто, потом начало себя изживать. В то же время «Пандой» полностью занимался, делал программу, звук, пиар Даня Адасинский, душой и меценатом «Панды» и всего происходящего был Петя Горьев. Об этом почему-то часто забывали. К 2017 году синусоида в очередной раз пошла резко вниз, и в 2018 «Панда» пришла в совершеннейший упадок — не происходило никаких событий, ну или по одному в месяц примерно. Публика перестала ходить. Петя не мог больше тянуть эту финансовую нагрузку, да и моральную тоже. Как-то он рассказал об этом моему мужу, вышеупомянутому Мише Мюллеру. И это нас ужасно расстроило. В итоге, Миша, будучи экономистом-аналитиком, составил три разные экономические модели в по-

пытке рассчитать, как сделать это место выгодным. Все они показали примерно одинаковый результат: никак. Довольно печальный был вечер, должна сказать. Сидим, грустим и вдруг Миша говорит: «Знаешь, это прямо для тебя дело. Ты это вытянешь!» Сначала я на него как на сумасшедшего поглядела. В общем, это довольно спонтанное было решение. (Смеётся) Мы встретились с Петей, Даней, Лёшей, со всеми сотрудниками «Панды», устроили общее собрание — и не сразу, но довольно быстро все загорелись. Весь костяк остался, никто не ушел, кроме Вики и Димы. Зато появились новые единомышленники. Мы своими руками сделали ремонт. Дана Бондаренко создала буквально «на коленке» офигенный сайт. Даня Адасинский вывел Панду на совершенно новый уровень в плане звука и света. Лёша Тонких и Саша Смирнова придумали концепцию бара. Люди пахали и делали свою часть работы на совесть и совершенно бесплатно. И всё же ничего не случилось бы, не окажись в тот момент рядом близкая подруга, которая без лишних слов в течение года оплачивала львиную долю нашей аренды. Это дало нам возможность встать на ноги, придумывать новые проекты, писать заявки на гранты, набирать обороты — иначе говоря, научиться выживать самостоятельно. Концепция возникла естественным образом: мы открылись не только для русскоязычной аудитории, мы стали такой платформой, которая связывает разные культуры, стили, жанры. К нам приходят русские, немцы, арабы, поляки, голландцы, турки, украинцы, болгары, шведы, порой совершенно неожиданные бывают замесы, дело даже не в этнической принадлежности: все эти люди находят в «Панде» что-то свое. В Берлине ведь постепенно вымирают такие аутентичные небольшие места, с живой атмосферой, где есть место для эксперимента и нишевого альтернативного искусства. Их всё меньше и меньше. А мы пока есть — и, надеюсь, ещё долго будем (смеётся). Во многом это так, потому что у «Панды» другие приоритеты. Все мы отдаём себе отчёт в том, что нам не удастся заработать больших денег. Мы научились выживать вопреки или бла-

годаря всему. До локдауна мы делали безумно плотную и крутую программу, смешивая никому не известные группы со звёздами. То есть сегодня у нас играет какой-нибудь японский экспериментальный джаз, а завтра БГ, послезавтра феминистский поэтри-слэм, а через неделю читают Владимир Сорокин или Мария Степанова, в субботу группа, в которой играют музыканты Manó Chao, а в воскресенье крохотный кукольный театр из Парижа, открытие выставки о Еврейском кладбище Берлина или фестиваль женской арабской музыки. Сама понимаешь, что единой аудитории с такой программой быть не может. Зато благодарной публики — сколько угодно! Единственный и главный критерий — качество контента и радость от происходящего. Очень счастливым было время.

А потом грянула пандемия и всё закрылось. Поначалу мы были, конечно, обескуражены, но довольно быстро сориентировались и начали фигачить онлайн-трансляции чуть ли не раньше всех в Берлине. Сейчас-то они всем уже надоели, а тогда это было просто необходимо — и для нас, и для музыкантов, и для публики. За этот год мы набрали сотни тысяч просмотров в ФБ и на Ютубе. Столько народу в «Панде» в жизни бы не поместилось! Нам важно, чтобы наши стримы были в свободном доступе, чтобы каждый мог их посмотреть, даже если у него нет денег. Тем больше благодарности я испытываю к каждому и каждой, кто переводит нам любые, пускай совсем небольшие суммы. Мы смеемся с Мишей, что «Панда» — наш четвертый ребенок — что-то, что доставляет столько радости, но при этом не меньше труда и забот. Это огромное счастье — работать и быть рядом с такой командой. И осуществлять мечты. Придумывать фестивали, события, находить решения в сложных ситуациях, приглашать любимых артистов, писателей, художников и чувствовать, что рядом друзья. В этом году, если всё срастётся, мы сделаем большой поэтический проект, но о нём пока рано говорить. Планировать сейчас безусловно сложно или даже невозможно, но я всегда верю, что всё будет хорошо. Потому что мы — «Панда»!

■ **ИЛЬЯ ГОРДОН,**
директор «Русского театра»

Я приехал тридцать лет назад по еврейской линии. Работал переводчиком. Некоторое время по специальности — менеджмент в IT. Без малого двадцать лет назад женился на русском режиссёре (мне феминизм режут ухо) и вот — театр. Жена — Инна Соколова-Гордон, московский режиссёр. Живёт на две страны: Москва и Берлин, раз уж замужем за немцем. Ставит в основном русскую и мировую классику: Пушкина, Шекспира, Байрона, Чехова.

Илья Гордон и Инна Соколова-Гордон

Борис Филиановский на репетиции

Мы долгое время были (а может, и сейчас являемся) единственным русским профессиональным репертуарным театром вне границ бывшего СССР, имеющим свое помещение, труппу и играющим преимущественно на русском языке. «Театр Русская Сцена» — участник и победитель многих международных фестивалей в разных странах.

Первая профессиональная награда — Брест (Беларусь). Первый Гран-При — Битола, Македония.

— *Сколько у вас актеров?*

— Сколько актёров, сказать сложно. Есть профессионалы, которые играют только у нас. Есть, кто играет в нас время от времени. И при театре есть студия, которая практически с профессиональной труппой сливается. Из наград недавние — Гран-При за моноспектакль «Рудольф Нуреев. 48 Часов» на фестивале Золотая Провинция в Пензе и на Золотой Музе в Монголии (удалённо из-за карантинных).

— *А где ваш театр расположен и окупается ли он?*

— Берлин Сити Вест, недалеко от Урании. Театр окупаться не может. Его содержат студии. Точнее, Инна, тем, что студии ведёт. Театр сейчас репетирует по зуму и малыми группами в масках. Готовится к фестивалям, которые всё время откладываются и переносятся. Это, например, Кипр, Ганновер....

— *Актерские студии? А откуда берутся актёры, которые могут играть по-русски?*

— У нас три студии актёрского мастерства — детская, подростковая и взрослая. Занимаются по программе российских театральных вузов, адаптированной к возрасту и нашим реалиям. Об актёрах? Вот, например, Андрэ Мошой. Родился в Молдове, закончил московский институт им. Щукина. Работал в Молдове и в Италии. На русском языке начал играть в нашем театре. Из более молодого состава — Елена Панибратова и Ксения Кохлер. Обе выросли в Германии, получили актёрское образование здесь. Дмитрий Тронин — учился в родном Нижнем Новгороде. Все живут в Берлине, кроме Андре — он живёт в земле Бранденбург. Зарплаты мы не платим — не из чего. То, что собирает-

ся со студий, идёт на оплату аренды, костюмов, декораций и пр. Я несколько лет назад вернулся в IT. Работаю в берлинских школах.

— *И на что живут актёры?*

— Кто как. Работают, в основном. Дима, кстати, на Русском радио.

— *А другие?*

— Играют в немецких проектах.

— *То есть театр для них хобби?*

— Нет, театр — профессия и жизнь. Но он не всегда может прокормить.

■ **БОРИС ФИЛАНОВСКИЙ,**
композитор

В 1995 окончил Санкт-Петербургскую консерваторию у Бориса Тищенко.

Член группы композиторов «Сопrotивление материала». Член Союза композиторов России. С 2000 художественный руководитель eNsemble Института Про Арте. Основные сочинения: Пропевень о Проросли Мировой для солистов, хора и оркестра (текст: Павел Филонов), Три четыре, лирические сцены не для театра (текст: Лев Рубинштейн), Сверлийцы II, (оперный сериал Бориса Юхананова в Электротеатре Станиславский) — номинация на «Золотую Маску 2016» за лучшую работу композитора.

— *Давно ты в Германии?*

— С 2013-го года.

— *Наверное, уже чувствуешь себя тут как дома?*

— Нет, конечно! И это мне нравится. Потому что там, где ты не чувствуешь себя как дома, ты немножко отделен от среды. Я как раз не очень хочу сливаться с социальным окружением. Поэтому мне тут нравится, здесь социальная температура довольно низкая. Здесь никто тобой в об-

щем не интересуется. Здесь нет никаких общин, никаких гемайндшафтен, нет соседей.

— *То есть нет тусовки, в которой ты варишься?*

— Нет, тусовка другое. Тусовки мне как раз здесь не хватает, такой, достаточно широкой. Понятно, что я сильно потерял в социальном статусе по сравнению с тем, кем я был в России. Здесь я в общем никто и звать никак. С другой стороны, с интернетом не очень важно, где живешь.

— *А что тебя привело в Германию?*

— Я получил стипендию от DAAD, такая престижная стипендия, большая, годичная. Прожил год и решил остаться. Старался сохранить себя в профессии, потому никуда не нанимался, старался не давать уроков и зарабатывать только композиторским трудом. Брал заказы, пусть даже небольшие, в Германии, в России и где только можно. Ну понятно, что это не очень обеспечивает. Кстати, у меня виза такая, я не могу заниматься ничем официально, кроме как быть фрилансером.

— *А творческой среды тебе здесь хватает?*

— Творческая среда здесь гигантская. Но это как раз проблема для меня, потому что в нее надо встраиваться. Это должен быть такой огромный личный проект, встраиваться, социализироваться. А поскольку я человек довольно социопатический, то особо не тусуюсь. Либо надо половину своего времени посвятить тому, чтобы ходить на концерты, с кем-то дружить, поддерживать социальные связи, либо писать. Сейчас пишу вокальный цикл «Если воздух» на тексты Марии Степановой. Для контральто и рояля. Потому что у самой Маши контральто. Раз гулял поздно вечером мимо дома, где Маша Степанова жила в свою бытность приглашенным профессором Университета Гумбольдта, теперь живу в одном квартале от этого места. Шел и думал про наши берлинские встречи, и вдруг понимаю: ее книга «Если воздух» это же прямо я и есть. Такая форма там, как бы русское хокку, четырехстроч-

ное. Пришел домой и сразу ночью стал писать. Не романтическая деталь, а просто хочу сказать, что писать на Машины тексты было естественно, как например гулять или выпить. Там форма, ритм, интонация — ну вот всё мое.

— *Хочешь вернуться в Россию?*

— Нет, мне нравится здесь — атмосфера города, безопасность, доброжелательность, прекрасная инфраструктура. Не знаю, я очень люблю Берлин, хотя не особенно по нему перемещаюсь. У меня тут что-то вроде внутренней эмиграции.

■ **НАТАЛЬЯ ПШЕНИЧНИКОВА,**
музыкант, вокалистка

исполняла сочинения Д.М. Кейджа, К. Штокхаузена, С. Губайдулиной, А. Батагова. Выступала в жанре свободной импровизации, сотрудничала с ведущими концептуальными композиторами и музыкантами. Участвовала в совместных проектах с В. Тарасовым, В. Волковым, Д. Приговым, Л. Рубинштейном, Г. Виноградовым, Д. Курляндским, Т. Курентзисом. Совместно с Алексеем Любимовым была организатором первого неформального Фестиваля современной музыки «Альтернатива». Специально для нее было написано более 300 сочинений современной музыки. Среди их авторов такие композиторы, как Гия Канчели, Хельмут Эринг, Сергей Невский, Дмитрий Курляндский, Бернхард Ланг, Клаус Ланг, Ник Коллинз, Петер Аблингер, Адриан Мокану, Анна Корсун. Создательница и художественный руководитель Театра голоса «Ла Гол». Живет в Берлине.

— Впервые я приехала в Германию в 1990 году. Михаил Курц, автор биографии Карлхайнца Штокхаузена и, позднее, Софии Губайдулиной, пригласил меня, среди других московских музыкантов, на фестиваль современной советской музыки. Затем последовали другие приглашения, потом прибавилась личная жизнь и, таким об-

Наталья Пшеничкова

разом я связала свою жизнь с Берлином. Будучи международно востребованным музыкантом, я, правда, редко находилась на одном месте более двух недель. Я не проходила процесс эмиграции. Впрочем, музыканты по роду своей профессии — космополиты.

Моя сфера деятельности, современная музыка — довольно специфическая узкоспециальная исследовательско-практическая работа. Необходимо постоянно учить и изучать что-то новое, это касается как специальных техник, так и эстетических теорий. Иногда приходится разрабатывать несколько проектов или учить 30 произведений — очень много работы. Должна быть высокая степень дисциплины и концентрации, а ведь мы, художники и артисты — безумцы и романтики. Мне важна свобода — без неё я вообще ничего не могу делать.

Я исполнила более 400 произведений современной музыки, из которых большая часть была написана лично для меня. Иногда кажется, что это просто километры нот, которыми можно, если не окружить экватор, то уж точно выстелить дорогу из Петербурга в Москву.

Пандемия оказала странное влияние: концертов, кроме редких стримов, нет, но работаю я очень много. Мне предстоит несколько автор-

ских проектов, как в Германии, так и в России. Надеюсь, что они состоятся. Этим летом у меня должна быть творческая резиденция в имении Беттины фон Арним в Випперсдорфе. С радостью и надеждой жду в конце года фестиваль Софии Губайдулиной, где мне предстоит спеть несколько её сочинений. В настоящее время готовлю к реализации мой проект «28 мгновений» по документальным рассказам женщин, которым сейчас более 80 лет. Этот проект будет реализован в городской среде. И делаю для датской художницы Элли-Мие Айдруп Хансен музыку по текстам Д.А. Пригова для её инсталляции в Екатеринбурге.

Только что написала пьесу для флейты и пения птиц для выдающейся политической деятельницы и превосходного музыканта Марии Колесниковой в честь её дня рождения, она так и называется «Песня птицы Свободы для Марии».

■ **СЕРГЕЙ НЕВСКИЙ,**
композитор

С 1994 года музыка Сергея Невского исполняется на международных фестивалях в Донауэшингене, Берлине (Berliner Festwochen,

UltraSchall, Maerzmusik), Вене (Wien Modern), Штутгарте (Glat), Мюнхене (Musica Viva), Амстердаме (Gaudeamus), Цюрихе, Мадриде, Москве («Территория», «Другое пространство», «Московский форум») и Петербурге («Пифийские игры»). В 2011-2012 годах он был куратором проекта «Платформа» в Центре современного искусства «Винзавод». В 2012 году в Большом театре состоялась премьера его камерной оперы «Франциск». Сергей Невский получал заказы от Берлинской государственной оперы, фестиваля Руртриеннале, Министерства культуры Норвегии, Берлинской академии искусств, Концертхауса Берлина, фестиваля «Территория», фонда Про Арте, ансамблей Klangforum Wien, Neue Vokalsolisten Stuttgart и др. Также исполнялся Ensemble Modern, Nieuw Ensemble, Московским ансамблем современной музыки (MACM), солистами Натальей Пшеничниковой и Теодором Анцелотти, Якобом Дилем, дирижёрами Йоханнесом Калитцке, Теодором Курентзисом, Владимиром Юровским. Сотрудничает с режиссёром Кириллом Серебренниковым (музыка к спектаклю

«Человек-подушка» в МХТ имени Чехова и фильму «Юрьев день»).

Невский является стипендиатом немецкой академии Villa Massimo (Casa Baldi) в Риме, Villa Serpentara, Cite Internationale des Arts в Париже, Берлинского сената и Академии искусств Берлина, Villa Aurora в Лос-Анджелесе. В 2006 году он был удостоен Первой премии на Штутгартском конкурсе композиции, в 2008 году — приза ансамбля Про Арте и публикации на фестивале «Пифийские игры» за пьесу «Всё». Лауреат премий «Золотая маска» за оперу «Франциск» (Спецприз Жюри) и Kunstpreis Berlin 2014 года. Член группы композиторов «Сопrotивление материала»

— В Германию я попал в 92-ом году по стипендии, Gartow Stiftung из Нижней Саксонии, который финансировал выпускников консерватории; эту стипендию я получил благодаря Михаилу Юровскому, дирижеру, она была на пять лет. Сначала я жил в Дрездене, потом переехал в Берлин, потом получил стипендию Берлинского сената и начал получать первые заказы параллельно со стипендией. И одновременно с этим работал на «Немецкой волне», вел передачи о культуре.

— Ты выучил к тому моменту немецкий?

— Немецкий я знал еще до того.

— Как тебе сегодняшняя Германия? В каком районе ты живешь?

— В центральном районе, у меня очень старый договор на недвижимость, поэтому живу относительно спокойно. Но можно сказать, что район сильно изменился за двадцать лет, мало осталось людей из тех, кто жил тут раньше, много богатых приезжих со всего мира, которые не очень понимают, где находятся. Используют Берлин как дауншифтинг такой. Я знал Берлин открытым демократичным городом, сейчас все сместилось в пользу классических для большого города иерархий. Я думаю, что скоро он станет более обычным городом, чем тот, в который я когда-

то приехал 25 лет назад. Он достаточно комфортный для жилья, хотя комфортность — она для всех разная. В остальной Германии малый бизнес убит, только огромные сетевые магазины. Чем Берлин хорош: вся эта неформальная жизнь, бары, клубы, магазины плюс огромная культурная жизнь, которая финансируется не столько городом, сколько федеральными бюджетами. Я теперь много зарабатываю в Норвегии, Швейцарии. Очень небольшая часть заказов на оперы поступает из Берлина. Но жить в Берлине дешевле, чем в других странах, к тому же здесь огромное количество коллег. До сих пор ситуация с фрилансерами тут была наиболее благоприятной, но следует учитывать, что сейчас сюда приезжают люди со всего мира, плюс жилищный кризис. Вот ты живешь сейчас в центре в доме, в котором жили люди с 90-х, а то и 80-х годов, а за забором у тебя дома, построенные несколько лет назад, где живут очень богатые люди. То есть даже не живут, а просто купили квартиру, потому что вложение. И огромное количество, как и в Гамбурге, пустующего жилья в центре. При самом негативном развитии событий Берлин может сделаться как Лос-Анджелес, где огромный пустой центр, народа нет, потому что либо бюро, либо пустующее жилье. Городские власти в Берлине пока за этим как бы следят, но здесь сложный баланс. С одной стороны, столица четвертой экономики в мире должна быть похожа на столицу, но с другой стороны, какая-то камерность Берлина очень ему шла.

— А чем ты здесь занимаешься, кроме того, что пишешь музыку?

— В Берлине находится мое издательство. В Берлине самая мощная концертная жизнь современной музыки в Европе, а может, и в мире, поэтому здесь очень много композиторов. В прошлом году у меня была опера в Штутгарте, «Время секунд-хенд» по Светлане Алексиевич, сейчас делаю оперу для венецианской биеннале, небольшую вещь на документальном материале 20-х годов. У меня были оркестровые заказы с RSO Stuttgart и SWR Symphonieorchester с Теодором Курентзисом.

■ АЛЕКСАНДРА ФИЛОНЕНКО,

композитор

Победитель международных конкурсов Händelfestspiele, «Arbeiten mit Arditti», Deutsche Oper Berlin, Zeitgenössische Oper Berlin, Young Euro Classik. Ее сочинения исполняют Ensemble Ascolta, Ensemble Aleph, Kairos Quartett, Arditti Quartett, Neue Vokalsolisten, Solisten der Deutsche Oper Berlin, Студия новой музыки (Москва), Maulwerker (Berlin), eNsemble (Санкт Петербург), KNM (Berlin) и др. В 2016 году на FANCYMUSIC вышел ее авторский диск NACKT.

Я наблюдаю как изменился Берлин, тот город, который я увидела ещё в 1995/96, будучи студенткой Московской Консерватории, потом в 2006, когда переехала сюда, и последние годы. Город однозначно изменился, много есть чего хорошего, прекрасного, но тот Берлин, который я узнала в 1996, напоминавший ту также старую Москву, исчез. Для меня Берлин всегда был очень русским городом, здесь вы можете часто слышать русскую речь, художники и музыканты, которые тоже уехали и которые уже тоже живут и творят. Но за Москвой, которая стала абсолютным мегаполисом, Берлину не угнаться), и слава богу. Я могу здесь спокойно писать, хотя работать я могу везде, даже в поезде, для меня это не проблема. В Берлине остались ещё некоторые нетронутые глобализацией места, где с ностальгией и ноткой спокойствия можно погулять.

Здесь есть замечательные театры и выставки, концертная площадка, в сейчас с болью смотришь, как всё это утопает и заморожено из-за пандемии, просто невыносимо. Я уже больше года живу в полной изоляции, катастрофически не хватает сотрудничества, рабочей среды с друзьями и коллегами по цеху. Но, изменить это, увы, пока невозможно, приходится выжидать.

Для меня это особенно сложно, все наметившиеся сценические проекты заморозились, непо-

Александра Филоненко

нятно, когда они теперь будут поставлены. Так как я работаю часто со сценической музыкой, это стало большой потерей.

Не скажу, что первые годы жизни в Берлине были солнечными и радужными, думаю, это пережили многие художники-эмигранты. Тем не менее, шаг за шагом, постепенно пришёл язык, знакомства. Эмиграцию надо пережить, для меня это было перерезанной пуповиной. Уезжать из Москвы, где меня знали, где были друзья, исполнители и вообще, мой дом, было тяжело, в Германии пришлось всё начинать с нуля.

Сначала, когда я приехала в 1996 году как стипендиат Берлинской Академии Искусств, мне говорили: «Вы — потрясающий композитор, но у нас тоже есть свои таланты». А когда в 2006 году я совсем переехала в Берлин, для меня начали открываться двери: стипендии, композиторские резиденции, призы, исполнения, и постепенно как бы непонимание стало «медленным

признанием». Так, начиная с первого сценического опыта оперы «Rapunzel Monolog», победителем в проекте Нойкёльнской оперы «Operare», начался мой путь как сценического композитора, и в целом признание. После «Rapunzel», будучи в композиторской резиденции в Штуттгарте в музыкальной академии Solitude, я написала первый раз в своей жизни для контртенора, это была пьеса «Mute». Даже не предполагала, как круто и кардинально изменит эта пьеса и вообще работа с контртенором Даниэлем Глогером мою вокальную эстетику. В резиденции я познакомилась с немецкой поэтессой и переводчиком Аней Утлер, именно через её тексты я начала понимать и ощущать, где скрыта та дверь, куда нужно идти. Именно через поэзию, её тексты и двух других, важных для меня поэтесс, Марианны Гейде и Полины Андрукович, рождались новые пьесы для голоса. Голос, вокальная музыка стали моей творческой лабораторией. Так, с «Mute» возникли для меня важные пьесы на тексты Димитриса Яламаса. В своей последней опере «Ein Geschäft mit Träumen», заказанной Немецкой национальной Оперой на текст Ингеборг Бахманн, я продолжаю усовершенствовать опыты работы с голосом.

■ **ОЛЬГА РОМАНОВА,** правозащитник, журналист, писатель. Дважды лауреат премии ТЭФИ, лауреат премий имени Буцериуса (Гамбург), имени Гайдара (Москва), имени Сафо (Копенгаген), имени Артёма Боровика (Москва), премии Московской Хельсинкской группы и премии фонда «Либеральная миссия», автор трех книг, последняя — «Протокол. Чистосердечное признание гражданки Р.»

Встретили меня в квартире у Ольги Романовой белоснежная молодая кошечка с серой кокетливой челочкой и, по обычаю, хлебосольный стол. Всем в Берлине уже известно, что Ольга Романова очень вкусно готовит.

После разговоров о судьбах кошек, я взяла быка за рога:

— *Что ты думаешь о «судьбах русской интеллигенции», оказавшейся в Берлине? Жалеешь ли ты, что переехала в Германию, хочешь ли вернуться?*

— Ну, начнем с того, что я-то не интеллигенция, я «образованец». Я люберецкая девочка, и помню об этом хорошо, я образована в третьем поколении, а до этого никто не знает поколений, потому что мои дедушки-бабушки детдомовские.

Я думаю об эмиграции ровно то же самое, что думает любой интеллигент о ней. Ни один интеллигент не должен любить эмиграцию и не любит ее, будучи сам в эмиграции и считая, что, конечно, он центр вселенной, а остальные все — дерьмо.

Но нет, мне нравится, мне нравится как раз то, что здесь намешано людей из самых разных слоев России, из самых разных городов — питерская интеллигенция, киевская интеллигенция, минская интеллигенция, гомельская интеллигенция, новосибирская интеллигенция,

Ольга Романова

воронежская интеллигенция. Мне довольно часто надо сделать усилие, чтобы вспомнить, откуда этот интересный человек, потому что для меня он, конечно, берлинец, русский берлинец, несмотря на то что он может быть киевский, гомельский там, минский или любой другой, но, понятно, что русский язык всех объединяет.

— *Лучше ли тебе здесь живется, чем в России?*

— Я об этом часто думаю. Конечно, охватывает ностальгия, и мысли о том, как там, что надо ехать. Не то, чтобы возвращаться, нет, конечно, но ехать надо. Но и пандемия, и, главное, другие обстоятельства мои меня не пускают. Я так скажу: если ты хочешь комфорта, то это — в Москве. Может быть, в Питере. Да, наверное, Москва и Питер. А если хочешь свободы — это Берлин. Смотря что хочешь. Вот мне свобода важнее, чем удобные рестораны, круглосуточные парикмахерские и дешевое такси. Если раньше ехали сюда, на запад, все-таки за колбасой, а потом уже за свободой, то есть это все чередовалось: сначала за свободой; потом за колбасой; потом за свободой и колбасой; потом за колбасой и свободой, ну то есть это было такое блуждающее, то теперь это блуждание прекратилось.

— *Чувствуешь ли ты себя берлинкой?*

— Я себя чувствую берлинкой в Кройцберге (район в Берлине). Потому что здесь английского больше, чем немецкого, мой немецкий здесь понимают. Я была совершенно счастлива в метро, когда в конце концов поняла смысл надписи на столбе, которая была сделана типографским способом, у входа в метро Шенлайн штрассе. Я в конце концов поняла и совершенно расцвела. Берлинцы, которым я послала фото надписи, ответили мне: «Фу, как грубо!» А умные берлинцы сказали: «Ну да, это по-кройцбергски! Кройцбергское наречие». Но в основном все посмеялись. Там написано: «Bullen rufen wegen lauter Musik???? Wie erbärmlich!!! Zieht nach Charlottenburg wenn ihr Ruhe wollt!!!». (В переводе: «Звать ментов из-за громкой музыки???? Как убого!!! Переезжайте в Шарлоттенбург (район Берлина), если вам хо-

чется покой!») — Н.Б.) Да, это не очень вежливо! Но по-кройцбергски! Звонишь в полицию из-за громкой музыки — езжай в Шарлоттенбург! Какие проблемы! Звонить в полицию — хотя тут другое слово. Я знаю это слово. Конечно, оно нехорошее слово. При встрече с хорошим полицейским я не буду такое говорить. Но вдруг я встречу плохого полицейского? (смеется). Хотя ни разу еще не встречала, но слово у меня уже есть.

— *Появилась ли у тебя работа в Германии?*

— Здесь, в Берлине, я с двумя партнершами зарегистрировала компанию «My Russian Rights» с контентом на Россию, мы агрегатор для правозащитных организаций России, Белоруссии, Польши и Чехии.

— *А что вы делаете?*

— Мы рассказываем про самые разные аспекты правозащиты. То, что называется борьбой за права человека. Я думаю, что мы присутствуем при очень печальном, но очень интересном периоде. Я думаю, что очень прикольно жить в момент зарождения и становления империи, больших, сильных, красивых стран и государств. Прикольно жить в момент роста античной Греции, прикольно жить в момент расцвета республиканского Рима. Прикольно жить среди ренессанса. Я думаю, очень прикольно было в Париже в шестьдесят восьмом. То же рождение новой республики. И очень фигово жить при эпохе умирания. Вот мы живем в эпоху конца умирания. Римская империя распалась тысячу лет. Российская империя распадается последние сто лет. Даже чуть пораньше: сначала Польша, Финляндия, потом все остальное. Мы наблюдали в девяносто первом году, как распался СССР. И сейчас заканчивается этот период. То есть наша жизнь пришлось на конец конца. Это довольно обидно, потому что это же наша страна!

Для меня большое удивление в почтенном возрасте обнаружить, что люди не исчезают с исчезновением империи: они продолжают жить. Они просто по-другому называются. Наши вну-

ки хорошо, если будут говорить по-русски. Очень хорошо!

Я не знаю, кто — как они будут называться... Какие-то другие люди, в которых будут наши гены. В том числе наши гены. Если взять палочкой мазок со щеки, мы найдем с ними сорок три процента общих родственников. Но мы будем непохожи. Какая-то, конечно, кровь, какие-то наши гены, конечно, будут, но это будет как-то по-другому выглядеть, по-другому называться.

Гены останутся, язык исчезнет. Более того, он уже меняется. Я, как подорванная, смотрю популярные тик-токи и ютубы умных молодых, тех, которым около двадцати или чуть больше. Вот, например, на ютубе я очень люблю канал «Redroom», который ведет Егор, ему чуть за двадцать. Я люблю его показывать таким, как мы с тобой — взрослым. Перед нами, очевидно, очень образованный человек. Образованный, умный, дико талантливый. Язык, на котором он говорит, мне понятен. Но я иногда нажимаю на «стоп», несколько раз перекручиваю, потому что кое-что я не понимаю. у меня другая аудитория, которая еще говорит на моем языке. Но я понимаю, что это поколение уходит. И мы пока не уходим никуда — мне всего пятьдесят пять, приступ молодости. Последней, но молодости. Мы никуда не уходим, никуда не собираемся. Но просто уже вырос слой, язык которого я не очень понимаю. Он, конечно, полон англицизмов, но это меня не пугает совсем. Он полон других образов. Полон другого способа мышления. Между нами разница — тридцать лет. Дорогая моя, что будет через сто? Я бы хотела это увидеть

— *И напоследок: чем сердце успокоится?*

— Я думаю, мы не вернемся. Из нашего поколения не будет этого исхода, когда в начале девяностых начали возвращаться эмигранты, когда пал Советский Союз. Да, исхода не будет, этого возвращения. Мы будем представлять собой совершенно классическую белую эмиграцию, в другой интерпретации: менее образованную, но зато больше встроенную в какую-то современную систему. Никто из нас не работает все-таки такси-

стом. Слава Богу. Не то время. Мы, и уж особенно наши дети, станем частью другого совсем общества. Да, это жизнь, это развитие, это вселенная, это колесо сансары — все, что хотите. Это масленица, в конце концов, карнавал. Это весна. Никто не умирает. Все остаются в каких-то генах. Приобретают другие формы

■ **СЕРГЕЙ ВОРОНЦОВ,**
художник

Участник «Клуба авангардистов» (1986-1988), основатель московской рок-группы «Среднерусская возвышенность» и берлинской — «Unterwasser». Работы в коллекциях Государственной Третьяковской галереи, Зверевского центра современного искусства (Москва), Музея Людвига в Кельне (Германия), Künstlerhaus Bethanien (Германия), Staatsarchiv (Берлин, Германия), Berlinische Galerie (Германия) и др.

В Берлине я живу с 1988 года. Получается, тридцать три года. Когда я уезжал, мне было двадцать восемь лет. Получается, что большую часть своей сознательной жизни провел здесь. Я жил в Западном Берлине и был свидетелем того, как прорубали дыру в стене.

Я оказался в Берлине, приехав на проект «Москва-Берлин» в восемьдесят восьмом году. Первая часть была в Берлине, вторая в Москве и в Стокгольме — третья. Был в Берлине полгода, потом уехал в Москву, потом поступило предложение сделать здесь выставку, так постепенно приезжал-уезжал, потом само собой сложилось, что в Берлине проводил больше времени, чем в Москве: шли проекты, выставки, стипендии. В «Кюнстлерхауз Бетаниен» у меня была стипендия с 1992 по 1993. Я жил там, у меня была мастерская, мне оплачивали страховку, какие-то материалы, в которых я нуждался, и бесплатное проживание. Все остальное я должен был как-то зарабатывать. Честно говоря, тогда была очень хорошая ситуация, у меня нормально про-

давались работы, было много выставок, проектов, общения. Особенно когда жил в Бетаниен, общался с другими обитающими там художниками. У меня были две девушки-подружки из Австралии, рядом жила девушка-англичанка, а прямо стена к стене была Саша Вальц. А после этого я сразу получил стипендию от сената по культуре. Был уже 94-ый год. Были скульптурные проекты, где я с гранитом работал, а вещи оставались в Берлине. Я знаю, что моя работа, «Осень» называлась, там просто от моста какая-то глыба гранитная, я выбил на ней рельеф — грибы. Она сейчас на безымянном кладбище, где хоронят людей за счет государства, без имен. Там стоит моя глыба. А сверху я выбил пару вороночек, птицы могут пить воду оттуда. Так красиво, когда идешь, если дождь, там еще и небо отражается.

В общем, стал я здесь жить, поездки в Москву становились реже и короче по времени. Такое тогда было время: все менялось, крушилось, и у нас была масса надежд, никто не хотел в Берлин, а мне хотелось пожить просто на западе, потусоваться с художниками, музыкантами, поиграть с ними музыку, джемы, я привез с собой гитару из Москвы и ходил здесь на всякие блюзовые джем-сейшены, во Франц-клуб, который неподалеку здесь в Пренцлауер Берге, еще было несколько клубов в западном Берлине, просто приходили люди с инструментом и просто играли какую-то музыку: сегодня мы играем блюз, а завтра давайте поиграем в регги. И это было интересно. Знакомились с людьми, музыкантами. Мы все выросли на рок-музыке и сейчас вырвались — конечно, хотелось общения. Я был дико рад, познакомился с практически элитой — полный, абсолютный панк-андерграунд, люди из вагончиков и прочее — спектр-то большой. Так и пошло. Потом время от времени дети появлялись (смеется). Сложился бенд. В Москве до «Среднерусской возвышенности» у меня было еще два бенда.

— *А в какой момент ты решил остаться здесь?*

— Когда дети появились. Я все это время представлялся, потом был один музыкальный про-

ект, ездили на фестивали. Записали какие-то пластинки, люди приходили и уходили, несколько человек умерло, состав полностью переменялся. Хочу снова начать потихоньку заниматься музыкой, но пока в студийном виде. Не рвусь куда-то на концерты, на сцены, тем более что уже наездился, утомительно (смеется).

— *Ты рассказывал мне, что за время пандемии написал десять картин новых.*

— Я еще до картин добирал по объекту скульптуры, инсталляции для наших готовых проектов (совместно с супругой Юлианой Бардолим — Н.Б.) Мы уже сделали массу выставок и проектов. Здесь, в Берлине, в Москве, в ЦДХ была огромная выставка на двух этажах.

— *Нет желания вернуться в Россию?*

— У меня работы там в Третьяковской галерее, в ЦДХ...

— *Не работами, а самому.*

— У меня здесь семья, дети родились в Берлине, они абсолютные берлинцы, говорят лучше по-немецки, хотя Степа очень много читает, на всех языках, и на английском, и на немецком, и на русском. У детей тут друзья. Я тоже привык, потому что большую часть сознательной жизни живу тут. В 1977-78 годах в СССР пошла афганская кампания, пришлось получить заслуженную статью больничную, с которой в армию не берут, и от меня отстали. Потом началась перестройка, было все классно, думал: «поедем, поглядим, попутешествуем, потусуемся и вернемся домой». Я работал всю жизнь художником там, зарабатывал деньги, причем нормально, хорошо зарабатывал. Лучше, чем многие — для советского времени. И все было хорошо. А потом стало как-то меньше нравиться, стала ситуация меняться. А потом резко-резко, как пружина закручивалась семьдесят лет, потом раскрутилась (смеется). А потом люди сбрендили с ума. Когда-то я от армии косил, мне пришлось в психиатрическую клинику лечь, чтобы получить статью от армии, а здесь, получается, я поеду

сейчас в дурдом по собственному желанию. Там сейчас абсолютный мрак такой. Знаю, что там есть прекрасные люди, продвинутые, программисты, компьютерщики, математики и так далее. Но они уже другие, они на другой стороне. Они по другим правилам уже все играют. Когда я приезжаю, половине своих старых знакомых художников уже не звоню. Потому что читал их записи в фейсбуке и знаю их взгляды.

— У них поменялось мировоззрение?

— Не просто поменялось, а поехала крыша у людей, если их почитать. Мне пришлось съездить в Москву в ноябре-декабре, поскольку квартира моих родителей не в центре, а на Речном вокзале, приходилось на метро поехать. И там я посмотрел-послушал. Журналисты в метро не бывают, все на тачках перемещаются. А если по окраинам походить, зайти в супермаркет, посмотреть, как люди живут... Там жить — не в продуктах дело. Атмосфера не та. Не мое. Накручивают людей на врагов: «Россия и враги. Окружили со всех сторон». Мне не нравится Путин конкретно. Я не хочу жить при нем. Я не хочу воевать за их доходы. Искать в России продвижения наших проектов сложно, все люди, с которыми я раньше работал, либо сами куда-то уехали, либо их уже нет.

■ **АЛЕКСАНДР СМИРНОВ (ДЕЛЬФИНОВ), поэт**

В первый раз я приехал в Германию в 1984 в Восточный Берлин и совершил поездку по Восточной Германии. А если заглядывать в более глубокие слои бытия, я, пользуясь матрицей Станислава Грофа, его методикой заглядывать в пренатальную матрицу, то я был первые пять месяцев своей дорожденной жизни тоже в Берлине, или, скажем, рядом с Берлином на военной базе советской. Я там был запланирован для релиза на этой планете. Я мог бы и родиться в Берлине, но мама решила, что военный госпиталь советский —

не самое приятное место, и сбежала в Москву с целью произвести меня на свет. Поэтому у меня с детства с Берлином особенная связь.

Я себя в Берлине долгое время чувствовал, как дома. Это город, о котором я вспоминаю, о котором у меня есть детские воспоминания, я в детстве там видел стену. И в какой-то момент Москва перестала для меня восприниматься, как родной город, она так сильно изменилась, стала абсолютный Вавилон. Берлин для меня получается самый близкий город, связанный с детством, как ни странно.

— Вы ощущаете себя берлинцем?

— Да, можно сказать. Точнее, так: я ощущаю себя русскоязычным европейцем. У меня такое самовосприятие возникло лет десять назад. В одной из бесед тоже зашла речь о том, русский или русскоязычный. Я сразу понял, что я русскоязычный. Я, конечно, носитель русскоязычной культуры, но она существует для меня не только в России. Русскоязычная культура существует в Риге, одна из важнейших русскоязычных поэтических групп в Риге находится, это «Орбита». И всегда Рига и страны Балтики были связаны с альтернативной русской жизнью. Конечно, русскоязычная культура по меньшей мере с революции 17-го года существует в разных странах, понятно, что это все не ограничивается Россией. В России я никогда не был своим полностью, потому что у меня есть еврейские корни. В Израиле я не совсем еврей, в России я не совсем русский, такой безродный космополит. В качестве профессионального безродного космополита лучше всего себя ощущать русскоязычным европейцем.

Практически с момента моего приезда, за исключением полугода, когда я проходил стажировку в правозащитных и информационных организациях, я в Германии работал журналистом-фрилансером. До того, как я стал работать в журналистике в Германии с 2014 года, я активно участвовал в активистских проектах в России. В последнее время я отслеживаю действия дви-

жения за права людей, живущих с психическими особенностями. Это особенно важно для России, где четверть из общего числа заключенных — люди, севшие по статье 228 или по другим статьям, связанным с нелегальными психоактивными веществами. Это для России серьезная проблема, с этим связана эпидемия ВИЧ, которая в России не утихает.

Есть такой мем, связанный с Алексеем Навальным, словосочетание «прекрасная Россия будущего». И сейчас его можно услышать не только от сторонников Навального. Но с моей точки зрения в России всегда, еще до революции, не знаю, со времен переписки Грозного с Курбским, была альтернативная Россия. Но она была в реальности. Была Литва русскоязычная, была Новгородская

республика. Мы знаем, что были альтернативные векторы развития истории русскоязычного общества, которые не реализовались, или были задавлены. Но они существуют в некоторой культурной реальности, потому что в культуре это сохраняется. Альтернативная русская культура, к которой я себя и причисляю. И она существует как за пределами России, так и в ней самой — ее носители могут быть где угодно. В любой точке мира может быть носитель русской культуры — она не привязана к границам России. И она несет в себе все альтернативные ценности, которые противоположны милитаризму, шовинизму, бескультурью политических убийств. Как и в советское время был самиздат — пример альтернативной тогда русской культуры.

<https://dropme.files.com/YuJ8m> (фото Дельфинова)

© Текст: Нуне Барсебян

НУНЕ БАРСЕГЯН — писательница, пишет под псевдонимом А. Нуне. Первый роман «После запятой» попал в шорт-лист премии А. Белого в 2001 году, книга «Дневник для друзей» стала одним из финалистов премии НОС — 2016. Окончила факультет психологии МГУ, с 1993 года живет и работает психологом в Берлине

Александр Смирнов (Дельфинов)

ХРОНИКА

18 мая 2021 г. В арт-клубе «Китайский летчик Джао Да» прошел вечер по случаю 20-летия журнала «Вестник Европы» с презентацией 2-х новых номеров, вышедших в конце 2020г и весной 2021г. И вот, наконец, 18 мая 2021 г. мы смогли встретиться вживую, в клубе «Китайский летчик Джао-да», благодаря радушному приглашению Ирины Паперной.

Эта было первое мероприятие журнала «вживую» (онлайн презентации двух последних номеров были организованы Центром Вознесенского и Электротheaterом «Станиславский») после годового перерыва на коронавирусную изоляцию.

Вечер вели главный редактор журнала Виктор Ярошенко и заместитель главного редактора поэт Татьяна Щербина.

Со словами о журнале и своем в нем участии говорили поэт Владимир Салимон, работавший заместителем главного редактора и куратором отдела литературы с 2001 по 2013 год; известный журналист, москвовед, главный редактор журнала «Московское наследие», Филипп Смирнов, бывший многие годы ответственным секретарем, а потом заместителем главного редактора «Вестника Европы»;

академик живописи, народный художник России Татьяна Назаренко, чьи работы не раз украшали обложки издания, говорила о художественной линии журнала, всегда обращавшего особое внимание на творчество современных художников и фотографов; классик российской драматургии Александр Гельман, опубликовавший в нынеш-

нем году в журнале пьесу «Альмар» о любви Альберта Эйнштейна и Маргариты Коненковой, прочел свои стихи;

также выступили Андрей Нечаев, первый министр экономики России; поэт Татьяна Вольтская, писатель Григорий Служитель, доктор искусствоведения и переводчик Владимир Колязин, кинокритик Андрей Плахов; политический аналитик Аркадий Дубнов; Екатерина Марголис, художник и литератор, живущая в Венеции, автор одной из лучших книг прошлого года, главы из которой впервые публиковались в нашем журнале; свои старые и новые песни подарил залу Алексей Паперный. Прочитала свое стихотворение и совсем юная поэтесса Соня Томская.

Вечере участвовали члены попечительского совета и Управляющего совета фонда Егора Гайдара Сергей Дубинин, Андрей Нечаев, Григорий Томчин, Петр Гайдар, Сергей Приходько (исполнительный директор института экономической политики имени Е. Гайдара), автор журнала с самого первого его номера, лауреат карамзинской медали профессор ВШЭ Андрей Медушевский, а также писатели, художники, журналисты, фотографы, авторы и друзья журнала.

* * *

В. Ярошенко вручил карамзинские медали «Ad Nuncius Europae/Вестнику Европы»* поэту Владимиру Салимону «За выдающийся вклад в русскую поэзию и в связи с 20-летием возрождения журнала, в котором он принимал многолетнее твор-

ческое участие», и драматургу Александру Гельману «За выдающийся вклад в отечественную драматургию, яркую общественную деятельность и творческое сотрудничество с журналом «Вестник Европы»».

Карамзинская медаль также присуждена переводчику, издателю, журналисту Димитри-

су Триантафиллидису (Δημήτρης Τριανταφυλλίδης) за многолетнюю подвижническую деятельность по ознакомлению греческого общества с русской культурой; за переводы более 100 книг русских авторов; издание журнала русской культуры «Степь» - медаль будет вручена, как только Димитрис сможет приехать в Россию или «Вестник Европы» в Грецию.

Отклики в фейсбуке .....

20 лет «ВЕСТНИКУ ЕВРОПЫ»

Катя Марголис.....

Как известно, «культура» буквально означает «земледелие» — и нужно обладать сочетанием редких качеств поэта, литератора и последовательного неутомимого землепашца, чтобы эта земля плодоносила снова и снова. Таков журнал «Вестник Европы», на чей 20-летний юбилей мы собрались вчера в московском Китайский Лётчик Джао Да.

Я бывала в этом месте нередко именно тогда, 20 лет назад. И оказаться снова в этом пространстве- и физически, и ментально - это чудо; словно кто-то включил машину времени. И она запела живым голосом Алексея Паперного: «Сидим себе на облаках, как у кого-то на руках...». И это и было ощущением всего вечера.

Спасибо Татьяна Щербина и Виктор Ярошенко за приглашение в качестве одного из вестников Европы на этот чудесный 20-летний юбилей (а в каком-то смысле и почти 220-летний - ибо журнал наследует Карамзинскому «Вестнику Европы», основанному в 1802 году, а затем Жуковскому и тд), за неутомимый труд землепашцев на едином поле культуры. не знающей условности государственных границ, за сам дивной красоты и вкуса журнал и отдельно за тех, кого довелось там увидеть и за ощущение непрерывности времени и пространства.

Аркадий Дубнов.....

Вести из Европы для «Вестника Европы»

Правильный праздник вчера сотворила Ира Паперная и сын ее Алексей, устроив в «Китайском летчике Джао-Да» действо во славу 20-летия возрожденного журнала «Вестник Европы», славного с карамзинских времен 200-летней давности.

И я там был и все такое... Потому что однажды был чести удостоен стать его автором.

Великий патриарх Александр Гельман, блистательная Татьяна Вольтская, легендарная Татьяна Назаренко, много еще других хороших людей тоже были, да...

Родители-возродители журнала Татьяна Щербина и Виктор Ярошенко, обозвав меня политологом, потребовали прочесть политинформацию о международном положении.

Как-то к объяснился, спасая честь старушки Европы.

Татьяна Вольтская.....

Спасибо Вите Ярошенко и Тане Щербине за то, что устроили 20-летие журнала «Вестник Европы». Праздник был замечательный - «Китайский летчик Джао Да» жужжал под потолком, и Катя Марголис прекрасная мерцала рядом, и мудрый Аркадий Дубнов там был, и обаятельный Володя Салимон, и яркий художник Таня Назаренко - да все, все светились неповторимо. Ну, и мечтали о несбыточном - что, мол, нужна, нужна России либеральная идея, для распространения которой и создавался 20 лет назад «Вестник Европы»....

* Карамзинские медали в честь основателя журнала Н.М. Карамзина решением учредителей журнала Е.Т. Гайдара, Е. Ю. Гениевой и В.А. Ярошенко вручаются с 2005 года. Лауреатами Карамзинской медали «Ad Nuncius Europae/Вестнику Европы» за эти годы стали: философ Г.С. Померанц, переводчик С.К. Апт, поэт и переводчик Гр. Кружков, режиссер А.А. Васильев, Дж. Робертс (Великобритания), правовед-социолог проф.А. Медушевский, С. Славич (Словения), социолог и экономист Михаил Борщевский, писатель С.А. Лурье, писатель Я.А. Гордин, директор библиотеки конгресса США Джеймс Биллингтон, историк Кароль Модзелевский (Польша), филолог, академик Вяч. Вс. Иванов философ Вл. Кантор; а теперь еще поэт В.И. Салимон, драматург А.Гельман и переводчик, издатель Димитрис Триантафиллидис (Греция).

Владимир Колязин . . . . .

Вечер юбилейный просто феноменальный ...
Приехав домой, пролистал номер, уразумел две вещи: 1. как я страшно от всего отстал, 2. как я сильно преуспел, ибо даже разок пролистав, отдаешь себе отчет в том, как мощно от этого номера голова идет кругом. Это пока лишь в двух словах самое главное. Может, со времен «Континента» и «Кюрбискерна» (левых в ФРГ) такого сильного журнала не было и нет пока. Виват!

Елена Криштоф, переводчик . . . . .

В наше трудное время! да еще со всеми несчастьями и болезнями... Журнал замечательный! Спасибо Вчера целый день читала....

**фотоальбом
Григория
Ярошенко
«Проект ЖД»**

